

Романос Юрий

Древние

Том 1

Семейные узы
Часть 1

18+

Юрий Романов

Древние. Том I.

Семейные узы. Часть I

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70622344
SelfPub; 2024*

Аннотация

Всё, что мы знаем о мире – иллюзорно. Начиная с этой книги, мы будем постепенно раскрывать завесу тайны над тем, как зародилась наша планета, как возникло всё сущее и есть ли Бог. А если есть, то откуда он взялся? Какие стимулы способствовали появлению первых людей и как протекал этот уникальный по своей природе процесс? Здесь, на страницах произведения, что вы держите сейчас на руках, я как непосредственный свидетель созидательных событий постараюсь описать вам всё максимально подробно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Всё или ничего	63
Глава 2. Кошмар наяву	218
Глава 3. Такова твоя судьба	333
Глава 4. Бросивший вызов	419

Юрий Романов
Древние. Том I.
Семейные узы. Часть I

*Первая часть произведения посвящается моей
Бабушке.*

Твоя поддержка очень много значит для меня.

Пролог

Если вы родились в семье, на гербе которой написан один из тех девизов, что часто встречаются в книгах известных философов, то вам несказанно повезло, а если же у вас и вовсе нет родословной, нет громкой фамилии, вы – никто. Казалось бы, так было всегда и везде, в любом государстве и во все времена.

Человек – единственное существо во Вселенной, который живёт для того, чтобы поработать и властвовать. Тень его эго распространяется далеко за пределы отчего дома, а амбиции, несущиеся быстрее коня, указывают ему путь, оставляя возникшему роль второго плана. Все разговоры о “всеобъемлющей человечности и безграничном милосердии, любви к ближнему и доверии” выдуманы сильными мира сего, дабы хоть как-то упорядочить хаос, и подготовить узду для своего жеребца. Находятся те, кто действительно этому следует, кто-то уходит в религию и пытается верить в то, что считает правильным, а кто-то и вовсе, величает себя богом и придумывает свои правила. Мир, о котором пойдёт речь в настоящей книге, некогда положил начало нашему с вами. Личности, что вершили судьбы тогда, сотни миллионов лет назад, уже давно ушли на покой. Но у прошлого длинная тень.

Решения, принимаемые первыми лицами, когда зарождалась сама суть нашей реальности, прочным слоем наклады-

вались одно на другое, основывая фундамент нового мира. Принято считать, что современному человеку предшествовали его далекие предки – обезьяноподобные, чуть ранее по планете гордой поступью хозяев шагали гигантские ящеры, именуемые динозаврами. Однако до исполинских драконов, над Землёй властвовали микроорганизмы. Так принято считать. Но кто вам сказал, что это правда? Быть может те, кому это выгодно? Кто знает истину и хочет утаить её, продолжая пользоваться её преимуществами?

Наш мир необъятен и загадочен, он имеет множество тайн, которые человеку не постичь за столь небольшой срок, отведённый ему на самопознание. Стремясь к небу всю свою жизнь, покоряя все новые и новые вершины, он ходит, всегда склонив голову к земле. Нас постоянно терзает противоречие между телом, что приковано к материальному и мыслями, или как некоторые скажут, душой, которая всегда стремится ввысь.

Увы, в мире, в котором мы сейчас живём, мы в значительной степени ограничены: мы не умеем разговаривать с животными, нам не подчиняются силы природы, нам нужен скафандр и ракета, для того, что бы вылететь за пределы родной планеты, в отличие от наших прародителей, для которых полёт в космос был таким же будничным, словно поход в магазин; для которых сон – был способом воплотить свои самые смелые фантазии, а иногда и материализовать их и узнать ответы на все свои вопросы; наши предки воздвигали

громадные сооружения, понятия не имея, что такое градус и цемент – они были истинными венцами творения природы. И достигалось это путём применения всевозможных магических чар.

Применение магии было ограничено лишь силой волшебника, как физической, так и духовной. Однако маги могли применять свои способности отнюдь не бесконечно. Энергия, из которой состояли любые чары, была ограничена миазмами. То были невидимые глазу, причудливые создания, которых видели за всю историю лишь единицы, но которые играли фундаментальную роль в производстве новых частиц энергии для пользования всеми живыми существами. Миазмы производили крошечные элементы этого мира, встраивая их в саму основу, в полотно мироздания, из которого после и формировалась магия, применяемая волшебниками.

Наряду со знакомыми нам отражениями природных явлений, существовала в мире и другая магия. И если бы адептов было всего семь, как сил в природе – огонь, вода, земля, воздух, молния, свет и тьма, то, возможно, у человечества ещё и был шанс. Однако наряду с привычными нам чарами, существовали и другие, в сравнении с которыми, силы природы казались банальными игрушками. Это были, так называемые, Великие Силы, в немногочисленную группу которых входили: сила мысли, души, энергии и пространства, а так же сила судьбы. Магия же эта принадлежала единственному волшебнику в поколении, аналогу силы которого не было

во вселенной. Именно поэтому большие игроки этой партии оставались в тени своих более ярких представителей.

Властители Великих Сил творили поистине грандиозные вещи: от искажения реальности, до произведения новых видов жизни; от копирования небесных тел, до создания собственных миров.

В первозданном своём виде, наш мир содержал в себе множество диковинных существ, растений и насекомых, которых мы не сумеем узреть ныне; ландшафты нашей с вами Земли дополнялись парящими горами, гордо возвышающимися над остальной поверхностью, плотными облаками, по которым можно было передвигаться и разноцветными, полупрозрачными океанами, вмещающими в себя бесчисленные подводные миры. Нашу зелёную планету в то время населяли два разумных вида: волшебники, владеющие силами семи стихий, и людьми, для которых магия была недостижимой. Эти две, столь непохожие друг на друга, но столь родственные по происхождению категории жили бок о бок. Испокон веков, не зная вражды чародей и человек помогали друг другу, делясь знаниями и опытом. Волшебники позволяли тем, кто не владел магией, взбираться на самые высокие обрывы и парить с них, словно птица; они доставляли людей на Луну, Юпитер, в различные галактики и неизведанные миры, — какие только уголки вселенной не исследовали те, кто не мог задержать дыхание больше, чем на пару минут; маги возводили громадные сооружения и передавали их людям в поль-

зование. Каждый из адептов своего культа старался привнести в этот мир что-то, что до него казалось невозможным. Важно было признание, всенародная любовь и поддержка. Люди же в свою очередь изобрели деньги – удобный способ торговли друг с другом. Они производили товары, так необходимые в повседневной жизни: еда, одежда, бытовые услуги, чем щедро и одаряли волшебников за проделанную работу. Повсеместно открывались магические школы, где обучали волшебству тех, кто им не владел, академии провидения и институты, принадлежавшие адептам разных культов. Наряду с обучающими центрами, создавались университеты, в которых преподавались математика, биология и астрономия, – науки, созданные теми, кто всегда стремился угнаться за невозможным. Потому что сколько бы усилий не прилагал человек, как бы он ни старался – овладеть даже мало-мальски простым чарам у него бы не выходило, – люди были не способны реализовывать магию. Рождённый в семье обычных людей был не в состоянии освоить искусство левитации, гипноза, подчинения или телепортации, и никакие обстоятельства не могли изменить этого. Так было заложено природой, так распорядились Великие Темпериды.

Однако ничто не вечно. Мир стремительно меняется и мы, невольно, тоже. Меняются времена, эпохи сменяют друг друга, наше сознание и декорации, что нас окружают, через 5-10 лет, кажутся нам бутафорией, ведь это было так давно. И в этом уже нельзя упрекнуть природу или Богов. Мы ме-

няем реальность вокруг нас, подстраивая её под свои нужды.

Можно годами строить дом, прибавляя к нему всё новые комнаты, облагораживая его и подбирая домашнюю утварь ещё добрые 10 лет, но хватит лишь одного дня, чтобы не оставить от сооружения камня на камне.

От первозданного мира, подаренного нам великими, не осталось ничего, за исключением его фундаментальных основ. Почувствовавшие абсолютную свободу и безнаказанность, волшебники, после ухода существ, что создали всё сущее, вскоре короновали самих себя, именуя “одарённых” от рождения правителями всего и вся. Когда Темпериды создали вселенную, они отправились на заслуженный покой, предоставив своим детям полную свободу, но правильно ли это? Не подав пример, не показав, как следует, что такое “хорошо”, а что такое “плохо”, пускать всё на самотёк?

Как известно, ничто не может сравниться по глупости и разрушительности с человеческой алчностью; жадность отдельного индивида снедает не только его самого, но и всех вокруг, а людской гнев, смешанный с заблуждениями и неутолимой жаждой признания – оружие, против которого у нас нет шансов. Суть человека заключается в постоянной борьбе за своё Я. В погоне за властью и самоутверждением, мы потакаем своей гордыне и подпитываем честолюбие, совершенно не обращая внимание на тех, кого мы могли ранить.

Наших далёких прародителей эта зараза не обошла сто-

роной.

Некогда процветающая планета, что была создана Высшими, ныне превратилась в рассадник лжи, нетерпимости и страха. Мирная и беззаботная жизнь закончилась тогда, когда небольшая часть огромного населения Земли решила дерзнуть своими правами на территории, ресурсы и влияние. Возомнившая себя богами, немногочисленная группа волшебников, начала обширную кампанию по уничтожению людей, искореняя лучшие умы и видных деятелей. Узурпаторам хватило одного поколения, чтобы развиться в исполинскую паутину, окутавшую всю зеленую планету. Начальный этап наступления чародеев заключался в поэтапном захвате всех правящих мест: от региональных, до государственных и ликвидации состоятельных людей, что имели в обществе большой вес, разрабатывая, таким образом, собственную сеть взаимопомощи.

Менее чем за десятилетие, идеология распространилась настолько, что её нельзя было искоренить, убрав деятелей, стоявших у истоков покорения человеческой расы. Волшебники, что ещё недавно ходили с последними рука об руку, в одночасье стали их господами. Никакие технологии не помогли людям отстоять свою свободу: на каждый меч приходился маг земли, что одним движением руки мог похоронить под толщами каменных глыб сотни солдат; на каждую стрелу приходился маг воздуха, обращавший тысячи выпущенных в небо лезвий обратно во врага; каждая пушка, выставленная

на шахматную доску, оборачивалась против хозяев, когда на поле боя выходил адепт стихии тьмы. Людей в этой неравной войне испепеляли огнём, замораживали, ослепляли магией света и расщепляли стихией молнии, пока в одночасье, звуки бряцающих орудий не прекратились – сопротивление было сломлено.

Вскоре, огромные кластеры магов, словно единая система с объединенным живым разумом, как ненасытное чудовище, которое пожирало все, что могло увидеть, разделили цветущий голубой шар. Высшее правление, Верховная Элита, Божественная власть – как бы не назывались правительства стран в те времена, ни один из этих режимов не был дружелюбен для человека. Выделяющиеся своими способностями маги были правителями мира, вершителями судеб. Разделив между собой видимую площадь, изрезав вымышленными границами земной покров, объединения чародеев боролись не за людей, а за влияние, территорию. Непонятно зачем и непонятно почему, по велению одного, умирать шли миллионы.

Остальные же расы, населявшие другие планеты нашей галактики, лишь искоса поглядывали на разгорающийся пожар, наивно полагая, что всё закончится скоро, что это не их проблемы и что события этого периода Земли лишь необходимый этап развития, который проходит каждое общество.

Все планеты Млечного Пути тогда ещё кружили вокруг Солнца, будучи в составе одного кольца, этого единого для

всех, циклопического диска, который ставил на одну траекторию все небесные тела. Солнце тогда лишь выступало светиллом, дарящим тепло и озарявшим собой все космические объекты вокруг равномерно, не сжигая их, как стало происходить значительно позже.

Давайте же вернёмся к тому, с чего всё начиналось, чтобы узнать как произошло это и многие другие события, которые мы наблюдаем и по сей день.

Наступили новые, тёмные времена. Родившийся в богатой семье, а это, как правило, были семьи волшебников, являлся с рождения неприкасаемым. Однако если в семье крестьян рождался ребенок – он был обречен всю свою жизнь работать на земле, без возможности однажды поднять голову. Люди ныне занимались грязным трудом. Им поручали самую опасную, самую тяжелую работу. Невольников загоняли на поля, в шахты, рубить лес и орошать плантации господ. Ежели раб более не был полезен, ввиду травмы, по старости, или по какой-либо другой причине, от него тут же избавлялись различными изощрёнными методами, в изобретательности которых волшебники соревновались с особым рвением. Развлечения ради, высокие чины устраивали публичные казни через повешение; топили заключённых в искусственных водах; привязывали под палящим солнцем к дереву, выпуская голодных зверей; и до смерти пытали, загоняя на вершину горы, призывая на бедолаг сотни, тысячи небесных разрядов...

Иногда несчастных ждала и не менее страшная участь – повозки до отвала забивали узниками и отвозили в мрачное место, перед монструозностью которого трепетали и люди, и волшебники: “Тихий лес”. Густой, непроходимый, заросший всевозможными дикими растениями, в котором кипела своя особенная, никем не исследованная жизнь. Территория Леса и несколько миль вокруг не принадлежали никому, поэтому туда свозили невольников со всей планеты. Лес служил местом принудительного захоронения несчастных. Наместники, феодалы и знатные вельможи, потехи ради нагружали конвой с заключёнными и под страхом смерти загоняли их в Тихий Лес.

На многие километры были слышны истошные крики несчастных, которые волей жестоких господ были сосланы на верную смерть. Никто точно не знал, что творится в этом лесу. Им ужасались и восхищались, его воспевали в мифах и о нем не говорили детям. Древнее зло, что, как считалось, обитало там с самого сотворения мира, создало отчуждённую зону внутри и вокруг себя: на территории Леса Тишины не действовала магия, а левитация была попросту невозможна. Ни один учёный того времени не мог объяснить феномен объекта, что не подпускал к себе никого, а те бедолаги, что по случайности или будучи принуждёнными попадали в это злчное место, испускали пронзительные вопли, что будоражили сознание, наводя страх на каждого, кто их услышит. Никто и никогда не покидал этот лес, а тамошние его

обитатели оставались привязанными к обители ужаса навеки. Волшебники пользовались своим господствующим положением и делали всё, что им заблагорассудится. Любые прихоти и капризы они привыкли исполнять сиюминутно: так и Лес Тишины стал в их руках простой игрушкой.

В сущности, волшебникам, чародеям, или как еще их называли Воланам, не было необходимости задействовать труд простых людей. Одним взмахом руки отдельные представители магов Земли могли вырыть ров глубиной в километр; усмирить тысячи горящих гектаров леса мог лишь один одаренный волшебник магии огня; справиться с исполинских размеров цунами, угрожавшим сотням жизней под силу было представителю водной стихии. Однако лишь людям ставились эти непосильные задачи и устранение их последствий. Сильным мира сего нужны были власть, статус и богатства. Королям жизненно необходимо тешить свое самолюбие, наблюдая как недостойный подметает двор у его замка, как тысячи детей трудятся на ткацких станках, что бы господин мог надеть изысканную мантию на царский прием; как сотни мужей гнутся под тяжестью железных оков в шахтах, чтобы добыть уголь, которым будут топить камин уютным зимним вечером властолюбивые лица.

Чародеи веками угнетали крестьян, пугая последних силой, сопоставимой с силой Богов, в которую необразованные крестьяне охотно верили. Владельцы сил природы редко применяли магию, она, скорее являлась гарантом безопас-

ности и сдерживающим элементом, однако если случалась стычка между правителями или некий феодал решал развеять скуку, он не гнушался задействовать волшебство, насылая на недоброжелателей землетрясения, смерчи и даже кометы из космического пространства.

Девять самых близких к нам планет Солнечной Системы к тому моменту уже были заселены людьми, однако ни одно общество не переживало столь ужасных и разрушительных событий и ни одно небесное тело не сотрясали такие войны, что сейчас происходили на Земле. То была катастрофа космического масштаба, имевшая долгоиграющие последствия.

Справиться с поистине божественной мощью для человека стало непосильной ношей. Спустя несколько веков, люди уже жили в обособленных, немногочисленных резервациях, на периферии различных королевств, выживая, разве что, за счет охоты и собирательства.

Люди прекрасно понимали, что были лишь пылью, которая лежит у сапог господ, что все их судьбы не стоят ни гроша. Казалось бы, ни единого шанса на перемену нет и быть не могло, поскольку большая часть людских общин смирилась, так как не видела иного выхода, несогласных же ждала мучительная смерть. Может быть, настал конец человеческой расе? Иначе откуда взяться силе, способной повернуть ход войны? Как правило, в мире действует закон: “если самому себе не помочь, никто не поможет”.

Это правда, что большинство людей смирилось со своей

участью – человеческая популяция вела счет уже не на миллионы, а на тысячи особей. Выжившие были сломлены, помня о страшных событиях в великой магической войне. Но человек не был бы человеком, если бы не имел встроенный механизм, буквально обрекающий его на выживание.

За пределами государств, в тесных подземельях, годами собирались невольники. Бывшие рабы имитировали свою смерть и уходили в партизанские движения, образуя целые подпольные кружки. Поставив во главу угла своей идеологии цель освободить население Земли от гнёта волшебства, они основали собственный пикет сопротивления. Повстанцы противостояли сложившемуся порядку, пытаясь донести до волшебников свою позицию путём силы. “Отряды Возмездия”, как они сами себя именовали, вели партизанскую войну на всех участках, подвластных чародеям. И чем жестче действовало государство, тем активнее проявляли себя крестьянские отряды. Возникшая на границе двух конкурирующих империй, небольшая группа, состоявшая из местных крестьян, за несколько вылазок привлекла внимание мировой общественности, а вместе с тем и разнесла весть о себе, когда взорвала центральный банк Акроса, города-столицы могущественного государства Касслов, считавшегося оплотом стабильности. Тогда на уши были подняты все слои высшего правления, не могли ведь это сделать люди, коих почти не осталось, да и откуда у оборванцев такие ресурсы? Значит предатель где-то рядом, или вовсе, на территорию

Кассловара проникли враги. И пока маги выявляли несуществующего предателя, прогремел второй и третий взрывы, уже в соседних королевствах. Весть о том, что между волшебниками разразилась полномасштабная война, облетела всю планету. Об этом знали все: от королевских придворных, до подсобных работяг в самой глубокой деревне. Среди низших слоёв населения активно распространялась весть о существовании могущественного подпольного отряда, что вершит правосудие во имя свободы.

Проблеск надежды побудил мужчин и женщин всех возрастов объединиться против общей угрозы. Повсеместно в ряды фронта освобождения вступали те, кто всё ещё был готов бороться. Вооружаясь пиками, мечами, самодельными метательными установками, бунтовщики, обычно глубокой ночью, нападали на поместья волшебников, сжигали их и грабили, а с их обитателями расправлялись отравленными стрелами. Люди координировали свои действия в немногочисленных подпольных штабах, которые, уже через небольшой промежуток времени, были разбросаны по всей планете. И, спланировав вылазку, на которой выбиралась цель, совет назначал время и решал, какое оружие будет задействовано. Со всей округи повстанцы сбегались к “точке”, именно так именовались усадьбы именитых волшебников. Последние всегда обитали каждый на своей отдалённой территории, имея дома в два-три этажа и громадные участки. Именно эта разрозненность магов и стала их уязвимостью.

На очередной ночной вылазке, целью “Отряда Возмездия” стало родовое имение семьи Шейн. В поместье обитало три человека: отец, мать и их пятнадцатилетняя дочь Эва, которой в будущем суждено было занять особое место при короле. Все они являлись представителями ветви древнейшего клана волшебников огненной стихии, ведущей свою родословную с первых представителей магии пламени на планете. Шейны вели активную дипломатическую деятельность днем, а ближе к ночи, члены семьи встречались в родовом особняке, где ужинали, устраивали час развлечений, а затем отправлялись спать. Такой умиротворенной и одновременно простой была жизнь волшебника того времени, не задействованного напрямую в эксплуататорстве человека. Однако та роковая ночь, в которую на Шейн было совершено нападение, разительно отличалась от предыдущих попыток повстанцев заявить о себе. Эта вылазка закончилась абсолютным провалом. Противоречивый исход этой битвы, изменившей течение всей истории, обрек мир на ещё большие потрясения в будущем.

730 год со дня основания мира (с.м) ¹ .

Когда однажды группа из тридцати мужчин под покровом ночи перебралась через высокий деревянный забор, нигде не горело огней. В том отряде участвовал и молодой конюх

¹ Более подробное значение и описание терминов “со дня основание мира” (о.м.) и “до основания мира” (д.о.м.), а так же многих других, см. в книге “Древние. История Вселенной”.

Бавен, отправившийся на задание, однако, не в первый раз. Каждого из членов группы связывала друг с другом ненависть к правящему классу и каждый из них в той или иной степени пострадал от руки волшебника: кто-то шёл мстить за родителей, кого-то чародеи лишили детей, а у кого-то и вовсе отобрали жизнь, оставив умирать на улице.

Отцу юного Бавена отрезали мизинец и безымянный палец руки, когда мужчина встретился взглядом с наместником, что было категорически запрещено: два раза в месяц, когда сборщик подати отправлялся в поселение, крестьяне обязаны были выйти из своих домов и подготовить монеты к сбору. Ожидать прибытия хозяина было предписано, преклонив голову к земле. Не важно, болен слуга, или старость не позволяла телу пребывать в унижительной позе, – за неподчинение жестоко карали. Не было поблажек, если человек испытывал зуд, боль или ему срочно требовалась помощь: имперские стражи были обучены действовать радикально, вплоть до мгновенной расправы над провинившимся. Двигаться позволялось только тогда, когда сам наместник протягивает руку за мешком с деньгами и когда его фигура покидает регион. Мужчины, женщины, их дети и пожилые люди, все были одинаково равны перед орудием смерти, все они считались такой же собственностью, как мантия, стул или стол.

У юного Бавена были и более веские мотивы – отомстить за двух своих братьев, которые погибли на одной из вылазок:

повстанцы, с их устаревшими орудиями и скудными знаниями о противнике, попросту не могли знать о тонкостях того, с чем имеют дело. Волшебник водной стихии, в дом к которому бунтовщики в тот день ворвались, оказался гораздо более искусным чародеем: солдаты отряда не учли, что, как и технологии людей, так и магия властвующих постоянно улучшается. И все разговоры о некоем «апогее» силы с каждым днем становились все громче. Магия воды уже более не была чудом. Владение ей подразумевалось как само собой разумеющееся. Теперь, чтобы называться властителем водной стихии, необходимо было показать умение обращать воду в лед и испарять её, растворять облака в небесной тверди и верховодить над организмом, путём контроля воды в нем. Sensацией в водной отрасли стала «Общая магия жидкости», благодаря которой волшебники этой силы природы могли управлять абсолютно любым объектом, в котором присутствовали частички воды. Данное открытие поставило адептов водяной стихии на ступень выше их современников, сделав одними из самых могущественных колдунов на Земле, ведь жидкость присутствует в клетках каждого организма.

Отряду Возмездия, что двигался в тот вечер по направлению к цели, неоткуда было знать подобное, – они были вооружены тем, с чем ещё их предки ходили на охоту: копья, луки и самодельные ручные подобия пушек. Тогда никто и не подозревал, с чем придется столкнуться этому немногочисленному отряду. Первую неделю после бойни родные

погибших попросту не могли опознать членов своих семей. Волшебники проявили в тот вечер зверскую жестокость и изуродовали тела нападавших так, что выяснить кто есть кто не представлялось возможным. У одних солдат были вывихнуты кости, словно они всегда ходили задом наперёд, у других полностью обезвожены тела, точно у скелетов, обтянутых кожей, а у третьих и вовсе не было конечностей. Братья юного Бавена затерялись где-то среди этих несчастных и найти их не представлялось возможным, – ведь их лица, как лица их сотоварищей, были предварительно обезображены. Всех мёртвых собрали в кучу, словно ненужный сор и единым порывом сбросили в океан. Бавену в тот день не позволили уйти на задание, так как необходимо было следить за беременной матерью – её состояние с каждым днём становилось всё хуже. Он проводил с ней почти все время. В небольшой, покосившейся лачуге, с забитыми на зиму окнами и ютились пятеро членов семьи. Ныне – трое.

Сейчас же, мальчишка тайком пробрался в придомовой сад Эвы, юной волшебницы, которая была его тайным, запретным другом. Однажды, познакомившись на рынке, где юноша собирал мусор, а девочка навещала отца – крупного помещика и учёного, они стали неразрывными друзьями и вот уже несколько лет они в тайне ото всех назначают место встречи где-то на отдалении, чтобы никто не догадался, что обычный человек и волшебник могут общаться на равных, радоваться вместе и делить одни моменты на двоих.

Едва протиснувшись в узенький проём калитки, которую для него заранее приоткрыла Эва, Бавен огляделся. Справа и слева – громадные владения, эти обширные территории аристократов, которые они никогда не обойдут за всю свою жизнь, сзади – дикая природа, а спереди, его было видно ещё издалека, величественно возвышалась обитель четы Шейн, – громадный, двухэтажный особняк, с непомерно высокими потолками, что были, казалось, по три метра высотой. Окна этого сооружения были симметричны и изящно обрамлены крохотными статуями величайших деятелей той эпохи; подобие колонн, что находилось по бокам этих окошек, создавали мнимые рамки – дверцы в удивительный мир богатого убранства. Бавену подобное могло лишь сниться. Каждый раз Эва, путём волшебства, рисовала в его голове карту местности и то, как выглядят дома вокруг, но юноша каждый раз дивился им, видя всю живописность природы вокруг воочию.

– Ты как? Не встретил кого по пути? – Мягкий девичий голос из кустов заставил юношу встрепенуться и тот застыл на полпути к особняку. – Нас могли услышать, кажется.

– Вроде нет! – Юноша достал из-за пазухи припрятанные карточки, которые ему некогда подарила Эва.

Девушка коснулась плеча в серой накидке. Бавен часто надевал её, говорил, что она принадлежала некогда его старшему брату, а до этого их отцу. В сущности, весь выбор одежды рабочего тринадцатилетнего юноши состоял из потёртого

синего наряда из коротких брюк до щиколотки, поясной сумки и коричневой шапочки с твёрдыми краями, что защищала от солнца; и вторым комплектом был этот серый костюм из хлопка, где верх представлял собой однотонную блузку с длинным рукавом и кожаный жилет, а низ – из хлопчато-бумажных бриджей без карманов, где громоздкие тканевые башмаки подчёркивали комичность старого одеяния.

– На чём остановились? – Протороторила Эва полушёпотом, едва они отошли от высокого забора владений Шейн.

– Не помню, начнём заново!

– И так каждый раз! Мы только доходим до середины, наступает утро и тебе пора уходить! – Бавен и Эва каждую ночь, встречаясь у владений её семьи, куда юноша добирался через холм Арканда – то был громоздкий земляной вал, отделявший деревню Бавена от самой близкой к ней точки – поместья магов. Он сбегал из дома до рассвета, пока не встанут первые жители поселения. Матушка Бавена знала про это, но не запрещала сыну видеться с волшебницей, скрывая от отца мальчика каждую его оплошность. Она всегда была добра и мягка с ним, в отличие от тирана отца, что не считал нужным общение с ребёнком, задействуя лишь грубую силу.

Пока они шли, рука об руку, болтая о том и сём, солнце уже окончательно зашло за горизонт, а это значит, что у юных Эвы и Бавена оставалось ровно шесть часов на игру. Они немедля заняли свои позиции. Эва возвела из земли небольшую беседку, чуть поодаль от поместья, с помощью

магии согрела и осветила её, разложив перед этим игровые принадлежности, – небольшие картонные прямоугольнички с расчерченным полем и нарисованными картинками на них.

– Принёс? – Вдали от всех, в этой глуши, где никто их не слышал, голос Эвы обрёл привычную ему звонкость и задор. Бавену очень нравилось, когда она смеялась, заливаясь краской, как прикрывала тонкие губы, в моменты бурного веселья и прижималась к нему, когда они шли под утро, к её особняку. И сейчас, когда Бавен, роясь в своей, покрытой заплатками сумке, с ужасом понял, что забыл взять хлеб и те несколько сушённых рыбок, которые так старательно готовил к их встрече. Заметив, как брови Эвы начинали нахмуриваться, юноша стал усерднее искать пищу в отсеках своего рюкзака. И к их общему счастью, наконец, рыба и скомканный в ткани хлеб попались в ему в руку, запав в самый дальний отсек сумки. Бавен так старался поскорее обрадовать Эву, что не рассчитал силы и так дёрнул свёртки, что заветная еда повалилась на землю. Бавен замер, ему было так стыдно, что он не мог повернуться к ней.

Внезапно, Эва засмеялась

Они долго играли в Маншин, почти до самого утра. Когда первые лучи весеннего Солнца коснулись её макушки, Бавен спешно протороторил, что пора идти, что отец в это время зовёт его на охоту, чтобы из близлежащих лесов выудить хоть какой-то еды. Она нехотя отпустила его, но какое-то чувство словно не покидало Эву всё время, пока они

были вместе, – она видела в его глазах печаль.

– Я обязательно заскочу завтра!

Эва немного помялась на месте и сорвала близ растущий цветок.

– Только поспи сегодня хорошенько, второй ночи без сна ни я, ни ты не вытерпим, – она захихикала, а щёки её налились алой краской.

Пока отец добывал пищу в близлежащем лесу, Бавен тщетно пытался развести огонь из пары клочков бумаги, засунув их в отсыревшие брёвна. Бледная, худая женщина расположилась на маленькой трёхногой кровати, укутавшись в драное одеяло в лоскутах. Она прижалась к изголовью ложе, сжимая пожелтевшую простынь – ей было больно. Бавен не прекращал попыток разжечь камин, как вдруг мать подозвала его тихим, едва слышным голосом:

– Бавен, сынок, подойди ко мне.

Мальчик сорвался с места, разбросав влажные дощечки по полу. Он подбежал к матери и прижался к вытянутой руке – она была холодной. Выдавая тревогу, вперемешку с отчаянием, большие зелёные глаза с трепетом всматривались в родителя. Сердце билось бешеным ритмом, а губы дрожали.

– Я сейчас попробую ещё зажечь, потерпи, пожалуйста, ещё немного. – начал оправдываться мальчик.

– Да ну что ты – Корвеция улыбнулась своей чистой, добродушной улыбкой и протянулась к сыну второй рукой. Пот

ручьями стекал с её лба, но пальцы ледяными касаниями отпечатывались на щеках и лбе юного Бавена. – Все хорошо, я в порядке.

Мальчик опустил голову, обеими руками прижимая ладонь женщины к губам. Ему казалось, словно всхлипываний недостаточно, чтобы понять, что он сейчас чувствовал. Попытки скрыть эмоции, как учил отец, не увенчались успехом.

– Скажи, а у меня будет братик или сестрёнка?

– У тебя будет братик. – Корвеция положила руку на живот. – У тебя будет маленький братик.

– Откуда ты знаешь? – наивно спросился мальчик.

Женщина вновь улыбнулась своей открытой, светлой улыбкой. Бавену всегда казалось в такие моменты, что мама – самое чистое, солнечное и искреннее существо, спустившееся с небес, чтобы подарить этому миру давно позабытую им любовь. И сейчас, мальчик испытывал к ней самые восхитительные чувства, на которые человек только способен. Он был благодарен ей за её доброту, за её нежность и тепло, с которыми она всегда обращалась к детям. Материнские объятия с лихвой компенсировали отцовскую жестокость. Он нежно приобнял матушку и поцеловал в щеку, затем выпятил грудь вперёд и горделиво заявил:

– Однажды... Однажды я куплю нам большой-большой дом. – Женщина засмеялась. – Мы будем жить на берегу залива, и волшебники никогда нас не достанут. Я буду сильнее их. – заявил юный Бавен со всей серьезностью. Его лицо пы-

лало уверенностью. Фантазии, что мальчик держал в голове, стали для него реальностью. Он вновь прильнул к руке матери.

Корвения улыбнулась, но в её улыбке проглядывалась грусть. Внезапная боль заставила её руку сжаться. По щеке юного Бавена пробежал ток. От неожиданной рези, тот отпрянул назад. Мальчиком овладела паника, он не знал, что делать, и завидев, как мать забилась в агонии, невольно попятился к двери. Женщина судорожно цеплялась за подол и стенки кровати в попытках совладать со своим телом. Вскоре, к страшному зрелищу прибавились и протяжные, хриплые стоны, которые она издавала каждый раз, с силой впиваясь в кровать.

– Бавен, сынок... – каждое слово Корвении давалось невероятно тяжело. Она задыхалась, хрипела и извивалась, словно в неё вселился дух. Мальчик пытался побороть в себе боязнь и робкими шагами стал двигаться по направлению к матери, но страх сковал все его существо: ноги дрожали, а сердце предательски отбивало барабанной дробью в уши.

– Да, м-мам-мочка... – заикаясь, пролепетал Бавен. Ноги сами понесли его к родителю, когда послышался мягкий, такой желанный голос. Он схватил мать за руку и тут же почувствовал сильное давление в ладони. Не подав виду, он смотрел на эту гордую женщину: сильная и бесстрашная, она всегда была для него примером, и даже сейчас мужественно проходит это испытание, преодолевая боль, что терзала её не

первый день.

– Я тебя... Я тебя люблю. Что бы ни случилось, береги его – сквозь зубы проговорила Корвеция с улыбкой, рождённой в агонии. По холодным щекам потекли слёзы, сопровождаемые пронзительным криком, окутавшим собой небольшую хибару.

В тот момент, в голове Бавена застыл его собственный крик “Мамочка!”, зачем последовал долгий, раскатистый плач его новорожденного брата.

– Пожалуйста, подай мне его... Скорее...

Мальчик пробудился от ошолобления и тотчас потянулся к сморщенному, фиолетового оттенка младенцу. Укрыв его поправшимся под руками тряпками, он аккуратно передал свёрток матери.

В тот момент, когда истощенная женщина взяла на руки новорожденного сына, её губы едва прошептали «Ро-кхид». Это имя прочно въелось в голову юному Бавену, который провел с матерью последние часы.

– Береги его... – хрипя и откидывая голову на подушку, шёпотом произнесла Корвеция. – Никого роднее Рокхида у тебя не будет. Береги, бе-ре-ги...

Едва сдерживая слезы, мальчик обнял посиневшее тело матери и влажные губы коснулись ледяной щеки. Сквозь пелену на глазах, виднелось шевеление – маленькая ручка внезапно схватила потертый рукав. На груди женщины во всё горло кричал его маленький брат. Словно не обращая на это

внимания, Бавен поднял материнскую руку и положил на себя, аккуратно устроившись подле остывающего тела.

Послышался звук шагов, и громкий шум заставил мальчика вздрогнуть. Малыш Рокхид уже прекратил плакать. Будучи закутанным в одеяло, младенец что-то с затеей разглядывал в потолок, время от времени улыбаясь. Бавен потёр глаза, и аккуратно приподнял руку матери – она по-прежнему была холодной и мальчику на секунду показалось, что она лишь замёрзла. Он робко окликнул женщину, что сейчас обездвижено лежала на кровати рядом с ним, но ответа не последовало.

Одним мощным ударом, дверь в хижину отворилась и показался высокий, крепкий мужской силуэт. Завидев внутри младенца, он двумя гигантскими шагами пересёк крохотную лачугу и остановился у кровати, вновь осмотрев жену и сыновей. Рослый, грубый мужчина отвернулся. Бавен увидел, как тот сжал ладони в кулак, а спустя мгновение вновь перевел глаза на мальчиков. Тряпичный рюкзак, с которым он пришел с охоты, с шумом ударился о прогнившие доски, казалось, едва не проломив их. Мужчина невозмутимо, с привычным хмурым лицом, наклонился, коснувшись губами бледного лба жены.

– Папа...

В ответ молчание. Мужчина еще долго смотрел на свою жену, прежде чем обратиться к Бавену. Он томно поднял руку с Корвеции и потянулся к младенцу.

– Мир тебе...

– Папа...

Мужчина поднял глаза.

– Я хотел сказать... – Бавен быстро вытер покатившуюся каплю.

Мальчик старался не показывать родителю своих слёз. Тот не любил проявлений «слабости», коими называл эмоции. Мужчина, женщина или старик, никому не стоит поддаваться сиюминутным порывам и выдавать, что таится в душе. Собственно, так и жил и этому учил бывалый военный своих детей. Для маленького Бавена отец являлся авторитетом, перед ним, мальчик старался вести себя так, чтобы заслужить похвалу и одобрение.

Утерев грязным рукавом текущий нос и стараясь спрятать покрасневшие глаза Бавен, как только отпустил маленькую ручку Рокхида, сглотнул подступающий к горлу ком. Он вскочил с кровати и осанкой опытного солдата встал перед мужчиной, заявив отцу, что отправляется на следующую вылазку повстанцев.

– Куда же ты пойдёшь? – саркастично, но всё же не меняя мины, заявил Колвен.

– Сегодня ночью состоится сходка членов Отряда. Я иду...

– Нет.

– Я должен отомстить за мать!

– Не носи ерунды. Твоя мать погибла при родах, а не от

рук волшебника – Нервно продолжал отец.

– Если бы не эти люди, то мы бы не жили так!

– Замолчи.

– Мы бы не жили как черви, боящиеся выйти наружу!

– Я сказал замолчи! – мужчина повысил голос и обернулся на сына. – Ты ещё сопляк. Посмотри на себя. – Он уж было собрался подняться, намереваясь отвесить непослушному отпрыску подзатыльник, как это происходило в подобных случаях, однако Рокхид издал пронзительный крик. Колвен, нехотя, вернулся к младенцу.

– Тебе... тебе меня не остановить. – От страха, мальчик стал заикаться. Его губы дрожали. Он невольно отступал, когда замечал на себе тягостный взгляд сурового родителя.

– Я сказал... – голос отца становился всё громче, вскоре переходя на крик, что, казалось, вот-вот перебьет младенца. – Ты остаешься здесь! Не хватало ещё и тебя потерять!

Бавен был напуган. Его багровое лицо надулось, словно шар, готовый вот-вот сдуться и излить всё, что было внутри. Однако, чтобы не сыскать новых проблем и не раздражать лишний раз отца, в пустоте раздалось скупое “Хорошо”.

Мальчик до смерти боялся гнева Колвена, но несмотря на это, им двигало снедающее чувство мести и обида на последнего. Казалось, будто бы отец струсил, раз не хочет воевать. Не сказав ни слова, этой же ночью, Бавен бесшумно прокрался мимо спальни родителей, лишь изредка поглядывая на мирно спящего брата.

Ему хотелось забыться, выкинуть из головы все терзающие воспоминания, вырвать с корнем всё, что изъедало душу, заглушить крики брата, осушить слёзы его матери. Мама. И тотчас он бросился в рыдания, сам того не замечая, как несётся по деревенской улице, зажав рот рукой. Бавен едва видит, куда направляется, лишь слабые очертания местности, эти ветхие дома, что были здесь из покон веков и то расположение всех улочек, что Бавен знал с рождения, сейчас вспыхивали в глазах, которые нарочно покрывались слёзной оболочкой, только мальчик их вытер.

Почему он ничего не может делать? Почему Почему мама должна была погибнуть? Почему случилось то, что случилось? И где взять силы жить дальше? А есть ли после всего этого смысл? – Бавен бежал, не зная куда. Темнота поздней осени уже окутала всё вокруг и выпустила злые ветра; на небе кучковались тучи, стучаясь друг о друга и издавая недовольные звуки. Закапал дождь. Из раза в раз, ледяные капли, словно иглы, поражали руки, грудь и лицо разгорячённого Бавена.

Он внезапно остановился. Куда идти? Что делать?

Единственные теплые воспоминания, не омрачённые горечью утраты или ранящей скорбью, всплыли у мальчика в голове. Остановившись под чьим-то хлипким навесом, Бавен опустошёнными глазами взирал на всё усиливающийся ураган. На соседней улице, напротив него, меж двух дальних хижин, где жили знакомые его семьи, с грохотом упа-

ло столетнее дерево; мойщный тайфун сорвал с крыши домишки неподалёку первый слой кровли; под самим же навесом, где мальчик переждал бурю, зашаталась единственная тоненькая, подтёсанная балка, что держала деревянную его крышу и Бавен поспешил убежать. Он бежал вперёд сквозь шквальный ветер, сквозь ранящие игры дождя, через увязную в грязи дорогу в деревню наружу. Вне этого проклятого места, туда, где его ждут, где он всегда мог укрыться. К этим светлым глазам, ясному очертанию лица и тёплым рукам.

– Эва – сорвалось с губ. И юноша вновь промчал через лес, невзирая на гневные небеса которые, казалось, так же как и он, скорбели по Корвеции.

Он уже был у ограды, когда завидел в широком окошке её башни тонкую фигуру. – Эва – вновь проговорил юноша, улыбнувшись ясной, очищающей улыбкой. Она резво помаяхала ему и поспешила открыть окно, а он покорно стоял у высокого забора, одуваемый колючим, порывистым ветром и нещадно обиваемый небесным ливнем, но счастливый. Возможно, впервые он почувствовал сейчас к Эве что-то большее, чем дружеская привязанность, больше, чем отдушина после истязующих рабочих дней юного батрака, и больше, чем глоток свежего воздуха в безнадежной жизни человека, обречённого жить под гнётом волшебной руки.

Она проскользнула через небольшую защёлку – словно прошла окно насквозь, плавно избавилась от дождя, возведя, сиявшую, среди наступившего мрака, нежную белую руду.

ку. Она пробежала по небу, как белёсое облачко, рассеявшая густую, мрачную бурю вокруг них двоих. Эва стояла против него, сияющая, и её кожа; её девичьи глаза выражали то, что его душа хотела ей сказать, – обнять её, открыть свою душу, высвободить ей, этой хрупкой девочке всю свою боль, которая сейчас выдавала себя краснеющими щеками. И чтобы она поняла его, приняла и помогла освободиться от той терзающей, раздиравшей сердце боли, что нахлынула на него с приближением Эвы. Её мягкий, успокаивающий и ласковый голос напомнил ему голос матери. Он замер.

Бавен не мог больше держаться. С каждым приближением Эвы мальчика охватывало волнение, которое рвалось наружу. Сцена смерти его матушки, погибшей в муках; ненавистный Рокхид, из-за которого она погибла; отец, что совершенно его не понимал и жил, казалось, одной работой и то, что ему, тринадцатилетнему юноше, потерявшему всех, кого он любил и не видевшему будущего, скорее всего, уже не жить, – теперь это было бессмысленно. Зачем? Зачем жить дальше? Самого близкого человека больше нет и не будет; судьба сыновей батраков предрешена ещё до его рождения, – Бавен либо будет казнён за попытку бежать, либо будет до самой старости пахать на каменоломнях, чтобы в конце жизни его скинули в человеческую яму или того хуже – отвезли в Лес Тишины, где его разорвут на куски тамошние чудовища; да и что скажет Эва на то, что тот, кому она безгранично доверяла и вверила бы безмолвно свою жизнь, состоит в

Отряде Возмездия?

Внезапно, последняя мысль заняла всю его голову, вытеснив боль и ненависть. Теперь его начала терзать злоба к себе. Ему стало вдруг жутко противно от того, что он лгал ей всё это время. В те моменты, когда Эва бежала ему навстречу, раскрывая руки и распахивая сердце, он стряхивал с себя воспоминания о расправе над её собратьями и шёл к ней, как ни в чём не бывало. И сейчас, когда она в очередной раз доверчиво обращается к нему душой, он не смог броситься к Эве на встречу.

Показная улыбка, что коряво висела на его лице, стала ей более очевидна с приближением. Бавен был не в силах посмотреть в её ярко-голубые глаза. Помедлив с секунду, он круговым движением развернулся и стремглав помчался прочь. Эва стояла у высокого забора, омываемая хлёстким ливнем. Она перестала сдерживать дождь и ещё долго простояла, прежде чем её окликнули слуги.

Бавен мчался по знакомой ему дороге, – ноги сами несли его. Сам не заметив как, мальчик очутился около старого амбара. Вывески не было, следов предыбвания людей – тоже. Бавен не понимал, что делает и куда идёт, но завидев за отворённой дверью стог сена, тотчас бросился на него. Схватив охапку колючей массы, он прижал её к себе. Соломнки впились в кожу, залазили под одежду и вездесущий ветер, уже до посинения измучивший босые ноги, подступал к телу.

Бавен был измучен. С последними словами о матери, ко-

торые мальчик шептал в бреду, он окончательно поддался сну. Мальчишка, сквозь полузакрытые веки видел, как дверь в амбар отворилась и невысокий, тонкий силуэт проредил собой серость дождливых туч. Мягким, плавным голосом отдались желанные слова, от которых мальчишка резво подскочил.

– Бавен, сынок! – Исхудалые руки Корвеции замёрзли от ветра и дождя, а тонкое платье, в котором она была в этот морозный день, развивалось под напором урагана. Не медля, Бавен помчался в распахнутые объятия матери. На пути к Корвеции он споткнулся, ударился о лежащую балку, но тотчас встал и, постоянно вытирая рваным рукавом непрекращающиеся слёзы, уже почти настиг матушку, чьи влажные глаза он так же сумел разглядеть, как внезапно на животе Корвеции возникло чёрное пятно, размером с монету. Оно стало так стремительно расширяться, что уже практически вплотную подбежавший Бавен резко отшатнулся. Чёрное пятно обернулось в одночасье зияющей дырой в животе Корвеции. Обугленная плоть внутри всё расширяющегося круга, словно в окне, показывала бушующую стихию за дверью. Бавен невольно попятился назад, когда за силуэтом хрупкой женщины появился гигант. Сверкнувши золотистыми глазами, волшебник схватил Корвецию за голову. – Сынок. Сынок! – Завопила женщина. – Почему ты ничего не сделал? Почему?! – Волшебник тотчас выпустил пламя такой силы, что в течение нескольких мгновений от истощён-

ного тела не осталось ни горсти пепла.

Бавен пробудился от собственного крика.

Перебарывая дрожь, помутневший разум и рвущийся наружу крик, юноша в приступе гнева сжал кулаки. – Я сделаю, мама.

Без единого шума юный повстанец проник в крохотную пристройку отцовского дома. Схватив деревянное копьё и сумку с разноцветными склянками, что он припрятал по наставлению командира отряда, мальчик накинул на себя плащ одного из братьев, который он всегда брал на задание. Выскользнув спустя несколько минут, он бежал настолько быстро, боясь опоздать, что на мгновение показалось, будто бы сама магия воздуха безудержно тянула ноги вперёд. Солнце ещё не пустило по небу первые лучи, – время есть.

В лицо дул ледяной ветер поздней осени, донося, однако, сладостный запах усеянного палианами² поля и мир вокруг блистал своей первозданной красотой. Здешние леса открывались во всем своем девственном великолепии, и горе, пережитое накануне, казалось, вот-вот растворится в безмятежности чудных краёв. Ноги нещадно тащили молодого воина вперёд, но разум всеми силами желал остаться. Бавен

² Палианы – осенние цветы с крупными, достигающими метра вширь, бутонами, что держатся на тоненьком стебле, обычно не больше двадцати сантиметров. Палианы испускали медовый запах, и издали напоминали скопление лавандовых кустов, нежели самих себя. Но крупные линии внутри цветков, что калейдоскопом ложились на предыдущие, создавали впечатление сотен разбросанных ярко-фиолетовых подушек на чёрном, промёрзлом поле.

старался как можно больше насладиться мгновением: сладким запахом цветов, разноцветными насекомыми, порхающими тут и там, многолетними дубами, что бурно шелестели, поддаваясь мягкому напору игривого ветра.

“Только бы не опоздать!”

Повстанцы условились встретиться у болота неподалёку от поместья волшебников, чтобы сгруппироваться и повторить план. Низкого роста, седой мужчина муторно проговаривал правила безопасности и делился боевым опытом.

– Все мы дети природы, друзья мои! – Заявил старик громко, раздвигая руки в стороны, словно пытаясь объять окружающий отряд, с благоговением улавливающий каждое его слово. – Я, вы, те ублюдки, что сделали нас такими... – Он указал на пустую глазницу. – Они тоже дети природы, хоть и позабыли об этом. Так вот я скажу вам: единственное в этой жизни, на что можно полагаться – так это вы сами! Доверяя своим инстинктам, вы выказываете доверие нашей матери – природе! – Военный поднял указательный палец вверх. – Боги простят нам наши ошибки, мы не совершенны, и они это знают, но они не простят нам упущенных возможностей, что даются далеко не каждому! – Инстинкты в нужный момент подскажут вам, как поступить, если вы запутались, если вам нужна помощь или вы стоите на пороге смерти – закройте глаза. Я говорю вам, закройте глаза! – Своим грозным оком он оглядел каждого, и смотрел, пока

не удостоверился, что закрыли глаза все. – Лишившись возможности видеть... – Внезапная улыбка разделила грозную речь пополам. – Вы услышите истинного себя. Этот Вы всегда знает, как действовать, когда зрение предательски потакает врагу – страху. Этот ответ и будет тем, за чем вы должны последовать, помните, братья и сестры! Доверяйте себе!

– Риц! – послышалось откуда-то с дальних рядов.

– Да.

– Как быть, если страшно? Ну, я, это... Мне бывает страшно начать и... – Вокруг послышалось гоготание и тихие смешки. Толпа стала тесниться, горя желанием увидеть мужчину, что задал вопрос.

– Ничего смешного в этом не вижу! – закричал командир во весь голос. – Страх – отличный слуга, но плохой господин! Управляя этим грозным оружием, можно достичь любых целей и победить любых врагов, но если вы хотя бы раз... – Он вновь окинул каждого из присутствующих зорким оком. – Хотя бы раз дадите слабину, он это почует и немедленно возьмёт над вами верх! Потом от страха уже будет не избавиться. Он прочно вонзится в ваше сознание и будет пожирать его, словно коршун добычу, а если вам не повезёт, то ещё и сдохнет там... – Риц вскинул руки и резко ударил себе о бока. – Сдохнет и будет гнить! Гнить, превращая ваш мозг в вонючую жижу, тянув вас за собой! Так что, кому смешно? – Ледяной взгляд пал на каждого из членов отряда. Старик тяжело дышал. После пламенной речи раздалась бурные

аплодисменты, до которых старику не было никакого дела. – Хлопать вы хлопаете. – пробубнил почти шёпотом тот. – А что у вас отложится потом... – Повстанец оглянул запыхавшегося мальчика, стоявшего в центре толпы с подратой сумкой в руках.

– Ну наконец-то! – Поспешил Риц, хватая сумку у Бавена. – Всё, надеюсь, взял?

Юноша боязливо кивнул. Кураж ото сна и остаточные эмоции сейчас покинули его и он робко отошёл в строй.

Получив указания, повстанцы стали стремительно огигать холмик, за которым уже виделись очертания поместья волшебников. И, хотя на улице стояла кромешная тьма, каждый из членов отряда расположился на заранее оговорённой позиции, к которой смог пробраться благодаря множествам меток на земле. Юному Бавену было велено встать у въездных врат и убивать каждого, кто пытался бежать. Происходящее пробегало перед глазами мальчика столь стремительно, что тот не успел встать на свою точку, как действие уже началось.

Пока передовые части отряда босиком миновали ограды, задние уже начинали массированный обстрел деревянного сооружения огненными стрелами, заряды для которых брали из свёртка, что принёс Бавен. И когда передовики замыкали кольцо, они также брались за луки. Только сейчас, когда небо над владениями магов стало багроветь, юноша с ужасом для себя обнаружил, что его отряд атакует поместье семьи Шейн.

И на небольшой пристройке в виде деревянной башни, где была усыпальница Эвы, сейчас начинало свой разрушительный танец синее пламя.

Повстанцы образовали собой плотное кольцо для всестороннего обзора. Каждый из них превосходно владел луком, мечом и копьем. То были первоклассные солдаты, гордо шедшие на смерть за свою свободу.

Когда последняя зажжённая стрела коснулась деревянного дома, за считанные секунды крышу, стены и постройки вокруг охватило пламя, бушующее, всепожирающее пламя, которое разрасталось с каждым мгновением. Воинственные выкрики членов отряда и звуки бьющихся стекол переполошили весь дом. Прислуга и стража, что были внутри, первые принялись тушить пожар. Сначала кухарка и двое стражников побежали к колодцу с несколькими ведрами, чтобы набрать воды, за ними последовали лакеи, которые выбежали разведывать обстановку снаружи – ведь изнутри дом был по-прежнему цел, значит угроза пришла извне. Как только заспанная прислуга выбежала из горящего помещения, то мгновенно упала наземь, погибнув от стрел лучников из “Возмездия”. Глава этого отряда приказал не оставлять никого в живых. Но для прислуги они использовали обыкновенные стрелы, для самих же магов они приготовили специальный отравленный раствор, в который макали острие. Одной капли сока Макеи огненной³, хватило бы, чтобы убить

³ Макея огненная – каменное растение, представлявшее собой несколько твёр-

кита. Мятажники рассчитывали на быструю вылазку, потому действовали решительно и старались не делать лишних действий. Яда одной стрелы было достаточно, чтобы лишить жизни противника за считанные секунды, что и произошло с главой семейства. Видя всю зарождающуюся панику вокруг, Роммар, накинув на себя плащ, стремглав выбежал из дома, и тотчас воспарил в высь. Для волшебника искусство левитации было столь обыденным, сколь для нас с вами ходить и говорить.

Роммар, не мешкая, развел руки в стороны и пламя, бешеное, хаотичное, словно дракон, внезапно замерло. Маг яростно закричал и тотчас стихия покорилась своему хозяину: пожар стал быстрыми темпами уменьшаться, хиреть и потянулся небольшим потоком к своему повелителю, за мгновенье приручившему его. Маг сконцентрировал красный хаос вокруг себя и намеревался выплеснуть всю свою ярость на обидчиков, однако их было не так-то просто выявить в темноте. Хотя гигантское пожарище осветило территорию вокруг, повстанцы виртуозно скрылись за постройками и окружавшими поместье деревьями. На секунду Роммар замешкался, поскольку найти во мраке цель не представлялось возможным. В одночасье, с разных сторон в окружав-

дых линий, напоминавших стебли, что росли вверх. По центру этого растения располагалась сфера, усыпанная шипами, в которой таился красноватый яд, что был смертоноснее любой другой эссенции в галактике. Возможно, с ядом Макеи Огненной мог посоревноваться Пломб с Сатурна или меркурианский чешуйчатый цветок.

ший его огненный шар стали вонзаться иглы, растворяясь друг за другом, словно кубик сахара в горячем чае. Маг не мог понять, с какой стороны приходит опасность, ведь лезвия летели отовсюду. Понимая, что каждая секунда промедления опасна, волшебник запустил в разные стороны своего имени множественные сгустки пламени. Тотчас послышались крики подбитых повстанцев. Полностью покрытые синим огнём, они выбегали из своих укрытий, сгорая в нём за считанные секунды. Как только маг обратил свой взор на первых мятежников, он на мгновение отвлёкся и ослабил защиту. Замахнувшись в очередной раз, Роммар сконцентрировал значительную часть энергии в руке, позабыв о пламенном щите, что прикрывал его со всех сторон. В это же мгновение волшебнику в сердце вонзается стрела. Отравленная стрела, которую мятежники берегли для самых опасных чародеев. Выбежавшая вслед за мужем Онна была поражена стальным остриём в голову, едва завидев лишенных жизни слуг. Оба тотчас рухнули на землю. Пожар разгорелся с новой силой, вырвавшись из рук хозяина. И лишь юная Эва, дочь убитых волшебников, по-прежнему пряталась в доме. Увидев, как мать сразила железная игла, а через мгновение, как рухнул с неба убитый отец, она едва выглянула окно, как чуть было не напоролась на брошенную кем-то витиеватую пику. В ужасе отпрянув от проломленного отверстия, Эва невольно попятилась назад, поскользнувшись на крови убежавшего не так давно слуги и погибшего в тот же миг. Де-

вушка издала истошный крик – она распоролла себе руку о стекло, что сейчас валялось повсюду. Пока атакующие стремительно смыкали кольцо, Бавен обездвиженно пялился на десятки окровавленных тел. Первобытный страх обуял всё его существо, от крови, криков и той горькой скорби, что всегда следует рука об руку со смертью. Боязно озираясь, он словил на себе гнетущий взгляд главы отряда, что исподлобья косился на юношу, точно выявил предателя.

– Боишься? – усмехнулся тот. – Командиры часто сменялись на своём посту и предыдущие вылазки Бавена ускользнули от Рица, тот видел мальчишку впервые сегодня ночью.

– Нет, командир, я...

– Первый раз? – Улыбнулся Риц. – Помню, когда я убил первого мага. Мне тогда было 17 лет... – В его голосе слышалось удовлетворение. Взорвавшийся перед парой второй этаж дома никак не помешал старому военному закончить: – 17 лет. Я был вооружен луком, вот этим самым. – указал он на массивное орудие в руке. – А этот ублюдок управлял пятью стихиями, среди которых, как мне показалось, была и тьма. Он завладел тенью моего товарища и натравил бедолагу на меня. А эта падаль смеялась, – для него это было развлечение. Вот тогда я по-настоящему познал, что такое страх. А это – указал он костлявой рукой на пожарище. – Детский лепет. Поэтому, дитя, хватай железку и вперёд!

Под воздействием напора командира, юный повстанец, дрожа, подхватил опертое на забор копьё и тяжело вздохнул.

Для поднятия боевого духа он всегда представлял перед собой мать и отца. На каждой подобной вылазке юноша бесстрашно бросался в пожарище битвы и смело убивал волшебников, когда представлялась такая возможность. Но сейчас, возникшая перед его глазами матушка всё так же грустно улыбалась, как в тот самый вечер. Риц продолжал насесть, подталкивая юношу к действиям, его старческая, но всё ещё мощная ладонь поддерживала стан мальчика. Властный тон Рица пугал и в то же время подбадривал Бавена. Он вновь вспомнил Корвещию, своего отца, двух братьев, павших жертвами магов – и как же их могли так изуродовать!?! – Тот сжал копьё.

– И ты и твои дети будут страдать всю жизнь, – Заглядывал Риц в изумрудные глаза юноши. Полные ненависти, они полыхали зелёным огнём. – будут, как и ты, влачить жалкое существование под пятой этих ублюдков, по праву рождения господ твоей жизни. – Риц мерзко усмехнулся, его тон стал издевательским. Пока тепло от пожара не выдало себя капельками пота на его смуглой коже, Бавен словно был во сне. Ему резко захотелось ударить того, кого так отчётливо изображал старик. – Да по какому праву всё это происходит!?! – Риц настолько прижался к Бавену, что, казалось, вот-вот и их носы соприкоснутся. – Борись за своё будущее, чёрт тебя дер! – Сжав шероховатое копьё сильнее, Бавен устремил решительный взгляд на полыхающем доме. Но всего один взгляд заставил стальную волю обмякнуть. Из-за горящего

подоконника с разбитыми стёклами, охваченные пламенем, в Бавена впились дрожащие небесно-голубые глаза.

Повстанцы продолжали заполнять собой истерзанный скелет особняка, жажда поживиться ценными вещами и всем, что удастся спасти от пожара. Но всё же, вокруг оставались немногочисленные повстанцы, что не решались войти в дом. Бавен стремительно двинулся внутрь. Но не для того, чтобы присоединиться к товарищам. Его целью было спасти его возлюбленную.

На подступе к полуразрушенному особняку, Бавену в уши стали врезаться хаотичные крики. Он не мог понять, что конкретно он слышал – дом тлел и треск балок, в купе с падающими его стенами производили неистово громкие звуки, – но дрожь постепенно овладевала его телом. Молодой воин собрался с силами и направился внутрь.

Едва добежавший до порога юноша протянул руку, чтобы освободить проход от нависшей деревянной гардины в двери, как одним мощным толчком его отбросило назад. Затылок внезапно пронзила резкая боль – удар пришёлся на каменистую поверхность. Уже сквозь помутненный рассудок и плавающий взгляд мальчик вновь стал слышать нарастающий шум. Недоумённые восклицания, что редко вылетали из дома, сейчас переросли в истошные крики. Мальчик схватился за голову, потому что не мог побороть головокружение и попытался сконцентрировать внимание на доме, но наспех протерев один глаз, а затем другой, Бавен узрел ужа-

сающую картину: один за другим, издавая жуткие вопли, в разные стороны разлетались повстанцы. Из горящего дома, крыша которого уже была готова рухнуть, с грохотом вылетели три человека. Ударная волна, разрушившая потолок и третий этаж здания, выпихнула противников с такой силой, что не было видно даже траектории падения несчастных. Гигантское чудовище из почерневшего дыма и пламени, возникшее на месте верхней части дома, пожирало повстанцев одного за другим. Разрушая остатки верхнего слоя поместья, демон разбрасывал в стороны остатки недругов, разрывая их пополам. Монстр отращивал и тут же вбирал в себя многочисленные пламенные конечности, разбивая остатки отряда, пока в одночасье, с грохотом не испарился. Не прошло и минуты, как чудовище расправилось почти со всеми жертвами и вскоре, оно растворилось в общем потоке растущей морозной мглы.

В обстановке, когда остатки мятежников погибали в горящем поместье и на его подступах, а часть с криками покидала свои позиции, образовалась массовая паника, породившая давку в рядах повстанцев. Бавен обескураженно глотал воздух, стоя перед рушившимся зданием, не в состоянии сдвинуться с места. Легко было отдать разум на растерзание эмоциям и влиться в общий поток беглецов, и он уж было вскочил на ноги, но в это мгновение путь юному бойцу преградил командир отряда.

– Ты смелый малый! Не убежал, как все эти крысы! Под-

нимайся! – задорно дергал Риц ошарашенного мальчика. – В тебе есть задатки настоящего генерала! Знаешь, порой мне кажется, что самые близкие, которым ты можешь доверять, как раз этого не достойны! – Оглушительный взрыв прервал старика. Старый особняк колдовской семьи обвалился до основания, оставив четыре стены держать его бывшее величие.

Бавен увидел, как Риц взял брошенный кем-то впопыхах лук и стрелу рядом, а затем нацелился на постепенно скрываемое густым дымом пожарище. Дым и гарь ударили в нос мальчику, он невольно прикрыл нос ладонью, отползая за спину командиру. Издалека всё ещё слышались немногочисленные крики, отблесками Луны мелькали орудия, а деревянное сооружение продолжало трескаться и оседать.

Риц всё ещё стоял в боевой готовности, нацелив заряженный лук на поместье, в ожидании, что сейчас оттуда выйдет тот, кто разбил весь его отряд. Отступить было некуда, они находились сейчас одни, напротив гигантского пожарища. Когда же кроме звука господствующего пламени не осталось ничего, старик окинул взглядом юнца, что прятался позади него.

– Я не договорил.

– Вам н-не кажется, – Заикаясь, пробормотал Бавен. – ... что, что сейчас не время?

– Ерунда! Если ты в себе уверен, то тебе не страшен самый жуткий зверь! Главное – думать головой, а не тем, что

тебе нахально сует паника и хаос в этот момент! Знаешь, малец, а ты напоминаешь мне меня в этом возрасте. Я когда-то тоже потерял родных. Моя благочестивая матушка, Рофалия её звали, как сейчас помню, было ей тогда 35 лет, красивая, все завидовали... А отец, он пахарем был, не помню, как они встретились... – Старик запнулся. – ...но помню, как пришла гвардия этих собак... Чтоб они подошли все. И, как сейчас помню: облака побагровели, маги тогда всю видимую часть неба превратили в пылающий котел, накрыв им мою деревню. Я тогда по грибы пошёл, а когда вернулся, увидел, как горит почти всё наше поселение... Сколько криков было, боже мой, – старческие руки вытерли морщинистый лоб. – А знаешь, из-за чего? Из-за чего эти ублюдки сожгли несколько тысяч человек? – Риц замолчал. Его лицо покраснело, а глаза таращились в землю, словно из-неё вот-вот что-то вылезет. – Из-за того, что какой-то придворный мальчишка, принцем тогда был, спёр у короля мешок с золотом. Когда пропажу обнаружили, тот спихнул всё на нашу деревеньку, якобы, когда наш представитель отвозил золото, по пути пустил руку в казну. Ты представляешь? Ты вообще понимаешь, что это такое? Видеть, как горит весь твой род, твои соседи, друзья, старейшины? Как они просят о помощи, пожираемые пламенем, а ты ничего сделать не можешь. Вот что страшно. Не смерть, как таковая, а беспомощность. Самое страшное – это не иметь возможность помочь тем, кого любишь. – Пока военный говорил, пламя показывалось

рябыми отголосками в разных частях обуглившегося дома. Рушившееся от дикого огня здание стало покрываться белёсым, илистым дымом, затягивавшим собою всю округу.

Напрягая единственный глаз покрасневший от жара и пыли, военный неподвижно целился в пустоту, всё больше покрываемую мглой, пока вскоре не стало видно ни единого объекта. Беспощадный запах гари ударил Бавену и Рицу в нос, а пелена мутного тумана резала глаза. Однако старик всё всматривался вперёд, не теряя ориентира, даже когда завидел справа от себя тёмную вспышку. «Помутнение рассудка» – подумал он. Его дряблые старческие руки тряслись от напряжения. Держать полутораметровую тетиву в боеготовности было трудной задачей для его лет. Темная вспышка появилась справа, шепотом отдалась сзади и выдала себя сверху. Обволакивающий дым изредка пропускал звуки трескавшегося дерева и падающих балок. Поначалу Риц не мог понять: галлюцинации, иллюзия или вражеский гипноз проецировали спереди от него зловещую фигуру. Мрачный силуэт плавно двигался, казалось, даже парил, расправляя части ободранной чёрной робы.

Бавен невольно попятился назад. Шаркая ногами по земле, он попутно натыкался на мечи и щиты, что остались от его товарищей. Риц всё так же безмолвно смотрел вперёд, направив лук на скрытого в тумане врага. Наступила абсолютная тишина: прекратилось тресканье брёвен, исчезли всякие человеческие голоса, и дым, всепоглощающий и беспрогляд-

ный, окутавший собою всё вокруг, стал новой реальностью для выживших Рица и Бавена. И не было конца и края этой беспросветной мгле, что заменяла собой землю и воздух.

Риц прищурился единственным глазом. Пот каплями стекал с его морщинистого лба. Он кряхтел и был уже не в состоянии выдерживать напряжения. С большим облегчением он разжал пальцы и сверкающая, стальная игла со свистом улетела в пустоту. Он замер в изумлении. Темная фигура ловко увернулась и стремительным темпом направилась прямо на него, прорезая туман, как галеон проходит сквозь водную гладь. В панике, Риц бросился к земле, ища последний шанс на спасение. Нащупав костлявыми пальцами кинжал, он моментально вскочил на ноги, где перед ним уже возникло нечто. От испуга, он замахнулся искривлённым клинком и вновь рассек воздух. Бавен же находился в нескольких метрах от старика. Сердце сжалось в жалостном приливе и от мыслей о побеге, Бавен бросился к земле, – найти что-то, что могло бы помочь Рицу.

Повстанец учуял, что за его спиной вновь возникло что-то, и это что-то вот-вот нападёт. Вспомнив своё боевое прошлое, он резко наклонился, полагая, что удар придётся в затылок и сделал молниеносный поворот в бок, выставив руку с оружием вперёд, и в это же мгновение ногу старика поразила страшная боль. Военный закричал во все горло и обратил свой взор на раненную конечность – его правая нога была разодрана до кости. Сейчас он едва мог держать рав-

новесие. Рухнув наземь он вопил от боли, что пронзала всё его тело. На обнажённой плоти, которую старый военный невольно схватил, виднелась разрастающаяся чернота, словно плесень. Склизкая гниль атаковала сейчас его тело, а мрачная тень всё надвигалась на старика, спускаясь с неба, точно паук на паутине. Отползая назад, в тщетных попытках спастись, Риц обнаружил сбоку круглый расписной щит, что когда-то принадлежал его товарищу. Из последних сил повстанец тянулся, чтобы добраться до заветного предмета. Из воздуха моментально возникло массивное деревянное копье и насквозь проткнуло руку старому военному, пригвоздив его к земле. Скорчив лицо от боли, старик опустил голову на землю. Разум уже покидал главу «Возмездия», он начал бредить, выкрикивать что-то невнятное, пока не увидел лицо того, кто уничтожил весь его отряд. Промелькнув перед стариком ещё раз, тень материализовалась у его ног. Риц мгновенно пришёл в себя. Вытаращив глаза, он жадно глотал воздух.

– Ты!

– За моих маму и отца! Сдохни! – срываясь, прокричала юная Эва, не снимая с головы капюшон. Мантия принадлежала её отцу и по рассказам самого Роммара, придавала сил её владельцу. Её голос дрожал, а глаза бешено скакали с головы до ног поверженного врага.

Ошарашенный Бавен попятился назад. Он хотел помочь старику, но осознавал, что ему нечего противопоставить вол-

шебнику.

– Убирайся! Беги и спасай свою жизнь! Мне уже не помочь! Но у тебя всё ещё впереди. Я был рад воевать с тобой бок о бок!

Юный воин был ошарашен. Столбом стояли ноги, не желавшие подчиняться разуму, что был в прострации, – никогда ещё в жизни мальчика не было такого тяжкого выбора. Но услышав очередной призыв старика бежать, Бавену пришлось взять себя в руки. В голове вновь стали возникать образы матери и младшего брата. Окончательно оправившись от шока, воин стремглав бросился прочь, не оглядываясь.

Пылая ненавистью, дитя убитых магов с упоением наблюдало за павшим командиром. Эва подбиралась все ближе, не обращая внимания на то, что пытался говорить Риц. Силой мысли юная волшебница подняла с земли второе копьё и пока старик пытался вытащить предыдущее из своей руки, молниеносным движением вонзила стальную пику в судорожно двигающийся глаз. Глава был повержен.

– За тебя, мама... – отдалось в ушах Бавена. Оглушительный взрыв, заставивший землю содрогнуться, сбил мальчика с ног, он судорожно обернулся, ожидая худшего исхода, но мгла была по прежнему непоколебима. Он немедленно вскочил на ноги и ринулся бежать, пока не услышал столь же спокойное, и столь же тревожное: – За тебя, папа...

Внезапная мощная вспышка сопровождала грохочущее, продолжительное землетрясение. Туман стал рассеиваться,

и мальчик увидел, как исполинских размеров каменные глыбы опускались с небес, обратно на землю. Бавен не стал оставаться. Падая и вставая вновь, он бежал. Бежал быстро, насколько мог. Он принял для себя решение, не оборачиваться, во что бы то ни стало.

Галопом мальчик нёсся по непротоптанной тропинке, рассекая высокую траву и минуя валуны. Он пробежал бесчисленные деревья и авралы, и задыхаясь, изо всех сил продолжал бежать дальше.

“Только бы попасть домой!” – твердил он себе.

Пролетев очередной перевал, Бавен почувствовал, как его ноги стали покрываться железом: они попросту отказывались бежать, когда вскоре руки и тело последовали за ними. Странное, неизвестное чувство, будто всё вокруг замирает. Мир вокруг застывал на глазах мальчика. Его взгляд, казалось, тоже был заторможен. Мысли скакали как бешеные, сердце отбивало боевой ритм, а зрачки до последнего метались в пределах глаз, пока тело замирало. Продолжая движение, казалось, застыв во времени, мальчик обратил взор на птицу, что повисла в воздухе, в попытке совершить манёвр.

– Что же происходит?

Но уже через мгновение все прекратилось, и мальчик как ни в чём не бывало, в привычной манере галопом добирался до дома. Путь юного воина лежал через ту же самую поляну, произведшую блистательное некогда впечатление, однако теперь, все прежние краски казались тусклыми, живот-

ные – агрессивными, а ветер – колючим.

Приближаясь к границе родной деревни, где-то сзади слышался протяжный, громкий кашель и гневное восклицание. Останавливаться было нельзя: Эва, движимая мстью, расправилась со всеми повстанцами и сейчас гналась за ним. Необходимо было добежать до дома во что бы то ни стоило.

Не имея достаточно опыта и познания в наработках родителей, юная волшебница всё же пыталась реализовывать магию Великих Сих: будучи адептом огненной стихии она, тем не менее, не завершила обучение до конца даже в этом направлении. Стараясь продемонстрировать всю свою мощь, Эва бралась за использование не только сил природы, но и за ту магию, которую исследовали её почившие мать и отец: Энергию и Пространство, Время, а так же зачатки магии Души, совершенно не имея понятия, как этими силами пользоваться. Девушка вновь предприняла попытку заставить Бавена и все, что его окружало замереть, но издала протяжный вопль и схватилась за руку – всё же рана от битого стекла дала о себе знать. Волшебница не могла в полной мере применять магию, не могла в полноте своей концентрировать её в виду ранения, а её неопытность в этих вопросах только удваивала неудачу.

Бавену вскоре удалось достичь родного дома. Завидев издалека крупного мужчину на пороге, мальчик искренне улыбнулся. Его отец был суровым, грубым человеком, который не гнушался поднимать руку на своих детей. Бавен уви-

дел родителя стоящим на пороге со скрещенными руками, со своим привычным хмурым взглядом. Он любил отца, и даже его привычная мина, что обычно пугала мальчика, сейчас была для него наивысшим счастьем.

– Папа! Папа! – задыхаясь, вопил Бавен. Он уже перешёл на шаг, до отчего дома оставались считанные секунды. Но тот безмолвно стоял на пороге, казалось, даже не моргая и сердито смотрел на сына. “Как же я ждал тебя, папа” – подумал про себя мальчик.

Мимолётную эйфорию разрушила приближающаяся угроза. Бавен услышал, как позади с грохотом неслась всё та же тёмная фигура, окутанная алым песком, в перемешку с мелкими камнями и землёй уничтожал дома и без препятствия срывал деревья с корнями. Огромный пыльный смерч замер за мгновение до столкновения с Бавеном. Сбив противника с ног, подчинённый Эве торнадо схватил мальчика за волосы и повернул лицом к отцу, ещё не успевшему среагировать.

– Папа... – прокричал мальчик сквозь слёзы. – НЕТ!

Третий, не менее мощный, чем его предшественники взрыв, сейчас прогремел у входа в деревянную лачугу. Запах копоти и вездесущий дым в момент разнеслись по округе, создавая уже знакомую мальчику картину. Брошенный на землю, Бавен, будучи скованным песчаным торнадо, наблюдал за тем, как над ещё живым его родителем кружила свора чёрных паразитов, походивших то ли на воронов, то ли

на летучих мышей. Они раздирали плоть мужчины, один за другим отрывая темнеющие под их тяжестью куски плоти.

Тяжело дыша, изрыгая изо рта потоки крови, мужчина тянулся единственной оставшейся конечностью к сыну:

– “Ба-вен... Сы-сыннок...”

Мальчик застыл, лёжа на животе. Смерч более не нависал над ним тяжелым грузом, но Бавен продолжал держать голову поднятой, вытаращив глаза на умирающего родителя. В нем возникали и исчезали тысячи эмоций, желаний, чувств, что сменяли друг друга со скоростью света. Он не мог поверить в увиденное.

– Теперь ты понимаешь меня, презренный. – раздалось сзади.

Мальчик бессознательно повернул голову вбок. Со всех сторон на него тарасились глаза, прикрываемые полупрозрачными шторами. Он чувствовал на себе жалобные взоры, и молчаливые голоса, что криками отдавались у него в голове.

– Почему вы смотрите!?! – вырвалось у Бавена. Он внезапно обнаружил, что все обитатели небольшой деревни сейчас скрылись в своих хибарах и наблюдали за расправой над ним и его семьей. – Почему вы смотрите и ничего не делаете!?! – его голос срывался, он постоянно сглатывал подступающий к горлу ком, не в силах сдерживаться. – Мой отец, моя мама, мои братья... Все они боролись! Боролись за каждого из вас! Они боролись против рабства, за нашу свободу! А вы сейчас

смотрите и ничего не делаете! – во все горло голосил Бавен. Слезы предательски застилали глаза, а терзающая боль, что затаилась в сердце, сдавливала грудь. Он задыхался, вытирая грязными руками лицо. Мальчик искренне не понимал, почему люди, которых он знал с рождения, что были рядом с ним всегда, не помогают ему перед лицом смерти.

Он оглянулся, сглотнул слюну и провел дырявым рукавом по лицу. Над ним, во всем своем ужасающем могуществе парила Эва. Он глядела на него помутнёнными глазами, её шатало из стороны в сторону, а ноги судорожно подёргивались. Презрительно осмотрев противника, девушка фыркнула, не промолвив ни слова. Бавен судорожно бегал глазами, более не обращая внимания на молчаливые фигуры. В этот момент мальчик осознал, что может рассчитывать только на себя, на свои собственные силы. Из окровавленной руки волшебницы, левитирующей над ним, по капле стекала кровь, бесшумно растворяясь в красном песке. Юный Бавен смотрел на распоротую конечность. В его голове всплывали сцены с родами, когда на свет появился его младший брат. Мальчика словно окатило ледяной водой: “Рокхид!” – прозвучало в его голове, затем последовали слова старого Риза. – Доверьтесь инстинктам! Вы знаете больше, чем думаете! – Наконец, он услышал слова своего отца, которые он однажды подслушал в разговоре со старшими братьями. – Никому и никогда не позволяй преградить тебе путь.

Ни секунды более не медля, мальчик схватил подвернув-

шиеся под ногами камни. Вереница пыли, грязи и мелкого мусора одним резким движением руки полетела в лицо парящей волшебнице. От неожиданности, изнеможённая Эва не успела защититься, поднеся лишь окровавленную руку к глазам. Попав на рваную рану, мелкий сор спровоцировал волну нестерпимой боли, и девушка невольно вскрикнула. Воспользовавшись беспомощностью врага, Бавен стремглав помчался в разрушенную хижину. Ему была невыносима мысль о том, что его младший брат, что единственный родной человек, кто у него остался, маленький Рокхид, мог пострадать. Преодолевая разломанные брёвна, упавшие балки и тлеющую мебель, мальчик молился только об одном, чтобы младенец не пострадал. Взобравшись на поваленную крышу, ногой Бавен пробил себе проход в дальнюю комнату, заведя ту самую трёхногую кровать.

Отец закутал малыша в несколько одеял, так плотно, что плач едва было слышно. Рядом с шевелящимся свёртком тлели немногочисленные дощечки, что откололись от падающих стен. Одним прыжком преодолел мальчик комнату и кинулся к младенцу. Его руки дрожали, глаза были застланы влагой и только желанию спасти брата он был предан всей душой. Приблизившись к комочку из тканей, Бавен трепетно раскрыл покрасневшего Рокхида и взял его на руки. Невольно из глаз полились слёзы.

Очередной ударной волной были снесены оставшиеся стены и вновь тяжёлое вскрикивание Эвы: невыносимой болью

ей давался каждый удар. Мощным толчком был расчищен путь к беглецу. Шатаясь из стороны в сторону, чародейка неуклюже влетела в хижину, врезавшись в одну из прочных деревянных стен, – с грохотом девушка свалилась вместе с толстой перегородкой. Бавен прижал плачущего младенца к груди и попятился назад, в слепую обходя кроватку.

Истощенная применением столь могущественных сил, волшебница показала своё новое лицо: вытарашенные донельзя глаза и обтянутые тонкой, серой кожей выпирающие скулы на облысевшем черепе представили новую Эву, чьи внешность и душа уже были мертвы. С силой скинув с себя тяжелые балки, костлявой рукой она выбила ими вторую стену, окончательно разрушив остатки хибары. Волшебницей сейчас двигали одни импульсы и инстинкты.

– Не подходи! Не смей! – голос мальчика срывался, пропал и вновь истерично отдавался в пространстве.

Младенец продолжал неистово кричать и шум стал почти невыносимым, когда Эва, наконец, выбралась из-под завалов.

Одежда чародейки зацепилась за корягу, при попытке взлететь и обнажила маленький, обтянутый серой кожей скелет, что воспарил ввысь над обломками разрушенного дома.

Бавен пуще прежнего забился в панике. Нечто невероятное предстало перед его взором. Уже не живое, но всё ещё продолжавшее преследовать его нечто, угрожающе повернула ладони на братьев, сверкнув длинными когтями.

– Нечисть! Чудовище! – выкрикивал он, прижимая брата к себе, пока тот неистово кричал.

Пробормотав что-то невнятное, девушка из последних сил возвела руки к небу. Вокруг, с невероятно ярким свечением заиграла масса разноцветных огней, – мерцающих, ярких искр, что издавали звуки, походящие на томное журчание реки. Хрипя и трясясь, в последний раз юная волшебница применила магию.

Храбрый Бавен покрепче обнял укутанного младенца, повернулся лицом к углу родительской комнаты и сжался в клубок...

Мощный взрыв...

Тьма...

Безмолвие...

Глава 1. Всё или ничего

Крохотная, черноволосая девочка лет семи была по голову в высокой траве. Её, местами порванное, ситцевое платье было украшено выцветшими картинками животных и было уже мало. Она увлечённо копошилась в земле и наблюдала за колонией муравьёв, не помня себя от радости, если ей удастся поймать одного жирного, больше прочих. Солнце уже клонилось к горизонту, призывая прохладу и взывая к ветру, холодному, летнему ветру, что помогал работягам после трудовых жарких смен. Розель нашла крупную особь с крылышками, осторожно взяла её и поднесла к своим большим, карим глазам и начала исследовать: насекомое отчаянно пыталось выбраться, забавно шевеля лапками и расправляя длинные прозрачные крылышки.

Розель оглядела муравейник – других таких больше не было. Слегка придавив насекомое, она убедилась, что оно точно не выберется и принялась резво отрывать насекомому лапки. Крохотное существо продолжало извиваться, дрыгая крылышками, пока не осталось и их. Теперь это была уже гусеница, над чем девочка и потешалась, тыкая в несчастное насекомое веткой.

– Маленькая дрянь! Домой! – На всю округу разлетелся протяжный, гулкий и басистый голос мужчины. Слин стоял на пороге покосившейся лачуги. Его местами поседев-

шие, сальные волосы блестели в лучах заходящего Солнца; вспухшие вены на тощем теле говорили о продолжительном голодании и постоянном приёме одурманивающих веществ, кои среди бедняков были повсеместно распространены. Он в очередной раз окликнул Розель, грозя “прибить” дочь, если та сейчас же не вернётся в дом. Но девочка, находясь среди густой травы, не спешила в дом, она притаилась, боясь, как бы её не нашли родители, однако с заходом Солнца, темнота всё сгущалась, ветер становился всё холоднее и даже муравьи и те разбежались, оставив Розель в одиночестве.

– Я тебе устрою... Тварь! Неблагодарная! – Доносились отрывистые крики Слина, которые стихли спустя несколько минут.

Деревушка, в которой жила Розель с семьёй, была одной из множества в Миазе, царстве, что находилось на Восточной стороне одного из множества островов Сарканского архипелага. То было большое государство, но как и все образования на Венере, переживало кризис после череды войн всех со всеми. В Миазе, в деревне Шабет, где жила черноволосая Розель, не хватало еды и воды. Рабочим не платили подчас месяцами, а ведение собственного хозяйства было запрещено – всё должно было принадлежать государству; люди были измождены постоянными нападками и поборами со стороны властей, которые их даже не защищали от пограничных набегов, диких животных и природных явлений, кои в этом регионе часто обрушивались на бедняков, не имевших в своих

рядах волшебника, могущего совладать с силами природы. То была самая безнадежная и пропащая точка на карте планеты. Всё было настолько плохо, что по Венере ходили слухи, якобы обитатели Шабета поедают своих детей и пожилых родных, чтобы прокормиться, а заболевших родственников и друзей, забивали до смерти с первыми симптомами.

Розель пришла в себя, обнимая гладкий булыжник, ещё помнивший тепло солнечных лучей. Шершавая трава колола тело, а от холодного ветра пробирало до костей; девочка внезапно закашляла. Что-то горькое сочилось изо рта, стекая по подбородку и шее Розель.

– Вонючий жук. Опять! – Скривилась она. Розель часто ловила и кушала разных больших и маленьких обитателей этой территории, но иногда ей попадались очень горькие и кислые насекомые, как этот. Её стошнило. Она поспешила опорожнить рот и закусила травой с толстыми стеблями, как часто делала в таких случаях. Прогорклый вкус уступил пряному и солоноватому, что было меньшим из зол. Розель поняла, что уже очень поздно и поспешила домой. Девочка вышла на опушку, откуда открывался вид на Шабет: разнородные ветхие, деревянные хибарки стояли одна позади другой, все в дырах, залатанные чем попало, построенные несколько сотен лет назад и уже непригодные для жизни; пустые будки для собак, давно употреблённых в пищу, разбросанные предметы обихода и рваные, пыльные тряпки валялись здесь тут и там. То была деревня без дорог и утопала в грязи, едва

первые капли достигнут проклятой земли; у её жителей не было оружия или каких-либо средств самообороны, – трупы здесь встречались чаще, чем живые люди, а помои и испражнения, которые люди выливали себе под окна, распространяли нестерпимый смрад, к которому, впрочем, жители Шабета уже давно привыкли, как и мухи, которыми кишела одинокая деревушка. Розель вспомнила, как наслаждалась похлёбкой из подсоленной воды, корней ели и тех самых мух, которых Розель сама и ловила. То был настоящий праздник для девочки, ведь то, что она обыкновенно ела и были те самые жуки, корешки растений и дикие ягоды, от которых у неё болел живот.

От одного взгляда на злосчастную деревню, маленькой венере стало не по себе. Она хотела вернуться в траву, к спокойствию и безмятежности, к насекомым, которых она исследовала, но не могла. так как знала, что бывает, если слушаться родителей, да и вой дикого пса и шелест в кустах, заставили девочку ускориться.

Розель робко постучала в хлипкую дверь, что зашаталась от кротких стуков маленьких ручек, но никто не отвечал. Тогда она постучалась ещё раз, немного смелее, – по-прежнему тишина.

– Мама! – Розель увидела, как несколько теней забежали за соседский дом. – Собака! – Прошептала Розель в щель. Мать девочки сидела у окна, откинув голову на подратое кресло, отца же и вовсе не было видно. Никто не реагировал

на крики девочки, даже когда та завопила во весь голос на всю деревню: каждый знали, что с наступлением ночи, дикие псы захватывают контроль над Шебетом.

В какой-то момент маленькая венера поняла, что ей не откроют.

Псы шерудили в бачках близ домов и было слышно, как когтистые лапы скребутся о деревянные домики, жители которых запирались балками изнутри. Громадные носы хищников жадно рыскали в поисках любой пищи и, казалось, учуяли малышку, которая отчаянно искала вход на задний двор. Рядом с хибаркой была высокая ограда, скрывавшая небольшие владения семьи. Неделей ранее, дикие собаки уже пытались проникнуть внутрь, оставив небольшой подкоп, который исследовала на днях Розель и куда сейчас, подгоняемая опасностью, успела шмыгнуть. Одна из шерстяных тварей уже учуяла девочку и кинулась ей вслед, едва не сцапав ногу последней. Розель успела просунуть последнюю ногу и с ужасом наблюдала, как пёс, согнав громким лаев своих собратьев, стал ворошить небольшой подкоп. В крошечной темноте, под жалобные взвизгивания, пугающий вой и клацанье клыков, Розель судорожно искала вход в дом. На месте, где, как помнила девочка, был вход в дом, находился заколоченный плотным слоем досок дверной проём. Пока псы во всю стремились внутрь, Розель металась из стороны в сторону, в попытках найти место, где можно было бы спрятаться. Не найдя такового, девочка схватила брус, оставшийся от

старой двери, со вбитыми в него гвоздями и накинута на пса, что уже прорыл себе путь, обнажив зубастый оскал. Дикий зверь успел заползти лишь наполовину, просунув голову и отчаянно роя массивными лапами сухую землю.

Девочка яростно лупила голову собаки ржавыми иглами, несмотря на скулёж, который зверь поднял после первого удара: Розель промахнулась, планируя ударить в центр, однако попала псу в глаз, отчего тот громко и протяжно заскулил, точно щенок, но выбраться не мог – половина туловища намертво застряла между землёй и забором.

Розель завершила начатое, оставив раскрытый череп на обездвиженном теле, словно в назидание другим хищникам. Те, убедившись, что проникнуть внутрь не удастся, вскоре, разбрелись в поисках пищи среди улиц.

Розель бросила балку и попятилась назад. Слёзы душили её, она боялась, что мёртвая собака поднимется и начнёт снова рыть подкоп, а потом набросится на беззащитную венеру, растерзав её прямо у собственного дома. Ей показалось, будто хищник шевелится, – Луна зашла за облака и не было видно ни зги; что-то копошилось во тьме, но что – Розель не видела. Девочка забилась в угол, спрятавшись под грудой досок и вскоре уснула.

В глаза забили первые лучи восходящего Солнца, прорывавшиеся сквозь стихийный шалаш из досок. Розель никто так и не искал, хотя было уже утро, никто даже не отпирал дверь. Розель протёрла глаза и потянулась, но тотчас почув-

ствовала острую боль в руке – должно быть, она зацепилась за гвозди, что были тут всюду. В ночной тьме не было видно ни одного острия, которые сейчас кишели вокруг Розель. Девочка чудом не проколола себе глаз и не распорола живот, отделавшись лишь пораненной рукой.

По мере пробуждения, приходило осознание того, что произошло: смерть едва не настигла это крохотное существо. Её, этой черноволосой, невинной малышки, сейчас могло уже и не быть в живых; однако именно от рук маленькой веныры и погиб клыкастый зверь, она убила его, впервые убила живое существо.

Розель, не без труда перелезла через забор, и заглянула через щель в двери: мать сидела всё в той же позе со сложенными руками и откинутой головой у окна; отца по-прежнему не было. Девочка вернулась на место трагедии. Потыкав мёртвое животное палкой, Розель убедилась, что оно мертво. Тогда маленькая венера попыталась вытащить пса, потянув за задние лапы – безуспешно. Розель вновь вернулась во двор, легла на траву и вскоре уснула.

Солнце поднялось почти на середину неба, когда девочку разбудил протяжный скрип и последовавший затем крик:

– Да пусть тебя хоть разорвут там! Мне плевать! – Разрывалась женщина где-то недалеко.

Большой! – Крикнула Розель, видя из-за забора, как из дверей домика на углу улицы выходит сбитый светловолосый мальчишка. Она называла его так, потому что родители

не дали ему имени. Он был нежеланным, как почти все дети в этой деревне. Большой воспитывался одной матерью; отца забрали на войну с Марсом, где тот и погиб, от чего в семье наступила тёмная полоса. Женщина часто била сына, морила голодом, запрещая есть и без того скудные запасы пищи и поносила самыми последними словами. От него запирали двери, не раз выгоняя из дома на ночь, и, бывало, вывозили далеко за город, но мальчик всякий раз находил дорогу назад.

Большой тотчас последовал к дому своей подруги и, увидев, как та вовсю ему машет, ускорил шаг. Вместе им удалось оттащить труп пса в один из заброшенных домиков на самом краю деревни. Два квартала тащили дети мёртвую добычу к обусловленному месту. Отперев сломанную дверь, они кое-как втащили животное через выступ на пороге. Розель подперла дверь камнем, а Большой доволоч собаку до окошка и распахнул ставни. Оба встали, удовлетворённые работой и оглянулись: в их тайном логове было всего две небольшие комнатки, в которых, гонимые всеми дети были полноправными хозяевами. С тех пор, как предыдущие владельцы погибли от рук разбойников, дом пустовал, а его небогатую утварь уже давно растащили мародёры.

Ребята оставили пса под окошком так, чтобы солнце не попадало на тушу, а сами прошли во вторую комнату, где вновь лицезрели с довольным видом всех животных, что коллекционировали здесь неделями: здесь были полуразло-

жившиеся лягушки, уложенные от малого, к большому; две уже сгнившие кошки, одна со светлой, другая с тёмной шерстью; три обглоданных скелета крыс, покрытых сажей, лежали поодаль, а так же разные виды змей, пара дворняг с освежёванной плотью и несколько рыбьих скелетов, что для той местности было диковинкой. Вонь стояла нестерпимая: затхлая хижина, насквозь пропитанная плесенью, заключала в себе запахи гнили и разложившихся трупов зверей. Всех этих животных Большой приносил в их общее убежище, словно трофеи, чтобы пощеголять умениями перед подругой, после чего они оба с удовольствием лакомились добычей.

– Он пытался меня съесть. – Бросила Розель, смотря на пса. – Но теперь это сделаем мы.

– Да, мы сегодня наедемся. – Ответил, потирая руки, мальчик. Большой был магом огня от рождения, и скрывал от родных способность вызывать пламя силой мысли, так как боялся реакции матери. Всё, к чему сводилось применение волшебства Большого – это создание небольшого костра для поджаривания пищи в этом убежище.

Они освеживали и разделали пса осколком стекла, поджарили наибольшие его куски и жадно съели, после чего отправились во второе секретное место: за сенью деревьев, неподалёку от поселения, находился уютный, окружённый травой, тайный уголок для двоих уголков. Сытые, довольные дру-

зья, распластавшись на мягкой растительности, беззаботно наблюдали за проплывавшими в небе облаками, подчас находя в объектах знакомые образы или силуэты.

– А какое имя ты бы хотел себе взять, когда вырастешь, а, Большой?

– Не знаю, – отвечал тот, закинув руки за голову – смотри, слон!

– А твои родители настоящие?

Тот не понял вопроса и добродушно ответил:

– Ну конечно! Что за вопрос! – Он томно поковырялся в зубах, как делали это взрослые и повернулся к своей спутнице. – А что значит твоё имя?

– Страх – беззаботно ответила Розель, откидываясь на спину, – Розель, как однажды сказала мама, в переводе с древнего языка значит страх.

– Но почему?

– Почему что?

– Почему тебя так называли? По-моему, ты... – Тот залился краской и тотчас замолчал.

– Я что? – Загорелась та, усевшись. Но мальчишка лишь больно ущипнул её и, покраснев до ушей, бросился бежать в деревню. Розель даже подумала, что обидела Большого, так поразил её этот поступок друга. Крича, что догонит его, девочка бросилась следом. Уже на территории деревушки Розель потеряла Большого из виду.

“Наверное, он в убежище” – Подумала про себя Розель ма-

шинально улыбнулась, не сразу увидев среди безликих, однотипных хибар, покрытых серостью старины Слина, нервно выстукивающего ногой такт.

Розель не сопротивлялась, зная, что если противиться воле отца, будет больнее. Слин оттаскал маленькую Розель за волосы и своей костлявой рукой пригвоздил к стене, отчего та больно ударилась головой. Когда Слин закончил колотить дочь, та забилась в угол, так как не могла стоять на ногах: взгляд волной проходил по комнате, не позволяя остановиться на чём-то одном. Розель ощутила острую боль в затылке; по шее стекала тёплая струйка. Розель уже видела кровь: тёмно-красная жидкость лилась из убитых Большим животных и от волка, которому она размозжила череп, однако свою она видела впервые. Девочка машинально поднесла два пальца к затылку, чтобы увидеть кровь, после чего бессознательно потянула жидкость к губам.

Утерев слёзы, Розель увидела, как шевельнулась рука её матери: сидящая у окна женщина источала зловонный запах и всё время обездвижено смотрела в окно. Отец изредка подходил к ней, приоткрывал рот и что-то подсыпал, после чего оставлял жену весь день, предоставленной самой себе. Когда мать девочки слегка шевельнула рукой, это было похоже на судорогу. Розель даже показалось, будто мать пыталась сказать ей что-то, сквозь глухое мычание.

Девочка зажала уши, чтобы не слышать отцовской брани и не видеть летящие по всему дому предметы обихода.

– Это ты, слышишь, довела её до такого! – Брызгал слюной Слин, кладя руки жены на колени. Он снял с ноги башмак и что было сил запустил в девочку. Предмет попал Розель прямо по голове, от чего пелена на глазах в момент загорела её мать. – Если бы не ты, она бы не болела! Как же было хорошо тогда... Ты виновата в её болезни! – Речь Сли-на была прерывиста. Он то и дело небрежно отбрасывал части тела женщины, протирая влажной тряпкой всё, что было под ней. – Мы были счастливы... – Указал мужчина дрожащей рукой на обездвиженную жену – Она такая из-за тебя! – Слин разбрасывал в разные стороны предметы обихода и то и дело выкрикивал что-то, чего Розель старалась не слышать. Забившись в угол, девочка закрыла глаза и зажмурилась. Увидев это, Слина, по непонятным причинам, вновь обуяла волна неконтролируемой ярости и тот набросился на Розель, схватив дырявую сковороду.

Девочка нырнула под кровать и тотчас вылезла с другой стороны; сталкиваясь со всем, что было на пути, Розель шмыгнула на улицу. Там она скрылась за домами и направилась в их тайное с другом место, место, где их никто не обидит.

Две соседки, укутанные в пропитанные запахом гнили тряпки, обсуждали сцену, свидетелями которой были едва ли не каждый день.

– А ведь поделом девчонку, а? – Начала первая-хозяйка домика, обнажив гнилые зубы. Её подруге стало дурно от за-

пах, исходившего за приоткрытой дверью и она отошла чуть поодаль.

– Так, да! Не доведи господь на моего ребёнка будут думать, что он волшебник тьмы! – Она вздрогнула всем телом, чтобы подтвердить свои слова.

– Черноволосая, кареглазая, да и когда родилась, над деревней кружили вороны! – Одного этого уже хватает, чтобы понять: это зло надо убивать в зародыше! Дотерпели до семи лет! – Она вытащила что-то из кармана одеяния, что когда-то было шубой и быстро засунула в рот, чтобы её соседка не увидела. Наспех пережевав, она добавила: – Эти маги тьмы, почему вообще им позволяют рождаться?

– Согласна, все они грязные отродья, что несут в мир лишь зло. Сколько я таких знаю лично, ужасные люди. – Та прикинула в голове количество волшебников, с которыми была знакома лично и не нашла ни одного. – С десяток уж точно!

– А может, нам того...?

– Что... Того?

– Ну, самим с девчонкой... – Она показала жест ножа у горла. – ...да сдать её в королевский двор?

– Да ну тебя! – Отрезала та живо и поспешила домой.

Вторая осталась у входа и ещё долго не могла понять, что она сказала не так. А хозяйка дома нашла удобный предлог, чтобы продолжить грызть чёрствую корку хлеба в одиночестве. Захлопнув скрипучую дверь, женщина схватила ска-

мейку, села у окошка так, чтобы её не было видно и принялась выглядывать, кто из её соседей куда ходит и с кем говорит.

Вторая пошла разносить сплетни по этой умирающей деревеньке, поочерёдно стучась в дома тех, кто её хорошо знает.

Когда же Розель добежала до убежища, тотчас забилась в угол. Она обернулась в порванное пыльное одеяло и забралась под стол. Вскоре послышался стук в дверь.

Розель настороженно припала к окну: наверняка это Слин. Он точно пришёл за ней сюда, следил за ней, чтобы завершить начатое, и сейчас он точно расправится с Розель. В руке у него нож и сейчас он выломает дверь, оттаскает её за волосы и перережет горло, как не раз грозился.

– Ну открой, я же знаю, что ты там! – Плотно зажав уши, Розель не сразу распознала знакомый голос, а позже и золотую голову Большого, мелькавшую под окном в лучах вышедшей Луны.

Он вошёл в хибару, такой же побитый, как и она: под глазами было два массивных фингала; ссадин на руках, после того, как об него разбили стекло, было не сосчитать, а белая кожа на тонких ногах посинела. Розель с порога бросилась к нему в объятия и до самого утра не выпускала Большого из рук.

Назойливый, словно комар и вызывающий страх, скрипучий голос Слина вонзился Розель в уши. Тот вновь поносил

девочку, зазывая домой. Она подскочила с пола, резким движением избавившись от одеяла, в которое они с Большим были укутаны.

– Что с тобой? – Сон мальчика как рукой сняло и спустя мгновение он стоял против Розель и недоумевал, отчего вдруг на неё нахлынули слёзы. Девочка хлюпала носом, заикаясь.

– Что случилось? – Большой попытался обнять подругу, но Розель истерически закричала. – Кто тебя обидел? Кто? Здесь никого нет! Никого нет! – Кричал, как бы оправдываясь, в ответ Большой.

– Мне показалось, что папа зовёт меня.

Так продолжалось около трёх лет. Не проходило ни дня, чтобы её не колотили. Девочка росла в постоянном страхе расправы над собой и вины за то, что её мать оказалась прикованной к креслу. Она не понимала, как это произошло, но Слин не упускал возможности каждый раз напоминать дочери об этом. Когда вонь от живого трупа становилась невыносимой, Слин мыл женщину в канаве, при условии, что там была вода. Но несчастная и там не меняла своей позы, не издавала ни звука и, казалось, даже не шевелила зрачками. Слин оборудовал на улице яму с досками, где изредка купался и мыл жену. Розель же там места не находилось: малышка была предоставлена сама себе.

Розель несла на руках корзинку, в которой проглядыва-

лись коренья, несколько листьев лопуха и медуница. Слин часто отправлял дочь на поиски еды и колотил девочку, если ей не удавалось найти чего-то стоящего.

Всё тело зудело, особенно живот. Розель не могла ступить ни шага, чтобы не почесать ту или иную часть тела.

– Чудовище! – Крикнул соседский мальчишка, запустив в Розель булыжник, который угодил девочке прямо в висок.

Другие жители деревни, кто сидел на пороге дома, кто бесцельно бродил по улицам, устремили свои взоры на беззащитную венеру. Под испепеляющие взгляды окружающих, Розель поспешила домой.

– Таких как ты надо душить в зародыше! – Закричал кто-то.

– Убийца! Твоё сердце так же черно, как и волосы!

Старик, который с утра до ночи сидел перед своим домом на поваленной деревянной балке и обычно не вмешивался в склоки других, схватил несколько веток и что было мочи запустил в Розель.

– Магам тьмы здесь не место!

Розель не понимала, почему все вокруг считают её волшебницей, ведь никакой магией она не владела. К старику присоединились остальные и вот уже несколько человек осыпали девочку проклятиями, под молчаливое сопровождение нахлынувшей толпы. Внезапно кто-то схватил Розель за руку. Девочка обернулась и увидела, как высокий мужчина прижался к ней вплотную, а его подельник начал с силой

выгибать малышке пальцы, чтобы забрать корзину.

Сколько бы Розель не кричала и не сопротивлялась, она не сумела сохранить продукты. Всё случившееся происходило недалеко от её дома. Девочка даже сумела разглядеть в окне силуэт отца, который исчез тотчас, как Розель позвала на помощь.

Она вошла домой заплаканная, со сломанной корзиной, пока Слин нервно лазил по шкафчикам, пытаясь найти что-то на обед. Он видел, что произошло, но притворился, будто только что заметил дочь. Она оставалась недвижима, ожидая наказания за то, что не выполнила задание отца. Слин посмотрел на Розель с оттенком любопытства, после чего резким движением схватил неглубокий чан, наполнил водой, бросил какие-то корни и поставил на огонь.

– Убери грязь, чего стоишь? – Кинул он, указывая куда-то в сторону обездвиженной женщины.

Вечером, сидя за столом с похлёбкой, Слин учуял неприятный запах, что исходил от Розель. Девочка не умывалась месяцами, из-за чего её волосы насильно срезались ржавым ножом, а саму её с недавних пор часто выставляли на улицу, чтобы избежать запаха.

Розель смиренно сидела по правую сторону отца, опустив руки на колени. Она ждала, пока Слин даст разрешение приступить к еде. Конечно, едой это было назвать трудно: едва тёплая мутная вода и пара гнилых картофелин на колотых

мисках стояли перед семейством. Мать, в своей неизменной позе не двигалась и не моргала, ей раз за разом, открывая рот, клалась в рот ложка с похлёбкой.

Слин нервно глотал пищу. Он растягивал время, испытующе смотря в чумазое лицо дочери. Поднеся к изрытому оспой носу жижу, ему в очередной раз врезался смрадный запах, исходивший от девочки. Внезапно Слин, что было мочи, вскочил и ударил Розель по затылку большой деревянной ложкой, – девочка оказалась в похлёбке, проредив передний ряд зубов толстой тарелкой.

Осознание того, что произошло, пришло вместе с нестерпимой, режущей болью во рту. Розель, убирая остатки волос с лица, медленно приподнималась: несколько зубов плавали в красной жидкости, среди почерневших кусочков картофеля.

– Жри! – Прокричал Слин, сжимая кулаки. Он нервно выстукивал ногой ритм; мать устремила свой взор на Розель, молчаливо наблюдая за ужасом перед ней. Девочка вынуждена была зачерпнуть кровавую жижу с собственными зубами и, утирая нос, съесть всё, до последней капли.

Розель не решалась поднять глаза на отца. Истекая кровью она, вся дрожа, уставилась в деревянный стол. Слезы душили её, но она не могла издать ни звука, не смела шевельнуться, скованная страхом. Слин же, всё сильнее настукивал ритм какой-то, только ему знакомой, мелодии.

В момент, мужчина сорвался с места и рывком затащил

дочь с собой в единственную комнату. Крохотная кухня при-
мыкала к пространству без дверей, где спали Слин с женой.
Женщина видела, как тот повалил Розель на кровать и за-
крыл ей рот рукой. Сидя боком к ужасающей картине, жен-
щина упиралась зрачками в уголки не моргающих глаз.

Стояла холодная ночь. Луна была в самом зените, когда
дверь в тайное логово двух друзей отворилась. Большой уви-
дел подругу у окна, небрежно прикрытую одеялом. Раскрыв
дырявое покрывало, мальчику в глаза бросились в глаза мно-
жественные пятна крови на лице, руках и поношенном сара-
фане, где её было больше всего. Большой приобнял Розель,
и та не стала сопротивляться. Безучастно она показала ему
своё заплаканное лицо с выбитыми передними зубами, сло-
мантый нос и бритую голову, израненную неумелыми дви-
жениями тупым лезвием.

Большой развёл небольшой костёр, принёс воды с распо-
ложенной недалеко канавы и вымыл лицо Розель.

Мальчишка накинул на них одеяла так, чтобы можно было
дышать и вытащил из кармана пару морковок, что стащил у
родителей.

– Жуй боковыми, – пытаясь подбодрить подругу пролепетал
Большой, протягивая размякший овощ – она не твёрдая.

Костёр покорно поглощал всё, что в него попадало. Боль-
шой поправил одеяло под коленками и внезапно отстранил-
ся.

– А что если мы сбежим?

В ответ на молчаливое удивление подруги, Большой заголосил громче, его глаза искрились, а сам он лихорадочно двигался, словно что-то кололо его спину.

– Да, убежим, да куда угодно! Будем целыми днями гулять, можем пойти туда, где много еды и где никто нас не тронет!

Розель слабо улыбнулась. Она не могла представить себе иного места, кроме этой захудалой деревеньки с её выжженной землёй и покосившимися строениями. Она не могла разделить энтузиазма своего друга и лишь укуталась сильнее. Так друзья провели всю ночь.

На утро, Большой разбудил Розель неуклюжими шагами. От испуга, девочка вскрикнула и вжалась в стену, долго не открывая глаз. Большой попытался подобрать нужные слова, чтобы успокоить подругу, но ему это не удалось. Тогда он поднёс к чумазому личику свой подарок – прекрасный цветок эхеверии, который щекотал тонкий носик.

Боязливо открывая глаза, постепенно девочка разглядела распустившийся бутон. Розель мгновенно преобразилась, воспряла духом и всем телом прильнула к Большому. Она выхватила у него из рук прекрасное растение и долго его разглядывала.

– Я нашёл их недалеко от деревни, пока ты спала. И посадил за нашим домом ещё парочку, чтобы они росли. Я знал, что тебе понравится.

Тем же вечером две соседки встретились вновь, но на этот раз к ним присоединилась ещё одна, что жила недалеко от места, где прятались ребята. Первая, возле чьего дома часто собирались, начала шёпотом:

– А вы как давно мать семейства видели?

– Ой, признаться, давненько её не было среди нас.

– Да, как лет десять уже не видно. Что-то сунула тогда в корзину себе, да быстро домой, больше я её не видела.

– Когда нам была последняя гуманитарная помощь из столицы?

– Ой, да давно не было. Наверное, наказывают нас за то, что приютили у себя мага тьмы!

– Я уже рассказала о них всем, кому знала! Жду королевскую стражу, чтобы и им растолковать о том, что творится!

– Ой, я детям своим наказала, чтобы держались от этой твари подальше! – Воскликнула третья, приложив обе руки к лицу. – Так эти непоседы понесли весть дальше, стали придумывать всякие истории о происхождении этой маленькой дряни! Поделом!

– Видала я как-то, проходя мимо их дома, как Слин колодил девчонку, когда та что-то стащила из еды. Вот ору было! На всю деревню!

– Маленькая дрянь ещё и воровка! – Прыснула со смеху вторая.

– А я говорила! Все маги тьмы от рождения подлежат рас-

праве!

– А вы замечали, что она водится с мальчишкой Семов?

– Так да! Ещё и убегают куда-то надолго! Такая маленькая, а уже спит с кем попало. Думаешь, ей платят?

Все трое заохали. Теперь у них были новые истории для распространения среди жителей деревни.

– А знаете, что? – Начала первая заговорческим тоном, прижавшись к двум другим сплетницам. – Предлагаю найти этот притон, куда она водит мужчин!

Большой застал Розель за её, с недавних пор, любимым занятием: девочка щипала кота, которого недавно подобрала. Животное шипело, бегало по убежищу двух друзей и пыталось царапаться, что приводило Розель в ярость и она с новыми силами принималась мучить кота.

– Что ты делаешь?

Розель виновато уставилась на друга. Кот резво забрался за Большого, цепляясь когтями за одежду. – Ему же больно. Он такое же живое существо, как и мы. Смотри, – произнёс мальчик, указывая на свернувшегося в калачик кота, что уткнулся ему в грудь – он очень боится. Зачем ты это делала?

– Я не знаю, – запнулась Розель, взявшись за грудь. – Я чувствую злость, очень сильную... Я не могу остановиться. Я не понимаю... Ведь он мне ничего не сделал. Но я хотела, чтобы ему было больно, как мне. – Потерянно продолжала девочка.

– Но так нельзя, – Большой сжал кота крепче, скрыв его за одеждами – разве тебе его совсем не жалко?

Розель задумалась: ей вдруг стало неприятно от осознания, что она в чём-то провинилась перед другом. Он её ругал, смотрел на неё так, словно она причинила боль ему лично. Быть может, он её больше не любит. От состояния, которое девочка не могла объяснить, ей вдруг стало до боли неприятно; Розель оттолкнула Большого и бросилась прочь.

Девочка убежала далеко на опушку, куда часто приходила, чтобы насладиться сладким воздухом цветов, лёжа среди растений и насекомых. Долгое пребывание на природе вскоре наскучило девочке. Окончательно успокоившись, она стала оглядывать деревню, наблюдая за вялым течением жизни поселения: в основном жители ожидали гуманитарной помощи от правительства, сидя у своих хибар; редкие дети кучками бегали по разным частям серой карты, а поодаль Розель разглядела их с Большим небольшую лачугу.

В противоположной стороне от захудалого поселения находился другой мир, в который они однажды убегут: в этот слепящий горизонт, что делил тонкой полоской зелень и небо. О, эти воздушные облака, куда ей так хотелось попасть; этот величественный, грозный Марс, что навис над её планетой, призывал её покинуть злчное место, а усилившийся, но всё тот же тёплый летний ветер гнал её дальше от деревни.

Розель вернулась домой раньше обычного. Сразу по приходу она увидела в пыльном углу дырявое ведро с собранны-

ми и небрежно разбросанными вокруг розгами, – её будут бить. Девочка уж было собралась убежать, как Слин, притаившийся за дверь, разом схватил её за руку. Розель кое-как удалось вырваться и выбежать на улицу. Вопреки своему обычному поведению, Слин в этот раз не остановился на крыльце, а погнался за дочерью и вскоре нагнал её. Он волочил Розель за ноги по пыльной дорожке, попутно шипя сквозь зубы, что позор, который она навлекла на их семью, не смыть никакими водами. Девочка кричала, сопротивлялась, но сквозь слёзы видела, как на улицу выбежали все соседи, поглазеть на то, как с ней будут расправляться. Она видела ехидные ухмылки, слышала смех и радостный гогот.

Слин затащил Розель в дом. Ему пришлось несколько раз ударить ногой по руке девочки, чтобы та отпустила дверной проём, который держала мёртвой хваткой.

Долго не утихали крики, что с каждым ударом розог становились всё громче. Соседи, с живостью наблюдавшие начало, уже разошлись от усталости и невозможности в полноте своей увидеть, что творится за стенами дома. Мать девочки сидела на кресле и всё так же безмолвно лицезрела всё, что творилось в тот вечер. Розель, с испещрёнными от ударов руками, с рассечённым лицом и израненными ногами и туловищем, бросилась в объятия женщины, но та даже не подняла на неё глаз, устремив взор куда-то в потолок. Ни слезинки не проронила та, когда дочь рыдала у нее на коленях, ища защиты и покровительства.

Розель казалось, что самое худшее позади, – Слин резко выскочил за дверь, подперев её после себя крупным булыжником, чтобы никто не вошёл внутрь. Спустя какое-то время всё затихло и Розель уснула, всё так же лёжа у матери на коленях.

Внезапное пробуждение сопровождалось жгучей болью в локте, – Слин сжимал руку дочери, тащив полусонное тело в спальню. На ходу протирая глаза, девочка видела, как отец снова тянется к ведру, но на этот раз в руках у него был кусок ткани, который он бегло смачивал водой. Зачем то он протирал Розель руки, шею, усиленно тёр тело и резко двинулся к ногам. Сжав с силой внутреннюю часть бедра, Слин раздвинул ей ноги и начал обильно поливать девочку жидкостью, что осталась в ведре. Мужчина вновь схватил Розель за локоть и кинул на кровать.

Она не сразу поняла, что произошло. Отец снова куда-то вышел; послышался громкий хлопок деревянной двери, и на пороге уже находилось несколько мужчин, вальяжно шедших за Слином. В одном из них Розель узнала высокого соседа, что отобрал у неё продукты из корзинки. Другой, незнакомый, что-то живо просунул отцу в руку, давая небрежный жест остальным. Слин развернул кресло жены в противоположную от кровати сторону, после чего спешно выбежал из дома.

Сопротивляться было бессмысленно и сколько бы Розель не кричала и не молила её отпустить, выбраться из трёх пар

грубых лап она не могла.

На протяжении четырёх лет, Слин продавал собственную дочь в обмен на деньги, еду и различные бытовые услуги; мать уже девушки окончательно превратилась в иссохший, но ещё живой скелет. Слин же, наоборот, поправился: вены по всему телу затянулись кожей, он набрал вес, отрастил бороду, приделся и ходил по деревне с высоко поднятой головой, ведь теперь, благодаря накопленному состоянию он обрёл вес в округе.

В период сексуального рабства, в год, когда Розель исполнилось шестнадцать, не стало её единственного близкого друга. Соседи обнаружили разорванный труп Большого в канаве, прилегающей к их с Розель общей хибаре, где тот часто собирал эхеверии. В очередной раз, когда мальчика, на ночь глядя, вышвырнули из дома, он побрёл в убежище, но обнаружил, что окна и дверь там уже были выломаны. Большой, слыша, как стаи диких псов уже во всю захватывают улицы, пытался укрыться в заброшенном амбаре неподалёку, но не успел добежать.

Розель узнала о смерти друга от отца, что после очередной попойки пришёл домой, швырнув кусок полуготового мяса в угол. Схватив девушку за горло, Слин презрительно фыркнул ей в лицо:

– Твой щенок мёртв! – Словно торжествуя, заявил тот, шатаясь от выпитого алкоголя – Он замерзал, подыхая в канаве, после того, как его пожрали собаки! А ты сидела здесь, в

тепле! – Его тон резко поменялся. – Жрала и пила, пока он умирал в муках! Хорошая подруга, ничего не скажешь!

После того случая Розель не говорила. Она закрылась в себе и покорно сносила всё, что происходило, была безучастна к своему телу и своей судьбе. Уже несколько лет она была прикована к полу цепью, которая позволяла передвигаться лишь из кухни в спальную. Единственным утешением для девушки теперь стали безмолвные вечера с матерью. Розель клала голову на колени сухой серой женщины и подолгу сидела, зная, что вечером вновь вернётся отец с уже хорошо знакомыми ей соседскими мужчинами.

В один из таких вечеров, когда чёрноволосая голова лежала на коленях матери, Розель в уши бросился слабый, протяжный хрип. В тот день Слин не появлялся дома, и некому было дать женщине ежедневную порцию порошка. Розель тотчас вскочила и уставилась в безучастное лицо матери, но та более не проронила ни звука. На следующий день Слин не явился вновь, и Розель, кое-как с трудом поднимая мать, убрала за ней, после чего припала к коленям. Прошло около часа и девушка вновь услышала едва слышимый, прерывистый звук, исходивший от матери, однако на этот раз более громкий.

Слин вернулся ранним вечером. Когда мужчина завалился в хижину, в воздухе повис жгучий запах спиртного.

Бросив беглый взгляд на жену, что всё так же покорно си-

дела у окна он, не задумываясь, отправился спать. Стараясь не греметь цепью, Розель тотчас бросилась к матери. Женщина едва двигала головой, всё её тело всё ещё было сковано неизвестным порошком. Розель стала искать ключи от замка, чтобы освободиться от кандалов, однако, не найдя заветный предмет, девушка судорожно бросилась на поиски чего-то, что могло бы послужить отмычкой. Девушка рыскала среди столовых приборов, в углах комнаты, на полу, спрашивая совета у матери, но та оставалась безмолвной.

Розель взяла руки матери в свои.

– Я обещаю, мы выберемся отсюда!

Глаза несчастной из-под полуприкрытых век, с сожалением смотрели на дочь, – женщина всё понимала, ей было больно, нестерпимо больно. Не успела Розель насладиться откровенным моментом, как мать девочки задрожала, долго и протяжно мыча, предупреждая дочь об опасности.

Розель тотчас обернулась: Шатаясь из стороны в сторону, Слин налетел на девочку, повалив несчастную лицом в пол.

Слин понёс её в спальню, медленно волоча за волосы, однако у двери цепь на ноге девушки закончилась. Мужчина сжал руку Розель и что было мочи потянул вперёд: кандалы разодрали кожу на ноге девушки и от резкой боли та громко завопила. Слин рухнул на пол вместе с дочерью.

Ругаясь, мужчина вернулся к основанию железной тюрьмы и стал рыскать в карманах в поисках ключа, но не находил его. Предмет висел у самого выхода из дома. Пока Ро-

зель лежала на полу, борясь с нестерпимой болью, Слин последовательно открыл замок, оставив цепь на ноге и вновь взялся за девушку, чтобы дотащить её до постели.

Женщина увидела, как за спиной мужа сверкнул нож. Слин схватил одной рукой Розель за запястья, а второй стал рыскать по телу. Девушка пыталась отбиваться, но мощная пощёчина вновь заставила обессиленное тело потерять сознание. Слин вытащил нож.

– Кричи! – Брызгал слюнями Слин, продолжая бить пощёчины. Мужчина приставил нож к горлу дочери. – Спротивляйся!

Тяжёлое, протяжное мычание вбилося Слину в уши. Он неспешно обернулся, почувствовав какое-то удовлетворение от того, что жена наблюдает за ним в этот момент.

Слин уж был вернулся завершить начатое, как женщина вновь промычала что-то нечленораздельное, – её голоса он не слышал уже очень давно. Слин побледнел. Несмотря на то, что был изрядно пьян, он осознал, что за время его долгого отсутствия, действие наркотика, которым он пичкал жену, постепенно ослабевало и тотчас ринулся за небольшим пакетиком с порошком, что лежал на верхней полке; женщина по-прежнему не могла пошевелиться. Слин поднёс внушительный запас вещества к губам жены и высыпал всё, что было в пакете.

Удовлетворённо погладив подбородок парализованной, мужчина поставил руки в бока, решивши облегчиться прямо

на свою жену.

От звона в ушах тот замотал головой, ему казалось, словно назойливый комар, размером с дикого пса, кружит где-то над мужчиной. Стремительно усиливающийся звон, вскоре, стал отчётливее: это была цепь его пленницы, которая, в попытках спасти мать, ринулась на Слина и что было мочи, ударила его по голове тяжёлыми кандалами, раскроив затылок.

Первым делом, Розель бросилась к матери: освободила женщине рот и вызвала рвоту, чтобы избавить тело от яда. Поток жидкости, с затвердевшими комочками порошка вырвался наружу, окропив лежащего Слина.

Чтобы всасаться в кровь, препарату было достаточно нескольких секунд контакта со слизистой; женщина вновь окаменела.

Остолбеневшая Розель обратилась к отцу: тот лежал на полу, не в состоянии встать. Мужчина прикрывал рукой рану и жалобно скулил.

Утирая накатившие слёзы и плотно сжимая цепь, Розель встала над извивающимся от боли телом отца. Его штаны были наполовину спущены, сам он лежал на животе, пытаясь приподняться, однако с каждым ударом цепью он вновь падал, издавая нечеловеческие крики. Розель яростно била мужчину по спине своей массивной цепью, не чувствуя боли в ноге; слабость не одолевала её, а разум не ведал жалости в момент возмездия. Розель ударила отца по крайней мере

двадцать раз, пока не почувствовала сильную тяжесть в руках и ногах: изнеможение и голод сказывались на её хрупком теле, что вскоре, рухнуло на пол.

Посчитав, что справилась с ненавистным ей отцом, девушка едва доползла до матери, припав к затвердевшим рукам. Она легла на колени так, что бы ладони женщины пали Розель на ухо. Не прошло и нескольких мгновений, как девушка вскочила на ноги, всматриваясь в лицо матери – та пребывала во всё той же неподвижной позе, но сейчас не двигались даже её зрачки. Розель припала к рукам, но пульса не было, она стала трясти женщину, кричать, чтобы та посмотрела на неё, но глаза несчастной уже заплыли наверх.

В то же время Слин, кряхтя и извиваясь от боли перевернулся на спину. Он испустил пронзительный вопль и, вытирая разбитый нос, спускался правой рукой ниже живота, а левой тянулся к дочери, что была где-то у его ног.

Розель безучастно повернула голову, с минуту смотрела на отца, а затем повернулась к нему всем корпусом. В девушке больше не осталось эмоций, она не чувствовала ничего, всматриваясь в это жалкое подобие человека, которого когда-то называла отцом. Тот лежал в луже собственной крови, что лилась из ран на спине и голове, резво шерудя на месте спущенных штанов.

Всё тем же безучастным взглядом она следила за его рукой и глазами, что похотливо бегали по Розель с ног до головы. Глаза девушки были пусты, а лицо приобрело ужасаю-

щую мину, которой Слин никогда не видел.

– Вот так! Лучше иди к папочке, пока я не встал! – Его желтые зубы проглядывались сквозь струйки крови; он злобно скалился.

Розель приблизилась к Слину и неспешно присела над ним на корточки. Вся ненависть и вся боль, что в ней таились, сейчас вылились в безразличие к судьбе того, кто породил её на свет, того кто на протяжении всей жизни мучил как её саму, так и несчастную мать девушки.

– Я знаю, как тебя возбуждает насилие. – Она села ещё ниже, опустив руку ему между ног. – Но, что если мы немного поменяем правила? – Сверкнув злобой, она присела ещё ниже и тотчас Слин, который до того раскинул руки и приготовился получать то, что считал должным, внезапно замер.

– Я знаю, как тебе нравится боль. – Проготорила Розель, едва открывая рот. Она садилась всё ниже, пока не рухнула на Слина.

– Хватит, встань! – Теперь уже мужчина не мог пошевелиться.

– Что ты... Мы только начали, папа. – Нарочито невинно продолжила Розель. Она поднималась и вновь опускалась на Слина, пока тот истерически кричал, словно конечности его дробило молотом, а мышцы часть за частью отделялись от тела.

Так продолжалось с несколько минут. В моменте, Розель резко остановилась и что было мочи вновь рухнула на обез-

движенное тело с застывшей миной ужаса на лице.

Казалось, идущая от самого сердца и, сформировавшаяся в груди, чёрная субстанция проглядывалась сквозь тонкую, белую кожу Розель. Мрачная жижа, будто имя собственный разум, постепенно спускалась от груди к животу, а оттуда – ниже, плавно перетекала на Слина. Чёрная жидкость, из наполненного горечью сердца, стремительно лилась в тело Слина. Боль, которая окутала мужчину, была не сравнима ни с чем, что тот когда-либо встречал в своей жизни.

Нечто, попавшее в тело Слина, последовательно разрасталось, впиваясь в ткани организма мужчины. Щупальцами поднявшись к животу, оттуда к груди, а затем и распространившись на всё тело, чёрная жидкость сжигала, казалось, клетку за клеткой этого израненного тела. Кровь, что медленно стекала на пол, сейчас лилась стремительным потоком: что-то внутри тела Слина пробралось к спине, и разорвало кожу ещё больше.

– Я уверена, что ты получаешь истинное удовольствие, как ты и хотел! – Тень пробиралась к шее, окутывая подбородок, губы, залазила в уши, посягая на белки глаз. Слин не мог больше кричать – кровь покинула его тело, образовав на полу широкую багровую лужу. На обескровленном, белом теле, заполнившая собой все вены и артерии, чёрная жидкость выделялась ещё отчётливее. Заполнив собой всё тело мужчины, жижа начала постепенно выходить из Слина: недвижимое тело затряслось, когда сам он был ещё жив; изо

рта мужчины, разрывая уголки, вырывалось нечто, истинно-го чёрного цвета.

Розель привстала и проползла на четвереньках ближе к лицу Слина: существо, что вышло из неё, тотчас слилось с девушкой, впитавшись в кожу её лица.

Слин смотрел в торжествующие глаза своей дочери. Розель лихорадочно наблюдала, как тело ненавистного отца покидает жизнь и дождалась, когда тот испустит последний вздох.

Она оглядела залитый кровью труп со рваными ранами, после чего осмотрела свои руки: по ним энергично, с пальца на палец, затем на локоть и обратно сновали тени, – соседи были правы, она действительно оказалась волшебницей тьмы.

Розель перенесла мать на постель, на которой та не лежала уже очень давно. Мышцы женщины обмякли и Розель стала свидетелем ужасной картины: тело несчастной на глазах превращалось в кашу. Наркотик, которым пичкал женщину отец Розель, был родом с Плутона и славился высоким процентом привыкания. Ткани организма, после применения вещества, мгновенно каменели, однако в противовес физической скованности, сознанию того, кто принял порошок, открывался нескончаемый поток снов наяву, при котором тело могло ощущать любые метаморфозы, любые воздействия, которые пожелает.

Главным и самым страшным побочным эффектом бы-

ло затвердение мышц уже после пятого применения. Эффект окаменения поддерживается далее самим организмом несчастного. Тело само бросает на поддержание состояния эйфории все силы, дабы вернуться в ту точку, в которой получало наивысшее наслаждение, в ущерб другим процессам. Бороться с напастью возможно, как делала это мать Розель и, если бы не новая порция вещества, женщина сумела бы выкарабкаться, сохранив память и способность двигаться.

После передозировки мышцы обмякают, а все токсины, накопившиеся в теле под воздействием порошка, впрыскиваются в организм, постепенно растворяя кости, благодаря чему, тело безвозвратно становится бесформенным и нефункциональным.

Сознание же больного живёт в недвижимом теле ещё около суток, однако, Розель не могла этого знать. Оставив мать на кровати, она прикрыла ей веки и укрыла простынюю.

Девушке вдруг стало невыносимо тошно находиться в доме. Встав на пороге хибары, она жадно глотала воздух, выпуская из дома смрад кровавой расправы. Улица кишела запахами испражнений, отходов и смрадом разлагающихся трупов животных.

Розель бросила взгляд на проходящих мимо мужчин: в одном из них она узнала постоянного клиента своего отца и тотчас осознала, что чёрное нечто, убившее её отца, вновь просится наружу. Взглянув на соседний дом, девушка разглядела силуэты трёх сплетниц, что неизменным составом

перемывали кости всем подряд; на балке неподалёку сидел старик, что кидал в неё палки; группа детей пробежала мимо, выкрикивая обидные слова. Это место кишело людьми, которых она ненавидела всей душой и которые желали ей смерти.

Розель двинулась по главной улице мимо дома сплетни, и шла вперёд, не осознавая, что вглядывается в лица всех этих опустившихся людей. Девушка волочила израненные ноги по грязи, после только что прошедшего дождя, не замечая, что жители деревни окружали её всё более плотным кругом. Те выходили из домов и звали знакомых, чтобы поглазеть на нагую, с ног до головы залитую кровью Розель.

Один из соседей забежал внутрь дома и обнаружил мёртвых отца и мать девушки. Он тотчас заголосил об убийце среди горожан. Любопытство толпы переросло в перешёптывание, оттуда – в безмолвное негодование, после чего отдельные жители начинали откровенно глумиться над девушкой-убийцей родных.

Кто-то из горожан прикрикнул: – Убийца собственной матери и отца!

Розель вздрогнула, безучастным взглядом окинув толпу, словно пробуждаясь ото сна, её взор стал более ясным.

– Пошла прочь!

– Нечего тебе делать здесь, чудовище!

Она взглянула на свою руку, на которой ещё сохранились цепкие следы от лап Слина.

– Вы говорили... – За гулом негодования Розель никто не слушал. – Что я убийца, даже когда в моём мире не существовало этого слова и называли меня чудовищем, когда мне не исполнилось ещё и десяти... И я хочу выяснить, насколько вы были правы. – Розель равнодушно направила руку на гогочащую толпу. Пока большая часть жителей деревни поливала девушку грязью, один из мальчишек, дёргая мать за рукав, тревожно шептал:

– Мам, мам. – Мальчик заметно нервничал, однако, никому не было до сорванца дела, все были заняты словесной расправой над Розель. Даже старик, никогда не покидавший насиженной балки, встал, держа в руке новую ветку. – Мама, мама, здесь что-то под землёй. Пожалуйста, мама!

– Отвали ты! – Рывкнула женщина, присоединившись к массе криков толпы.

На месте, куда показала Розель, стали неспешно прорезаться крошечные иглы. Те стремительно разрастались, обратившись вскоре в колья из истинно-чёрной субстанции. Толпа слишком поздно заметила орудие возмездия, – небольшие лезвия один за другим, в мгновение ока увеличились до размера целого дерева, нанизывая на себя врагов тёмной волшебницы.

Те, кто ещё минуту назад толпились, чтобы вставить своё слово, сейчас неслись со всех ног, в попытках спастись.

Волшебница, наблюдая за результатом своей работы, решила продолжить эксперимент.

Иглы тьмы, при соприкосновении со своими жертвами, взрывались особым способом: сближаясь с целью, колья разлетались на несчётное количество частиц, образуя непроглядный туман, который девушка вновь использовала против своих обидчиков, формируя из пыли новые преграды на пути тех, кто еще не успел убежать достаточно далеко.

– Тьма! Маг тьмы был возвращён на этой земле! Мы все прокляты! – Кричал кто-то вдалеке.

Две соседки направились в одну сторону: одна забежала к себе домой и тотчас заперлась, оставив вторую ломиться в здание под натиском бури. Недолго вторая женщина стучала в дверь: громадный кол из сверкающего мрака пронзил её тело, выбив вход в хижину. Испуганная хозяйка дома хотела выпрыгнуть в окно, однако, едва коснувшись рамы, прилипла к дереву и, подняв голову, тотчас её лишилась.

Ипуская жуткие вопли, жители разбежались в разные стороны: тут и там из-за домов громогласно возникали исполинские копыя с насаженными на концы жителями: Розель видела каждого, чувствовала их тени и упивалась новоприобретённой мощью, что перевернула расклад сил в кровавой партии. Мановением руки волшебница окутала пеленой тёмной магии всю деревню, лишив таким образом, своих жертв, единственного шанса на спасение.

Девушка наслаждалась своей силой, этой мощью, владеть которой могла лишь она одна. Хаос, что в её руках обращался в смертоносное оружие, затмевал сознание этого хрупко-

го существа.

Пелена тьмы, опоясавшая злосчастную деревню, постепенно преобразовалась в подобие каменных плит; исполинских, непроницаемых великанов истинно-чёрного цвета. Чудовищный круг из магии тьмы, в котором волшебница пленила целую деревню, неумалимо сжимался, погребая под толщами земли всех без разбора.

Розель стояла в центре бури и пронзала возникавшими из её рук сгустками тьмы каждого, кто попадался ей на глаза.

Следом, волшебница поднялась в воздух, оставляя за собой истинно-чёрную магию, что словно мгла распространялась по земле, – тьма держала свою владычицу, позволяя левитировать над поверхностью. Каждый, кто спрятался за домами, вдыхал частички этой тёмной силы и подчинялся воле владычицы тьмы. Завладев умами десятков выживших, Розель заставила своих марионеток выдавить их глаза своими же руками.

К моменту, когда все плиты из мрака соединились вокруг тёмной волшебницы, спасся лишь один житель, который прибежал от безысходности обратно: старик упал на колени, моля о пощаде. Его седая борода была почернела от пыли, глаза покраснели, а сам он бился головой о землю, пытаясь поцеловать ноги той, в чьих руках находилась его жизнь.

Розель неспешно опустилась с своему обидчику.

– Как же так? – Состроила невинную мину девушка и

перевела руку в сторону. Из оседающей пыли показался небольшой сук. Предмет плавно левитировал к Розель, которая тотчас вручила его старику.

– Кидай. – Произнесла она, пристально смотря ему в глаза. Тот не смог вымолвить ни слова, залившись слезами पुще прежнего.

– Кидай же палку, ну! – Кричала девушка. Старик нехотя взял предмет, замахнулся дрожащей рукой и едва взглянул на Розель, как тотчас рухнул на землю, размазывая сопли по бороде и волосам. Он валялся в ногах девушки и молил сохранить его жизнь.

– Живи, – наклонилась Розель к мужчине, презрительно осмотрев того с ног до головы – живи в осознании того, насколько ты жалкое, никчёмное ничтожество.

Лёжа в пыли, старик провожал глазами исчезающую фигуру Розель; все массивные чёрные плиты, громадные иглы и остатки вихря растворялись в тонком теле, обернув нагую, хрупкую девушку в простой сарафан истинно-чёрного цвета, походящий на тот, что некогда был у неё ребёнком.

Розель устало побрела обратно в дом, где легла рядом с матерью. Она приобняла женщину и, уткнувшись в неё носом, горько заплакала. Мать девушки не могла пошевелиться, не могла издать ни звука, – свои последние минуты жизни она провела, тщетно двигая зрачками под плотным слоем недвижимых век.

Венера в то время была охвачена беспорядками, так как множественные государственные формирования, в противовес королевской, боролись за власть, а недовольство рядовых венер, после поражения в войне с Марсом, заставляли миллионы людей устраивать региональные восстания.

Венера, наряду с Нептуном, имела схожую систему правления: то были единственные планеты в Млечном Пути, возглавляемые своими династиями. На Венере, как и на газовом гиганте, власть представлял свой древний род, которому и принадлежал целый небесный объект; вся династия, вместе со множеством чиновников и министров, проживала в одной точке планеты – в Зиккурате.

Королевская семья из династии Вольтор много веков удерживала власть на целой планете, поделив последнюю на зоны. На небесном объекте не любили иных национальностей, кроме венерианцев, в этом мире не было религии, а каждая зона на прекрасной Венере отвечала за производство определённых групп товаров, отвечавших нуждам планеты и торговли с другими небесными объектами: территория, размером с целую страну, могла заниматься добычей полезных ископаемых, из которых производились украшения в других зонах, поменьше; одежда производилась в третьей, еда произрастала в другой, а над всем этим стояла королевская семья, заседающая в Зиккурате. Особенность венерианской системы правления заключалась в том, что по

достижении возраста восьми лет, каждый член королевской правящей династии становился полноправной частью планетарного совета, имеющей свой голос. Все решения, касательно внутренней или внешней политики Венеры обсуждались всей семьёй на еженедельном голосовании, где голос каждого члена семьи значил один балл, а главного председателя, избираемого на месяц – два балла.

Эта эпоха в жизни Венеры, в противовес земной, характеризовалась как неблагоприятная. Недавняя война с одним из двух континентов Марса присоединила к последнему единственный венерианский спутник, битва за который велась столетиями. Таким образом, Венера осталась без своих собственных небесных объектов и потеряла авторитет на галактической арене.

Розель очнулась на той же постели, рядом с матерью, – та всё так же мирно лежала рядом с закрытыми глазами, от чего девушке стало приятно, однако спустя несколько секунд осознание того, что произошло, плотно засело в черноволобой голове.

Избавившись от нахлынувших эмоций, Розель пересидела на кровати, чтобы переждать головокружение. От вспыхнувшего чувства голода закрутило живот. Тогда волшебница порыскала в шкафу и обнаружила прелый хлеб, – наверное, единственное хорошее, что осталось после Слина. Зарабатывая на продаже дочери, тот часто приносил в дом продукты,

которые благополучно съедал, а излишки чаще выкидывал, нежели отдавал семье, однако этот хлеб чудом сохранился, чем Розель непременно воспользовалась.

Сейчас она искала в доме то, что могло бы пригодиться в пути. Ничего не прихватив, кроме крохотного ржавого ножа, она аккуратно обернула мать в простынь, оставив непокрытым лицо и тихо, словно боясь разбудить родителя, закрыла за собой дверь, взглянув напоследок на место, которое ненавидела всем сердцем.

Розель осмотрела небесную линию, сочные, зелёные деревья, тонувшие в солнце, цветы и ярко-голубое небо. Её вдруг одолела глубокая скорбь, но вместе с тем и надежда, что гнала её душу вперёд, к новой жизни, которую она будет строить теперь сама. Большой не дожил до её освобождения и от этого становилось тошно.

Неспешно припав ладонью к земле, она воззвала ко всей тьме, что была в округе. Волшебница хотела найти останки своего друга. Длинные нити из истинно чёрного цвета распространились всюду: тончайшие щупальца залазили под обломки домов и впивались в трупы, переворачивали тут и там предметы, но не находили желанный объект. Розель почувствовала слабость и отозвала тьму – уж слишком она была неопытна для нахождения объекта по мельчайшим частичкам.

“Сдох в канаве.” – Отозвался в голове мерзкий голос Сли-на. Розель вспомнила, где нашли Большого и была уверена,

что тело мальчика никто не вытащил бы. Так и произошло. Обглоданные останки её лучшего друга были частично покрыты мокрой грязью, на которой произрастали сорняки.

Розель вновь призвала на помощь тьму для того, чтобы вытащить тело друга. Когда её собственная тень встала с волшебницей на один уровень, девушка приказала той вытащить останки из грязи, в то время как сама Розель в последний раз обошла их с Большим убежище, сорвала все эхеверии, что росли вокруг дома и понуро побрела домой.

Волшебница притащила тело своего друга в единственную спальню и положила рядом с матерью, осыпав мёртвые тела цветами.

Навсегда закрыв за собой дверь в прошлую жизнь, девушка стала поочерёдно обходить соседские домишки. Те, что остались целы после побоища, не хранили в себе ничего полезного. Только лишь в одной хибаре Розель обнаружила что-то, отдалённо напоминавшее спички. Девушка поднялась на возвышенность, куда часто ходила ребёнком и двинулась к горизонту, о котором грезилась, как о пристанище надежды и свободы, их новой жизни с Большин.

– А ведь я так и не узнала твоего имени. – Грустно бросила Розель, плавно поднимаясь навстречу слепящему Солнцу.

Венера в то неблагоприятное время походила на Землю, разрушенную войной с Нептуном некоторое время назад. Всюду взору бросались выжженные территории, уничтоженные ураганом войны поселения; несчастные, застиг-

нутые врасплох вражескими войсками, остались на родных землях с застывшими гримасами ужаса. Марсиане выжгли всё, что было у них на пути и потому, когда Розель покидала свой край, вглядываясь с небольшого оазиса у деревеньки в новый, более пугающий пустой и безжизненный горизонт, сердце вновь кольнуло.

Розель долго скиталась по пустошам, что остались после войны, – вокруг не было ни души. Редкие дикие звери растаскивали куски мяса и трупы, погорелые здания испускали остатки дыма, напоминая, что некогда здесь текла жизнь, а воздух был пропитан смрадом запёкшейся на солнце крови с металлическим отголоском.

Встав на подступы разрушенному поселению, Розель разглядела единственную уцелевшую постройку. Открыв дверь, девушка обнаружила несколько трупов людей и одну полу-разложившуюся лошадь. Изнывая от голода, Розель вытащила трупы на улицу и закрыла за собой дверь. Используя последние спички, она разожгла костёр, на котором кое-как поджарила мясо животного. Тошнотворный обед был для неё наивысшим счастьем. Она откинулась на солому и уснула, завернувшись в тряпки и прижавшись к стене, совсем как тогда, когда была ребёнком.

На утро гнилое мясо дало о себе знать болью в желудке: девушку стошнило прямо при пробуждении. Её знобило и бросало в жар одновременно, голова неистово кружилась, а новые позывы рвоты шли нескончаемым потоком. Она вы-

бежала на улицу и тотчас рухнула наземь.

На весь мир прогремела весть о заключении мира между Венерой и Марсом: первая вынуждена была уступить второй спутник после нескольких веков владения небесным объектом. На галактический конгресс, закрепить договор между двух планет прибыли представители всех двенадцати планет Солнечной Системы. Дипломаты, с таких планет как Меркурий, Сатурн, Уран, Юпитер, Плутон, Кернунн, Водан и Бафомет, скрепляли мирный договор между Марсом, победившей стороной и Венерой, потерпевшей поражение. Нептун же до голосования не допускался в виду развязанной им войны с Землёй.

Марс выступал за создание представительства на территории Венеры, за основание своих владений внутри Венерианского государства, которые планировалось обозначить военной базой, на что Венера, по понятным причинам, не могла согласиться. Её поддерживало абсолютное большинство членов совета, а некоторые планеты выказывали желание помочь венерианцам реабилитироваться. Например, Меркурий поставлял ценные для реставрации почв материалы; Водан предлагал восстановить инфраструктуру; Бафомет транспортировал провизию и одежду, а Земля пообещала венерианцам кров и работу на своей территории. Пред-

ставитель Торина, одного из ведущих земных царств, активно выступал за интеграцию иных, как часто называли жителей других планет, в зону Земли и, в частности Торина. Так создавалось множество программ по переселению венерианцев на голубую планету и их последующей адаптации, дабы разгрузить Венеру, которая активно восстанавливалась сторонними силами.

Всего было пять ведущих земных Царств: Вирилиз, Фатос, полумифический Грейндфиль, Саарс и Торин, являвшийся крупнейшим по многим показателям из этого списка. Вирилиз был южным гигантом и славился природными ископаемыми и военной мощью; Царство парящих островов Фатос было севернее и имело влияние на всю восточную часть Земли; Саарс же был небольшим по размеру, но крупным игроком на мировой арене: будучи одним из множества государств на Западном континенте, тот фактически, являлся столицей обоих прилегающих друг к другу материков, славящихся умелыми магами, богатством и Аррозией – великолепной античной библиотекой всех времён, что была едва ли не самым ценным, что было в Галактике. Говоря же о Грейндфиле и о его статусе полумифического государства, чаще упоминают его монарха, который скрыл свои земли от постороннего взгляда своим могучим артефактом и, официально не участвуя в дипломатических играх Земли, вмешивался, однако, в привычный ход вещей, если у него на то были свои причины.

Что же касается Торина, то это государство, как бы находившееся у самого южного края центрального континента, поражало приезжающих своими красотами: удивительной флорой, причудливыми постройками и уникальными природными явлениями, которые торинцы сумели пронести сквозь века и сохранить доисторические объекты в своём первозданном виде. Торином в то время правила мудрая королева Хельм. Нарекаемая матерью народа, она была всеобщей любимицей и являлась его идолом, которому они поклонялись с трепетом. Когда речь заходила о правлении Хельм, говорили о мудрости, высоком качестве дипломатии, врождённой чуйке и безграничной любви к своему государству, но никогда с уст торинца не вырывалась критика. Когда же родилась маленькая принцесса Ка`ара, счастьем торинцев не было предела, ведь Каара стала для Торина отражением новой эпохи.

Родившаяся в послевоенное время, будущая правительница символизировала своим румянцем рассвет нации; своей чистой, белой кожей она напоминала новое лицо Торина, которое он обретал с возрастающим влиянием; своими пышными каштановыми волосами она была игрива, каков был каждый торинец, а её огненные карие глаза были искрой, присущей каждому жителю древнего государства, которые сходу показывали всю бешеную энергию этого народа.

Хельм продолжала политику своего деда, она расширяла влияние на соседние страны путём расставления на их троны

родственников. Так, с десятков царств вокруг заключал в себе свыше двухсот родных династии Ценнет, которую основал дальний предок королевы Хельм.

Её главный помощник, участвовавший в межпланетных переговорах, сейчас вернулся с хорошими новостями. Мужчина средних лет, отбросив усталость после нескольких недель переговоров, торжественно вошёл в тронный зал.

– Ваше Величество, – выдержал он паузу – успешно. Свыше семнадцати миллионов венерианцев готовы к отправке на Землю. Большая часть – в Торин. Это лишь первая волна, мы планируем разместить гораздо большее число беженцев.

Королева гордо улыбнулась. Она перевела взгляд на низенького человечка, что стоял немного поодаль и тот сразу ответил на молчаливый вопрос:

– Готово, Ваше Величество. Незаселённые территории подготовлены к эксплуатации, на первых этапах мы уверенно можем разместить до пяти миллионов человек.

– Хорошо, – ответила Хельм, держа ладони скрещенными – очень хорошо. – Она была мастером дипломатической игры и умело манипулировала обстоятельствами для получения выгоды. Хотя она и не была волшебницей, но благодаря своему уму и врождённой интуиции, сумела встать в ряд с виднейшими магами-властителями царств, среди которых королеву воспринимали на равных.

Свою дочь, свободолюбивую и энергичную Каару, Хельм старалась воспитать достойной преемницей и души не чаяла

в своём единственном чаде. Каара изучала военное дело и дипломатию, основные науки и азы магических искусств, хотя так же, как и мать, волшебницей от рождения не была. Будущая королева Торина должна была блестяще знать множество дисциплин, быть эрудированной в спорах и уметь поддержать любой разговор, а так же предугадывать мысли оппонента, чтобы быть равной волшебнику, с которым вступает в игру. По распоряжению Хельм, на обязательные занятия у юной принцессы должно было уходить до восьми часов в сутки, после чего шёл час физических упражнений, остальное отводилось на личное время. Военное дело будущей королеве преподавала её бабушка Катра, а историю Земли и Галактики рассказывал дедушка принцессы Ялфей.

Каара должна была находиться на занятиях по венерианской литературе, однако, в это время принцесса гуляла по столице, исследуя новые районы, прибавляя в копилку знакомств всё новые, из разряда торговцев, купцов и бродяг. Каара не боялась выходить без охраны и устремлялась далеко от Античной Цитадели, где проживала королевская чета. Сейчас принцесса прогуливалась по набережной центральной реки-обители многих уникальных животных, где её восхищало всё: построенные на старом ладу домишки, которые слоились друг на друге, их жильцы, что усердно трудились, их детей, с которыми она часто останавливалась поиграть; но особенно Кааре нравилось наблюдать за водой: маленькие пушистые нерпы резво выпрыгивали из воды и стрелой

опадали вниз, пересекая голубоватую гладь, на которой развились крохотные создания – пушинки рек; нерпы разгоняли миниатюрных животных, врываясь в стаи хищников, после чего умело уворачивались от иглообразных рыл и вновь взмывали ввысь, паря над водой. Когда своеобразные клювы высовывались из-под блестящей глади, то тотчас привлекали морских мух, что цеплялись на за пасти хищников и уходили вместе с ними под воду, оседая затем на дне, испуская по ночам приятный синеватый, а иногда и зелёный свет. На Земле такое явление, как переход земного создания в водное, был только в Торине, чем сами торинцы очень гордились.

Каара бросала в воду ягоды, что ей дала торговка. Небольшие создания, напомилавшие бобров и выдр, выплывали на поверхность и забавно махали лапками, пытаясь отпугнуть таких же милых существ, походивших на морских свинок, чтобы выбить себе пару-тройку сочных ягод.

Принцесса восхищалась природой в любом её проявлении и мечтала о скором выходе замуж, чтобы поскорее избавиться от рутинной учёбы и делать всё, что хочется, а именно – путешествовать, исследовать неизведанные, запретные территории, открывать новые виды растений и животных и узнать, что находится за пределами Земли или даже за пределами Галактики. Каара часто приходила сюда помечтать, сидя возле реки, названной в честь её пра-прадеда, короля Альмона, который героически погиб, вызволяя свою возлюбленную, пра-прабабушку Каары, из лап преступников с

Сатурна. И Каара мечтала о таких же приключениях. Она была наивна, хотя и не глупа, мечтательна, но не имела недостатка в реализме, смотря на жизнь сквозь призму избалованной вниманием и комфортом принцессы, но её большое сердце всегда имело решающее слово.

Уже под вечер, когда Солнце едва коснулось небесной линии, Каара пробралась в замок, поблагодарив стражей, сохранивших маленький секрет, однако юная нарушительница правил не успела прошмыгнуть в свою усыпальницу, – бдительная Хельм поджидала дочь у входа в её покои. Чтобы не дать матери задать вопрос первой, Каара поинтересовалась, как идёт перемещение венерианцев и всё ли удалось сделать Торину для обеспечения безопасности иных. Королева была осведомлена о частых прогулах дочери, но сегодняшние вести её смягчили и она поддалась.

– Через несколько недель будет организована первая высадка на территорию Торина, наши маги уже готовятся к перемещению беженцев. – Улыбнулась Хельм. – Мы можем провести тебе экскурсию на новых территориях, но в свободное от занятий время.

– Конечно! – Запрыгала на месте Каара, затем, уже более сдержанно, ответила на вторую часть предложения: – конечно.

– Отдыхай, а я попытаюсь убедить бабушку и дедушку отпустить тебя завтра с занятий на поездку по окраинам.

Каара бросилась в объятия матери и продолжала благода-

ритель королеву даже после того, как осталась одна.

Розель пришла в сознание, обнаружив себя на пустыре, когда песчаная буря только зарождалась. Машинально прикрыв глаза и рот рукой, девушка вжалась лицом в сухую землю. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем ураган закончился. Розель пробудилась от боли в животе – многодневный голод давал о себе знать.

Пара диких псов вышли на разведку. Под свет уходящего за горизонт Солнца их массивные туши казались крупнее, а вытянутые, скалящиеся морды свирепее. Розель всё так же лежала лицом в земле, не в состоянии приподняться, однако страх смерти, пришедший с первым рыком собаки, заставил волшебницу мгновенно прийти в сознание. Рыча и лая друг на друга, грозные звери обнюхивали свою добычу.

Розель встрепенулась, когда один из них всё же прошёлся мокрым носом по её ноге. Волшебница немедленно вскочила на ноги и направила обе руки на диких псов, – вражда двух хищников за кусок свежего мяса мгновенно переросла в ожесточённый бой, когда Розель взяла контроль над одним из зверей: собаки грызли друг друга с неистовым остервенением, пока в итоге не победил крупный, чёрный пёс, который тотчас припал к ногам своей хозяйки. Прихрамывая и скуля на ходу, он опустил морду на передние лапы, покорно

вилая хвостом.

Было достаточно лёгкого жеста, чтобы околдованное животное поднялось. Одним махом волшебница оседлала свирепого пса, впившись обеими руками в густую шерсть и помчалась, куда глаза глядят.

Вскоре, на горизонте замаячили очертания массивного строения, чьи контуры вырисовывались ещё на подступах к столице. То был Зиккурат. Исполинский храм, этот циклопический, планетарного масштаба замок служил местом, где жили и заседали первые лица планеты. В ширину Зиккурат составлял несколько десятков километров и постепенно уходил в высоту, издалека напоминая пирамиду. Посреди выжженной земли Венеры, постройка резала глаз обилием сочных растений, что росли на каждом кусочке храма. Деревья спускали вниз раскидистые ветви, прикрывая окошки Зиккурата от солнечного света; толстые лианы с пахучими цветами спадали с самого верха строения, постепенно закрывая каменистую отделку гигантского здания; множественные кустарники и поляны самых разнообразных растений заполняли обширные места, ещё не занятые мхом и бесчисленными видами древесных гигантов. То был центр планеты, её сердце и главная артерия, вмещавшая все эшелоны власти, от мала до велика, возглавляемые королевской семьёй.

Розель остановили у входа в огороженную территорию. У массивного забора, который составлял в высоту едва ли не четыре метра, Зиккурат походил на великана, заснувшего в

облаках. Несколько королевских стражей осмотрели беглянку: хрупкая невысокая девушка была одета в поношенное чёрное платье и была так худа, что, казалось, вот-вот упадёт в обморок, а рядом с ней находился массивный чёрный зверь, издававший грозный рык. Розель было достаточно одного жеста, что бы успокоить своего питомца. Подойдя ближе к охране, волшебница собиралась провернуть свой излюбленный приём с контролем тела, как увидела позади несколько отрядов военных, вооружённых до зубов.

– Тебе чего? – Кинул один, поправляя стальной воротник доспехов. Погружённые в броню какого-то странного, медно-зелёного цвета, эти войны являлись членами элитного корпуса, охранявшего покой королевской четы. На эмблеме, что красовалась на плечах, были нарисованы зеркала пятиугольной изогнутой формы, расположенные против друг друга; внутри одного из них красовался меч, направленный на соперника.

– Я могу пройти в город?

– Запрещено. В связи с войной усилили безопасность. Здесь только свои.

– Кто, свои?

– Девочка, иди домой, да спроси родителей! – Фыркнул кто-то в доспехах, что отличались от остальных.

Розель и не думала отступать. Насупившись, она даже приготовилась грубо ответить и пёс, в такт хозяйке, грозно зарычал, как один из стражей, указывая куда-то вправо, вос-

кликнул:

– Ты, наверное, потерялась? Ищи родителей там. Там земляне наших к себе переправляют.

– Ага, – подхватил второй – кто работать будет? Кто восстанавливать будет планету?

Повинуясь неизвестному инстинкту, Розель двинулась к толпе людей, что гудела неподалёку.

На громадной площади за воротами Зиккурата выстроилась аллея массивных стеклянных сфер, доверху наполненных людьми. Венеры были рассажены по кругу на таких же стеклянных сиденьях, к которым вели прозрачные, спиральные лестницы.

Первый поток беженцев организовано забрался в сферу; пять волшебников воздуха одновременно возвели руки к небу и массивный объект с тысячей венер воспарил ввысь, постепенно удаляясь от поверхности. За ним последовали и другие и вскоре аллея полностью опустела. Не попавшие на посадку столпились у живого ограждения из стражи, угрожая прорвать стройные ряды военных и добраться до ещё не подготовленного транспорта, чтобы успеть занять места.

– Вам ясно было сказано! Вас предупреждали! – Срывался, закидываемый камнями солдат. – В этот день только сто тысяч человек будут отправлены! Всем были разосланы оповещения!

Розель обошла толпу стороной. Поглаживая нового друга, она перебралась за небольшую ограду напротив, стащила

пару фруктов из лавки и лабиринтами оказалась на каменном плато, пустые сферы на котором представляли собой циклопические, кристальные бусины, приготовленные явно не для простых венер. В самом центре кристального транспорта, в просторном сундуке копошился мужчина.

Осмотревшись, девушка метнулась к сфере: бесшумно забравшись на ступени, волшебница передвигалась на небольших отростках из стихии тьмы, что появлялись из стоп. Достигнув своей цели, Розель прислонила ладонь к затылку мага.

– Мы улетаем с Венеры. – Проговорила сухо незнакомка.

У волшебника не оставалось выбора: чары стихии тьмы заставляли любого подчиняться воле хозяина мрака. Магическая сфера вскоре взмыла ввысь. Розель присела на обитый золотом сундук, а пса разместила под прозрачной скамейкой, в то время как околдованный мужчина, уперевшись руками в потолок транспорта, безвольно двигал громадную бусину вперёд.

Спустя считанные минуты, сфера с юной волшебницей уже прорезала космическое пространство.

Маг воздуха поднимал объект всё выше и выше и с каждым пройденным метром становилась всё ближе белёсая пелена, отделяющая космос от атмосферы небесного объекта. Сверху Розель наблюдала такую родную, и такую ненавистную Венеру: девушку поразила неправдоподобная картина, где зелёный, пышущий жизнью островок с Зиккуратом, те-

рялся на фоне выжженной части планеты, по небу которого тут и там сновали легионы марсиан: в данный момент происходил процесс передачи единственного спутника Венеры победителю. Несметные полчища кроваво-красных одеяний кружили вокруг своего трофея, что бы через несколько минут начать его транспортировку на орбиту Марса.

Волшебнице стало тошно наблюдать за процессом грабежа её родной планеты. Плавным движением руки тёмной волшебницы, хрустальная сфера двинулась прочь, в сторону небесно-голубого шара, маршрут до которого был прописан задолго до окончания войны.

– Вы хотите на Землю? – Произнёс спутник Розель.

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. – Безучастно бросила та, позволив магу самостоятельно управлять сферой.

– А вы сами откуда?

Розель молчала.

– Не хотите, не отвечайте. – Простодушно обронил маг, но спустя мгновение продолжил: – Говоря по секрету, я беглый преступник из Торина. – Он посмотрел на девушку, чтобы прочесть её реакцию.

– Тамошние власти бросили меня в темницу за разбой и грабёж. Без суда и возможности защититься... Меня, да в кандалы... – Маг проговаривал каждое слово неспешно, с каждым разом понижая тон. – Я не отрицаю, – защищался он от невидимого противника – я косвенно повинен в смерти

человека, но не дать мне возможность защититься... Это уж слишком...

Розель насторожилась и одним движением руки вызвала едва видимую нить стихии тьмы, что вновь вцепилась в мага, – тот и не сопротивлялся.

– Меры предосторожности – это хорошо. – Бодро усмехнулся тот. – Но я не причиню вам зла, я и не собирался. Я лишь хотел узнать, откуда вы родом?

– Венера.

– Это я понимаю, – улыбнулся маг, затем задумался – понимаю.

Остаток полёта прошёл безмолвно. Вскоре заколдованный волшебник влетел в земное пространство и заставил сферу застыть в воздухе. От голода и усталости у Розель закружилась голова: контролировать пса и волшебника было большим испытанием для её неокрепшего тела.

У девушки потемнело в глазах и она подалась вперёд, едва не рухнув на стеклянный пол сферы, однако предупредительный маг воздуха уже был готов подхватить падающее тело.

Розель приходит в себя, с ужасом обнаруживая, как руки и ноги сжимают стальные оковы.

То было мрачное помещение без капли света. Спустя пару неудачных попыток овладеть мраком, девушка вновь почувствовала слабость и лёгкое головокружение. Услышав где-то

неподалёку глухо скрежет, Розель принялась усердно тянуть кандалы в разные стороны, дабы выбраться до прихода того, кто похитил её, – безуспешно.

– Ты уже готова? – В ушах проскрипел до боли знакомый голос. – Я уже иду... Доигралась... Ты сейчас получишь... Ну, я тебе покажу! – Кряхтя, проговаривал мужчина, прячась где-то за стенами мрачной комнаты.

– Кто ты? Отпусти меня! – Кричала она в ответ, но диалог внезапно оборвался.

Пытаясь освободиться, Розель раз за разом растирала кожу на руках, пока в одночасье не почувствовала, как тёплая жидкость стала стекать по её телу. В тот момент, комнатка начала освещаться, невесть откуда взявшимся светом: девушка сумела разглядеть кухонный шкаф, дырявые деревянные полы, массивный стол и три стула, а у окна, что только открылось для взора, сидела женщина.

Розель пыталась закричать, но тело не слушалось её, точно обездвиженное неизвестным волшебством; напротив неё, в паре метров был дверной проём, с видневшейся небольшой кроватью, а подле неё дырявое ведро, с разбросанными розгами.

– Нет... Нет. Нет! Нет! – Кричала Розель, срывая глотку. Мурашки обуяли всё тело, страх сковал голос; волшебница заикалась, в ожидании скорой расправы.

История повторялась. За дверью, что вела на улицу слышались шаги. Гул от тяжёлых сапог становился всё гром-

че по мере приближения к дому; тотчас Розель припала к полу, рыдая от страха и ужаса.

Дверь отворилась. На пороге возник он.

Пьяный, крепкий, высокий мужчина стоял на пороге с ножом и, шатаясь из стороны в сторону, двигался на беспомощную женщину в кресле.

Злобно сверкнув красными глазами, Слин вытер кровь с ножа, которым только что перерезал горло жене, о себя и развязно налетел на дочь.

Уже в собственном крике, срывая горло, Розель пробудилась.

Обнаружив себя в белоснежной кровати с разрушенной стеной впереди, дыра в которой обнажала зелёные кроны деревьев, волшебница бешено металась глазами из стороны в сторону, пока взор её не пал на забившегося в угол мага воздуха.

– Что это было? – Ужасался мужчина. – У тебя изо рта вырвалось столько... теней...

Розель лихорадило: девушка задыхалась от нехватки кислорода и слёз, что душили её.

Стараясь не нагнетать обстановку, маг использовал воздушную стихию и укрыл простынёй дрожащее тело.

– Ты ведь не будешь меня атаковать? – С боязливой насмешкой бросил молодой парень, на котором из одежды была лишь тонкая ткань, опоясывавшая талию.

Под яростным взглядом тёмной волшебницы, тот поспе-

шил оправдаться, что не трогал девушку иначе, кроме как, доставив в свой дом.

– Прошли почти сутки. – Маг аккуратно присел рядом. – Сутки. Ты проспала столько времени и вот так эффектно проснулась. Что же тебе снилось?

– Не важно. – Приходя в себя, протороторила волшебница, осматривая небольшой домик. – Где мы?

– У меня, это мой дом. Был, до того, как меня не арестовали, а теперь всё это принадлежит королеве.

– Где мой пёс?

– Он был с нами в капсуле, но когда ты упала в обморок, набросился на меня и хотел укусить. Я запер его в клетке в подвале.

Розель настояла на том, чтобы маг освободил её питомца, что тот охотно и сделал. Послушный зверь теперь, как и ранее, охотно следовало за своей хозяйкой.

– Я полагаю, что нам пора представиться? – Проговорил волшебник, наскоро одеваясь. Розель же, погладив животное, даже не взглянула в сторону мага, резво двинувшись в зияющую дыру. – Я Кан! Ка-ан! – Кричал мужчина вслеп, на что девушке не было никакого дела. Продолжая движение в неизвестность, Розель попутно проводила руками по жёсткой чёрной шерсти пса. Забредя в своих мыслях столь же далеко, как и в реальности, волшебница не заметила, как оказалась на тропинке, ведущей к одной из самых оживлённых улиц города.

– А тебя как? – Врезался в уши назойливый голос.

– Да что ты за мной увязался?!

– Ты не сказала, как тебя зовут! – Кан виновато улыбнулся. Сейчас, мужчина даже показался Розель милым: его большие серые глаза на белой коже смотрели на неё с надеждой; большое, мускулистое тело было облачено не в доспехи, а в простую тканевую одежду, состоявшую из брюк и рубахи; короткие волосы были зачёсаны назад, – сейчас он был настоящим красавцем.

– Розель. Доволен?

Но, казалось, Кан был озадачен.

– Почему?

– Что почему?

– Почему страх?

– Если так хочешь узнать, возвращайся на Венеру, да разыщи моих родителей. – Протараторила девушка, желая отогнать от себя всякие мысли.

– А где они? – Кан вновь последовал за Розель; та стремительно сходила вниз, следуя за псом, напавшим на чей-то след. – Правда, где? Быть может, это знакомство мне понадобится!

Розель резко остановилась. Она почувствовала, как гнев снова вскипает во всём её теле. Девушка поднялась к Кану на несколько ступеней и пристально посмотрела тому в глаза.

– Для благословения, – поднял руки Кан – это на будущее, я... Я ничего плохого не имел в виду.

– Какого ещё... Благословения?

– Как? – Дивился тот, раскрыв глаза. Ему подумалось, будто бы его спутница даже не рассматривает возможность быть с ним вместе, на деле же она не понимала, о чём речь. – Что бы твои родные одобрили... нас.

– Если тебе так нужно это благословение, отправляйся обратно на Венеру, разгребь завалы той дыры, откуда я родом и воскреси эту свинью, что звалась моим отцом.

Кан замолчал и следовал за Розель, держа дистанцию.

Волшебница спустилась в город, который так отличался от того, что она видела на Венере: люди здесь были опрятно одеты, улыбались и смеялись без тени злобы, свободно носили в руках корзинки с едой и громко общались, от чего создавался невыносимый гул. То был город купцов, расположенный на подступах к Торину. Проходя мимо плотных рядов с фруктами, где целые отсеки принадлежали сочным плодам, Розель дивилась тому разнообразию, что пред ней открывалось.

Рыба властвовала северной частью торгового пространства, мясо – центральной; рядом находились горы специй, молоко и сыры; яйца и винные отсеки составляли стены этого бесконечного лабиринта из еды и питья. Откуда-то повеяло запахом свежей выпечки и Розель инстинктивно двинулась по направлению к манящему аромату. Огромный пёс следовал за ней и потому, пред девушкой все расступались. Она остановилась напротив булочной, от запаха из которой

у Розель закрутило живот.

Кан, следовавший за девушкой, вызвался приобрести ей всё, что она пожелает и вскоре набрал для неё полную корзину яств и та, без тени стеснения, принялась закидывать в рот все булочки по очереди. Пробуя разнообразные яства из теста с мясом, фруктами и кремом, Розель бросала остальные псу, подкидывая в воздух. Громадными прыжками в воздух зверь настигал еду и приземлялся с переменным успехом то на землю, то на палатки торговцев.

От поднятого переполоха вскоре поднялся гул и жители города стали выгонять Розель и её спутника, требуя возместить убытки. В волшебников полетели фрукты и камни, а дурные слова, которыми их осыпали, шли градом. Одна из торговок, колоритная, крупная дама лет сорока, встала напротив девушки и стала открыто поносить её.

Вскоре павильончики стали сворачивать.

Из-за переполоха, устроенного незнакомцами, жители города вызвали стражей и дабы не попадаться на глаза королевским солдатам, что уже наступали волшебникам на пятки, Кан поспешил увести Розель. Благо, эту местность коренной торинец знал хорошо: петляя дворами, магу удалось скрыться от преследователей, вернувшись в убежище.

Как только оба волшебника забежали в дом, Кан машинально закрыл за собой дверь, но уже в следующую секунду вспомнил о громадной дыре, оставленной Розель. С мгновение, лицо Розель не выражало иных, кроме смятения, эмо-

ций: девушка разглядывала своего спутника с той серьёзностью, с которой дети обдумывают сложный для них родительский вопрос. Розель сорвалась со своего места и повисла у Кана на шее.

– Это было что-то! – Сверкая глазами, проговорила девушка.

Но Кан не мог поверить в происходящее и лишь робко похлопывал Розель по спине, едва касаясь тела волшебницы.

– Только вот я бы поступила иначе.

– И как же?

– Я бы их всех убила. – Резко бросила Розель, смотря в глаза Кана, от чего тому стало не по себе. – Надо же... – Сама не понимая почему, мимолётное чувство теплоты к мужчине в её сердце сменилось контрастным холодом и резко отвернуло девушку от Кана.

– Постой! – Кричал Кан, видя, как стремительно Розель покидает жилище. – Но, что я сделал?

– Слабак. – Буркнула она в пустоту, будто говорила сама с собой. – Трус, что не способен постоять за себя, мне противен.

Едва Розель ступила за порог, как отчаявшийся маг сорвался со своего места и рывком схватил волшебницу за лицо, сжав обе щеки в ладони.

– Не смей звать меня трусом. – Процедил тот, ведь дрожа от злости. – Слышишь?! Не смей!

– И что ты сделаешь? – Вызывающе улыбалась Розель, вы-

держивая его взгляд. – Что ты сделаешь? Так же убежишь? – Громкий плевок в пустоту окончательно вывел Кана из себя.

Действуя подсознательно, маг рывком бросил Розель на кровать и сжал оба её запястья в своей руке, другой же держал за горло; осыпая всё тело поцелуями, тот припал к девушке всем телом.

– Ничтожество? Я? – Фыркал от злости маг. На лбу вылезли вены, его продолжало трясти и он едва сдерживал себя. Кан впился в её губы и тотчас отстранился от боли – она укусила его. Всё так же издевательски, поддразнивая и, смотря своему спасителю в глаза она ждала, когда он будет действовать. Он сжал её горло сильнее и вновь припал к её телу, вкус друг друга постепенно разбавлялся привкусом металла. В воздухе разлилась страсть, освещаемая луной и разбавляемая редким лаем дикого, чёрного пса, забившегося в угол.

На утро Розель разбудила Кана громкими сборами. Девушка пыталась найти что-то на завтрак и громко хлопала дверцами.

– Можно немного потише? – Проворчал маг, прикрывая глаза рукой. Розель тотчас вскочила на кровать и села верхом. Она принялась расцеловывать лицо Кана, тщетно пытавшегося закрыть глаза от вездесущего солнечного света, льющегося из громадной дыры.

Взмахом руки волшебница залатала дыру в доме магией тьмы и вновь принялась целовать спутника, скинув с него

простынь. Сидя сверху, она наслаждалась его видом и своим состоянием, природу и истоки которого не понимала.

– Куда мы идём сегодня? – Игриво бросила девушка.

– Что? Идём? Сегодня? – Маг сел на край кровати и уткнулся лицом в ладони. – Ну, я могу показать тебе окрестности Торина, ты увидишь природу, узнаешь больше о нашей стране.

– Нет, – отрезала та, на что волшебник резко обернулся. – Сегодня я тебя поведу.

– И куда же? – Засмеялся Кан. – Ты ведь не знаешь Торина.

– Увидишь, дождись ночи. – Розель бросилась своему спутнику на шею, повалив обратно на кровать.

Розель с нетерпением ждала захода Солнца. Едва закончив вечернюю трапезу, девушка резво вскочила из-за стола.

– Пора! – Воскликнула та. Её горящие, чёрные глаза воодушевили Кана и тот послушно шёл за ней в неизвестность.

Стоял непроходимый мрак.

Розель безошибочно обходила все преграды на пути, в то время, как её спутник спотыкался обо всё, что попадалось под ноги. Окольными путями, сквозь тропы, которые волшебник не мог распознать в темноте, Розель довела его до небольшого крестьянского домика. Волшебница прислонила руку к двери и та подалась вперёд; на все вопрошания Кана девушка отвечала молчанием, и лишь когда Розель показала

спутнику роковую кровать, тот попятился назад.

– Ты чего? – Шептала волшебница, на что тот, постепенно отдаляясь, отвечал:

– Ты с ума сошла? Зачем мы здесь? Идём обратно!

Но та не отступала. Молчаливо подойдя к спящей хозяйке дома, Розель сверлила взглядом торговку, которая активно выступала против неё днём: та спала мирным сном и не подозревала, что волшебница тьмы ворвалась в её дом и готова отплатить за оскорбления убийством.

– Это она.

– Кто?

– Ну, та самая с рынка, помнишь?

Кан не сразу понял, о ком идёт речь, однако вспомнив злополучный случай, тотчас стал умолять Розель вернуться назад.

Из-за шума, который подняли своим нестихаемым шёпотом волшебники, торговка внезапно пробудилась. Розель не успела опомниться, как та резво вскочила на ноги, нырнула рукой под подушку, достала приготовленный на такие случаи нож и воткнула его девушке в живот, после чего взяла массивную дубину у кровати и пошла на мага.

– Негодяи! Ограбить меня вздумали?! Ну я вам покажу!

Кан растерялся. Он пятился назад, уверяя, что произошла ошибка, что им стоит сесть за стол переговоров и всё обсудить, но грозная, тучная женщина уже неслась на него с новым, грозным оружием.

Волной воздуха женщина была отброшена обратно: сделав над полом несколько кувырков, торговка рухнула на кровать. Кан бросился к Розель; девушка лежала на полу в луже собственной крови.

– Ах ты грязный вор! – Кричала женщина громче, чем на рынке в людный день. – Я тебе покажу! – Она неистово вопила, так как вывихнула руку при падении. Кан же умело отбивал её атаки и защищал Розель. К моменту, когда женщина устала и поняла, что одной с волшебником ей не справиться, бросилась к выходу и Кан не стал ей препятствовать, желая, чтобы это побыстрее закончилось. Но женщина внезапно застыла, едва ступив за порог.

Эта тварь меня чуть не убила. – Ледяным тоном проговорила Розель и встала, словно этой раны в животе не было вовсе.

– Тьма усиливает регенерацию клеток в десятки раз. – Произнесла девушка, подходя ближе к торговке, что уже была околдована мраком.

– Возьми нож. – Всё так же безэмоционально проговорила волшебница, в её голосе слышались металлические нотки.

– Прошу, не убивайте меня, я дам вам всё, – умоляла торговка – прошу, пощадите, у меня... – она запнулась, затем продолжила более жалобно – у меня впереди ещё целая жизнь!

Кан неспешно поднял нож и подал его Розель, но та и не думала брать лезвие.

– Нет, ты сделаешь это сам.

– Прошу, пощадите, я отдам вам то, за чем вы пришли!

– О, да. – Этот леденящий душу тон юной девы сразил Кана, от чего тому сделалось дурно. – Ты это отдашь.

Она встала за торговкой, что обездвижено лила слёзы, смотря как неизвестный маг, что откинул её несколько мгновений назад на кровать, идёт на неё с ножом.

У Кана сдавило горло, но он не мог сглотнуть; спирало дыхание и в кромешной тьме он едва не свалился, ударившись о тумбу.

– Она... Она же смотрит!

– Они все смотрят. – Тихо сказала волшебница, пока Кан подносил острый тесак к горлу женщины.

– Пожалуйста, пожалуйста! – Умоляла та. – Не надо!

Кан колебался, его бросало в пот. Он держал дрожащую руку с ножом и не мог решиться сделать движение.

– Молодец, – мягкий голос Розель добавил ещё больше неопределённости в ситуацию; рука Кана без его ведома вонзилась в тучное тело: изо рта торговки полилась кровь; спустя мгновение, тело женщины с грохотом рухнуло на пол, забившись в конвульсиях.

– Зачем ты это сделала? – Ужасался маг, отбросив лезвие.

– Это был ты, – издевательски произнесла девушка – именно твоя рука завершила дело.

– Ей управляла ты.

– И то верно... – Розель подошла так же беззаботно, как и

утром и обвила его шею руками. – Но ты ведь помнишь, как она поступила со мной тогда, на рынке?

Кан загнулся, он не мог поверить, что дело было в банальной мести. Он понимал, что Розель не права, ведь именно её пёс разрушал стойки с продуктами на рынке, на что торговцы закономерно отреагировали, однако и перечить ей он был не в силах.

– Она была не единственной, кто... – Он взглянул в её полные искр глаза и ужаснулся. – Ты ведь не серьёзно?

– Именно, не единственной.

Тёмная волшебница не отпускала руки своего спутника; спустя мгновение, два тела слились в неистовом поцелуе, волшебники рухнули на кровать точно так же, как и днём ранее. Кровь торговли с руки Кана запачкала алой краской разгорячённых магов, в пылу страсти которые не обращали внимание на скрип и глухие всхлипывания в шкафу, рядом с их ложе любви.

Сам волшебник был, скорее, одним из тех, кто часто колеблется при принятии сложных решений; необратимых, роковых, меняющих всю жизнь на до и после. Розель удалось внушить Кану своё видение мира и отношение в нём человека к человеку: девушка практически не испытывала ни эмпатии к людям, ни каких-либо эмоций, когда причиняла обидчикам вред, считая жестокость неотъемлемой составляющей жизни.

Розель была холодна к проявлениям чувств других и совершенно не понимала привязанностей одних особей к другим, ею самой же двигала жажда крови, действия, постоянной гонки с самой собой, чем волшебница и сумела поделиться с Каном, с которым впоследствии совершила резню едва ли не всего торгового городка. Всех тех, кто некогда освистал тёмную волшебницу, уже не было в живых.

После объявления кровавой пары в розыск, весь Торин только и говорил о загадочных убийцах, что вершат свой, никому неведомый, не поддающийся логике суд и грабят своих жертв, расправляясь с несчастными, забирая деньги, драгоценности или даже оставляя все это в домах убитых, но захватывая при этом какие-то несколько незначительных предметов быта или еду. Они кочевали из города в город, не задерживаясь где-либо более суток. Кан и Розель были без ума друг от друга и от свободы, которая рождалась от безнаказанности и безграничной власти.

Так продолжалось около полутора лет, пока однажды Кан не заявил, что устал от такой жизни. К тому моменту Розель стала ещё более сумасбродной и, казалось, жажду крови этой хрупкой девушки было не утолить. Кан же располнел, обленился и стал менее поворотлив, что сильно раздражало волшебницу. Та не желала оставаться на одном месте более чем на сутки, таща за собой Кана, словно второго дикого пса. В очередной раз, когда на их след напали местные стражи, Кан упорно отказывался идти дальше, мотивируя своё решение

тем, что устал: “Такая жизнь ни к чему хорошему не приведёт” – сказал мужчина однажды.

Розель приняла сказанное Каном в пылу спора на свой счёт. В очередной ссоре она завладела его телом и насильно повела свою уже марионетку на новое место. Пробравшись в очередной дом, на этот раз волшебника, Розель принялась за излюбленную тактику: она взбиралась на потолок и скребла ногтями твёрдую поверхность, и когда жертва просыпалась, волшебница обрушивала всю себя, раскрываясь во тьме, словно пасть дракона. Из хрупкой, миниатюрной фигуры, Розель превращалась в подобие капкана из чистой тьмы, что захлопывался на теле жертвы. Кан стоял на подстраховке и наблюдал за всем со стороны, присоединяясь к возлюбленной на очередную ночь лишь после того, как основное действие завершится.

Когда же они вернулись домой в очередной разграбленный дом, который сделали своим временным пристанищем, Розель отпустила вожжи и Кан, мертвенно бледный, рухнул на пол. Несколько часов спустя волшебник пришёл в себя и рассказал об отвратительных чувствах, которые испытал, будучи под воздействием стихии тьмы. Только это уже была не пассивная магия, что вела его с Венеры на Землю, но яростная, полная злобы и гнева сила, что достигала своего пика в момент убийства. Вся эта бешеная энергия, что таилась в уголках души этой слабой на вид девушки, взрывалась внутри подчинённого ей Кана, отражаясь по всему его телу.

– Не делай так больше, прошу тебя! – Умолял волшебник, будучи не в состоянии встать.

– Ты отказывался идти со мной, что мне было ещё делать?

– Я... я не понимаю...

Она припала к нему и страстно поцеловала.

– Я хочу больше: больше смертей, больше крови, больше убийств! – Розель с лёгкостью подскочила и вмиг оказалась за небольшим столиком, на котором ещё находилось бездыханное тело бывшего хозяина дома.

– Я не хочу останавливаться. Я впервые за всю свою жизнь чувствую себя живой. Я хочу жить, понимаешь?

Кан молчал. Волшебнику тяжело было двигаться в виду того, что его тело ждало контроля и постепенно отучалось действовать самостоятельно, а энергия тьмы, вошедшая в его тело, постепенно подтачивала физическую оболочку мага.

Розель схватила большой кусок индейки и воткнула в него нож. Бросив еду на тарелку, она нарезала овощей на двоих, поднесла хлеб и синеватый напиток, что находился на самой верхней полке шкафчика.

– Я не могу и не хочу ждать, я терпела слишком долго...

– Прощу, давай повременим хотя бы немного. Мы переждём где-нибудь в тихом месте, поживём для себя, ведь...

На этих словах Розель вскочила со стула и жестом притянула Кана к себе. Вновь повиснув на его шее, девушка стала расцеловывать лицо возлюбленного.

– Я тебя люблю, – бросила она страстно – но ещё больше,

я люблю этот кусок мяса на столе. Скинь его. – произнесла Розель, небрежно указав на хозяина дома. – Идём обедать, а завтра я верну тебе тягу к жизни! Тебе нужно пытаться ещё и ещё!

Ночью ситуация повторилась. Розель волокла за собой безвольного Кана, заставляя участвовать в расправах и грабежах, которых тот старался избегать. Девушка беззаботно шагала по трупам, ведя возлюбленного по пятам, словно пытаясь вдохновить и разжечь давно угасшую искру; полагала, будто более усердное занятие одним и тем же вернёт ей их прошлую жизнь.

Кан постепенно терял вес, его кожа приобрела сероватый оттенок, щёки впали. От бывшего рослого, крепкого волшебника остался ходячий мертвец, безмолвно шедший за волей возлюбленной.

После нападения на жильцов в одного из селений на пути, возлюбленные остались в доме своих жертв. Розель удовлетворённо рухнула на кровать, положив руки за голову, тогда как Кан остался стоять в дверном проёме. Девушка приподнялась.

– Ну же, иди ко мне! – Искрилась от счастья Розель, притягивая тело Кана к себе. За это время привычка управлять телом волшебника и его волей стала обыденностью и девушка отпустила вожжи, раскрыв для себя убийственную тайну: спустя множество дней проведённых под контролем, тьма проникла во все частички тела Кана, поработила его кости,

мышцы и мозг, лишив его способности функционировать.

Кан намертво рухнул прямо у ног Розель.

Юная Каара, которой только-только исполнилось восемнадцать, выбежала на балкон. Раздвинув шёлковые занавески, принцесса с живостью наблюдала за подготовкой к празднеству в честь давнего обычая: королевская чета и ближайшие советники уже который год объезжали всю спираль центральной улицы, что тянулась от замка и змейкой уходила вглубь города, разбрасывая монеты и драгоценные камни.

Каара нацепила лёгкую накидку из ярко-зелёной атласной ткани и выбежала из комнаты. Поприветствовав стражей, она задорно пробегала по просторным коридорам Цитадели, представляя, будто седлает крылатого водного дракона. На встречу вышла гувернантка, которую юная принцесса едва не сбила с ног. Та держала в руках платье и туфли для предстоящего торжества.

– Ваше высочество, подготовьтесь! Скоро начнётся праздник! – Голосом командора, смягчённым любовью к этой непоседливой девочке отрапортовала женщина. – Это ваш первый выезд! Всё должно пройти идеально! – Она кричала вслед Кааре, что уже скрылась за углом, давая о себе знать лишь звонкими туфельками, стучащими о каменный пол замка.

– Да, Тимина, я знаю! – Смеялась Каара.

Невысокая, седая женщина лет шестидесяти проследовала в центральный зал, где встретилась с королевой и главным смотрителем Цитадели, курировавшим будущее празднество.

Слуги сновали взад и вперёд, разнося сундуки с драгоценностями и тканями для нарядов по местам, кучеры готовили животных к процессии, а счетоводы тщательно и скрупулёзно изучали каждую копейку, которую планировалось раздать. Королева же раздавала указания, принимая пожелания крестьян и учитывая опыт предыдущих празднеств.

Народ постепенно выходил на улицы, заполняя столицу радостным гулом; из цитадели вышли первые сигналы – так называли людей, которые проходили по намеченному маршруту и зазывали гостей, подогревая публику, заодно проверяя настроение людей, над которыми пролетали волшебники воздуха и молнии. По старой традиции, эти повелители неба летели перпендикулярно сигналам, освещали им путь даже в солнечную погоду и разгоняли облака, чтобы дождь и грозы не омрачили празднество. Маги воды наполняли живительном питьём стоявшие тут и там чаши, а маги земли тщательно изучали почву столицы на наличие скрытых угроз.

Каара спустилась вниз по винтовой лестнице и встала в ряд с сигналами, схватив смутившихся юношей под руки. Публика захохла. Где это видано, чтобы принцесса принимала участие в подготовке к празднику своими руками? Тем

не менее, торинцы вскоре приветствовали будущую правительницу бурными овациями.

На весь Торин гремела новость о найденном в доме своей жертвы убитом преступнике. Никто не знал, где его поделывать и продолжатся ли убийства вновь, однако смерть одного из самых разыскиваемых бандитов была горячо воспринята торинцами. Тут и там выходили демонстрации с призывом объединить усилия стражей королевства, чтобы поймать убийц и наказать негодяев через казнь пятью стихиями.

Среди толпы, в самой большой из таких демонстраций оказалась покрытая во всё чёрное девушка, что шла в Торин из пригорода, где оставила Кана. Ей было всё равно, куда двигаться, лишь бы не стоять на месте, не думать о том, что она своими руками загубила единственного, кто был к ней добр и понимал её. Теперь же многотысячная акция единым маршем двигалась на столицу с лозунгом поймать и осудить ту, что находилась в самом их сердце.

Спустя несколько часов, охраняемые королевской гвардией митингующие завершили марш и постепенно расходились. Розель осталась совершенно одна посреди большого, людного города, в котором находилась впервые. Она в столице крупнейшего королевства Земли, в Тирии, где на каждом шагу кричали о великом торжестве, что вот-вот должно на-

чатся. Розель видела, как толпы людей стекаются в единую массу куда-то вверх, куда не было доступа для взора. Волшебница проследовала за пожилой парой крестьян и вместе с ними вышла к начищенной, гладкой земляной дорожке. Соседи Розель справа заявили, что самолично наблюдали, как маги земной стихии наводили марафет, а после, как сигналы с принцессой маршировали единым строем.

“Принцессой?” – подумалось Розель.

Она ловко обошла охрану и встала в первые ряды, которые обычно занимают видные деятели Торина. Сняв капюшон, который тотчас слился с её телом, девушка осмотрелась: толпа ликовала, ожидая приезда королевской семьи, лакеи в сотый раз пробегали по дорожке, выскивая изъяны и устраняя их. И вот, послышался долгожданный звон колокольчиков на лошадиных шеях. Роскошная карета, поддерживаемая магией воздуха пяти опытных волшебников, оказалась у основания серпантина дороги. Вереница конвоя неспешно текла с возвышенности по витиеватой тропе; переди и сзади от королевской кареты, спрятанные в углублениях своих экипажей, двигались столь же неторопливо самые приближённые лица Её Величества, образуя длинную ленту торжественной процессии.

Розель не понимала, что она делает здесь и зачем ожидает появления королевы, но когда заметила, как окошко кареты немного приспустилось, в её голову забралась мысль, масштаб которой пугал даже саму тёмную волшебницу.

Конвой гордо парил впереди и по бокам от воздушной брички Её Величества; маги земли и молнии продолжали без усталости следить за толпой, что едва ли не проламывала ограждения в бурном потоке эмоций. Из окошка кареты показалась женская рука с горстью золотых монет и с лёгкостью выбросила их, словно отпустив птицу и тотчас скрылась, чтобы набрать ещё из сундука рядом.

Незримая и неосязаемая, тонкая струйка тени дождалась, пока рука покажется вновь. Огибая мелкие камушки, крестьян и волшебников, змейка от своей хозяйки вонзилась в сверкающую от обилия золота ладонь. Тень перебиралась с пальца на палец, окутывала незримой магией часть тела подающего, пока не проникла под кожу. На несколько мгновений персона прекратила подачу золота: Розель очутилась в теле Тимины, видя и чувствуя всё то, что ощущает служанка.

– Что с тобой, дорогая? – Коснулась королева колена гувернантки; рядом с ней сидела взволнованная Каара, а по правую руку Тимины находились Ялфей и Катра.

Розель тотчас смекнула, что подставной член экипажа среди королевской семьи был лишь формой безопасности: ни один из членов королевской семьи не должен раскрывать себя на публике во время данной процессии. Розель повезло: коснись она кого-либо из королевской семьи в попытке завладеть их телом и волшебница была бы мгновенно раскрыта, – так работала мощнейшая защита монарха во время публичных мероприятий.

– Милая, что с тобой? Ты резко остановилась. – Произнесла королева своим мягким, обволакивающим тоном и прикоснулась рукой ко лбу Тимины. – Да ты, верно, больна!

Старик недовольно поглядывал на гувернантку, Катра закрыла глаза, пытаясь отдохнуть, и лишь одна Каара трепетно зашебетала: – А если так, то давайте остановимся? Быть может ей плохо, а боится нас подвести!

– Милая, ну скажи же хоть что-нибудь! – Взмолилась Хельм.

– Н-нет, я в порядке, – смогла, наконец, выдавить Розель завладев телом служанки.

Рядом с тёмной волшебницей, впиваясь трепетным взглядом сидела королева, которая по-матерински справлялась о её самочувствии, а молодая особа напротив пыталась сделать всё для того, чтобы ей стало лучше, приоткрыв окошко, махая веером и подавая воду. Розель всматривалась в лицо Хельм: в её морщинки, в чувственные, понимающие глаза; наблюдала за её жестами и мимикой, постепенно проникаясь теплом и вниманием, которым Хельм окружала самозванку.

Когда девушка, в которую вселилась Розель, резко покраснела, а глаза её наполнились влагой, королева тотчас потребовала остановки в ближайшей гостинице. Каара помогла Тимине выйти из кареты и хлопотала о её удобстве. Старик Ялфей был ворчливым и упрямым, везде и всюду следовал за дочерью, беспокоясь о её безопасности, а когда родилась Каара, то решительно отказывался разъединять их в поезд-

ках, даже таких близких к королевской резиденции в Античной Цитадели. Он был могущественным волшебником стихии земли, а его жена Катра – одной из самых умелых волшебниц огня. Отец же юной принцессы был в постоянных путешествиях: король разъезжал из государства в государство, налаживал дипломатические связи и посещал разные планеты, с целью развития отношений между Землёй и другими небесными телами, годами не возвращаясь домой. Карара его почти не видела.

Когда королевская чета вошла в скромно убранную комнату, владелица заведения долго суетилась вокруг высоких особ. На публике Хельм старалась вести себя сдержанно, а юная Каара напротив, отчаянно заботилась о поражённой недугом служанке.

– Дорогуша, присядь, не то тебя придётся уложить в постель! – Королева приобняла дочь.

Когда Розель увидела, как Хельм проявляет к дочери те же знаки внимания, что и к ней тогда, в карете, в её сердце вспыхнуло доселе неизвестное ей чувство – ревность. Но наряду с чем-то незнакомым, девушка испытывала тихую ненависть к той, кто перетягивал внимание королевы на себя.

Служанка, которой ещё мгновение назад было дурно, резко вскочила на ноги и повелительным тоном произнесла:

– Мне уже лучше!

Все, кто были в комнате, остались в недоумении и только лишь старик громко ругаясь, спешно покинул заведение.

В Античной Цитадели шли приготовления к традиционному пиру, приуроченному к празднеству: на большой стол, что так же, как и центральная улица, тянулся спиралью от центра зала в выходу, расставляли блюда, подносили предметы декора, стулья, светильники и распределяли подарки для счастливиц, которым удалось выиграть в лотерею, главным призом в которой был ужин с Её Величеством.

В центре спиралевидного стола восседала Хельм, по правую и левую руку от монарха находились принцесса, её гувернантка Тимина, Катра и Ямош. По близости к Её Величеству можно было легко определить чин государственного деятеля, тогда как у самых дальних частей спирали теснились крестьяне.

Ужин длился четыре часа, за которые королева и её семья отвечали на вопросы торинцев, обсуждали с ними повседневные дела и будущее государства. Остальные же часы традиционно отводились на беседу правителя с близкими родственниками.

Принцы и короли соседних государств-марионеток Торина собрались на ежегодное пиршество и шумно обсуждали династические браки рода.

– Это, знаешь, сестрица, другое. – Начал высокий седобородый мужчина, правитель одного из подконтрольных Торину царств. Он обращался к Хель свободно, иногда прижимая к себе могучей рукой. – Семья – семьёй, но власть, она была и будет всегда и переживёт и нас с тобой и детей наших.

Приручить её можно лишь поставив превыше всего.

– А для чего же тогда жить, если я не считаю власть главной ценностью? – Противостояла мужчине королева чуть поодаль.

– Согласна, – говорила другая – отношения между людьми, радость от прикосновений, разговоров и ощущений – вот что такое смысл жизни. Ты можешь прожить хоть пять, хоть пятьсот лет, никто не знает, и получать удовольствие от всего на свете лишь наполовину? Увольте!

– Всё, или ничего! – Крикнула Каара с горящими глазами, плюхнув на стол стакан с виноградным соком на манер взрослых.

Зал взорвался хохотом, даже старики Катра и Ялфей размягчились, сухо улыбнувшись и одна лишь Тимина, с начала процессии, на себя непохожая, загадочно посматривала на королеву.

После громкого пиршества, когда все гости разъехались, а остальные ушли на покой, Тимина проскользнула мимо охраны на широкий каменный мост, соединявший две массивные башни Античной Цитадели. Обрамлённый с обеих сторон рядами массивных узорчатых окон, часто служил местом уединения королевы глубокой ночью. Тимине, в которую вселилась Розель, не спалось, она не могла понять, какие же эмоции испытывает и что делать теперь, попав в замок к одним из самых могущественных правителей Земли.

Девушка не заметила, как тёмная фигура бесшумно при-

близилась сзади и прикоснулась к плечу женщины. От испуга Тимина отпряла, сжав кулаки, однако вскоре из темноты показалось лицо королевы.

– Что ты делаешь здесь в такой час? – Спросила Хельм своим привычным мягким, материнским голосом с ноткой волнения.

На пиру Розель слыша рассказы об уникальных растениях Торина, прозванных циделью и их невероятной красоте, что ценится далеко за пределами королевства.

– Сейчас особенно отчётливо ощущается запах цидели.

– Ты права, именно из-за них я сюда прихожу. Они пахнут круглый год. – Вдохнула полной грудью королева, восторженно всматриваясь в пространство. – Представляешь, ощущать сладостный аромат, этот чувственный, притягательный, манящий и будоражащий воображение запах, триста шестьдесят пять дней в году... Восхитительно. – Она задумалась. – Знаешь, иногда просто нужно остановиться и подумать. Просто... подумать. Мы часто не позволяем себе задуматься, а куда же мы всё-таки идём? А по той ли дороге? А с теми ли людьми? А для чего? – Пока королева, не отводя глаз от окна, говорила, казалось, никого не замечая, Розель восторженно осматривала всю эту величественную женщину, разгорячённую после выпитого алкоголя и сохраняющую строгость правителя, удивительным образом соединившуюся с образом матери.

– Ну а что до нас, – продолжала королева, слегка опу-

стив уголки рта – мы слишком поздно приходим к тому, что больше не родимся, – Хельм неподвижно смотрела на звёзды, после чего резко повернула голову на свою визави – а может быть, перерождение существует? А может и правда есть жизнь после смерти? – Она засмеялась, смутившись собственной мечтательности. – Поговаривают же, что Матрок создал не только мир снов, но и мир мёртвых и все, кто покидают этот мир, оказываются где-то там, – Хельм оглядела небо и добавила тихим голосом – но вот только никто не возвращался оттуда, чтобы нам рассказать. – Королева повернулась к Розель, что покорно слушала всё, что вещала Хельм, однако в тусклом свете Луны было почти не разглядеть полных слёз глаз. – Ступай, отдохни, сегодня был очень насыщенный день! – Королева обошла Тимину, слегка коснувшись плеча последней. – Извини! – Послышался задорный звонкий смех.

Тимина не двигалась, она смотрела вслед королеве, не в состоянии оторвать глаз, тогда как Розель уже стремилась за ней тонкой полоской из тени.

Хельм устало прикрыла за собой дверь в усыпальницу. Сняв с себя верхний слой праздничной брони, как она её часто называла, королева совершила вечерний туалет и, расправив постель, уж было собралась лечь, как лёгкий скрежет у двери обратил на себя внимание.

– Показалось. – Прошептала Хельм, зевнув. Внезапный грохот доспехов заставил королеву насторожиться; она

неспешно приоткрыла дверь, окликая двух стражей, что были призваны охранять покои монарха, – никто не ответил. Хельм всматривалась в темноту, в ожидании обнаружить непутёвых стражников: лунный свет, потоками лившийся в это время ночи, исчез; не видно было даже пола под ногами, – королева столкнулась с непроглядный мраком, колючим, холодным. Хельм внезапно ощутила на душе крошечную безысходность и пустоту, словно лишилась вмиг всей радости и беззаботности опьяняющего торжества, погрузившись в пучину боли, которую распространяла Розель. Волшебница и была этим самым мраком, который обволок просторный коридор и мост меж двух башен.

Сделав шаг, королева пнула ногой шлем, что не издал ни звука, провалившись во тьму: то была бездна, в которой виднелся лишь один силуэт.

– Ты чувствуешь то же, что и я? Ведь так?

Хельм в ужасе поспешила закрыть дверь. Замкнувшись на три засова, королева стала судорожно искать какое-нибудь орудие, разбрасывая вещи из шкафов и переворачивая мелкие безделушки. Она схватила гребень, что вытащила накануне из волос и встала против двери, постепенно отходя к своему ложе.

– Кем бы ты ни был, отступи! Покуда у тебя есть такая возможность! – Хельм пятилась назад, пытаясь нащупать опору, пока не упёрлась в изножье кровати. Тем временем мрак просачивался сквозь щели в двери, и словно туман, ниспадал

из отверстий, постепенно заполняя собой всё пространство .

Хельм обессиленно упала на край ложе, выпустив из рук импровизированное орудие. Она всматривалась во мрак, что окутывал стены и разливался водой по полу, подступая всё ближе к ногам монарха.

Дверь со скрежетом отворилась. Из тени показался тонкий силуэт, белая кожа которого отчётливо выделялась на фоне черноты.

Молчание сторон продлилось недолго, снова тёплый, ласковый голос Хельм вошёл в самое сердце Розель: – Ну же, дитя моё, иди ко мне!

Свинцовыми ногами Розель двинулась в объятия королевы. – Мама здесь, мама тебя никому не отдаст. – Девушка припала головой к коленям Хельм и горько заплакала.

– Мама? Что с тобой? – Тонкий голосок принцессы заставил Розель вздрогнуть от осознания того, что её план мог быть раскрыт. Нервным жестом волшебница захлопнула массивную дверь и вжалась в колени королевы, заставив Хельм прокричать:

– У меня разболелась голова, как всегда, после выпитого вина, ты ведь знаешь. Поговорим утром.

С тех пор в жизни двора был запущен необратимый процесс: словно раковая опухоль, занесённая в клетку, Розель подтачивала отношения между членами королевской семьи и стравливала их между собой. Розель старалась обособить

Хельм от внешнего мира и минимизировать её контакты с окружающими, часто запираясь с ней в королевских покоях. Девушка покинула тело Тимины, которое на утро после празднества было обнаружено под стенами Цитадели, – гвернантка Каары и общая любимица двора выбросилась из окна, – такова была позиция расследовавших дело стражей, однако ни Ялфей, ни Катра, ни кто бы то ни было из приближённых трону не поверил в эту версию, хотя и не было никаких улик, указывающих на то, что Тимина была принуждена к подобному или объясняющих случайность падения.

Розель теперь скрывалась, никому не показывая свою наружность. Так продолжалось около двух месяцев, пока волшебнице не наскучила жизнь беглянки, боящейся дневного света. Будучи свидетелем встреч первых лиц земных государств, слушая их разговоры и впитывая мнения, Розель пришла к идее того, что она может быть такой же полноправной наследницей трона, как и Каара.

Через несколько недель состоялся грандиозный пир в честь переселения последних беженцев с Венеры, на котором присутствовал отец Каары, вернувшийся после долгого путешествия с Меркурия. В этот день семья узнала жуткую новость. В обеденный зал, спотыкаясь, вбегает посыльный.

– Ваше Величие, срочная новость! Ваш брат, благородный принц Артензии скончался несколько часов назад! – Все тотчас переполошились. Каара покраснела и забегала глазами, муж королевы Дельт взял жену за руку, а старики недоверчи-

во шурились. Слуга продолжал, держась за грудь: – Ворота замка целы, все двери в главный зал покоев были закрыты, следов взлома тоже нет, и на данный момент никто не может понять, как это произошло. Но важен ещё один момент, возможно, наиболее тяжелый, для вас...

– Какой же удар может ставиться по тяжести с ударом по сердцу?! – Взмолился Ялфей.

Невысокого роста, хрупкая черноволосая Розель потупила взор. Она появилась в дверях в сопровождении стражей Артензии и кротко приблизилась к столу.

– Садись, дорогуша, садись. – Протянула Хельм руки и мягко усадила девушку за стол. Дельт, муж королевы, видя всеобщее смятение, осведомился о происхождении незнакомки, но та, казалось, и вовсе нема, однако королева говорила за неё сполна.

– Я полагала, что так произойдёт, – заявила королева решительно – он был известным пьяницей, его борода всегда была в каком-нибудь супе или салате! – Хельм, сама на себя непохожая, говорила о родном брате с таким пренебрежительным тоном, будто судила заклятого врага.

– Как твоё имя, дитя? – Нависла над столом Катра.

– Её зовут Розель. – Не отпуская руки кроткой волшебницы, властно процедила Хельм. – По крови, она моя племянница, но эта девушка, претерпевшая такие лишения, достойна гораздо большего. – Хельм величественно возвысилась над остальными, грозным взглядом подняв тягостное

молчание. – Отныне и вовек, я нарекаю эту бедную девушку, на чью долю выпало столь много тяжких испытаний, своей дочерью!

– Что-то я не припомню, – начала старуха, сморщившись – чтобы у Пармеза была родня.

– Вы плохо знаете свою родню, мама. – Королева была настроена решительно и, не встретив сопротивления, к которому была заведомо готова, неспешно присела на место, не отпуская руки кроткой девушки. – Будь как дома, ты теперь часть этой семьи. – Королева вновь окинула присутствующих властным взглядом. – И пусть кто-нибудь попробует вставить мне поперёк слово. – Она впилась глазами в старика и старуху, явно ожидая их ответа, которого не последовало.

Пока посланец оговаривал подробности, старуха внезапно проговорила: – А ведь ты молодой маг тьмы, не так ли? – Розель потупилась, она всё так же сидела с опущенным взглядом и чувствовала, как все взоры были обращены на неё. Старуха откинулась на спинку кресла, многозначительно взглянув на Ялфея.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Розель впервые оказалась во дворце. Слухи о том, что у королевы появилась вторая дочь, облетели весь Торин. К Кааре королева стала холодна и практически перестала общаться с родителями, от мужа же и вовсе отдалилась, предпочитая избегать супруга и тот, по своему обыкновению, вновь отправился на дипло-

матическую миссию.

Розель вальяжно распахнула двери центрального зала: он принадлежал ей, как и вся Античная Цитадель. Она вдыхала благоухание цветов, заботливо собранных для неё этим утром и расставленных на широких кадках вдоль всего золотистого ковра, ведущего к трону. Слуги тут и там сновали за ней, чтобы она ни в чём не знала нужды. Едва слово сойдет с тонкого рта, как желание принцессы должно было быть выполнено: таково было веление королевы, которая полностью ушла в заботу о новой дочери. Хельм проводила с Розель целые сутки напролёт, часто гуляя по улицам, которые зачищались теперь от людей по требованию тёмной волшебницы. Громадная, чёрная псина инопланетного происхождения так же плотно вошла в жизнь двора: дикое животное надлежало обслуживать лучше всякого придворного и исполнять все прихоти мрачного зверя, подчас ставя под угрозу жизни слуг.

Розель стала полноправной наследницей престола и всякий, кто смел противиться решению Хельм, жестоко расплачивался своей жизнью. Когда же правительнице пытались доказать, что вся семья её покойного брата, как и он сам пали в ту ночь, когда на пиру показалась Розель, Хельм приходила в бешенство, жестоко мстя за обиду, нанесённую её новой дочери.

Розель и Каара встретились в зале артефактов, который служил трофейной комнатой королевской семьи. Юная

принцесса, мать которой внезапно превратилась в свой антипод, изучала страницы древних книг, пытаясь найти любую информацию о подобных случаях в литературе. Розель нарочно пробежала рядом с сестрой и зацепила её затылок рукой. Каара тотчас вспыхнула, но не подала виду, продолжая сжимать ветхие страницы. Волшебница тьмы томно наклонилась к уху Каары.

– Скоро королевой буду я. Ты уже нашла себе приличные кандалы?

– Ты не будешь править Торином. – Неожиданно для себя, Каара внезапно отбросила книгу, обеими руками упёрлась в пол и резко подняла голову на обидчицу. – Только если будешь править гильдией дурных причёсок! – Презрительно оглядев распущенные, запутавшиеся местами волосы своей визави, протараторила Каара.

Розель опешила от наглости той, в ком не видела даже намёка на соперницу. – Да кто ты вообще такая? Я могу прямо сейчас тебя... – Каара выставила ладонь в останавливающем знаке.

– Подожди еще четыре, три, два, – двери внезапно распахнулись, в зал неспешно вошли Ялфей и Катра. Каара сощурилась в язвительной усмешке. – Ну же, сестрица, нам всем будет очень интересно услышать, что же ты со мной сделаешь?

– Что здесь происходит? – Выдал Ялфей.

Каара залилась краской, она тяжело дышала. В ней пыла-

ла ненависть, злость и обида на самозванку, что постепенно крала её жизнь. Розель же, не сказав ни слова, стремглав вылетела из зала, опрокинув по дороге несколько стульев и сбив с ног лакея.

– Я чувю в тебе перемену, дорогая – сказала Катра, всматриваясь в принцессу. Она была явно рада тому, что самодовольная Розель получила отпор. Ялфей помог внучке встать.

– Я... Я видела вас, как вы приходите, но... Это было в будущем.

– Значит в тебе, наконец, открылась магия – сказал Ялфей, когда уголки его рта поднялись.

– Так ты видишь будущее?

– Я... – Смутилась Каара – ... не знаю, это было лишь на четыре секунды вперёд, я... Я знала, что вы придёте.

– Наверняка самозванка не подозревает о том, что Каара стала волшебницей, – шепнул Ялфей на ухо Катре.

– Я вижу, как ты взволнованная, дорогая, – произнёс Ялфей, похлопывая её по плечу – ведь твои силы, на которые ты можешь положиться, нарабатываются во множественных боях, поэтому не бойся схваток, бойся упустить шанс потренироваться.

На другой день королева ошеломила торинцев постулатом о смене правил передачи короны, благодаря которым Розель объявлялась первой и прямой наследницей трона Торина. Ранее королева распустила парламент, закрыла сенат и рас-

формировала совет министров. Подчас действия Хельм были нелогичны, но никто не мог противиться воле самодержавной владыки.

Ялфей и Катра немедленно двинулись к ближайшим соратникам королевы, к тем, кто поддерживал и продвигал любой её приказ, но чиновники даже не впустили родителей монарха в тронный зал, захлопнув перед ними дверь. Обращаться к народу или лишний раз выносить скандал из Цитадели было нельзя, ведь торинцы сейчас активно бастовали против самозванки, останавливая производство жизненно важных продуктов и изделий. Народ закидывал представителей двора и министров камнями, требуя отсылки тёмной принцессы; королевские обозы осматривались в поисках Розель, а под стенами Античной Цитадели стали собираться палаточные лагеря, – всё это походило на осаду замка. Королевские маги едва справлялись с натиском горожан: когда Хельм приказала убивать каждого без разбора, чародеи сопротивлялись и часто пали жертвой своей добродетели.

Единственным выходом из сложившейся ситуации для торинцев было провозглашение Каары новой королевой и помещение принцессы-самозванки в темницу. Каара стала символом победы новой эпохи: её изображения рисовались на стенах домов, на флагах сопротивления, а её редкие появления на публике сопровождались оглушительным ликованием толпы.

Распустить клубок, что так долго и прочно сплетался, бы-

ло суждено одной жаркой ночью, когда неизвестный в маске тайком пробрался в покои Каары. Неслышно вскрыв замок, убийца вошёл из густой темноты и так же беззвучно подкрался к спящей принцессе, достав припасённый на поясе кинжал. Незнакомец рывком прыгнул на ложе, придавив своим телом туловище принцессы и, сжав одной рукой оба запястья, постепенно раскрывал маску: слабый лунный свет обнажил торжествующее зло на лице Розель.

– Вот и пришёл твой час. – Скалилась волшебница.

Каара пыталась отбиваться, но вязкая тьма пригвоздила обе руки и ноги принцессы к постели.

Тонкое лезвие прошло под рёбрами и медленно двигалось к сердцу. Каара отчаянно боролась: выгибалась всем телом, вырывая корни мрака, впившиеся в основание кровати и срывала голос, в тщетных попытках позвать на помощь.

По клинку всё стремительней стекала кровь принцессы; из глаз брызнули слёзы, – сопротивляться становилось всё труднее. Когда боль стала невыносимой, принцесса на мгновение потеряла сознание.

– До чего же приятно смотреть в глаза, которые покидает жизнь! – Упиваясь мучением сестры, приговаривала тёмная волшебница.

Сквозь полузакрытые глаза Кааре показалось, словно дверь в её спальню, замкнутая после входа Розель, засияла. Слабо потрянув головой, принцесса поняла, что это не было галлюцинацией.

Дверь со свистом распахнулась под натиском пламени, когда змеевидная, огненная рука, ловко огибая домашнюю утварь, возникла над головой Розель. Волшебница сумела отбить атаку мощной волной тени и разбить сияющую ладонь, однако та, по хитрости Катры разлетелась на сотни частей и, словно ватага шершней, в едином порыве вонзилась в тело мага тьмы. На пороге возникла сама Катра.

Розель, чьё тело было набито до отвала огненной материей, едва повернула голову, как несколько лент, всё так же заряженных пламенем, окутали её всю. Верёвки вонзились в шею убийце, обхватили тело и руку за рукой, сжав с невероятной силой хрупкое тело. Мумия, покрытая пылающей тканью, волей Катры подверглась сверх-давлению и тотчас лопнула, окропив мелкими брызгами вновь потерявшую сознание Каару.

Ялфей и Катра вбежали в комнату, обернули принцессу обернули в своеобразный кокон из магии земли и двинулись к выходу.

Однако Розель не решилась бы действовать в одиночку: по всему периметру замка предварительно были расставлены подданные Её Величия. Беспрекословно следуя приказам околдованной королевы, атакуя, волшебники не щадили ни внутренностей Цитадели, ни её обитателей.

Пробив громадную дыру на месте каменной стены, Ялфей и Катра собирались спасти внучку, выбросив кокон за пределы поля боя, но тотчас были сбиты с ног атакой воздуш-

ных магов, которыми напрямую руководила Хельм.

Королева стояла в защитном квадрате из купола воздуха, окружённая верными чародеями. Потерявшая волю владыка приказала своим головорезам довершить начатое – убить свою дочь и родителей.

Ялфей отбросил кокон в сторону, Катра же, высвободила догорающее пламя из комнаты принцессы в свободный полёт: языки разрушительной стихии побежали по коврам и взбирались по стенам, охватывая хаосом всё, что было на пути. Искусная волшебница огня Катра умело руководила магией, комбинируя синее и зелёное пламя в своих атаках. Королева, не будучи волшебницей, полагаясь на своих стражей, которые сейчас по её приказу, исполинскими струями дикого ветра, сносили каменную плиту, установленную Ялфеем в качестве защиты; маги света сверкали тут и там, подвергая бомбардировке кокон Каары и пожилых волшебников; чародеи стихии молнии пронзали стены Цитадели оживляющими предметы разрядами и те, пробуждаясь, послушно двигались на цель; маги тьмы, те немногие, что были на службе Хельм, пытались просочиться сквозь стены земляного щита Ялфея по всему периметру каменной брони. Кокон принцессы уже начинал рушиться под натиском мага земли, что возник откуда-то из-за угла. Старик Ялфей, учувя это, силой выдвинул огромный валун с принцессой за пределы замка и Каара кубарем полетела вниз, оберегаемая могущественной магией. Кокон, за мгновение до столкновения с поверхностью, вне-

запно застыл над землёй, после чего снова рухнул, после чего раненая принцесса вновь пробудилась.

Языки пламени Катры, что пожрали теперь всю башню главного замка, подтачивали ряды королевских магов, когда каменные стены и шипастые корни Ялфея давили врагов и душили их одного за другим.

Спустя минуты ожесточённых боёв, натиск противника значительно угас. Ялфей и Катра опустили щиты и ринулись на остатки королевской стражи. Пламя уже поглотило половину Античной Цитадели: каменные стены разрушались, падая вниз массивными плитами; пол и потолки залов сыпались тут и там.

Хельм совершенно обезумела: оттолкнув воздушных защитников, королева бросилась с кинжалом на Ялфея, вступив аккурат на место обрушения крыши.

Ни маги воздуха, ни Ялфей, ни Катра не сумели вытолкнуть королеву до падения груды камней, – Хельм оказалась под завалами. Когда же пожилые волшебники попытались высвободить дочь из плена земляной стихии, то обнаружили лишь проломленный череп правительницы, погребённый под толщей камней.

Каара выбралась из кокона и, придерживая кровоточащую рану, протёрла глаза от пыли. Античная Цитадель находилась на возвышении над остальным городом и потому то, что сейчас происходило в замке, было на обозрении едва ли

не всего Торина. На улицах столпились миллионы торинцев; народ тянулся к центру, скандируя что-то невнятное, а одиночные смельцы даже пробирались к замку. Каара не сразу сумела разглядеть силуэт Розель, что стоял на расстоянии, ведь та слилась с ночной тьмой. Резким движением склизкая рука выдвинулась вперёд на несколько метров и сжала горло принцессы.

– Теперь никто не помешает мне стать королевой. – Скалилась Розель, всё сильнее затягивая удавку на шее Каары и чеканя каждое слово, наслаждаясь моментом победы над соперницей.

В голову Розель со свистом врезался камень, после чего последовал град из булыжников; примитивные орудия не могли нанести тёмной волшебнице серьёзного урона, однако, отсрочили смерть принцессы: один из щебней попал в глаз Розель, другой раскроил ей череп, а дюжины последующих царапали кожу и окропляли её синяками. Крестьяне, пришедшие на помощь принцессе, вооружились подручными средствами и уже подступили к цитадели; от гула, издаваемого торинцами дрожала земля, – на защиту Каары пришла едва ли не вся столица Торина.

– Убирайся!

– Руки прочь от нашей принцессы!

– Самозванка!

– Долой эту тварь!

Каара, едва дыша, прошептала:

– Уходите, прошу вас... – Девушка знала, что её не услышат, и сердце принцессы сейчас было переполнено признательностью, – её жизнь не казалось ей равной всем этим людям, что пришли её спасти. Потому, когда из земли вырвались стройные ряды истинно чёрных игл, Каара забилась в тщетных попытках высвободиться, чтобы помочь своим подданным. Протыкая крестьян, незримые лезвия бросали тех с силой о поверхность и разбрасывали в разные стороны. Волшебница разрывала тела несчастных и соединяла магические клинки уже в других местах, защищаясь самой, не давая, таким образом бунтовщикам подступить близко. Крестьян было столь много, что Розель пришлось бы отвлечься от Каары и переключить внимание на истребление всех торинцев, что заняло бы немало времени. И потому, отгородившись исполинскими стенами из магии тьмы, Розель неспешно приближалась к обессилевшей, плавно уменьшая собственную руку, однако, не ослабляя удавку на шее соперницы.

– Какая же ты жалкая. Даже владея провидением ты не сумела одолеть меня. И заплатишься не только троном, но и жизнью!

Усилившийся свист заставил Розель поднять голову. В тот же миг на её место рухнула многотонная плита, вдавив с грохотом волшебницу в землю. Толпа ликовала.

Ялфей и Катра прыгнули с рушащейся башни на другую каменную плиту, что отбросила в сторону предыдущую, за-

давившую тёмную волшебницу.

– Девочка моя! – Бросился Ялфей к Кааре, приводя её в чувство. Он обнял внучку, прижав к груди дрожащими руками и, не в состоянии сдержаться, заплакал горькими слезами.

Катра окружила всех троих пламенным шаром. Горящая зелёным огнём сфера оторвалась от земли, однако, оторвав взгляд от шевеления под плитой, волшебники видели, как небо над ними постепенно теряет звёзды и Луну. Катра возвышалась над поверхностью, поднимая шар всё выше, – планировалось улететь подальше от Торина и прежде всего спасти истекающую кровью Каару, пока была ещё такая возможность, однако гнев Розель был сильнее. Словно электрический разряд, яростно бьющий в грозу, тонкой струёй волшебница тьмы, устремилась вверх по башне, с которой на неё была сброшена плита. За долю секунды Розель достигла самого верха и выпустила, что было сил, всю свою мощь стихии тьмы на парящий огненный шар. Почерневшее небо тотчас обратилось во мрак; цветущая поверхность днём ранее, ныне обернулась непроглядной тьмой. Словно молот и наковальня, тьма верха и низа соединилась в одной точке, сжав пламенеющую сферу, лишив огонь Карты доступа к кислороду: все четверо рухнули наземь, распавшись в разные стороны.

Первой пришла в сознание Розель и тотчас потянулась к Кааре, когда в миг была сожжена зелёным пламенем Ка-

тры: девушка буквально исчезла, растворившись в огне. Ялфей прикрыл собой внучку, взывая к стихии и пока плиты из земли вылезали одна за другой, создавая маленький, но прочный шалаш, Розель мелькнула где-то за полуразрушенной стеной забора и рывком, выставив вперёд всё растущие когти, бросилась на принцессу. Ялфей вновь воззвал к стихии: словно гейзеры, на пути Розель стали возникать дыры, которые выплёскивали густые потоки грязи, что затвердевали тотчас, как волшебница тьмы касалась какой-то из их частей. Комья приобретали стальную цепкость и управлялись Ялфеем так же, как и мягкая земля и камни. Пока самозванка неистово рвалась к принцессе, Катра взрывала дорогу на её пути, но хитрая Розель змеёй двинулась в обход Катры и ударила Катру со спины. Создав клинок из собственной руки, волшебница тьмы едва не вонзила его в спину старушке, когда та, резко склонившись, обрушила на волшебницу поток синего пламени, что был заранее припасён для неё.

Розель вновь исчезла в пламенеющей бомбе и казалось, победить её невозможно, так как та вновь воскреснет, но и засечь во тьме владыку стихии было большой проблемой.

Катра и Ялфей не могли сдаться. Старушка-мать взмахом ладони создала едва ли не повторяющий размеры цитадели огненный диск, что озарял светом территории на много километров вокруг. Столбы пламени стали появляться через каждые два метра для того, чтобы не дать Розель пользоваться силой тьмы в полном объёме, тогда как Ялфей передвигал

под землёй небольшие участки между собой, чтобы оперативно засечь тёмную волшебницу. Однако Розель и не думала скрываться. Вскоре она показалась на одной из частей стены мрака, которая ограждала королевскую семью и торинцев.

– Мерзкое старичье! – Фыркнула Розель, растворившись в сооружении из тьмы.

– Как ты, дитя моё? – Произнесла Карта, прижавшись к напуганной Кааре. Обескровленными руками та зажимала рану, из которой текла горячая жидкость.

– Ты... – голос Розель, казалось, издаётся одновременно в разных местах её ограды из тьмы – ...Если бы не ты... – продолжала волшебница с другого конца стены – У нас всё было бы хорошо! – Закричала Розель откуда-то сверху и с каждым словом будто бы телепортировалась внутри массы тёмной магии, как умелая волшебница. Античная Цитадель, полыхающая, разрушенная и окружённая непроходимой стеной, казалось, вот-вот обрушится. Несколько раз попыталась Розель задеть шалаш Каары, выдвинув из преграды длинные колья тьмы, однако всякий раз они точечно сжигались Катрой.

Волшебница прыгнула напротив защитников и ринулась напролом. Её безумные глаза кричали о намерении идти до конца, когда же как силы стариков, напротив, были на исходе. Она истерически смеялась, уворачиваясь от пламенеющих ударов стихии, отражая их траекторию собственной те-

нью и земля была для неё не угрозой, – она уверенно двигалась на свою цель.

– Встречайте королеву Торина! – Кричала она, стремясь вперёд. Её руки обратились в длинные, массивные лезвия из стихии, которой она так хорошо владела; Розель пантерой неслась к принцессе с одной целью – убить последнюю наследницу Торина.

Ялфей тотчас вырвался вперёд.

Выдвигая из земли столбы, размером в свой рост, он умело руководил стихией. Пожилой маг виртуозно двигал плиты между ним и Розель, сталкивал их между собой, валил на поверхность и поднимал до небес, взрывал и тотчас собирал в одной точке, дабы поймать в ловушку неутолимого врага. Сама же Розель умело проскальзывала меж опасных пыльных силков, разбивая мощной магией каждую преграду, что не могла уничтожить. Но один удар Розель всё же пропустила: почувствовав, как из пламени позади возникает Катра, Розель мастерски обернулась тенью и вонзилась в землю. Избежав удара огненной волшебницы, Розель бросился в глаза силуэт Каары, лежащей на земле в собственной крови. Когда Ялфей старался взять противника в кольцо, а Катра бомбардировала синим и зелёным пламенем волшебницу сверху, Розель бросилась к Кааре, и за долю секунды вонзила свой клинок к горстке земли, что была заботливо уложена Ялфеем, – её провели. Едва Розель это поняла, как руку сжали тиски, которые тотчас её поглотили. Громадный

земляной шар воспарил ввысь с Розель внутри; Катра окружила его синим пламенем, следом за чем Ялфей покрыл его вторым слоем непробиваемых камней, после – Катра сжала ладонь на фоне парящего шара огня, добавив на ловушку тёмной волшебницы четвёртый слой – слой зелёного пламени. Ялфей добавил последний, пятый слой земли: вскоре оба волшебника одновременно ударили ладонями о поверхность: многослойная пламенеющая бомба с Розель внутри тотчас оглушительно взорвалась.

Осколки раскалённых камней разлетелись в разные стороны. Ялфей мгновенно создал небольшой щит, который укрыл собой спасителей принцессы. Стена из мрака стала стекаться на землю и вскоре исчезла, а все торинцы, пришедшие на помощь принцессе, уже исследовали поле боя.

– Нам нужно срочно в госпиталь. – Борясь с изнеможением пробормотал Ялфей.

Катра его не расслышала: пламя всё ещё бушевало над ними и старушка постепенно уменьшала радиус небесного огня.

– Я говорю, что сейчас же иду в госпиталь, ты со мной?

Старушка слабо улыбнулась: небольшие язычки стихии неспешно догорали, растворяясь в воздухе. Катра уж было собралась ответить, как повернувшись, тотчас была поймана в клещи тьмы: старушку пронзила возникшая из воздуха тёмная игла, а созданные Розель по бокам силки тёмной стихии вцепились в тело старушки, словно охотничьи собаки в

дичь, – огни вмиг потухли.

Если бы не подоспевшие волшебники среди толпы, Ялфей и Каара в ту ночь погибли бы. Массивные обстрелы территории поразили плечо и живот Розель, – собралась целая армия на защиту дворца. Обессиленная тёмная волшебница, пережившая схватку с сильнейшими магами Торина, сейчас ничего не могла противопоставить целому государству.

– Мы ещё встретимся! – Яростно кричала Розель из-под земли, пока окончательно не растворилась. – Всё или ничего!

После ошеломительного поражения, Розель вновь стала скрываться. Её лицо было всюду в Торине и окрестностях – волшебницу разыскивали как особо опасную преступницу, участь которой заключалась в расщеплении тела и души на Сатурне. Девушка скрыла лицо капюшоном, ни с кем не говорила и проводила всё время в одиночестве. Взяв громадного пса, она рисковала быть пойманной, но совершенно этого не боялась. Волшебница устремилась на Север и долгое время скиталась, занимаясь привычным для себя делом: убивать и грабить, но в этот период её жизни она не получала удовольствия ни от первого, ни от второго. Розель ничего не брала с собой, кроме пары кусочков хлеба и фруктов, что можно было носить в кармане. Её верный спутник следовал

за ней всюду и больше не требовал контроля. Мысленно и телом волшебница словно вернулась ко времени скитания без пути там, на Венере и там, в прошлом, куда путь ей более не доступен.

На пути, как назло не было ни единого поселения. Всюду – безжизненные горы и тягостный, ноющий ветер под тусклым светом осеннего Солнца.

Куда идти и что дальше делать – она не знала, но знала, что должна отомстить. Отомстить за своё поражение и за то унижение, которому старики подвергли её вследствие, опозорив тем самым перед всем Торином. Как сейчас, наверное, ухмыляется Каара, торжествуя над ней, смеётся, что одолела эту слабую и ни на что не способную волшебницу. Душу пожирала обида. Обида за своё поражение, обида за насмешки, которые посыпались на неё после победы стариков и, в конце концов, обида за падение с вершины. Розель не понимала почему, но чувствовала, что это задело её больше всего. Когда волшебница властвовала над Торином, она не чувствовала нужды, не было надобности задумываться о безопасности и защищаться, было в избытке тепло и забота её новой матери. Матери. Образы перемешались в голове девушки и теперь Хельм в её голове стала на этот период единственным родителем, которого её несправедливо лишили.

Послышался грозный рык. Розель вспомнила, что слышала такой в прошлой жизни, когда, придя в сознание на венерианской пустоши, обнаружила себя окружённой двумя ди-

кими псами. Её верный, как она считала, друг, противился идти дальше. Встав в угрожающую позу пёс оскалился. “Мы не ели несколько дней” – Подумалось девушке. Пёс приготовился к нападению и едва не кинулся на Розель, жалобно лая, верно борясь с агрессией. Безмолвно двинув пальцами, волшебница перерезала горло псу мелькнувшей струйкой тени, что нырнула обратно под животное. Дикая собака рухнула к ногам хозяйки, что несколько минут смотрела, как замороженная, в глаза животному, пока пса не покинула душа.

Долгое время Розель не находила себе пристанища, часто впадая от безысходности в раздумья. Волшебница прошла множество километров бесхозной земли, обошла десятки государств и узнала о множестве культур, доселе ей незнакомых и влюбилась в Землю. Нет, не в людей или животных, но в морскую и земную флору, подолгу проводя время на природе, часто вспоминая те немногие счастливые и тёплые моменты из детства, где они с Большим были вместе, среди ласкающего ветра, сочной травы и мелких её обитателей, но всегда её душу и сердце атаковали тёмные воспоминания: об отце, трагической судьбе её матери и болезненной ране, что ей нанесла Каара. Розель воспринимала своё поражение и последующее изгнание, как удар по чести, уничтожение её гордости и несправедливый захват всего того, что она имела: положение, власть, и новую мать, которая, к слову, её особо не волновала.

Дойдя до границы континента, где всюду правило неуём-

ное море, Розель без раздумий обернулась тёмным облаком и, словно птица, планировала над водой. Без страха и волнения, избавившись от тщетных надежд и ожиданий, Розель день и ночь двигалась, сама не зная, куда, пока не достигла берега на другом конце мира.

Розель продолжала парить над городами, видя идиллические картины мирного сосуществования царств. Здесь, континентом из десятков мелких княжеств правило одно, выступая как политическим, так и духовным центром западного полушария. То была самая мирная земля из всех, что были на голубой планете, веками не ведавшая горестей разрушения и славилась уникальной библиотекой Галактики – Всемирной Аррозией. Розель часто слышала это название, будучи в Торине и несколько оно попадалось ей на улицах столицы континента. Розель жадно вслушивалась во все разговоры, где рассказывали об Аррозии. Там, по слухам, находится артефакт, созданный самими Темперидами, в котором таится одна из пяти Великих Сил – Сила Энергии и Пространства. Узнав, где находится заветное здание, Розель немедленно выдвинулась к нему.

Взойдя по массивным мраморным ступеням, волшебница вошла в приоткрытую расписную дверь из красного дуба. В Аррозии её ждали бесчисленные полки с артефактами, записями мудрецов ушедших эпох и множество вещей, собранных со всей Вселенной. Розель неспешно проходила ряды с многовековыми знаниями, аккуратно уложенными и раасфа-

сованными по буквам алфавитов тех народов, кому они принадлежали. Она искала вслепую, искала наугад некий предмет, дающий великую силу, надеялась встретить служителей Аррозии, чтобы найти направление – но здание было пусто. Волшебница долго блуждала среди нескончаемых рядов диковинок, упирающихся в бесконечные потолки, но не встретила ни единой души. Розель в очередной раз слабо окликнула служителей библиотеки, но получила в ответ лишь эхо, которое разносилось по зданию, словно бьющийся о стены пропасти камень.

Тогда волшебница побродила ещё немного, внимательно всматриваясь в каждый артефакт, в каждое название и состав, если то был продукт, затем сделала вид, что уходит из здания, заподозрив неладное. Розель резко навстречу двери и спокойно вышла из Аррозии. Сделав вид, что удаляется от здания, она пустила свою тень в обход и невидимо для тамошних обитателей тонкой струйкой проскользнула по земле, затем, добравшись до здания, продвигалась по двери, потоку и взобралась на одну из этажерок в Аррозии. Невидимая во тьме и бесшумная клякса перемещалась с полки на полку, чтобы засечь тех, кто отчаянно от неё прятался.

Пожилой волшебник с непомерным для его сухого и маленького тела горбом, цепко держа посох, начал выстукивать им ритм, шагая под импровизированную музыку. Другая высокая и тонкая фигура показалась неподалёку. Розель перетекала из одной полки на другую, тянулась на разные стел-

лажи, следуя за силуэтами волшебников. Вскоре показались двое других: крупный мужской и невысокий женский. Они шли рука об руку и о чём-то спорили. Волшебница тьмы старалась уловить, о чём говорят незнакомцы, что тщательно избегали встречи с ней, но не поняла смысла обрывистых фраз. Шелест листов, разбросанных по полу и звон предметов наполнили гулом это массивное здание, что внутри было в десятки и сотни раз больше, нежели снаружи; волшебники перекрикивали один другого, споря о силе магии, все, кроме старика с горбом, тот копошился в углу и подсвечивал тёмные углы посохом. Розель пристально следила за ним и в общей неразберихе и гуле потеряла бдительность, когда рука с посиневшей кожей схватила артефакт, в который забралась Розель. Чёрная жижа стала стекать по когтистым лапам мага и расплескалась по стенам с полками. Синекурый волшебник, от неожиданности вскрикнул и тотчас отпрянул; Розель грохнулась на пол обернувшись в своё прежнее состояние.

– Кажется, нас обвели вокруг пальца! – Ехидно отозвался старик.

– Убьём её! – Крикнул маг воды и льда, который первый обнаружил Розель. Сейчас, в свете зажжённых факелов она сумела его разглядеть: высокого роста мускулистый мужчина средних лет, имел синеватую кожу от природы. Его крохотные, ярко-голубые зрачки едва не сливались с белком, украшая длинное, острое лицо. Волос не было, а голубоватый череп украшали два костлявых нароста, тянувшихся от висков

к затылку, обрамлённые чернотой. Его когтистые, мощные руки только что избавились от последних капель клякс, в которые обратилась Розель и он смотрел на девушку глазами зверя, готовый броситься на добычу, от чего линчевателя останавливал лишь Лезфор, бывший, судя по всему, главой этого отряда. Костлявой рукой старик поправил опадающий, бархатистый наряд, что покрывал мага с ног до головы. Напоминавшее скорее покрывало, в обрамлении фиолетовых линий по всему периметру, кроваво-алое одеяние окутывало собой невысокую пожилую персону. Подходя ближе, маг обнажал на кривой спине крупную шишку, обтянутую расписной тканью, – то был горб, который, как утверждал сам Лезфор, был с ним, сколько тот себя помнил.

– погоди убивать, Факом! – Крикнул он синекурому при- спешнику и тот, фыркнув, отступил. Старик протянул руку Розель. – Кто же вы, прекрасная леди?

Розель осмотрелась и увидела ещё двоих.

Первый, с виду добродушный великан, являлся антиподом Розель по магии. Он был облачён в белоснежное раздельное одеяние с золотыми линиями по краям; небольшая группа миниатюрных птиц из чистого света везде сопровождала волшебника. Ас`из обладал удивительно прямым станом и при взгляде издалека, мага можно было принять за столб; его соломенного цвета волосы обрамляли овальную голову, на которой красовался широкий подбородок с пухлыми губами, скрывавшими белоснежные зубы. Второй при-

спешницей Лезфора была невысокого роста девушка. При детальном рассмотрении, кожа мага целиком и полностью состояла из беспрестанно шевелящихся насекомых, роящихся миллионами на каждом сантиметре тела Кир`им. Темнокожая помощница Лезфора была наделена уникальным даром: практически все крошечные создания земного происхождения были подконтрольны этому хрупкому созданию. Обладающая негибаемой волей Кирим, своим тихим поведением, не внушала соперникам страха, но оставаясь с повелительницей невидимой живности один на один, многие кончали жизнь самоубийством, даже не начав бой. Одевалась Кирим сдержанно: пара поношенных кожаных башмаков и бесформенный серый балахон составляли весь наряд девушки.

– Вы не хотите отвечать? – Спросил Лезфор так же учтиво. – Ваше право. Но почему вы следили за нами?

Розель необходимо было что-то ответить и, сославшись на то, что заплутала, волшебница приподнялась, заметив позади синего великана ещё одного мага: то была миниатюрная девушка, одетая в вызывающе короткий наряд с глубоким вырезом и длинными рукавами, а на тонких, белоснежных ножках не было обуви. Девушка парила над полом Аррозии, слегка выдвинувшись из-за Факома. За хрупкой Гассель всюду следовал двухметровый великан: огромный, жилистый силач Ал. Монструозная марионетка управлялась магией Гассель, обладавшей даром наделять жизнью неоду-

шевлённые предметы.

– Я вижу в вас магию. – Начал Лезфор. – Вижу так же, что в вас сидит что-то, что не оставляет вашу душу в покое.

– Это так, – тихо ответила Розель, вновь с любопытством осмотрев пёструю команду.

– Ваша сила могла бы составить нам добрую службу. – Косо поглядывая на Розель, проговорил старик.

Последний член команды, до того стоявший в тени, сейчас вышел из-за этажерок; тусклый свет факелов падал на него сверху вниз. Он был одет в длинное, чёрного цвета шерстяное полупальто с ниспадающими до груди золотыми наплечниками, бравшими начало из такого же вышитого золотыми узорами воротника. Чёрные брюки, едва видневшиеся из-под роскошного сюртука завершали элегантные туфли на небольшом каблуке. Волшебник держал руки за спиной. Его редкие седые пряди на висках, среди иссиня-чёрных, густых волос, зачёсанных назад, волнами расходились к затылку. Их с Розель взгляды встретились; черты лица мага-аристократа напомнили ей лицо Большого.

– Меня зовут Теспан. – Начал волшебник. Он плавно подошёл, всё так же держа стан прямым и протянул девушке руку. Розель застыла. Большой и этот аристократ имели очень много сходств: вдумчивые, игривые карие глаза, острый подбородок, высокий рост и то необыкновенное чувство безопасности, которое овладело Розель тотчас, как она его увидела. – И я маг огня, а вы? – Розель словила себя на том,

что уже с минуту обездвижено смотрит на незнакомца.

– Розель. Меня зовут Розель.

– Интересный выбор имени для ребёнка.

Розель осмотрела затем каждого по отдельности: в команде незнакомцев были маги огня, в его наивысшей точке силы – апогее; был маг стихии света, этот здоровяк что, казалось, и без магии сумеет наковылять любому; волшебник силы воды и льда, синекурый нептун, в котором скрыт огромный потенциал. Среди высоких мужских фигур затесались хрупкая Кирим с её редчайшей способностью управлять едва зримыми созданиями; прекрасная белокурая Гассель, что верховодила двухметровым истуканом, под стать Асизу, а в самом этом великане хранилось множество тайн и приёмов, которые уже Розель разгадала, заведомо зная, куда применить. Лидером команды выступал загадочный старик, силу которого тёмная волшебница не узнала, но который открылся ей верным союзником, первым поддержавшим присоединение к их команде нового члена.

Розель встала в центр собравшегося круга волшебников: – Я дам вам всё: от золота и земель, до властвования над телами и умами своих подданных, вы будете правителями Земли, каждый из вас; вы получите почёт и уважение, сможете действовать на Галактической арене так, как вам то заблагорассудится. Но до того мне нужна ваша помощь и ваша верность.

Так началась удивительная история объединения таких непохожих по силам волшебников и появления совершенно новой команды, которая навсегда изменила свой облик с шайки скрывающихся проходимцев, до организации, которая в скором времени сыграет одну из ключевых ролей в изменении тогдашнего миропорядка.

Всё так же обитая в захваченной Аррозии, объединение тёмных волшебников редко выбиралось в другие земли, предпочитая вынашивать планы по расширению влияния в тени, пока однажды, Розель не получила ошеломляющие новости.

С момента грандиозной битвы Розель и королевской семьи прошло восемь лет. Ялфей давно покинул этот мир, оставшись безутешным после смерти Карты. Отец принцессы погиб, сражаясь с мятежниками с Плутона, и был похоронен рядом с остальными членами королевской семьи.

Каара вышла замуж за одного из самых влиятельных торинских военачальников, который так же руководил восстановлением Торина после первой Нептуно-Земной войны новой эры. Каара родила от него первенца и в честь маленького принца приказала разбить просторный сад по всей спирали центральной улицы, что окружала Античную Цитадель. На том месте, где была битва с сестрой-самозванкой, сей-

час находился цветущий парк. Малыш пробыл с матерью едва ли полные сутки, когда был отдан приказ перевести его на воспитание семье крестьян на самой Южной точке центрального континента. Мальчика, которого называли Дэстаном, отправили расти вдали от дома и строго настроено запретили разглашать, кто его родители. Распер, избранник Каары, ставший королём после свадьбы, был решительно против того, чтобы отдавать сына от Торина из-за какой-то, как он говорил, “мифической” угрозы в будущем, о которой часто упоминала Каара.

Со временем Торин вернул себе статус сверхдержавы и определял, наравне с Фагосом и несколькими другими государствами, как поведёт себя планета Земля на галактической политической арене. Если Распер брал за основание своей стратегии лишь Юго-Запад центрального континента и на этом строил все планы с оглядкой на пять-десять лет, то Каара, как провидица и сенсор, учитывала взаимоотношения со всей Землёй, другими планетами и опиралась на историю, коя в последнее время давала о себе знать драматическими отголосками и повторениями. Королева на каждом заседании безопасности ставила во главу угла стратегию, заточенную под защиту от магии тьмы и строгом, интенсивном обучении новых поколений магов. Распер же, как главный военачальник армии Торина, вопреки всему стал главным оппонентом Каары и считал, что не стоит концентрировать силы внутри страны, а главный фокус уделить захвату сосед-

них королевств для создания буферных зон для защиты не от единичных противников, но от целых государств.

Заседание совета безопасности Торина началось тёплым летним вечером. В просторной зале были распахнуты все окна, в центре находился просторный овальный стол со пятнадцатью стульями; волшебники стихии света озаряли весь замок, от чего эта зала сияла ярче других; строго разложенные бумаги напротив пронумерованных стульев обозначали главную тему обсуждения этого созыва: “Тринадцатая Нептуно-Земная война”.

– В твоих расчётах явно закралась ошибка. – Нервно проговорил Распер, перебирая бумаги. – Нептуно-Земна война? Опять? Двенадцатая закончилась, вот, накануне!

Остальные генералы вторили Расперу, сетуя на маленькую вероятность такого исхода.

– Ваше Величество, мы недавно подписали с Нептуном сотни договоров о самых светлых намерениях. Мы обязуемся...

– Я знаю, что мы обязуемся, я читала этот документ. – Прервала чиновника Каара, отложив бумаги в сторону. – Но прошу обратить ваше внимание на то, сколько Нептун построил военных баз для дислокации и обслуживания военных за предыдущие два года и сравните эту сумму с предыдущими ста пятьюдесятью! Бурное восстановление военной индустрии, повсеместная тренировка магов и закупки оружия из других солнечных систем? А коалиция Марс-Нептун,

созданная полмесяца назад? Что вы думаете об этом?

– Но, Ваше Величество, – начал маленький, лысеющий человек в больших очках – ведь это договорённость двух планет о взаимном восстановлении территорий, о дружбе народов и...

– Скажите, только начистоту. – Начала Каара, оперев голову на скрещенные ладони. – Кто-нибудь читал этот договор?

У кого-то чиновника вырвалось:

– Но ведь там восемь тысяч страниц!

Внимательно оглядев каждого из присутствующих, Каара внезапно встала и заявила громко: – Заседание окончено! – На бурные возгласы негодования королева ответила безмолвным уходом из залы. На другой день совет был расформирован, а все его участники высланы из страны без возможности занимать высокие посты в дальнейшем. Распер долго обижался на Каару за это решение, но вскоре полностью отдался войне с соседями, проводя всё своё время в походах.

За несколько последующих месяцев королева провела сотни встреч с иностранными послами и министрами, принимала у себя монархов с разных концов Земли и вела переговоры с правителями других планет, стараясь подготовить почву для вероятных пактов о взаимопомощи в случае полномасштабной войны которая, как была убеждена Каара, должна была вот-вот случиться.

Едва ли не каждую ночь она просыпалась в поту от видений страшной катастрофы: королеву одолевали силуэты нептунов, огромной скорости врезавшиеся в атмосферу; как новоиспечённый владыка Нептуна бросает все силы на покорение голубой планеты, и как небесное тело постепенно тонет в жерле войны. Каара видела блестящие бирюзовые доспехи нептунов и причудливые строения, флаги которые реяли над завоёванными царствами землян.

Этой ночью Каара долго не могла уснуть, она долго ворочалась в постели с назойливыми мыслями о том, что вот-вот случится катастрофа. Малютка Дэстан, что с ним? Кто вокруг него? Как с ним обращаются? Сердце Каары сжималось каждый раз, когда она вспоминала его невинное личико, как маленький Дэстан лежал на её груди в первые минуты своей жизни, тянулся к матери и кричал... Как же поспешно пришлось его отдать. Быть может, всё это галлюцинации? Видения? На самом деле никакой угрозы нет, и...

Задвинув плотные бордовые шторы, Каара избавилась от назойливого лунного света. В полутьме каждый предмет обихода превращался в образ, цеплявший к себе новые и новые мыслительные тропы, от которых королева пыталась избавиться. Она положила руку на вторую сторону ложе и тело содрогнулось от леденящего прикосновения пустоты.

Спустя менее чем час, королева вскочила с кровати: её сердце бешено колотилось, зрачки были расширены, а руки наугад пытались нащупать одежду. Она не знала почему, но

была уверена, в том, что сейчас необходимо быть на землях `Авода. Небольшое государство на Севере континента славились своими вечнозелёными садами. Она тотчас велела подать ей воздушную перевозку⁴ и как можно скорее двигаться в нужную точку. Пространства над государствами, которые преодолевала Каара и её свита, состоявшая из восьми сильнейших магов воздуха, были открыты. Они парили по ночным полям, пролетая дремавшие деревни, лишённые света и, казалось, вымершие. В трёхметровой прозрачной сфере, был формируемый барьер, из которого можно было слепить всё, что придёт в голову: так, Каара своими руками создала подобие стула и аккуратно присела на него, сложив руки на колени.

По наитию летел королевский конвой над заливой лунным светом равниной, усеянной цветами. Волшебники, что создали сферу и двигали её по небу, негодовали. Они летели несколько часов, и всё время Каара без устали смотрела вниз в надежде, что глаз зацепится за что-то, что она видела во сне.

Авод был малонаселённой страной, в которой природа составляла добрые девяносто пять процентов территории, и где человеку было отведено лишь пять. Отыскать место, которое Каара видела во сне, было практически невозможно на

⁴ Воздушная перевозка – отряд волшебников воздушной стихии, которые на огромной скорости перемещали предметы и людей из одного конца Земли в другой.

этих бескрайних просторах лугов и равнин. Однако спустя некоторое время, взгляд Каары зацепился за ромбовидную насыпь красных петуний, который отчётливо вырисовывался в голове. Подлетая ближе, Каара углядела среди пёстрой картинки шевелящийся комок.

Воздушный конвой практически без шума опустился с небес, заставляя колыхаться цветы и пробуждая дремавший в бутонах аромат. Сидевший в лоне природы незнакомец не обратил внимания на шёпот и разогнанный ветер.

Каара осторожно шла по направлению к несчастному созданию, что сидело на берегу обрыва, обхватив себя израненными руками. Вышедшая из-за туч Луна осветила заплаканные белые глаза на оливковом лице, не выражавшем ничего, кроме равнодушия. Незнакомец сидел на краю пропасти в ободранной футболке и потёрых льняных штанах с большой рваной дырой. Юноша был весь в ссадинах: на руках и лице виднелись множественные царапины, изнурённое тело трясло, но лицо загадочного незнакомца её было мертвенно спокойным.

Каара медленно протянула к несчастному руки, приговаривая ласковые слова, но загадочный юноша не пошевелил и пальцем. С момента приземления на поляну, одинокий волшебник знал, кто перед ним: за долю мгновения узнал историю личности, пришедшей этой ночью, прочитав мысли королевы. Волшебник принялся неспешно обходить каждого из конвоя Каары и изучать их сверху донизу. Маг прикасал-

ся к ткани их платьев и вглядывался в лица, словно в строки интригующей книги. Незнакомец остановился позади Каары: королева всё так же протягивала руку тому, кого видела перед собой, пытаясь успокоить волшебника. Торинцам казалось, будто маг находится на том же месте, ведь юноше, обладавшему столь мощной силой, ничего не стоило одурманить королеву и её свиту лишь взглянув в глаза каждому из присутствующих. Сама королева и волшебники воздуха всё ещё видели перед собой брошенного всеми юношу, сидящим на обрыве, тогда как тот, на самом деле, лишь создал иллюзию своего присутствия. Будучи невидимым и неосязаемым, маг прикоснулся к мягким каштановым волосам Каары. Шелковистые пряди стекали меж пальцев ладони, когда силы покинули исхудалое тело. Юноша рухнул, оставив на спине королевы лёгкий ветерок.

Волшебник проснулся от прикосновения королевы уже в Торине. Каара всю ночь просидела над телом, которое охватил жар, строго следя за каждым действием санитаров. Когда юноша, приоткрыв глаза, с удивлением обнаружил себя рядом с королевой, тотчас залился краской.

– Как же тебя зовут? – Улыбнулась Каара.

– Матис, Ваше Величество. – Запинался тот.

– У тебя была температура всю ночь. Долго же ты просидел там, на холоде?

– Я не помню.

– Если хочешь, можешь рассказать, что с тобой приклю-

чилось и мы вместе можем решить эту проблему.

– Благодарю вас. – Произнес Матис, всё ещё смущённый таким приёмом. И Каара поняла намёк. Пожелав гостю хорошо выспаться, она неспешно двинулась совершать утренний туалет.

Каара вскоре предложила гостю остаться и тот не возражал. Матис был под личным протекторатом королевы: она нанимала лучших волшебников, чтобы раскрыть его потенциал, присутствовала на каждой тренировке, чтобы отслеживать прогресс и строила план дальнейшего обучения своего протеже.

И Матис оправдал ожидания королевы, он был способным учеником, усердным и трудолюбивым. Тренируясь день и ночь, загадочный незнакомец с сомнительным прошлым стал верным двору торинцем. Юноша вскоре взял на себя обучение нового поколения магов и был последователен в помощи монарху, став правой рукой торинской владыки. Они подолгу проводили время наедине, часто оставаясь в саду Дэстана допоздна. Каара рассказала о сыне, о тёмной сестре, угрозе с Нептуна и тревожных предсказаниях.

Каара была взволнована и перебирала пальцами.

– Розель и Нептун, мятежники с Плутона, от рук которых пал мой отец... Это, понимаешь, лишь малая часть из тех проблем, то грозят нашей планете...

– Негодяи, как ваша сестра, всегда были и будут, я уверен, мы сумеем их одолеть, как это сделали ваши бабушки и де-

душка. Но что же до вас и... Дэстана?

– Это совсем другой вопрос., Тысячи, миллионы вариантов развития событий приходят в голову, едва я воображаю, как меняю привычный уклад жизни... Но ещё больше сценариев возникает, если меняются фундаментальные пути, которые мы выбираем по жизни.

Посреди разговора Матис внезапно уставился на живот Каары. Та была в пышном красном платье, скрывавшем фигуру.

Каара продолжила говорить о своих опасениях и о том, какие есть вероятные пути преодоления проблемы, как Матис внезапно прикоснулся к плечу своей наставницы. С широко раскрытыми глазами, тот пробормотал:

– Ваше Величие, отчего же вы не сказали, что у Дэстана будет братик?

Ошеломлённая Каара не знала, что ответить, она смотрела на Матиса в упор, словно не слышав речи последнего.

– Но я, я не беременна!

– Поверьте, это так. – Матис присел напротив неё на корточки. – Плоду нужно лишь несколько дней для того, чтобы в нём плотно обосновалась душа.

– Я... Я никогда не задумывалась над тем, как зарождается жизнь в утробе... – Изумлённо Каара поглаживала живот.

– Поверьте мне, Ваше Величие, в вас зародилась новая жизнь. – Матис взял Каару под руку и помог встать. – Идёмте, Ваше Величие. – Они двинулись по узкой тропинке, что

была скрыта от посторонних величественными папоротниками. – Новая душа рождается в момент слияния двух существ, но тогда она состоит лишь из нескольких сотен частичек энергии. – Матис сделал небольшую паузу. – Для сравнения, мы с вами состоим из множества триллионов таких частиц. Душа окончательно обретает свои свойства, то есть закладывает фундамент того, кем мы будем, уже на второй или третий день после зачатия.

Королева изумлённо слушала всё, что говорил Матис, она безоговорочно верила своему ученику.

В тот же вечер король, вернувшийся с утренней охоты, узнал радостную весть от самой Каары.

– Это прекрасная новость! – Воодушевился Распер. Он снял с себя доспехи и обнял жену. – Но как этот Малис узнал? – Небрежно бросил король перчатки на стул.

– Его зовут Матис, и...

– Плевать.

– ...и он Хозяин Души.

– И что, он может быть везде? Может быть он нас подслушивает сейчас? Или смотрит, как мы с тобой спим, вот на этой кровати? – Распер выказывал волшебнику явное пренебрежение, от чего Кааре становилось не по себе. Королю нашёптывали, якобы у его супруги есть близость с Матисом. “Потому-то они и проводят столько времени вместе, уединяются, общаются, Темпериды знают лишь, о чём!” – Часто слышалось Расперу.

– Что? Я не понимаю.

– Где ты подобрала этого оборванца и зачем?

– Ты прекрасно знаешь, из каких соображений я исходила, когда приглашала этого волшебника в Торин.

– Не придумала ничего иного, кроме сказки о конце света? Ходишь, носишься тут со своей катастрофой, когда всё вокруг, наконец, восстановилось! – Приблизился Распер. Его скулы задёргались.

– Если ты ещё не забыл, то я твоя королева!

– А я – король Торина и твой законный муж! – Он почувствовал какое-то облегчение, произнеся эти слова. Но понял, что перегнул палку. Бегло поцеловав жену в обе щеки, Распер извинился и, сетуя на важные дела, выбежал из усыпальницы. Королева ещё долго смотрела тому вслед.

В коридоре, Распер встретил доносчика, от которого узнал весть о том, что Матис только что появился в саду Дэстана, после продолжительного отсутствия, – волшебник что-то задумал. Маг покидал Торин, пока никто не видит, подолгу отсутствуя не только в самом королевстве, но и на Земле.

Распер, в последнее время, не раз резко высказывался в публичном поле о стиле правления своей жены, о недовольстве проводимой в отношении Торина политике и недвусмысленно намекал на слабоумие Каары.

Встречая, каждый вечер, своего супруга, королева притворялась, будто не в курсе о словах Распера, словно ссоры, что тот затевал, лишь фикция и затем не последует никаких

действий, она вынуждена была жить с ощущением отчуждённости едва ли не от всего двора, ведь супруг переманивал на свою сторону всё больше подчинённых. И потому, ложась с ним в постель, Каара каждый раз смотрела в глаза тому, кто подтачивал её авторитет и власть день ото дня, полагая, что всё это останется незамеченным.

Каара была молчалива лишь потому, что прекрасно знала о грядущих событиях.

Спустя некоторое время, Каара разослала в Мировой Совет запрос на внеочередное заседание правителей Земли. Через неделю, в большой зале для переговоров собралось свыше сотни правителей со всей планеты.

Каара стояла за широкой кафедрой, отделявшей выступающего от гостей. Массивное сооружение на высокой горе недалеко от столицы Торина было построено ещё прадедом Каары и сейчас впервые использовалось по назначению, — для единения глав государств в этом величественном строении.

— Приветствую всех, кто присутствует сегодня на заседании, посвящённом будущему нашей планеты. Единение сейчас как никогда важно, особенно в виду предстоящих событий. Нам необходимо создать крепкий альянс для недопущения разрушений, подобных последней войне с Нептуном. Земля победила, но какой ценой? Большая часть планеты была выжжена, миллионы людей потеряли всё, но больше

всего мы потеряли самое ценное, что у нас есть – человеческие жизни. Никто не станет спорить, что жизнь – это невозполнимый ресурс, а смерть – неизбежный и необратимый процесс, однако... – Каара выдержала паузу. – Мы можем отсрочить её или и вовсе разрешить ей прийти тогда, когда Смерть сама захочет, но не помогать ей. Зачем же мы делаем её работу за неё? Мы часто выказываем пренебрежение друг другу, игнорируем проблемы и выносим наперёд свои обиды, потакая эмоциям и наотрез отказываемся понимать друг друга. – Каара остановилась, чтобы попить воды. – В этом мире всё упрощено: мы говорим: “злой”, “добрый”, “глупый” или “умный”, что я диву даюсь, как ещё слово вода обозначает у вас жидкость! Мы должны прекратить распри, объединить усилия в борьбе с общим врагом, и более всего... – Половицы закрипели и на цыпочках вбежал лакей. Худощавый мужчина с густыми усами подбежал к Кааре и что-то ей прошептал, от чего та побледнела. Сидевший по правую руку Матис заметил, как королеве становится дурно. Он уж было подскочил, но Каара жестом приказала оставаться на месте.

– Я предлагаю выступить следующему оратору. Мне необходимо отлучиться на некоторое время.

Когда Каара, как инициатор мероприятия, покинула зал, толпа в негодовании загудела.

Королева выбежала из здания вместе с Матисом и обратилась к свите из восьмерых воздушных волшебников, что

позволяли ей перемещаться по небу, однако те решительно заявили, что отказываются перевозить Каару и более не подчиняются её приказам.

Распер захватил власть в царстве, сдвинув с трона свою жену. Его поддерживали практически все чиновники, ему так же присягнули на верность высланные из страны министры и дипломаты, продолжавшие подтачивать авторитет Каары извне.

Волшебники едва не схватили королеву. Матис одним движением руки заставил магов рухнуть.

– Не стоит. – Бросила Каара. – Это было закономерно. Верни им души.

Матис дунул на ладонь, в которой находились едва видимые белёсые эссенции. Те разлетелись по телам. Каара вновь обернулась к своему ученику и спокойно заявила:

– Фагос долго спонсировал повстанцев внутри наших соседей. Многие поддались. У Торина не было ресурсов, чтобы противостоять коалиции против нас. – Королева вглядывалась вдаль, на холмик, где едва виднелась Античная Цитадель. – Король Иор – наш единственный потенциальный союзник. – Видя непонимание на лице своего верного слуги, королева, сквозь полузакрытые веки неспешно проговорила: – Почему я сдала трон?

– Ведь вы...

– Провидица, это так, уж можешь не сомневаться, – проговорила королева без сожаления в голосе – и мне нужно бы-

ло, чтобы за поражение государства кто-то ответил.

– И этот кто-то ваш подлый...

– Верно, но амбициозный муж.

– Но ведь, у вас есть план? Есть что-то на случай уничтожения Торина?

– Этого не будет. По крайней мере, пока я жива. Сейчас мы отправляемся в Грейндфиль. – Едва Каара договорила, как Матис, искренне удивившись, проговорил:

– Но ведь это государство – миф... Как...?

– Поверь, всё, что нам нужно, – это ты.

Каара и Матис, в мгновение ока, оказались в густых зарослях торинских лесов. На плечо волшебника пала мягкая рука.

– Попытайся материализовать место, которое сейчас увидишь в своей голове.

Каара сама никогда не видела Грейндфиля, но знала, что в будущем он сыграет в её жизни значительную роль. Матис воссоздал небольшую дверь в стволе старого дерева. Этот проход Каара передала ему из своих мыслей, – именно так сама королева видела вход в полу-мифическое царство. В головах обоих прозвучал металлический, басистый мужской голос. Каара взяла на себя переговоры, в ходе которых другой стороной прохода было принято решение впустить незнакомцев.

Они встретились на нейтральной территории, в королевстве Грейндфиль. Что-то вроде буферной зоны между зем-

ным миром и государством Йора походило на выжженный лес, тёмный и холодный. Матис занервничал: он полагал, что правитель Грейндфиля мог загнать их в ловушку, однако Каара успокоила волшебника. Королева вышла вперёд, навстречу плотному, невысокому монарху в голубых доспехах и увесистым, массивным медальоном на шее.

– Ваше Величество, – начала Каара неспешно – вы отлично знаете, что происходит на мировой арене и частично – о процессах в Торине.

– Главное, что стоит знать, – начал мужчина, держа руки за спиной – я знаю. Знаю так же, что ваш муж сместил вас, а сам Торин окружён.

Про себя Каара подумала, как же быстро расходуется информация, однако спокойным тоном продолжила:

– Это был лишь закономерный этап моей политики. – Сделала паузу королева, завидев как глаза Йора слегка расшились. – Я расскажу вам всё более подробно, укажу на каждую мелочь в стратегии, которую разработала я с оглядкой на будущее, однако мне нужна ваша помощь.

– С оглядкой на будущее? И что же это значит?

– Я, как провидица, знаю, что произойдёт с миром.

Он стал оборачиваться, подраживая Каару.

– И вы полагали, что я поведусь на это? – Он распахнул портал в Грендфиль и неспешно вошёл, оставив королеву Торина и Матиса в одиночестве. Однако не прошло и минуты, как Йор вернулся, вновь вдумчиво всматриваясь в

невозмутимое лицо своей визави. – Вы знали, что я останусь, так? – Усмехнулся тот.

– Верно. – Улыбнулась и Каара, чтобы разрядить обстановку.

– Что же, пройдёмте ко мне во дворец, нам есть, что обсудить.

Торин вскоре был окружён и успешно захвачен силами трёх сверхдержав Земли и их сателлитов; Распер был казнён, как и большая часть его правительства; армия была разбита, а вопрос существования Торина, как независимого царства ныне обсуждался на общеземной конференции стран-победительниц. Собравшиеся правители царств активно чествовали свои войска и приглашали всех желающих на открытый процесс капитуляции некогда могущественного государства. Неделю длилась громкая кампания по привлечению внимания сторонних наблюдателей к делу. Главы царств и их ближайшие дипломаты располагались в треугольном зале с треугольными столами. Сама башня в королевстве Фагос была трёхсторонней формы и предназначалась для особых встреч.

– Так как Вирилиз взял на себя водный фронт и успешно атаковал с Юго-Запада, мы выдвигаем права на побережья от города Саппор, до реки Тор, через вот эти холмы. – Проговорил высокий и тонкий мужчина в бордовом костюме. Ему вторили все дипломаты на его стороне треугольника, доказывая, почему именно Вирилиз должен был отхватить себе

тот или иной кусок. Другие стороны пытались доказать свою важность и выдвинуть на перед свой более важный вклад в войну, чем их союзники. Процесс двигался очень медленно, ни одна сторона не хотела уступить другой ни метра захваченной земли.

Увесистая, трёхметровая дверь неспешно открывалась. В ожесточённом споре дипломаты не обратили внимания на хрупкую черноволосую девушку, что вошла в зал. Показавшись на проходе, Розель неспешно двигалась к треугольному столу. Когда же незнакомка приблизилась достаточно близко, чтобы её заметили, опустила обе белоснежные руки на стол.

– Мне кажется, здесь возникла ошибка... – Проговорила она с напускной жалостью. – ...Я не получила приглашения.

Диспуты мгновенно прекратились. Все тотчас устали на незнакомку в предвкушении того, что будет дальше. Раздражённая толпа политиков выстукивала ритм на столе и ногами на полу, желая получить развязку, но Розель томительно молчала, казалось, ожидая чего-то. Наконец, один из дипломатов, тучный, грузный мужчина лет пятидесяти, подскочил, уперевшись обеими руками о стол.

– Назовите своё имя и королевство, которое представляете! Перед вами правители трёх держав, проявите же уважение, в конце концов!

– Не поверишь, – произнесла Розель небрежно – я и сама удивлена...

Внезапно, в просторном зале завыл ветер. Среди безмолвия, что воцарилось после слов тёмной волшебницы, по полу пробежал лёгкий скрежет, затем едва слышный, глухой звук, словно кто-то бил друг о друга две пустые деревянные сферы.

– ...Удивлена, почему же нам пришлось столько ждать. – Проговорила Розель торжествующе, уступив место хрупкой Гассель, словно лебедь плившей над мраморным полом. За прекрасной чревоушательницей неизменно следовал безобразный истукан, пугающий и суровый.

– Прошу прощения, Ваши Величества! – Издевательски бросила та, как появилась.

Гассель принялась облетать каждого из правителей и их дипломатов, проводя рукой по плечам и головам каждого. После чего внезапно остановилась и уставилась на вскочившего из-за стола чиновника. Внезапно тот закричал, что было мочи, угрожая страже расправой, если та не выведет из зала двух незнакомок и призвал не бояться проходимок, после чего резко шмыгнул к двери. Политик не добежал до выхода какие-то пару метров, остановленный внезапным ударом в спину. Жгучая боль в позвоночнике растянулась до живота мужчины и вышла увесистым стальным когтем из пупка. В грубую ладонь марионетки постепенно втягивалась с виду тонкая, но на деле нерушимая, горящая красным нить, что тащила на себе коготь. Лезвие затем столь же просто трансформировалось в руку куклы.

– Оставь мне этих троих, – Розель пустила едва видимые струйки тени к трём королям – остальные – твои. Тёмная волшебница повела за собой правителей держав-победительниц и неспешно вышла из зала под душераздирающие крики жертв Гассель.

Спустя несколько дней, все империи, участвовавшие в битве с Торинном, отказались от притязаний на земли завоеванного ими государства. Было заключено множество пактов между странами, на днях ведших кровопролитную войну. Под гул негодования, Розель вскоре победоносно вошла в Торин и вскоре была коронована. Хотя народ и продолжал бунтовать, тёмную волшебницу это нисколько не тревожило. Вирилиз, Фагос и Саарс, фактически зависели от воли Торина и его единовластной правительницы. Таким образом, четыре из пяти держав Земли соединились в одном блоке.

В тяжелый для всей Земли период судьбоносных войн, Каара родила второго ребёнка и вновь вынуждена была отдать его на воспитание в другую семью. За Каарой всюду следовал Матис, который, судя по всему, не понимал интриг королевы, однако и не перечил ей. Между ними всегда были доверительные отношения, поскольку Каара всецело доверяла волшебнику и не требовала отчётов о том, куда Матис пропадал, по большей части, по ночам. Бывало, Кааре требовалось обсудить серьёзный вопрос и она искала своё единственное и главное доверенное лицо, но тот приходил лишь

под утро, строго до рассвета. Тогда королева делала вид, что ничего не замечала, ведь узнать, куда пропал Владыка Души, было невозможно, в виду его Великой Силы.

В последующие несколько лет, Каара натравляла Иора и его войско, состоявшее из солдат других миров, на объединённый блок земных империй, во главе с командой Розель. Будучи неумелой военачальницей, вынужденной бороться с могущественной силой, волшебница не сумела удержать власть и вскоре покинула Торин под угрозой уничтожения своей команды.

По иронии, Каара вновь заняла трон, вскоре после ухода своей тёмной сестры. На Торине теперь стоял исполинский защитный купол, поставленный Иором. Каара вновь переиграла Розель. Однако та не была бы собой, если бы не поставила ловушку. Сама Розель не могла находиться в Торине, в виду масштабных чисток, устроенных амулетом Иора, но её крохотная часть, ушедшая под землю и вылезшая после тщательной проверки Иором, заняла тело приближённого владыки Торина и таким образом узнала, что Каара родила уже второго ребёнка. Однако где дети – вопрос оставался открытым, да и та самая маленькая часть, захватившая тело подданного Каары, не могла долго существовать вдали от хозяйки, потому вскоре отпустила мужчину.

Королева играла в долгую и прекрасно понимала, что война ещё не окончена: оставалось самое трудное.

Тем временем Нептун уже открыто высказывался о войне

с землянами. Новая королева газового гиганта Велея Мели, как и её мать, пару десятилетий назад, готовилась к одной из самых масштабных битв со своим главным оппонентом.

Каара и Матис, вскоре после новости о единении Марса и Нептуна с несколькими государствами Сатурна, посетила воинственную планету. К самой Велее, владыке Нептуна её не пустили, но обещали передать всю речь земной королевы в точности до каждого вдоха.

– Я прошу вас только об одном: не объявлять войну Земле. – Едва ли не на коленях держалась Каара, стоя перед министром королевского двора Нептуна. – Сейчас нам как никогда требуется восстановление после той войны, которую устроили мы сами. Мы разбиты, мы истощены. Мы можем выплатить вам репарации, можем быть вашими верными союзниками, но я заклинаю вас остановить подготовку к войне. – Завершила королева и тотчас вернулась на Землю. Уже по возвращении в Торин, Матис, вытаращив глаза, вопрошался:

– Но ведь вы только что подписали Земле смертный приговор... Ваше Величие, зачем же...?

Но Каара не ответила.

Королева инкогнито провела несколько встреч с представителями планет, не участвовавшими в альянсе с Нептуном. Среди тайных помощников Земли были Меркурий и Кернунн, однако о чём говорилось на заседаниях, Матис не знал.

Последнюю встречу Каара провела в Грейндфиле, сидя за

небольшим столиком в уединённом саде Иора.

– И какое же будущее ждёт Грейндфиль? – Игриво начал монарх.

– Он будет существовать ещё очень и очень долго. У него большое будущее, хотя и забрызганное кровью. Он выстоит и расцветёт пуще прежнего. – Учтиво, слегка склонив голову на бок проговорила Каара. Она допивала чай и собиралась уходить, как вдруг остановилась и, выждав паузу, тихо проговорила:

– Мог бы ты оказать мне ещё одну услугу?

Иор неспешно присел на стул, от которого едва оторвался.

– Всё, что угодно.

Едва минула неделя с момента посещения Каарой Нептуна, как полномасштабная галактическая война развернулась вновь.

Велея, воспользовавшись альянсом с Марсом и несколькими другими планетами, исключила возможность помощи землянам со стороны третьих сторон, пригрозив последним интервенцией. Голубая планета была не готова к войне: остатки войск великих держав, после глобальной войны внутри Земли, едва держали строй; Иор и несколько видных волшебников планеты, встали на защиту вечнозелёного мира, вдохновляя и придавая сил оставшимся стражам небесного тела. В строй встал так же и один из самых загадочных и противоречивых волшебников, о котором слагали легенды.

То был некий Зайн, чья фигура считалась, наряду с Грейнд-филом, едва ли не мифической.

Могучая армия планеты Нептун, гонимая реваншистски-ми настроениями, вторглась на Землю, во главе с власт-ной правительницей Велеей. Сотни миллионов вооружён-ных солдат расположились отрядами по пять тысяч чело-век, вооружённые сферами с газовой магией, заслонив собой Солнце практически на любой точке Земли.

– Убейте столько землян, сколько сможете! Спалите каж-дое животное и растение на этой прогнившей планете, изни-чтожайте их детей и стариков, погасите огонь в их сердцах и сотрите в прах их души! – Прозвучало в голове каждого солдата, идущего штурмовать Землю.

Велея же, чья неизмеримая сила расщепления досталась ей от матери, направилась напрямиком во Всемирную Арро-зию. Она надеялась найти заветный артефакт – Книгу Тем-перидов, о которой грезила ещё её мать, и которую пыталась найти вся Галактика, вот уже свыше тысячи лет. Войдя в пу-стующее строение с бесконечными потолками, Велея выста-вила руки вперёд. На каждом её пальце со сверкающих ко-лец срывались небольшие искорки, которые улетали куда-то в темноту. Так Велея рассчитывала обнаружить заветный ар-тефакт, который некогда был воссоздан из газовой магии, ко-торой она и владела. Безуспешно.

Владыку Нептуна охватила ярость: кому-то из землян всё-таки удалось заполучить книгу. Поначалу ей захотелось всё

спалить, расщепить это место, как внезапно подумалось, что оно может пригодиться после захвата Земли. Недалеко от входа в Аррозию материализовался высокий, статный мужчина. Он был облачён в робу зелёного цвета с металлическими и коричневыми вкраплениями, а всё его одеяние походило на лёгкие доспехи с длинным плащом тёмно-изумрудного цвета, в тон глазам; на широкой груди красовалась блестящая брошь.

– Велея! – Громогласно произнёс тот. – Похоже традиция продолжается. Традиция погибать от моей руки поколение за поколением!

– Ты! – Яростно закричала королева в ответ, постепенно ускоряя шаг. – Сейчас я покончу с тобой раз и навсегда!

– Ни у твоей матери, и ни у кого из твоих предков не вышло, – смеялся тот в ответ – чем же лучше твоя тактика? – И Зайн бросился в атаку, схлестнувшись с владыкой газа у ступеней Аррозии.

Велея, предварительно воссоздав из газа тысячи своих клонов, разлетелась по всей Земле, чтобы сбить защитников планеты с толку. На деле же, настоящая Велея направилась к центру Земли, к его ядру, дабы растворить его, как “льдинку в тёплой воде” – говорила она. Королева Нептуна погрузилась в центр Земли, где покоилось ядро голубой планеты, чтобы расщепить его и вынудить жителей сдаться, так как именно в ядрах планет и содержится могучее количество энергии,

что даёт жизнь всему небесному объекту.

Иор прибыл в Торин. Воспользовавшись силой своего амулета он воссоздал чувствительный щит⁵ над всем королевством. Каара поблагодарила союзника, дав в ответ ценные указания на счёт его дальнейших завоеваний в других мирах, чему он был безмерно признателен. На вопрос, почему же она не хочет спрятаться в одном из его миров, Каара отвечала смиренно: “Так надо” и заранее попрощалась с монархом, оставив того в глубоких раздумьях. Однако медлить было нельзя: хорошо натренированные отряды нептунцов методично выжигали земные государства и расщепляли мистическими сферами тела их защитников; ловко уворачиваясь от ударов сил природы, нептунцы отравляли воду и взрывали поля, выкашивали животных и объединялись в несколько десятков легионов с общим количеством под пять миллионов человек, чтобы противостоять одному одарённому магу Земли.

Иор бросился к озоновому слою. Воссоздав защитный купол на всей планете. Войска Велеи, врезааясь в пожирающий щит, тотчас растворялись в магии амулета, передавая его владельцу энергию и силу погибшего. Иор знал, что на этом фронте не будет проблем, потому сконцентрировался на атаке вторгшихся войск. С помощью своего артефакта, монарх

⁵ Чувствительный щит – барьер, который срабатывает лишь при атаке на объект. В действительности, сам объект ничего не окружает, однако если магия, наложенная на территорию или человека учит недобрые намерения, то будет блокировать применение заклятий в точке соприкосновения.

вселился в одного из генералов многочисленного отряда и велел повернуть ружья на своих же. Строгая иерархия подчинения нептунов сыграла здесь с ними злую шутку: солдат было не трудно одурачить, сказав, что земляне теперь маскируются под них. Как только дело было сделано, Иор и прибывшее из Грейндфиля подкрепление его учеников стали добивать оставшихся на центральном континенте. Нептунов всё ещё было достаточно много.

Тем временем Зайн, наблюдавший одним глазом бой своего временного союзника Иора, противостоял владыке Нептуна.

Велея накинулась на мага, выпустив газовую магию, что разбрелась по обширному полю боя. Отравляющий элемент расползлся по земле, вцепившись так же и в воссозданный Зайном сферический барьер, окутывавший его. Куда бы Зайн не последовал, магия тотчас достигала его и вгрызалась в щит, словно дикий зверь в кусок мяса. Волшебник держал оборону, пока Велея мистическим образом возникала сверху и снизу, появлялась со всех сторон и била кулаками, обёрнутыми в газовую магию, по уже дававшей трещины сфере. Наконец, Зайн выбрался из купола, оставив элементам Велеи пожирать его и, воспользовавшись форой, ответил на удары газа ударами антимагии.

Мельвьетон, мать Велеи, понимая, что её победа крайне размыта и полагая, что дочь будет мстить за её поражение, подготовила для последующих вероятных вторжений на

Землю собственное изобретение: несколько магов, что проникли в озоновый слой с первой волной атакующих, сейчас очутились позади королевы Нептуна. Выцепив двоих пролетающих солдат, королева выдула им в лицо странного цвета пыль, благодаря чему те мгновенно приобрели волю Велеи.

Странная блестящая субстанция обращала солдат в безвольных рабов, подготавливая их тела к трансляции энергии хозяина. Велея распределила газовую энергию так, чтобы максимизировать силу ударов, когда её воины только увеличивали атаку, умножая её.

Зайн схлестнулся с тремя воинами, практически равным себе по силе, что было, однако, крайне трудно достижимо.

Розель была близка к воротам Торина, когда началась война Нептуном.

Она стояла на небольшом утёсе, что выходил на Торин, она видела его мерцающие огни, эту жизнь, кипящую, бурную жизнь большого государства. Безмолвно она направила руку с чёрными когтями на защитный барьер, как тотчас из земли со всех сторон в него стали впиваться циклопические чёрные лезвия. Прочнее камня, острее ножа, эти иглы вонзались в торинскую броню, создавая грохот, что разлетался на многие километры.

Третий раунд битвы сестёр начался.

Обошедший с противоположной стороны Факом обернулся ледяным великаном и крушил щит яростными ударами

могучего топора; Лезфор, крепко держась за посох, взывал к небесам и тому, что было по ту сторону жизни, заставляя мелкие частицы купола дрожать и сдавать позиции; Асиз и Теспан в дуэте старались выжечь брешь в громадном куполе, сверля щит огненным торнадо; Кирым призывала своих маленьких слуг, подтачивать броню Иора и искать в ней изъяны, а красавица Гассель, выдвигая вперёд марионетку, заставила грудную клетку куклы раскрыться, раздвигая кости полу-человека, и выпуская оттуда едкий и непроглядный туман, состав которого волшебница держала в строжайшем секрете. Сама же Розель создала новую волну циклопических лезвий и вонзала их, верховодя тенями силой мысли, в начавший понемногу крошиться щит.

Из окон Античной Цитадели Каара видела, как невообразимо огромные иглы прорывались сквозь защитную пелену Иора и как по ним взбирался синекурый великан, замораживающий за собой всё; по ним взбирались и остальные приспешники Розель. Спиралевидные знаки стали заменять собой звёзды, они опускались всё ниже и ниже к щиту, а их магия просачивалась сквозь барьер, и тотчас бросалась на стражей Торина, унося их души куда-то в небеса.

– Пора! – Вскрикнула Каара, подзвав к себе одного из главных действующих лиц этой операции. Сенсор поочерёдно залазил в сознание каждого из воинов Торина и оперативно сообщал приказы королевы о том, как необходимо действовать.

Синекурый Факом, добравшийся к острию громадного лезвия из тьмы, ударом двуручного топора разрубил пополам подлетевшего к нему солдата Торина и уже был готов прыгнуть на купол сверху, как был сбит мощным разрядом, направленным ему в спину, от чего тот надолго был выбит из боя.

Асиз прикрыл Теспана, выстрелив лучом света в солдата Каары, который возник из тени. Когда оба мага отвлеклись от громаения щита, над ними возникло облако, которое Теспан решил разогнать чёрным пламенем, однако возникший позади волшебников, бесшумный убийца запустил в слуг Розель несколько кинжалов и, точно зная, куда будут отражены эти орудия, подмигнул своему товарищу, и тот, на полной скорости, влетев в обоих магов, вонзил в их рёбра заточенные кинжалы – оба мгновенно полетели вниз, падая по полусфере щита, словно капли.

В то же время, окутанная миллионами жуков Кирым, казалось, не имела бреши в броне, – та могла растворяться в своих маленьких слугах, переносить своё сознание в любого из них и была едва ли не бессмертна, однако Каара знала о каждом предстоящем её шаге и воспользовалась этим грамотно. Каара воспользовалась тем, что сама волшебница была не совсем на поле боя, то было коллективное сознание роя, действовавшего под наказом заклинательницы. Настоящая повелительница жуков находилась далеко от Торина, защищая свой клан от нападения нештунов.

В очередной раз, когда Кирим устроила шторм из несметного количества насекомых, грызущих торинскую броню, тут и там влетали в тело волшебницы крохотные шарики огня, которые та успешно отбивала несколькими насекомыми, ценой жизни последних. И поэтому, когда очередной небольшой снаряд пламени прорвался сквозь толщу вихря из жуков, Кирим не ожидала, подвоха, что таился в пламенеющей мини-сфере: в момент столкновения с одним из крошечных приспешников Кирим, огненный шарик содержал в себе цепную молнию, которая, высвободившись, парализовала волшебницу несметную армию её приспешников.

Лезфор безуспешно пытался попасть в возникавшего из-под земли мага, который так же безуспешно пытался ранить своего оппонента. Проворный маг отражал посохом любые удары, однако Каара точно знала, что в одно из мгновений битвы, старик откроет для удара спину, атаковав, в надежде на успешный удар, двух волшебников перед ним, и потому королева, выждав правильный момент, призвала из-за щита, водного мага, который в мгновение ока возник позади своего противника и заключил того в непроницаемую сферу из ледяной жидкости, сквозь которую Лезфор едва мог дышать, пуская все силы на добывание воздуха своим посохом.

Каара грамотно спланировала свою следующую атаку на мозг противоборствующей команды: когда началась Нептунно-Земная война, в небе то и дело звучали взрывы, а иногда, с далёкого пространства над планетой то и дело летели об-

ломки камней, остатки магии или рикошет молний – результаты планетарной битвы. Каара точно знала, в какой момент над Розель возникнет клоака из сражающихся воинов, которые сцепились насмерть, разбрасывая всюду разрушительную магию. Королева выстроила несколько воздушных магов так, что бы перенаправить их атаки, сыплющиеся друг на друга, на главную противницу Каары, создавая воздушные потоки снизу тёмной волшебницы, на уровне с ней и сверху. Так Розель не сумела вовремя помочь своим сподвижникам и была вынуждена отражать хаотичные нападki на себя, в то время как один из магов Каары, управляемый непосредственно самой королевой, видел уязвимости в каждом ударе тёмной волшебницы и знал, что когда та атакует его в лоб, не будет ожидать боковой вспышки. Таки случилось.

Тонкая рука владычицы тьмы высвободила бурный поток тьмы, растущий из земли, тогда как её оппонент, умело увернувшись, дал старт двум каменным изваяниям, что по его указке одновременно нанесли удары. Розель была уязвима сейчас, как никогда и до смерти владычицы мрака оставалось мгновение.

Гассель выскочила из пелены собственного яда, окружающего купол Торина и нанесла критический удар по магу, руководящему каменными великанами.

Мгновенно Каара покинула сознание убитого мага, осознавая, что просчиталась.

– Не может быть, я не могла... – Королева тарашилась в

пол, недоумевая, после чего мгновенно вернулась на поле боя, через глаза своих воинов.

Розель вновь подверглась нападению, но проворная Гассель, с её непредсказуемыми ударами не раз спасала жизнь волшебницы. Крепкая кукла возникала и пропадала в тумане, как и сама Гассель и действовала столь непредсказуемо, что Каара попросту не могла предвосхитить её следующий шаг, поскольку та сама не знала, где окажется через несколько минут.

Однако королева всё же придумала способ, как победить неугомонную чревоушательницу, но Розель и Гассель были уже у щита, готовясь нанести последние удары. Каара приказала остаткам армии магов воздуха развеять ядовитый, едкий туман и у тех уже почти получилось, – Розель и её помощница остались без прикрытия. Последние силы Торина сейчас были брошены на уничтожение двух магов, приблизившихся вплотную к границе защитного купола.

В последний момент Матис, руководивший несколькими волшебниками, оборонявшими цитадель, щёлкнул пальцами, – ожидавшие приказа маги мгновенно рухнули наземь. Остальные же воины, налетевшие на Розель и Гассель, тотчас застыли в воздухе и сорвались со своих мест, словно что-то с силой потянуло их назад, что-то нечеловеческое, что заставило тела волшебников согнуться и рухнуть у ног Матиса, будучи притянутыми к магу, словно магниты.

Белёная пелена, что поддерживала купол амулета Иора

медленно спала от финального удара циклопической игры из чистой тьмы. Войска под командованием Матиса вмиг рухнули наземь – Владыка Души забрал их сущности себе. Оставшиеся солдаты, что были на передовой, были притянуты Матисом к цитадели, где он молчаливо вобрал их души в себя. Горы трупов были разбросаны теперь по всему Торину.

Титанические иглы Розель уже ворвались в торинское пространство. Матис встретил Розель у входа в Античную Цитадель; они обменялись взглядами и поняли друг друга без слов, будто всё уже было сказано.

– Я сделала всё, что могла. – Обессилено упали руки королевы на бархатное платье. Те немногие слуги, что остались с Каарой после того, как весь Торин узнал о несокрушимом враге у его ворот, сейчас столпились вокруг своей повелительницы. Королева укрылась в тронном зале, что защищал от воздействия большинства чар. Но даже оттуда были слышны крики нападающих. – Предугадать предательство бывает, порой, не под силу даже самым мощным чарам.

Чары, охранявшие вход в Античную Цитадель, вскоре пали под натиском сил тёмной команды. Розель стремительно вошла внутрь, Матис и Гассель помогли союзникам вновь встать в строй и без труда вошли внутрь, – сам Матис прекрасно знал все тайные проходы, и расправлялся по пути с любым сопротивлением. По лестницам, по стенам и сквозь любые преграды двигался отряд волшебницы тьмы, пока не столкнулся с тронным залом, что был защищён, казалось,

лучше остальных комнат цитадели. Началась атака на последнее пристанище Каары.

Каара успела захлопнуть засов и замаскировать саму дверь, когда потолок с грохотом обрушился на головы собравшихся внутри; через мгновение разбиты были ещё две стены. Все собравшиеся, кроме Каары, что находилась в углу, тотчас были убиты.

Розель победоносно вошла в зал, а за ней Матис, Лезфор, Теспан и остальные. Тёмная сестра королевы уверенно шла по трупам, взбираясь горделивой походкой по руинам тронного зала древнего царства. Они встретились лицом к лицу. Каара взглянула красными от слёз глазами в почерневшие белки Розель.

Королева была окружена: Гассель и Лезфор с выпирающим горбом встали сзади; Кирилл и Асиз находились по левую сторону от Каары, а Матис – по правую. Розель же торжественно стояла против своей сестры, растягивая момент удовольствия, совсем как при их первой битве, когда Ялфей и Катра были ещё живы.

– Почему? – Королева смотрела прямо в глаза своему воспитаннику. – Как же я могла так просчитаться... – Проговорила Каара, казалось, сама себе.

Матис, вопреки всему, не отвел глаз, напротив: он твёрдо и уверенно заявил, сложив руки на груди:

– Всем надо как-то выживать в этом мире. На чьей стороне сила, значит на той стороне я. Розель имеет большой

потенциал, тогда как эта беготня с тобой по миру порядком меня утомила!

– Видишь, сестрица, я же говорила, этот трон... Мой! – Закричала истерично Розель. Эхо разнеслось далеко по всему замку сквозь разрушенные стены.

– Никогда. – Сквозь влажную пелену на глазах, уверенно процедила Каара и, нарочно задев подолом платья Розель, села на трон. Волшебница тьмы была в ярости: такой наглости от той, кто зависит от неё она не ожидала; все присутствующие смотрели на Розель в ожидании её ответа. И если поначалу та хотела убить Каару сама, то затем неожиданно обратилась по левую руку.

– Матис, я хочу доверить это тебе. – Леденящее спокойствие на лице тёмной волшебницы не удивило, казалось, никого.

– Я не ослышался? – Матис отшатнулся.

– Не тянет ли тебя узами привязанности прошлое? – Усмехнулась Розель.

– Нисколько, – ответил Матис спокойствием – я лишь полагал, что именно твоя рука должна завершить давнюю вражду двух сестёр. – Розель продолжала молча ждать действий от своего союзника. Волшебница резким жестом скинула Каару с трона. Магией тьмы она заставила встать королеву сначала на четвереньки, а затем подняться на колени и держала её, пока подходил Матис.

Ладонь бывшего ученика прислонилась ко лбу королевы,

из-под которого виднелись полные ненависти глаза. Матис же, слегка хлопнув себя двумя пальцами по бедру, выпустил несметный разряд Силы Души, осветив им весь зал.

Тело Каары рухнуло на камни прямо под ноги Матиса.

Глава 2. Кошмар наяву

Семеро мальчишек трудились на поле, вспахивая и засаживая землю. Самому старшему было двадцать пять, его звали Хеш, он руководил работами и спешил вовремя подносить инвентарь для порученной их матерью задачи. Неразлучные близняшки Зарт и Тенин руководили крупным скотом с плугом и сами активно вспахивали поле. Девятнадцатилетний Реми носил туда-сюда воду; Шору, тринадцати лет, приносил семена из дома на поле и следил за уже высаженными растениями, а двое младших – Дэстан восьми лет и Эвар шести, помогали всем, кто попросит.

Послышался голос матери: грузная, крепкая женщина лет сорока призывала к столу. Домашнее мясо, хлеб, собственные фрукты и овощи всегда украшали стол трудолюбивых крестьян. Двухэтажное строение на периферии центрального континента составляло жилище большой семьи. Валорья – мать семейства была строгой, но справедливой и грамотно вела хозяйство, распределяя ресурсы должным образом, чтобы хватало всем и на всё. Отец Кальм разводил крупных кабанов, прибавляя к обширному участку пару акров земли для резвых животных. В этой местности никто больше не жил за многие и многие километры. Многие избегали этого места, так как это была самая близкая точка к зловещему острову, на котором находился Лес Тишины, а потому семья

могла развивать хозяйство, совершенно не заботясь о врагах.

– Па-ап! – Крикнул старший из массивной пристройки к дому. – Какой хлеб брать?

– Да как, какой? – Отец семейства бегал по кухне, пытаясь вовремя приготовить обед для всей семьи. Женщина подсчитывала монеты, что получала их семья за продажу некоторых из продуктов в далёкую деревню на севере от них.

– На покупку звёздного камня хватит! Ещё останется! – Победно голосила она.

– Что-что? – Отвечал муж из кухни.

– Говорю, хватит на камень! – Она встала, собрала монеты в шкатулку, захлопнула дверцу стола, в который всё положила и резво побежала к семье, что уже собиралась за столом. Так как дом был довольно большим, стол, где собиралась вся семья, был окружён множеством шкафов и полочек, забитых книгами и рукописями. Так, большая семья никогда не принимала пищу в тишине: часто обсуждались авторы и поэты, чьи произведения виднелись в комнате; говорили о природе и артефактах, которые могли бы помочь в хозяйстве, о будущем мальчишек и почему же до сих пор не было ни одной девочки.

Семья, после долгих приготовлений, уселась за стол: приносили гуся в сливочном соусе, мочёные фрукты, свежее испечённый хлеб, морепродукты и литры яблочного сока.

Дэстан, несмотря на свой возраст, сидел со старшими братьями, рассказывая свои придуманные истории о приключе-

ниях на других планетах, те его охотно слушали, так как у мальчика было поразительное воображение; младшие общались друг с другом и родителями. Разговоры шли оживлённые: мать и отец рассуждали о будущем семьи, отчего дома, попутно отвечая на вопросы детей, последние гудели и царапали вилками и ножами дубовый стол. Шумная кампания заголосила пуще прежнего, когда вынесли десерт.

Вот пробило десять. Семья, по традиции уселась в просторной комнате на выложенных на полу шкурах животных, попивая согревающие напитки. Рассказывали истории, в которых юный Дэстан был очень силён. Продолжались обеденные рассказы, в которых младшие, как один, прилипали к Дэстану и его рассказам, передразнивая персонажей его рассказа и изображая себя его главными героями. Особенно Дэстан был близок с самым младшим из всех братьев – Эваром. Он души не чаял в крохотном голубоглазом баловнике. Сам не зная почему, его сердце тянулось к этому золотоволосому озорнику, что часто щипал его, убегая на второй этаж дома и, затейливо прячась, то за занавесками, то за шкафом, зажигал своей энергией и самого Дэстана и остальных.

Маленький Эвар, видя, что Дэстан стоит к нему спиной, поспешил цапнуть того за ногу и убежать в заранее подготовленное место на кухне. Старший выжидал, пока озорник подкрадётся к нему и, когда половица выдала нарушителя покоя, попытался схватить Эвара за руку, но промахнулся и, сделав в воздухе пируэт, упал на коленки. Тогда-то баловник

и успел скрыться.

Дэстан мгновенно вскочил и погнался за братом, но встретил преграду – дверь на кухню была прикрыта. Через небольшую щель он видел, как мама и папа о чём-то шепчутся с Хешем, с самым старшим из братьев. Ему удалось уловить лишь пару слов: “Оно... внезапно. Быть готовым. Нельзя останавливаться. Ни при каких обстоятельствах! Никто, никто не желал бы... Я тоже...”

– А ну! Кто это тут подслушивает? – Задорный голос отца был как гром среди ясного неба после тревожного шёпота.

Прошло ещё несколько дней привычной жизни до того, как Дэстан, наконец, понял, о чём говорили родители.

Утренний поход в поле внезапно оборвали звуки взрывов: где-то в небе загорелся яркий свет, затем последовала серия ударных волн, сотрясших землю. Отец семейства поспешил запрячь лошадей и созвал всех своих детей. Он хаотично рассадил мальчишек друг с другом. Когда Эвара посадили рядом со старшим Хешем, он тотчас заревел, бросивши в отца игрушкой. Мальчик стал бить по спине старшего брата, просясь к Дэстану, – его пересадили.

Мужчина запряг лошадей, прикрепил к каждой по паре сумок с провизией, которые были собраны заранее и наказал детям немедленно бежать до южного указателя, откуда им необходимо отправиться на лодках, замаскированных сетью с листвой к ближайшему острову. Там их ждало убежи-

ще. Отец отправил детей вперёд, прокричав в след, что они присоединятся позже, однако едва Валорья вышла на порог с массивной сумкой, небесное свечение разразилось неистовым громом. Вскоре показались нептунуны и властный голос Велеи прокатился по всей планете Земля:

– Земляне! Я обращаюсь к вам! Склоните головы пред своей королевой! – Велея вещала плавно и размеренно, но в её голосе сквозила властность правителя, привыкшего к своему положению. По мере появления новых легионов в атмосфере Земли, её голос становился всё увереннее. – Сегодня закончится многовековое противостояние между Нептуном и его врагами. – С окончанием речи тотчас началась бомбардировка планеты. Несколько хаотичных ударов пришлись по территории, где жила семья. Валорья в спешке накинула на лошадь обоз и муж хлестнул животное кнутом. Однако им не суждено было спастись. Яркая вспышка осветила и без того залитую светом местность, за чем последовал оглушительный взрыв – дом крестьян сравняло с землёй мощным заклинанием. Кальм и Валорья оказались погребены под толщей земли, поднятой в воздух снарядами с газовой магией нептунунов. Вспышка задела и одну из лошадей с детьми, – неразлучные близнецы Зарт и Тенин смешались с животными и были раздавлены. Тела мальчишек навсегда остались лежать на сырой земле. Первая мысль, пришедшая в голову Хешу – вернуться. Вернуться и забрать мать, отца, двоих близнецов, унести их с того кошмара, что только что возник на его

глазах, но он помнил наказ родителей: не останавливаться ни при каких обстоятельствах. На все крики братьев, Хеш отвечал ледяным молчанием.

Пятеро мальчишек вскоре добрались, под звуки взрывов, криков и нескончаемого свиста от полёта бесчисленных орд солдат, до нужного указателя. Там они сменили лошадей в небольшой будке, что тоже была подготовлена заранее, и переоделись. Реми предположил, что здесь едва остыла постель смотрящего за животными, а еда была ещё тёплая. Но никого в пристройке не было. Хеш поторопил братьев, помогая каждому взобраться на животин. Из-за постройки показалась тень. Невысокая фигура в капюшоне неспешно двигалась по направлению к мальчишкам.

– Наверное, один из тех, о ком говорил отец, – успокоил братьев Хеш – он поможет нам. Объяснит, как проехать дальше!

Остальные мальчишки всматривались в незнакомца, не открывавшего лица. Дэстан занервничал: что-то в этой покрытой фигуре казалось ему подозрительным, однако Хеш уверенно двигался навстречу тёмной фигуре. Резким движением силуэт вытащил кинжал из-под длинных одеяний и вонзил тому в живот; второй удар пришёлся на горло, после чего убийца бросился на опешивших мальчишек.

Дэстан пришёл в себя первым. У него была лишь сумка с провизией, в которую он тотчас залез и, нащупав несколько фруктов, стал кидать в мужчину один за другим, что бы

хоть как-то выиграть время. Тот шёл, с каждым мгновением ускоряя шаг. Окровавленное лезвие вот-вот настигло самого младшего, когда Дэстан, хлопнув лошадь, заставил ту лягнуть злодея, проломив ему голову.

Все тотчас повскакивали с лошадей, и бросились к Хешу, который доживал последние мгновения. Мальчишки отнесли юношу хибарку, уложили на кровать и прикрыли раны тряпками. Едва дышащий Хеш притянул к себе Реми, прошептав тому маршрут, строго-настрого запретив рассказывать остальным.

– Никто, – он закашлял кровью – никто не должен знать, слышишь? Даже они, – указал на остальных.

– Да, брат, я сделаю всё!

– Охраняй Дэстана... и... – То были последние слова старшего из братьев.

Реми машинально кивнул, но в душе его поселилось сомнение. Теперь он стал самым старшим и должен был вести свою команду через извилистые тропы в лесах. Он оглядывал Дэстана и Эвара каким-то странным, задумчивым взглядом, но когда тот или другой поворачивались, то в смятении отводил взгляд.

Вскоре мальчишки добрались до берега-границы, отделявшей морем центральный континент от зловещего острова. Как и говорил Хеш, на берегу мальчишек уже ожидал высокий мужчина, нервно мявший с ноги на ногу, попутно отражая водной стихией падающие на каменистый берег

осколки орудий и части тела бойцов с обеих сторон фронта. Без лишних церемоний мужчина пригласил Дэстана на судно и, казалось, был в глубоких раздумьях, провожая мальчика пустым взглядом. Эвар ни на мгновение не отлипал от старшего брата. Оба стремительно забрались в лодку. Едва Дэстан обернулся, чтобы освободить место для двух оставшихся братьев, как был отстранён водным магом. Тот одним прыжком плюхнулся на судно, отбросив водной стихией старших братьев Дэстана.

Реми и Шору остались на берегу. Дэстан, едва поняв, что происходит, бросился молить волшебника забрать его братьев, на что тот отвечал сухо: “Не положено”. Тогда мальчишка внезапно схватил Эвара за руку, и уж было прыгнул, но ловкий маг воды опутал братьев силками жидкой стихии и не отпускал до самого прибытия к последней точке на пути.

Волшебник водной стихии, едва судно коснулось противоположного берега, выбросил Эвара и Дэстана из лодки, расслабил тиски, что связывали братьев и тотчас исчез за горизонтом, растворившись в воссозданном им цунами.

Братья осмотрелись: глаза болели от раскалённого песка, безжизненного и молчаливого, а впереди колом стояла нескончаемая гряда мёртвых деревьев, обволакиваемая белёсой дымкой. Солнце, казалось, светило здесь очень слабо, а звуки бушующего океана искажались, напоминая назойливый гул с каждым шагом к мрачному лесу. Выбора не было:

необходимо где-то спрятаться и найти пищу, которая осталась с Реми и Шору, на том берегу. Несколько раз братья пытались обойти мёртвую гряду, – бесполезно. Это лес никак не кончался и, а тем временем Солнце палило всё сильнее и мальчишкам не оставалось ничего иного, кроме как зайти в злосчастный лес.

Едва братья переступили мрачную черту, как выход назад тотчас затянулся, скрыв солнечный свет, блестящий песок и свежий воздух, поглотив мальчишек в пучину непроглядной тоски и уныния. Обоим внезапно поплохело. На ощупь двигались Эвар и Дэстан к месту, откуда пришли, однако вскоре запутались окончательно и наткнулись на небольшую хижину. Зайдя внутрь, оба отключились тотчас, как вошли.

Испачканная в чем-то чёрном и вязком, маленькая ручка коснулась широкого лба мальчишки. Еще не будучи в сознании, Дэстан едва поднял голову с сырой земли, где будто конфетти были разбросаны многочисленные мелкие веточки и камни. Каждое прикосновение отдавалось пульсирующей болью в голове. Одной рукой опираясь на сухой ствол, поваленный, по всей видимости, давно, поскольку прикосновение к нему едва не свалило рассыпавшееся бревно, – тот подался и спустя мгновение, обнажил свои пустые внутренности; второй рукой мальчишка придерживал поврежденное колено, – он едва стоял на ногах. Заплывшие глаза робко осмотрелись – вокруг непроглядная тьма. Почувствовав

неприятный, илистый запах от окружавшей местности, Дэстан словно мгновенно пробудился и, вытерев грязный лоб второй рукой, пристально прищурился, стараясь хоть что-нибудь разглядеть.

Всюду всплывали яркие, фантомные волны, что не нарушают тишины, какие часто мы видим от удара в голову или при резком входе в темноту: они двигались хаотично, сменяя друг друга, перемещались вместе с курсором его зрачков.

Чумазое детское личико исказила печальная гримаса. Он был готов разрыдаться от той тоски, что так внезапно пронзила его сердце. Он обнял себя хрупкими, дрожащими руками и медленно опустился на то, что было под ногами, расчистив откуда-то взявшуюся крупную доску, – обломок хижины – и его охватила такая дикая тоска и печаль от той безысходности, что окутала его с ног до макушки. Зараза в буквальном смысле заползала мальчику в голову через рот и нос: он вдыхал кислотоватую вонь, бравшую непонятно откуда; к горлу подступала тошнота. Он не смел вымолвить ни звука, – тьма сковала всё тело и, казалось, поведёт рукой – мальчишка покорно пойдёт по указу. Так, он сидел во тьме какое-то время.

Где-то высоко в небе прогремел мощный взрыв, после чего на лес посыпались осколки стекла и железо.

Что случилось? И где Эвар?

Делая свои первые, после пробуждения, робкие, но уже более уверенные шаги, Дэстан то и дело натыкался на раз-

брошенные всюду деревянные коряги. Колено ныло, и эта тягучая боль отдавала по всему телу.

Вокруг по-прежнему не было видно ни зги. Ни единого источника света не было поблизости, ни единого звука и даже движение воздуха, казалось, замерло, будучи погребено под толщей мрачной, таинственной истории этого мистического места. Дэстан напряг зрение. Когда глаза привыкли, сквозь пелену толстых, густых и уныло тянущихся по небу облаков слабо забрезжил тусклый свет, – то оказалась Луна, сцапанная кем-то, замурованная меж водянистой, колючей тьмы неба; Луна, что не смела двинуться с места, уступить небосвод своему другу – Солнцу; Луна, одиноко плакавшая над всеми несчастными душами, застрявшими, как и она, здесь, в беспросветном мраке, созданном самой Госпожей Смертью, для неё и только для неё.

Мальчик, до того, старавшийся идти на ощупь, выставляя поочередно то одну, то другую руку вперёд, сейчас продвигался вперёд, каждый раз двигал вперёд не здоровую ногу, раздвигая ей мелкий сор, что был здесь всюду. Раз за разом он осторожно продвигался, словно желая узреть самый край пропасти, наткнуться хоть на что-нибудь, за что можно опереться и обозначить какие-то границы местности, где он находится. Холодная, шероховатая поверхность, которую коснулась маленькая рука, подсказала Дэстану, что тот внезапно нащупал кору, – то было дерево, настоящее и, казалось, живое дерево. В голове мальчишки сразу всплыли воспоминания.

нания о долгих прогулках в саду большой семьи, где он вырос с братьями. Где сейчас Реми и Шору? Живы ли они? А чем заслужили такую смерть Хеш и близнецы?

Внезапно ствол, на который мальчишка опёрся всем телом, жадно зажимая в своих объятиях, начал поддаваться напору маленького тела. Громкий скрежет оборвал безмолвную тишину, и протяжный, нестерпимый звук, звук тысяч бегущих скакунов захватил округу. С минуту после того, как под его напором повалилось сгнившее давным-давно дерево, Дэстан, всё ещё ошеломлённый режущим шумом, весь трясясь от боли и ужаса опустился на колени. Мелкий сор и деревяшки от поломанной хибарки ввелись ему в кожу, изранив её до крови и мальчишка тотчас вскочил, завопив во всё горло и вновь горькие слёзы заструились на чумазом лице.

От неведения, подступающего со всех сторон холода, гнетущей тоски и пожирающей душу и волю беспомощности, мальчик, уже отбросив боль, лёг всем своим телом на затвердевшую от мороза землю. Правый бок, что коснулся леденеющей поверхности, тут же заныл, жалуясь хозяину на холод, на который тот уже не обращал внимания.

Тш-ш-ш-ш... – Врезался протяжный, скрипучий шум в уши мальчика. Сколько он пролежал среди обломков – неизвестно. Но этот звук, словно шедший от плуга, который тянут по камню с упорством быка, заставил Дэстана оцепенеть от ужаса. Со стороны его ног, где-то поодаль зашелестели кусты, сухие ветки которых, казалось, царапали уши одним

своим производимым шумом. С ужасом мальчик осознал, что во тьме помимо него находится ещё кто-то, и этот кто-то или что-то столь большое, что цепляет собой сразу несколько объектов. Дэстан услышал биение собственного сердца; пульс отдавал толчками на кистях и в висках; глаза налились кровью и его хаотично метались из стороны в сторону, когда сам Дэстан не мог и пошевелиться, – страх сковал тело и душу мальчика. Тот продолжал лежать на одном боку: правая рука его касалась ладонью земли, а левая нога поддерживала правую. Он уже не чувствовал холода или боли, не атаковала голову и тоска, и желудок не посещал голод, – всё внимание было сосредоточено на существе, что нависло над обездвиженным телом. Дэстану казалось, что Оно, это безмолвное, устрашающее Нечто, это громадное, безликое создание тьмы, обитель ночных кошмаров и пожиратель душ, нависший над ним, смотрит своими, полными скорби и боли животными глазами, изнемогая от желания разорвать ту тёплую плоть, что бrenно валяется у него под ногами.

Дэстан по-прежнему не шевелился. Он уже не обращал внимания на бешеный ритм своего сердца. Титаническим усилием воли мальчик повернул голову, чтобы узреть монструозную тварь хотя бы одним глазком.

Воронье стадо, эта гуща непроглядных чёрных туч, гонимых ещё более грозным злодеем – морозным, ноющим ветром, умчалась куда-то в даль, казалось, поскорее из этого жуткого места, обнажив ярко-жёлтый фонарь, господство-

вавший в небе. Его острые лучи тотчас охватили округу и по мере того, как Луна отвоёвывала на время утраченные владения, взор мальчика пал на грозную тень мистического существа, что пошатывалось, вздрагивало, издавало кряхтящие звуки, словно его что-то мучило. Всей картины он не увидел, мальчик смотрел снизу-вверх, где потоками разливался теперь свет, покрывая чудовище ещё большим туманом забвения.

Шорох от потревоженных веток растений распространился по всей округе, когда существо, внезапно, задвигалось. Его громадные ноги, эти шесть изогнутых, мохнатых лап, с охватом едва ли не в пятьдесят метров, сейчас продолжили тянуть на себе это худосочное, израненное туловище, с сочащейся из его отверстий бордово-чёрной жидкости, что появлялась всюду, где бы ни проходила безликая тварь.

Дэстан зажмурился. Спустя несколько мучительных мгновений, пока мальчик ждал, лёжа на морозной земле, когда чудовище на него наступит, когда оно раздавит его маленькое тело своей громадной лапищей, ему стало невыносимо больно внутри, так тоскливо, как не было ещё никогда, даже в тот момент, когда он только-только осознал себя одним, во мраке, овеваемый колючим холодом и гонимый ужасом. Сейчас Дэстаном овладело бессилие, что рождается от осознания неминуемой гибели, это безропотное принятие неминуемого, что рождается в глазах и сердце того, кто видит перед собой силуэт смерти. Мальчик перестал трястись. Он

бессознательно вытянулся всем телом, растянувшись на спине; руки и ноги его были выпрямлены, как у солдата, он смотрел вверх, на медленно движущееся нечто с пустым, полным тщетности взглядом. Он смирился. Он был готов умереть. Умереть от удара того, кого не знал, кого никогда не видел, кого боялся и перед кем в страхе трепетал. Это было олицетворение того ужаса, что он испытал вначале, того дикого, первобытного страха, что охватывает тело и сознание в роковые моменты между жизнью и смертью.

Но вопреки всему, столь же плавно и столь же ловко чудовище неспешно продолжило своё движение, скрывшись вскоре за толщей деревьев. Дэстан приподнялся. Всё так же больше не ощущая больше страха, он машинально огляделся: все, что удалось разглядеть сквозь множественные ветви, залитые тусклым светом – обломки хижины, что была приготовлена для беглецов. Мальчик наклонился и попытался нащупать что-то кроме бездушных деревьяшек – всё ещё ничего. Колючий, морозный ветер пробирал до костей, заставляя сухие деревья вокруг скрежетать под его непрерывным напором.

– Кто мог сделать такое? Звери? Не может быть, ведь тогда они утащили бы и нас.

Секунду помедлив, Дэстан встрепнулся. «Утащили бы и нас... Нас» – отдавалось у него в голове. “Нас”, “Эвар”, “Только бы ты был жив!” – сглатывая подступивший ком в горле думал про себя мальчик. Он спешно стал перебирать

руками всё, что попадётся на пути, яростно разгребая большую кучу. Не жалея себя и не обращая внимания на боль в ноге, мальчик, отойдя от оцепенения, яростно растаскивал балки в разные стороны, совершенно не замечая времени, словно гряда обломков, что была перед ним мгновение назад, чудесным образом испарилась сама. Немного переведя дух Дэстан, преодолевая боль в теле, попытался опуститься, но с шумом рухнул наземь, не сумев сдержать равновесия. Дрожащими пальцами водил мальчик по обледенелой поверхности, пока не нащупал что-то наподобие ткани. Немного подергав, он обнаружил, что этот лоскут – часть полноценного одеяния и тянется вглубь груды обломков. Преодолев последнее препятствие, мальчик с силой дернул за шелковый подол рубы и в момент маленькая белая ручка ударилась о землю.

Эвар лежал на земле без сознания. Дэстан суматошно принялся нащупывать пульс. Прислонившись к груди Эвара, старший старался сдержать бушующий океан из мыслей, чувств и тревог, что в одночасье захватил его голову, когда в глаза бросилось бездыханное тело брата. Второй и третий взрывы сейчас прогремели над лесом, заставив Дэстана встрепенуться.

“Проклятые земляне!” – Раздалось где-то над кронами деревьев, после чего звуки бьющихся мечей заполнили небо и столь же стремительно стихли.

– Дэстан, это ты? – хриплый детский голосок пронзил ноч-

ной мрак.

– Да, братик, это я. – Дэстан схватил маленькую ручку, помогая приподняться ослабевшему Эвару.

– Где... где мы? – Внезапное землетрясение окатило округу; деревья стали падать друг за другом, поднялся огромный столб пыли, а Эвара и Дэстана подбросило вверх, откуда те, чудом не поранившись, покатались с каменистой горы. Внезапно подскочив, поднимая брата, Дэстан обнаружил, что его нога уже не болит. Маленький Эвар, шатаясь, привстал и, упёршись на колени, невольно осмотрелся по сторонам. Морозный ветер, что обволакивал кожу, гнул бесчисленные сухие кустарники во мраке, из которого не было выхода.

– Где моя мама? – губы младшего затряслись.

– Только не плачь, Эвар, сейчас нельзя привлекать внимание. Мало ли кто нас может услышать.

Всхлипывая, Эвар выпрямился и закрыл глаза руками, продолжая звать маму. Его голос отдавался эхом в темном пространстве и каждый раз слова поглощались абсолютно черной субстанцией, вглядываясь в которую, невольно пробирала дрожь. Дэстан боязливо осмотрелся. Его младший брат с каждым разом вскрикивал всё громче и громче и казалось, ещё пара мгновений и его уже будет не остановить, пока в конце концов, его плач не привлечёт какого-нибудь хищника.

Пытаясь возобладать с собой, Дэстан вновь осмотрелся и поняв, что никакой угрозы нет, встал перед братом на колени

и обеими руками прикоснулся к влажным щекам.

– Нам с тобой сейчас нужно быть осторожными. Мы попали в беду и только мы сами можем помочь друг другу.

– Но я хочу домой.

– И я хочу, ты не знаешь, как... Но сейчас нам нужно выбраться из этого леса, а для того, чтобы это сделать, мы должны быть осторожны и не издавать громких звуков.

С выходом Луны, внимание Эвара внезапно переключилось на его визави: мальчишка что-то увлечённо разглядывал на лице брата.

– Мне кажется, что ты изменился... Я тебя не узнаю.

Маленькие ручки потянулись щупать нос, рот и уши. Не подтвердившаяся теория младшего, оставила его в недоумении оглядывать лицо Дэстана.

– Здесь темно, да и у меня всё лицо перемазано в этой жиже, что бы это ни было...

Вдалеке послышался треск и шелест листьев. Хор бездушных деревьев, подгоняемых морозным ветром, начал свою заунывную мелодию. Братья схватились за руки. И пока Дэстан судорожно искал глазами место, где можно было спрятаться, маленький Эвар обездвижено сверлил темноту взглядом.

– Что это такое? Что это там? – Завопил мальчик.

– Замолчи! – Старший сжал руку Эвара с такой силой, что тот всплакнул. – Замолчи сейчас же! Надо найти, куда спрятаться.

– Мне больно... – Завопил тот.

– Сейчас нам обоим будет больно! Ложись! – Во весь голос закричал Дэстан, едва завидев перед собой белёсый силуэт, что стремительно мчался на беззащитных мальчишек.

Оба рухнули наземь. Старший прижал брата к себе, стараясь закрыть своим телом. В ожидании расправы, мальчик напрягся, что было мочи, пока пронзившая голову боль не заставила распахнуть глаза.

Несколько секунд спустя, словно заново родившись в абсолютной тишине, мальчишки подняли соломенные головы. Измазавшиеся в грязи, с прилипшими к их телам опилками и прочим сором, перед братьями возникли два крохотных питомца: едва оперившийся птенец ворона и крохотная змейка, оба белого цвета.

– Что за милашки! – Воскликнул Эвар, подбежав к обоим животным, что тряслись от холода. Мороз подступал со всех сторон, объявляя охоту за несчастными душами.

Маленький Эвар спрятал питомцев в карман и со всей серьёзностью заявил:

– Чур моя змея!

– Ладно, – засмеялся Дэстан – я возьму ворона.

Дэстан принял от младшего, который убедился в том, что ему досталось желанное животное, маленького птенца и заметил, что у птицы три глаза.

– Белый, как снег, да ещё и трёхглазый. – Задумался мальчик.

– А у моей змеи – рога. Маленькие, но рога! – Дивился младший, осматривая своего нового питомца. – Я назову её Лирия! Как героиню “Пропасти”, помнишь, она побеждала чудовищ в большой дыре, где обитало зло?

– Помню, – улыбнулся Дэстан, вспоминая имена героев книги, которую они любили читать – тогда я назову своего Массан.

– Её лучший друг! А расскажешь мне тот самый момент?

– Ты его прекрасно знаешь! – Вновь улыбнулся старший, осмотревшись. – Пошли, поищем что-нибудь поесть, я ужасно голодный.

Дэстан старался найти хоть какую-нибудь точку опоры, – неудача. Всюду его взгляд встречали обшарпанные деревья, истерзанные камни и странные обломки. Всё это Дэстан сумел разглядеть из-под возникшей из ниоткуда Луны. На этот и последующие взрывы в небе, оба уже почти не обращали внимания, терпеливо продолжая путь в никуда.

Плюсом ко всему, старшему показалось, словно его брат, каким он его помнит, – крохотным сорванцом, походил уже на более взрослого.

“Чушь же какая” – Подумал тот.

Недолго думая, он пошурудил в карманах рваного одеяния: в отверстии защebetал птенец. Взяв на руки белый комок, мальчик поднес его к носу, нежно помотав головой. Маленький Массан глухо каркнул, как каркают маленькие воронята и невинно поморгал всеми тремя глазами по очереди.

– Покажи же мне, друг, что мне делать. – Проговорил Дэстан полушёпотом. Птенец тотчас буркнул и встрепенулся. Маленькие крылышки сделали несколько взмахов и вот, руки мальчика уже были пусты, – птица скрылась во мраке.

– Массан, стой!

– Но ты сам его отправил...

– Я не знал, что он понимает меня. – Изумился старший. – А что говорит Лирия? – Младший пожал плечами, пока змейка хаотично ползала с руки на руку, обвивая то один палец, то другой. Сначала мальчику показалось, что и питомец его брата увеличился в размерах, однако старший старался не думать об этом, списывая всё на темноту.

Где-то неподалёку вновь послышался шелест и продолжающийся хруст. Хруст, который становился громче с каждым мгновением. Дэстан невольно сглотнул: его бросило в дрожь, маленькие капли пота выступили на широком лбе мальчика.

– Эвар, Эвар! – Чумазая рука вслепую потянулась в сторону младшего брата. Сделав пару взмахов, Дэстан с ужасом обнаружил, что брата на месте не было.словно облитый ледяной водой с ног до головы, мальчик судорожно повернул голову: Эвар, мгновение назад стоявший подле него – исчез. Старший покрылся мурашками. Будучи не в состоянии сдвинуться с места, мальчик покорно слушал, как из кустов стал доноситься хриплый, протяжный стон. Мурашки не отступали. Кожа затвердела, тремор перешел на ноги, руки и захватил все его тело. Мальчик по-прежнему не мог поше-

велься. Стон становился все громче и громче. Словно раненное животное, как подбитый железной иглой зверь, пытался звать на помощь человеческим голосом.

– Эвар! – закричал во всю старший. Массивное нечто третило сухие ветки на безжизненных стволах, что были разбросаны во тьме. Дэстан всем существом чувствовал, как на него кто-то тарашится. Два массивных белёсых шара впились в мальчика из-за толщи деревьев. Повалив с грохотом последнее препятствие, отделяющее исполина от Дэстана, чудовище застыло.

Страх пронзил собой каждый сантиметр тела; горло спирало, а глаза бешено металась из стороны в сторону, пытаясь объять силуэт чудовища. Под тусклым лунным светом, мыча и всхлипывая, со всех ног несло двухметровое нечто. Громадное существо, походившее на помесь человека, крысы и собаки, испускало щемящие душу звуки. Его разрубленная пополам голова соединяла и вновь разводила в стороны свои две части, обнажая пустую черепную коробку. Звук стучащейся о свои же части мясной туши не стихал ни на минуту, – кошмарное существо нацелилось на неподвижную фигуру мальчика. Не в состоянии шевельнуться, задыхающегося Дэстану оставалось лишь наблюдать за тем, как освежёванная тварь тыкала себя в живот, разбрызгивая алую жидкость. Мясная туша, напоминавшая кровавую массу с торчащими отовсюду руками и ногами, неслась на мальчика, уже не стонав, а визжа, словно хряк, которого вот-вот забьют.

Парализованный, не в силах сделать ни единого движения, Дэстан зажмурил, что было мочи глаза, когда чудовище с грохотом пронеслось насквозь. Гигантская туша из плоти и крови, снося немногочисленные сухие деревья и издавая звуки резанной скотины, пролетела с нечеловеческой скоростью прямо через мальчика. Внезапно, тварь остановилась, а вместе с ней прекратилась и тряска. В недоумении, пара белых глаз стала рыскать по сторонам: было видно, чудовище свободно ориентировалось во тьме. Ничего не обнаружив, туша издала продолжительное мычание, вслед за чем послышались громкие, хлюпающие звуки – оно било себя но ногам, по туловищу и половинчатой голове, словно видела в себе врага. Вскоре, та из частей пустой черепной коробки, что была ближе к земле, окончательно отвалилась. Белый огонёк плавно потёк вниз.

Дэстан боязливо приоткрыл глаза. Продолжая держать руки на голове, он осторожно приподнялся. Трясаясь от страха и ещё не до конца оправившись от шока, мальчик судорожно обернулся: громадная туша, заключавшая, казалось, в своём плену десятки человек, или тех, кто когда-то ими был, сейчас рассеянно смотрит по сторонам единственным глазом, недоумевающая, куда могла испариться её добыча.

Дэстан перевёл глаза в сторону и увидел своего младшего брата, глядящего белую ленточку. Поцеловав питомца, Эвар мирно улыбнулся дрожащему визави. – Все в порядке, она нас защитила.

Дэстан был обескуражен спокойствием мальчугана, что ещё минуту назад рыдал, просясь к матери. И казалось, что его брат вновь подрос, но на этот раз изменения были налицо.

– Пошли, пошли скорее! – Маленькая ручка схватила Дэстана за рукав. – Я знаю путь. – Смятение одолело старшего, однако не заразиться от пышущих жизнью глаз было нельзя. Но Эвар был такой лишь когда брат смотрел на него. Младшего одолевало чувство вины за то, что первой его мыслью при виде чудовища было убежать, бросив Дэстана. И если бы не Лирия, которая собственной магией даровала спокойствие хозяину, Эвар, быть может, убежал бы.

Дорога была долгой: сквозь нескончаемые ряды сухих, мёртвых деревьев лежал путь двух братьев. Живот не слушался, голова жутко болела, а ноги ныли, отказываясь идти дальше.

– Куда мы направляемся?

– Я знаю, где еда, мне Массан сказал!

Помогая друг другу, братья поднялись на аврал, где, спрятавшись за деревом, улавливали звуки приготовления пищи: железные приборы стучали о сковородки, где-то звенели тарелки. Едва Эвар ступил шаг из-за ствола, как звуки усилились, и вот уже почти у уха звенели приборы и накрывался стол. Эвару даже показалось, будто бы он уловил запах жареной курочки, и ноги сами несли младшего к источнику шума.

Резкий разворот к лицу Дэстана и крепкая встряска за

плечи пробудила Эвара. Старший заткнул ему рот ладонью, указывая дрожащим пальцем на существо, что сидело среди деревьев и корчилось, выставив искажённый череп кверху. Руки были вдвое больше человеческих, шея и корпус вытянуты и сторблены и всё тело этого существа было покрыто редкими красноватыми волосками, словно поражённая лишаём.

Мальчик замычал от резкой боли в руке. Он был так сильно взволнован, что не почувствовал, как крепко сжал Лирию. Та укусила его и стремительно уползла. Дэстану стоило усилий, чтобы удержать брата на месте. Пока чудовище издавало звуки, имитируя приготовление пищи людьми, братья старались обездвижено прятаться за деревом, но шум, который вызвал Эвар не мог остаться незамеченным. Звон посуды не переставал играть, и время будто замерло в бесконечности, не оставляя братьям пути к отступлению. Внезапный хруст, зазвучавший вплотную за сухим стволом дал понять юношам, что чудовище уже на расстоянии вытянутой руки и что стоит зайти ему за дерево, как у них не останется и шанса на спасение.

На отдалении послышался шелест листьев, – что-то яростно раскидывало мёртвые ветки кустарников. Тотчас монстр окончил свою песнь и стремглав помчался на источник шума. Едва чудовище скрылось, как братья галопом двинулись в противоположную сторону.

На небольшой равнине, усеянной мёртвыми деревьями,

было безопасно, и ребята расположились у векового ствола, что бы отдышаться. Плотнo завернувшись в рваные тряпки, Эвар прислонился к дереву, когда внезапно подскочил.

– Ты это слышишь?

– Вода! – Вторил ему старший.

Братья практически вслепую добирались до заветного места: во мраке не было ни фута, свободного от нескончаемых сухих веток. Завидев впереди мерцающий серпантин, что тянулся блестящим потоком вдаль, мальчики тут же ринулись к живительному источнику. Преодолев последние ряды деревьев, Эвар и Дэстан с жадностью принялись хлебать влагу. Даже красноватый оттенок воды не оттолкнул изголодавших и измотанных мальчишек, что наполняли животы плотной жидкостью. Братья жадно глотали тёплый поток, растекавшийся по щекам, ладоням и телу, что удивительным образом помогал побороть голод.

Эвар и Дэстан удовлетворённо откинулись на каменистом берегу. В бурной веренице шума, которую перебивал алый ручей, невозможно было уловить иных звуков, а само пространство вокруг красноватого серпантина манило теплом и умиротворённостью. Отливающий лунными бликами алый поток стремился куда-то вдаль, нещадно разбивая стремительно нагнетающие волны о рябые валуны. Спокойствие окутало братьев. Позабыв обо всех мерах предосторожности, Эвар и Дэстан мирно улеглись на пропитанные приятным теплом булыжники, не заметив, как на противополож-

ной стороне медленно раздвигались гнилые стволы: нечто притаилось во мраке, жадно впиваясь всеми четырьмя глазами в добычу.

Мальчики уютно расположились внутри крохотного шалаша, который соорудили из коры близлежащих деревьев. На какое-то время голод был побеждён. Почувствовав себя в безопасности, братья сейчас смотрели на такое чужое, тёмное небо, густо затягиваемое белёсыми, причудливыми облаками, что плыли по небу, далёкие от мирских забот. И где-то там, уже за бегущими вдаль пятнами, по-королевски изящная, мерцающая бликами ушедшего Солнца, недостижимая, виднелась Она: массивная, яркая, Луна освещала путь землянам глубокой ночью, а днём величественно парила в небесах.

Эвар осматривал две маленькие дырочки на ладони – следы укусов своей питомицы, но внезапное тепло на ранке прогнало боль. Лирия возникла из ниоткуда и опоясала собой маленькую руку Эвара.

– Это была она, – улыбнулся мягко Дэстан.

– Что?

– Она отвлекла того монстра. И если бы она тебя не укусила, ты бы не отпустил её.

– И правда, – изумился Эвар, глядя змею.

– Дэстан?

Укутавшись поудобнее в рваные тряпки, старший уселся рядом, держа небольшой сосуд с красноватой жидкостью.

– Чего?

– Как думаешь, мы вернёмся домой?

Дэстан выждал паузу, но произвольно. Пара голубых глаз упала на понурого Эвара.

– Что за странный вопрос? Конечно! – Дэстан прекрасно понимал, что лжёт, но не мог себе в этом признаться.

– Я помню, что на Землю кто-то напал. Мы проиграли? – Понуро уставился младший на пробегающую воду впереди. Он припал к коленям, обняв себя и опустил голову. – Значит, проиграли.

– Ну ты чего? Мы не знаем, чем всё закончилось, но, но я уверен, что наши солдаты продолжают сражаться и однажды кто-нибудь найдёт нас.

Последние слова явно благотворно подействовали на Эвара и тот слегка улыбнулся.

Старший вновь взглянул на небо: облака продолжали своё путешествие под молчаливым согласием светящегося шара. Дэстан похлопал себя по бокам, полазил в карманах и, не обнаружив питомца, вылез из шалаша, чтобы осмотреться. Сделав пару кругов вокруг новоиспечённого жилища, мальчик, к удивлению для себя, обнаружил Массана, мирно дремлющим на крыше домика из веток. Только это был уже не тот неоперённый птенец, который ещё несколько мгновений назад умещался в ладошке Дэстана. На крыше крохотного шалаша, величественно восседал грозный белый ворон, важно вжав шею, чтобы согреться.

– Дружок... – Белоснежную копну крохотных пёрышек на лбу птицы проредил палец. – ... как, да как же это так?

– Мы не можем остаться здесь. – Показалась светлая голова из домика.

Подскочив на месте, Дэстан схватился за грудь.

– Что случилось?

– Я не знаю, как такое может быть, но... Массан вырос.

– Как и мы.

Дэстан удивлённо осмотрел повзрослевшего Эвара: его розовые щёчки обернулись впалыми, кругленькое личико вытянулось, делая небесно-голубые глаза меньше.

– Я чувствую, – произнёс Эвар монотонно, глядя на свои ладони, – что что я меняюсь, и ещё... что одежда мне стала мала.

С момента попадания в лес, из шестилетнего мальчишки с голубыми глазами, которого буквально пару мгновений назад успокаивал Дэстан, Эвар превратился в юношу, которого тот никогда не знал.

– А Массан лучше пусть отдохнёт. – Кряхтя и, неуклюже цепляясь за стены шалаша, младший вылез из убежища. Голод вновь давал о себе знать легким урчанием в животе, – необходимо было выдвигаться на поиски пищи и крова. Смерть от руки монстра уже не казалась такой страшной, если за еду пришлось бы бороться. Дэстан ощущал ответственность за них обоих, чувствовал, что должен сделать что-то именно сейчас.

– Мы двинемся вниз по течению. Куда-то же эта река приведёт.

– Я как будто железа поел... – скривился Эвар. – Фу, почему так неприятно во рту?

Трёхглазый спутник встрепнулся. Громко каркнув, Массан неожиданно вспорхнул ввысь, обронив белоснежное перо, упавшее аккуратно на голову младшему и все трое они двинулись по направлению, что указывал парящий в небе белоснежный комок.

Массан неустанно плыл под Луной, куда-то вверх по течению, изредка поворачивая, тогда как Дэстан видел всё, что видел его питомец: безграничный вязкий туман покрывал собой кроны деревьев, самих братьев, землю под Массаном и сам горизонт. Двигаться в небе было непростой задачей, но ворон, движимый незримой силой всё летел вдаль с одной надеждой: спасти две невинные души.

– Постой... – Уже не в состоянии нести на себе Лирию, от бессилия, ноги Эвара сплелись и тот споткнулся. Он поднялся, кое-как отряхнулся, пару раз по-детски выругавшись и снял с себя массивную белоснежную змею, что уже в разы переросла хозяина. Та неспешно сползла к ногам мальчика и покорно кивнула, казалось, улыбаясь.

Неподалёку была разбросана одежда, предметы быта, свитки и множество железных предметов разной величины и формы. Ребята обошли едва ли не весь каменный пик, собирая то, что могло бы помочь им выжить в лесу. Прислуши-

ваясь к каждому шороху, каждому шелесту и приглядываясь к каждому движению во тьме, Эвар и Дэстан шли вдоль кровавой реки, устемившейся с возвышенности. Многочисленные камни и лужи ледяной воды преграждали путь. Дэстан надеялся, что они сумеют достичь самой высокой точки и увидеть, где кончается злосчастный Лес.

– Здесь какой-то временной провал, раз мы с тобой и наши питомцы так быстро растём... – Произнёс старший, укутываясь в рваные тряпки, которые нашёл по пути в гору.

– Как думаешь, чья вся эта одежда?

– Не знаю, но я всё думаю о той твари... Она изображала звуки, которые, как я помню, я слышал на кухне...

– И что?

– А то, что это существо их откуда-то знает.

Братья поднимались вверх по заросшей многовековыми растениями холмистой местности. Пробираясь сквозь метровую траву и разбросанные сухие стволы, мальчики всюду рыскали глазами, ища, где можно найти еды, однако ничего не подворачивалось. Прошёл час, два, блужданий в пустоте. Массан продолжал лететь вперёд, безмолвный, статичный, словно картина, а Дэстан, продолжавший ориентироваться на своего верного товарища, неустанно тащил брата за собой. Маленький Эвар стонал и охал: путь был очень тяжелым, и его обувь, измазанная в грязи и промокшая насквозь, хлопала при каждом шаге, отдаваясь глухими звуками в тишине.

– Нельзя сейчас останавливаться, почти пришли! – Дэстан был уверен, что вот-вот удастся достигнуть нужного места, но что это было за место, он не представлял, он лишь свято верил в птицу, что вела их по смертоносной местности.

Мальчики храбро продолжали движение сквозь мрачные заросли, пока Эвар в одночасье не остановился: его дыхание спирало, и он тяжело хрипел:

– Больше не могу! Пожалуйста, хватит! – Мальчик остановился, и плюхнулся наземь, чтобы перевести дыхание. Ему было невыносимо вновь встать на ноги и продолжать путь.

Тогда Дэстан резко остановился. Неспешно мальчик оглядел брата и хмурый взгляд сменился улыбкой. – Хорошо. – На секунду, голос Дэстана прервался. – Пока Массан исследует местность, мы можем немного отдохнуть. Старший расположился подле Эвара и толкнул последнего в плечо, тогда как Лирия покорно устроилась по другую сторону. Густая трава укрывала мальчишек от нежелательных гостей и защищала от вездесущего ветра. Дэстан увидел, как Эвар, покрытый прелыми старыми тряпками, словно капуста, безнадежно пытался засунуть торчавший краешек плотного свитера на спине. Тогда он привстал и заправил непослушный огрызок в дырявые полосатые штаны.

– Дэстан.

– Что? – Заканчивая поправлять свою одежку проговорил старший.

– Я иногда думаю, что...

– Что?

– Ну, что, если с тобой что-то случится... Как случилось с Хешем, близнецами...

– Ну что же?

– Ничего.

Эвар почувствовал, как его дыхание стало восстанавливаться. Стремясь поскорее отвлечь брата от дурного разговора, тот взял в руки ещё выросшую в разы Лирию. Маленький дракончик уже напоминал крупного ужа, что мог несколько раз окутать собой хозяина.

– Как у тебя это получается? – Дивился мальчик, глядя на растущую на глазах Лирию. – Вот это да! – Воскликнул он и тотчас огрубевший голос внезапно вонзился в уши старшему.

– Ты это слышал? – Дивился Дэстан.

Младший невинно оглянулся.

– Твой голос... Твое лицо...

Дэстан всё никак не мог оторвать глаз от брата. Ещё пару мгновений назад тот едва стоял на ногах, просясь к матери, а сейчас, Эвар и вовсе догнал его по росту. Хотя он и сам чувствовал, как вырос.

В это же время война приобретала новые обороты: Мастер Зайн, что боролся с Велеей, понемногу отступал; Йор

так же едва мог сдержать натиск бесконечных орд солдат, к рядам нептонов присоединялись земляне, контроль за разумом которых постепенно брала Велея. Её верные генералы перенимали власть над телами столь же резво, как земляне оборачивались подданными газового гиганта. Иор не решался убивать своих, хотя бойцов Грейндфиля на поле боя не было, за исключением верных учеников. Те немногие, кто был в состоянии защищать Землю, пытались не допустить уничтожения ещё целых территорий, концентрируясь вокруг пусть и чужих, но целых поселений.

Сама Велея, поочерёдно транслируя энергию через двух бойцов рядом с ней, с нечеловеческой скоростью окутала туманом Мастера, чья Сила Антиматерии едва могла концентрироваться в постоянном потоке ударов яростной королевы. Мощный торнадо уносил в себе волшебника, успевавшего разве что отразить атаку, ожидая новой, когда в одночасье почувствовал, как напор Велеи стал немного ослабевать.

С самого начала войны, план королевы Нептуна был прост: отвлечь главных защитников Земли для того, чтобы самой отправиться в самое её сердце – в ядро и расщепить его.

Велея, тотчас выделившись из общего торнадо, ринулась под землю, обернувшись незримой и неосязаемой материей газа. Бесшумная мгла с упорством прорезалась через толщи пород со скоростью молнии. Те земляне, что заметили исчезновение владыки из торнадо, бросились в погоню, одна-

ко настичь королеву на сверхскорости было никому не под силу, – соколом та пикировала к центру Земли, не встречая сопротивления.

Путь до сердца планеты занял для Велеи не более минуты минут: владыка техники расщепления оказалась у пылающего шара исполинских размеров.

– Я отомщу за тебя, мама. Твоя смерть не будет напрасной, как и смерти миллиардов нептунув. Земляне ответят за всё! – Проронила Велея, взглядываясь в огненную сферу. Та была окружена многокилометровой пустотой и королева Нептуна приземлилась на один из небольших выступов в стене из неизвестного ей материала, напоминавшего гранит. Исполинское ядро выглядело точь-в-точь как миниатюрное Солнце с неисчислимым количеством блуждающих в нём огоньков, – Велея неспешно наставила руки на сердце Земли. Из её ладоней тотчас стали высвобождаться аналогичные крохотные огоньки, что являлись газовой магией. Владычица устремила свою силу на ядро и та вырвалась из её тела, приближаясь к сфере из огня.

Велея, по неведомой ей причине, отвела руку, – газовая магия едва достигла поверхности ядра, как королева отозвала свою силу. Она замерла и невольно попятилась назад, словно увидела что-то или кого-то внутри ядра.

– Наши ожидания порой представляют собой несбыточные иллюзии. – Велея не стала оборачиваться, даже услышав

за спиной голос Зайна.

– В скольких Нептуно-Земных войнах ты уже поучаствовал?

– Если считать эту, в шести.

– Видел ты, наверняка больше.

– Может быть.

– Как... Как же такое возможно? – Вглядываясь в пылающую сферу бормотала Велея.

– Подчас, гонясь за иллюзорными интересами, мы забываем о действительно важном.

– Я прекрасно знаю историю, Зайн. – Рывкнула Велея, наконец, обернувшись. – Нет, не твою, да и не хочу, но то, что натворил и твоя команда, Вселенная никогда не забудет.

– Скажи мне, что ты видишь? – Так же вдумчиво проговорил Мастер, не меняя мины. – Ибо это будет последнее, в чём ты можешь быть уверена наверняка.

– Твоя планета горит. – Рывкнула Велея. – Мы выжгли ваши поля, стёрли сотни поселений и убиваем землян, как они того заслуживают! Вам не победить в этой войне! Не победить! И Он вам не поможет! – Потеря контроля Велеи означала постепенно подступающую победу Зайна. Ведь в состоянии истощения, как и истерии, волшебник теряет контроль за своим телом и душой, будучи не в состоянии держать свои эмоции в узде.

– Чем же заслужило нынешнее поколение тех бедствий, что принесли твои войны?

– Тем, же, чем и нептуны, в нашей первой войне. Мы были ни в чём не повинны, когда выходцы с вашей планеты дерзнули ступить на нашу землю. – Бросила Велея.

– Не с того ли, что нептуны похитили Книгу Темперидов, что принадлежит землянам?

– Уж ты-то это помнишь как никто, верно? Книга никогда не была чьей-то собственностью. Эвзенк благоволил Нептуну, он создал газовую магию, но именно землянин убил его.

– Книга находилась в Аррозии, прямо над нами. Именно Эвзенк поместил её туда, так как доверял землянам. Это вы украли её и присвоили себе, однако она сама от вас скрылась. – Зайн усмехнулся. – В неумелых руках – любое золото – просто железо.

Привыкшая решать все вопросы силой Велея, что было мочи, вонзилась кулаками в землю: откуда-то сверху зароились, словно осы, войны королевы Нептуна.

Солдаты тотчас стали выпускать множественную энергию расщепления в своего единственного противника. Велея же устремилась в самое ядро: окутав себя газовой магией, слушающей нерушимым щитом, королева помчалась на цель; за ней ринулся Зайн, быстро отбившись от назойливых солдат. Хотя Мастер и разбил солдат Велеи, те мгновенно восстали, собравшись, тотчас, в единый организм, налетев на Мастера с новой силой.

Невиданной силы взрыв прогремел в центре Земли.

– Знаешь, я готов идти дальше, мне уже лучше!

Старший поджал губу, озираясь по сторонам.

Мощная плеяда землетрясений прокатилась по округе.

Эвар кубарем покатился вниз с обрыва. Лирия схватила хозяина за руку, обвив хвостом, а сам Дэстан схватил дракона за рог.

Старший почувствовал, словно его поддерживает кто-то сверху, будто кто-то или что-то тянет Эвара вместе с ним. Одной рукой Дэстан вытащил брата и змею.

Очередной скачок все трое пережили мягче, благодаря Лирии: та превратила камни вокруг в песок, на который падать было куда удобнее.

Отряхнувшись, братья двинулись по направлению, по которому вёл их Массан. Полноправный властитель здешних мест – двухметровый бурьян, не позволял смотреть вдаль и потому, единственная надежда выбраться из лабиринта коварной растительности пала на белого ворона.

Внезапно Дэстан остановился. Послышалось, как поодаль колышутся сухие заросли и вновь кровь запульсировала в ушах, дыхание участилось. Сжав крепче руку брата, он не решался сдвинуться с места, с ужасом ожидая нападения чудовищ: пойти вперёд – выдать своё местоположение, остаться на месте – обречь себя на верную смерть от холода и голода, с вероятностью нарваться на другое чудовище. Мысли

скакали как бешенные, накладываясь одна на другую.

“Было бы здорово увидеть, что находится над этой травой” – Подумал про себя Дэстан. Казалось, растения, захватившие всё вокруг, с каждым шагом путников разрастались всё выше, словно стараясь заслонить собой конечный пункт.

Внезапная головная боль пронзила старшего. Дэстан схватился за лоб и сильно зажмурился. Стараясь не издать ни звука, он прикусил палец.

Пустые стебли растений стали стремительно расступаться под натиском грозных лап. Что-то с упорством надвигалось на мальчиков, наступая с левой стороны зарослей. Через несколько секунд звук стал ещё громче и неизвестное существо уже было на подступах к братьям. Не успевший среагировать Дэстан сжал младшего покрепче, рассеянно бросая взгляд из стороны в сторону. На мгновение тот поднял голову, чтобы узреть массивную тень, что закрыла собой Луну: Громадное, четвероногое создание, напоминающее ящерицу, разверзло мутировавшую человеческую пасть, обнажив сотни желтых клыков. Глаза твари походили на четыре пореза, с сочащейся кровью. Ало-красная кожа, казалось, была истончена донельзя и могла в любое мгновение порваться, выплеснув массу смешанных органов наружу. И вновь мальчик увидел внутри внутри твари десятки пар рук и ног, кое-где даже просматривались головы, чьи глаза моргали, даже несмотря на то, что были отделены от туловищ.

Кошмарное чудовище раскрыло пасть донельзя, разорвав

собственный рот. Братья вжались в землю, прикрывшись руками. Спустя мгновение, сквозь искаженное рычание, впоремешку с шипением и человеческими воплями, переборов страх, Дэстан всё же открывает глаза.

Трава вокруг по-прежнему была непоколебима, лишь поддаваясь напору громадной твари, что бешено неслась на братьев.

Плечо Дэстана затряслось, что-то с силой толкало старшего. Обернувшись, тот увидел испуганного Эвара.

– Что... Что произошло...? – Старший начал понемногу приходить в себя.

– Ты зажевал палец и простоял так несколько секунд.

– У меня... было видение... Что случится с нами, если мы пойдём туда! – Дэстан указал пальцем куда-то в траву.

Походящий на слоновий, с примесью львиного рыка крик разнёсся по мёртвой местности, нарушив многовековую тишину. Слева от братьев, быстрым темпом приближалось чудовище, заставляя землю вокруг дрожать. Сделав пару больших шагов по диагонали, старший всем телом подался вперёд, крепко сжимая руку младшего. Оба едва не угодили в лапы чудовища: массивная, мутировавшая трехпалая лапа зацепила макушку Эвара, зачем последовал визг, разбавленный яростным воем монстра, оставшегося без добычи. Судорожными руками старший боязливо осматривал голову младшего, боясь обнаружить кровоточащую рану. Однако ярко-соломенные длинные волосы, что украшали чело коро-

левской особы, сейчас опали, обнажая небольшой островок белой кожи на макушке.

– Твоя цена спасения... – Пробормотал Дэстан, улыбнувшись.

Оправившись от суматошного падения, братья вновь очутились на низине. Дальше чудовище идти не стало, продолжая разносить грозный, пугающий рык где-то наверху

– Вроде обошлось. – Дэстан скривился, прижав руки и голове. – Опять начала болеть, эта невыносимая боль. Она начинается в затылке и бьёт в глаза...

Эвар оперся на плечо старшего брата.

– Пройдёт, пройдёт. – Голубые глаза вновь распахнулись и казалось, даже засветились в крошечной темноте. Дэстан затрясся; он стонал, его лихорадило.

– Они... Они идут... – вырвалось у старшего. Мальчик с ужасом таращился вперёд. Глаза не закрывались, они стали светиться ещё ярче. Вокруг то и дело шелестела трава от постоянно усиливающегося ветра. Эвар прижался к земляной стене, находящейся позади.

– Мне страшно, Дэстан, ты меня пугаешь!

Но тот не слышал. Продолжая таращиться куда-то вдаль, казалось, пытаясь завидеть что-то сквозь густую траву, старший хрипел, страдая от резей в горле.

Один за другим, белёсые силуэты возникали в мёртвой глуши. Проходя сквозь деревья и расталкивая высокие камыши, сотни и тысячи ярких существ окружали Эвара и

Дэстана. Полупрозрачные, высокие фигуры появлялись всюду – в траве, поодаль и на горе, откуда спустились братья. Они возводили руки к мальчикам, и кричали, моля о помощи. Окруженный разлагающимися бледными телами, старший стал мотаться из стороны в сторону. Мертвецы, что некогда погибли здесь в муках, спустя столько веков были обнаружены.

Один из фантомов тянулся к Дэстану единственной рукой и, сорвав с себя маску, несчастный обнажил изуродованный череп, лишенный нижней челюсти. Дэстан закрыл уши, в попытке скрыться от навязчивых призраков – безуспешно. Позабыв обо всех мерах предосторожности, он закричал, что было мочи, срывая горло. Невыносимо было более сдерживать натиск узников проклятого Леса.

– Оставьте меня в покое!

– Дэстан, Дэстан! – Резкая пощёчина прояснила картину. – Тут никого нет!

Старший открыл глаза. Он взмок и тяжело дышал. Глаза бегали из стороны в сторону, боясь увидеть то, что терзало их несколько мгновений назад.

– Всё хорошо, никого, никого. – Эвар приобнял брата, пытаясь успокоить. Осунувшись, тот обездвижено тарасился вперёд, опустив руки.

– Забери! Забери хотя бы моего мальчика! – закричала, что было мочи неизвестная женщина прямо перед Дэстаном. Протягивая младенца, укутанного в рваные тряпки, призрак

истошно вопил, в тщетных попытках спасти давно усопшее дитя. Костлявыми руками неприкаянный дух тыкал в Дэстана ребёнком и с каждым криком уста неизвестной женщины расширялись, пока вскоре та не растворилась в сотнях ярчайших огней.

Мальчик взглянул на небо. Из его ока покати́лась большая слеза.

– Что же здесь произошло...

– Что... Что ты видел?

Дэстан отвлёкся от Луны и бросил отречённый взгляд, на Эвара, чьи глаза метались в испуге из стороны в сторону; две руки основательно легли на плечи младшего брата. Заключив последнего в крепкие объятия. Голову недоумевающего Эвара окатили горькие слёзы. Не понимая, как вести себя в подобной ситуации, мальчик ответил тем же – обнял старшего брата в ответ и тихонько всхлипнул.

– Когда-то здесь погибло очень много людей. Они умерли не своей смертью... Их... Их убивали, как скот... – Несколько мгновений Дэстан обездвигженно пялился на рощу впереди, словно ожидая возвращения ужасающих видений, затем резко оклемался, помотав головой. – Нам пора... Нас зовёт Массан.

Краткий миг спокойствия был прерван вкрадчивым полуслёпотом в голове старшего.

– Следуй пути Луны и вскоре ты заполучишь часть моей силы. – Когда голос затих, Дэстан ещё долго не мог прийти

в себя. Он всматривался в дорожку, по которой им предлагалось пойти: в голове возник путь по кривой линии, чудом не поросшей травой, что вела к одиноко стоящим на отдалении друг от друга каменным изваяниям. Что было за ними – не было видно, однако едва Дэстан сделал шаг, как за плечо его тотчас схватил Эвар и силой заставил вернуться на путь, указанный Массаном.

– Ещё одно видение?

– “Следуй пути Луны” – кто-то произнёс... Что бы это ни значило.

– Чей это был голос?

– Голос мужской, но... Я не знаю его.

Избавившись от влажной пелены на глазах, старший спешно двинулся по пути, что указывал Массан. Обходя многочисленные разломы и бурлящие потоки, мальчики уверенно шагали по карте, что строил перед глазами верный пернатый спутник. Минуя опасные участки, о которых сигнализировал ворон, парящий в небесах, братья стремились достичь неизвестной точки. Где она находится и как скоро получится её достичь – было непонятно, но это что-то было очень важным элементом на их пути.

Вдалеке слышались редкие стоны, разбавляя шелест вездесущей травы и нарушая многовековую тишину здешних болот; возникший из ниоткуда топот и всхлипывания сейчас разносились отовсюду.

Дэстан замедлил шаг видя, как его брат отстаёт.

– Что с тобой?

Эвар молчал, боязливо таращась по сторонам. Мелкие травинки под ногами колыхал ветер, он же продувал полуобнажённые ступни, едва укрываемые продырявленными башмаками.

– Ну же, дружок, нам нужно идти.

– Мне страшно. Я... я не могу, я не хочу больше идти. – Страх Эвара нагнетался тьмой, что ожидала их впереди. Казалось, свет покинул это место, где тучи собрались устраивать свой страшный суд, и даже стоны здешних обитателей перестали тревожить вековое молчание деревьев.

Дэстан неспешно подошёл к младшему и приобнял за оба плеча, – тот склонил белокурую голову.

– Я скучаю по маме, папе... По Хешу и Реми. По всем им.

Дэстан вглядывался в такое знакомое и столь же неизвестное для него лицо выросшего брата.

Вороний крик был словно удар гонга. Встрепенувшись, оба неловко засмеялись, предпочтя сделать вид, что ничего не произошло. Эвар схватил Дэстана за кусок подрастой куртки, всё так же идя сзади.

Окружающая мальчишек растительность постепенно редела на подступах к полуразрушенному зданию, а опоясывающие сооружение четыре высокие колонны безмолвно повествовали историю народа, некогда обитавшего на здешних просторах. Походившая на миниатюрный замок, небольшая постройка напоминала средневековую цитадель, с двумя па-

рами защитных каменных башен. Время нещадно отнимало жизнь у величественного здания: потрескавшиеся стены покрылись мхом и проросли изнутри дикими черными лианами, точившими каркас год за годом.

Эвар и Дэстан робко ступили на обработанную камнем территорию постройки. Приблизившись вплотную к необычному строению, маленький Эвар прислонился рукой к ромбовидным кирпичам: каждая деталь этого некогда величественного храма была украшена своим собственным орнаментом. Полосы и черточки были уникальны на каждой камушке, который успел осмотреть мальчик. Братья дивились изяществу росписи, попутно ища вход. Громадные деревянные двери, со следами, оставленными когтями гиганта, находились на углу древней постройки и казалось, верно служили защитой от недоброжелателей.

Дэстан всматривался на самый верх толстых дубовых врат, разглядывая картинки, повествующие о длительной войне, некогда положившей начало жизни.

– Кто же эти создания? – задумчиво пролепетал старший.

Рисунки непрерывно следовали один за другим, продолжая извилистую сеть картины: четырнадцать маленьких точек, что возникли из пустоты, постепенно увеличивались, переходя в некое подобие людей. Силуэты, произросшие из крохотных шариков, познав свою сущность, возвели затем землю, воду, солнце и воздух, превратив безжизненные пустоты белоснежного пространства в подобие планет. При-

чудливые животные и неведомые ранее насекомые стали мелькать на деревянных фресках, на последующих же возникло звёздное небо, казалось, согреваемое пламенем, горящим на Земле. Но затем что-то пошло не так: на неразборчивых, поврежденных табличках произошло что-то, что послужило конфликтом между этими существами. Трое из тех, что были на одной стороне, совершали нападение на одинокую фигуру. Опустившись ниже, Дэстан увидел, как к последнему присоединился ещё один. Двое же оставшихся существ, коих мальчик выискивал с особым интересом, находились поодаль. Что случилось далее – неизвестно. Повествование обрывается многочисленными рубцами, что практически раздробили толстую деревянную дверь.

– Эй, Дэстан, смотри! – послышался голос сзади. Эвар уже успел найти проход внутрь и сейчас демонстрировал блестящий золотистый меч, с рукояткой в виде одноглазой обезьяньей головы. Оружие не пало жертвой времени, как это случилось со всем вокруг – напротив, на нём не было ни единой царапины. Грязь и пыль тоже обошли величественный клинок стороной, обнажая всё девственное великолепие только что отлитого оружия.

– Возьми. Ты будешь ему лучшим хозяином.

Дэстан недоумённо принял играющее лунными бликами массивное лезвие и тотчас оружие затрепетало в руке нового хозяина. Меч, словно старец, медленно выгнулся, распространяя звонкий, напоминавший хруст звук. Мальчик под-

нёс сияющий клинок к лицу: помимо гладких переливов, лезвие плавно шевелилось, неспешно затвердевая в своей новой форме.

– Я даже не думал о том, что великие артефакты реальны – Изумленные глаза бегали по массивному мечу. Дэстан внезапно отбросил клинок, что звонко отбил такт на каменном полу.

– Что случилось?

Но Дэстан не мог поверить в то, что увидел в отражении. На блике лезвия был не он.

– Ты сильно изменился, да. – Махнул рукой Эвар, поняв причину. – Я привык видеть, как мы меняемся.

Дэстан недоумённо поднял меч и вновь взглянул на себя: всё те же соломенные волосы, большие небесно-голубые глаза, но его лицо выпрямилось, появился твёрдый подбородок, что выпирал вперёд и был окутан колючей светлой щетиной. Он взглянул на брата, когда тот копошился в углу: отразив лунный свет клинком, взору старшего пал юноша, на вид лет шестнадцати. Слово десять лет уместилось в несколько мгновений, что мальчишки находились в лесу.

– Что в нём такого великого? – Отозвался Эвар.

– А?

– Ты сказал, что меч – это великий артефакт.

– Существуют семь великих предметов, как и первоначальных стихий в мире: есть меч, щит, маска, амулет, кольцо и ещё что-то... – Бросился старший разглядывать пред-

мет. – Их создали сами Боги, представляешь, сами Темпериды приложили руку к созданию этого самого клинка... – Дэстан не отрывал глаз от клинка, продолжая свой сказ с живостью, с которой желал применить оружие. Эвар копошился в другом углу ветхого храма, в надежде обнаружить что-то для себя. – Я не знаю точно, какие силы даёт каждый из семи артефактов, но кое-что я помню, я читал об этом в библиотеке. Например, с помощью амулета ты можешь переместиться на любую точку в пространстве, завладеть телом и разумом любого существа, в мир которого попадёшь, а также можешь призывать целые армии из других измерений, и даже перенимать все их силы. В академии рассказывали, что их число бесконечно, этих миров... – Шелест в кустах, проросших всюду по периметру грандиозного сооружения, ничуть не мешал старшему продолжать. Одним ухом Эвар слушал, что рассказывает брат, продолжая с упорством копошиться в траве. – А ещё я знаю, что маска, к примеру, покажет тебе все, что происходило в мире и вообще будет происходить, расскажет обо всех секретах, о каждом живом существе, предмете или явлении. Как энциклопедия на миллионы страниц у тебя в голове... Удивительно...

– И правда, здорово... – отвлечённо пробормотал Эвар.

– Что ты там ищешь?

– Оружие, теплые вещи, хоть что-нибудь. Вот! – Хаотичную суету вокруг младшего прервала неожиданная находка. Целая копна ягод затаилась под зарослями диких растений.

Красными, сочными плодами ломились ветви кустарников, коими была усеяна зелень у внутренних стен храма.

– Постой, не ешь! Сначала я.

– Почему это сначала ты? – возмутился младший. – Ты хочешь съесть всё сам!?

– Только взгляни, сколько здесь еды, мне одному со всем этим не справиться. Я боюсь, что это может быть отравой. – Дэстан присмотрелся к плодам. – Ведь не даром же вокруг нет ни единой зелёной травинки, ни единого живого растения, а тут, ты смотри...

Младший отступил, поняв, что ляпнул глупость. Дэстан стремительно направился к ягодам и схватил шероховатый плод. Понюхав, мальчик, обтёр его о подол одежды. – Ах, да, привычка... – Улыбнулся тот, осознав, что фрукт куда гораздо чище, нежели рваные тряпки, в которые тот был облачён.

– Ни горечи, ни кислоты, он очень сладкий... – Дивился Дэстан. С минуту помедлив, юный правитель протянул надкушенный плод брату. Тот с жадностью вцепился в сочный фрукт, за считанные секунды не оставив и косточки на руках. Дэстан снисходительно улыбнулся и протянул второй, уже очищенный плод Эвару, затем взял такой себе.

– Я не ел уже век! – Проговорил Дэстан. Сквозь потоки сока, лившиеся по лицу и рукам.

– Да, да, я тоже!

После оглушительного взрыва, что прогремел в центре Земли, из ядра вырвалась смеющаяся Велея. Окружённая магией расщепления, она жаждала узреть результат своей работы, увидеть, как растворяется сердце голубой планеты в руках нептуна. Когда же пыль улеглась, первое, что обнаружила Велея, это, три размером с неё, зеленоватые маски, состоящие из такого же оттенка пыли. Прямо из того места, где должно было плавиться ядро, вылетел Зайн и собственной магией обрушил все три смеющиеся личины на королеву. Первая и вторая пролетели сквозь владыку; третья же – предательски скрылась за столбом пыли, что были вызваны первыми двумя: пришлось встретить атаку в лоб. Скрестив руки, Велея приняла удар Великой Силы, что откинула её вверх на многие километры и вновь землетрясение прокатилось по голубой планете. Велея, поняв, что Зайн будет оберегать то, что находится в ядре с остервенением, с которым не защищал бы и отчий дом, поняла: то была её ошибка. Существо из газовой магии, в которую преобразовались войны Велеи, не поспевало за Зайном. Плавными движениями аккуратных рук по воздуху вздымалась ввысь пыль, преобретала зелёный оттенок и испепеляла всё, к чему прикасалась.

Вскоре, королева выбралась на поверхность, где попыталась скрыться за одиночными солдатами, которых бросала в Зайна, словно мешающие на пути предметы. К тому моменту, Земля, в основной своей части, уже представляла собой

руины: не готовая к войне планета сдавала позиции перед натиском непобедимой армады, вороном кружившей над захваченными территориями. Единственным оплотом землян был Иор, который старался защитить ещё неповреждённые участки планеты.

– Убейте его! – Кричала Велея, натравливая один за другим полки своей многомиллионной армии на врага. Солдаты, сталкиваясь с Мастером, растворялись в воздухе, едва успевая приблизиться к волшебнику на метр, – никто не мог ранить мага.

Королева была поражена очередной волной из беспрестанных атак Зайна. Проредив земную оболочку, она вылетела на поверхность планеты, гонимая пожирающей магией, и едва отбивалась от того урагана, что шквалом окружал её. Зайн создавал едва видимые сгустки Силы Анти-материи, с яростью штурмуя крохотный щит владыки Нептуна. Во время последней атаки, Велея не заметила крохотную частичку силы Зайна, что влетела в её щит. В следующее мгновение, её броня распадалась на глазах, тогда как следовавший за ней всё выше и выше волшебник в мгновение ока телепортировался к лицу Велеи, замахнулся в последнем ударе, но та, не желая умирать без должного отпора, внезапно растворилась и материализовалась за ним. Долго продлилась своеобразная игра в салочки, но после очередного удара могущественной газовой магии, Велея почувствовала нехватку воздуха в лёгких; Зайн же материализовался напротив, повиснув с про-

тивником на одном уровне.

– Моя мать – величайшая из правителей Нептуна, проиграла тебе. – Каждое слово давалось ей с невероятным усилием. – Что же за силой ты обладаешь? – Выдавила Велея, видя, как тут и там бегут её войны, как сдаются в плен отряд за отрядом, и как к ней плавно подлетают ближайшие сторонники Иора, который к тому моменту успел расправиться с её тайным оружием, – существом из центра Земли. Свыше десяти плохо различимых фигур приближались, постепенно замыкая воинственную королеву в круг.

– Моя сила покрыта мраком тайны, столь же тягучей, сколь главная движущая сила этого мира.

Велея застыла.

– Ну конечно, Он даровал её тебе, ты служишь ему и только ему... – Она тарасилась в пустоту перед собой, – Вре... – успела вымолвить королева, как грудь её пронзил изогнутый, колючий клинок из льда. Велея камнем полетела вниз, а на месте, где стояла она, возник синекурый приспешник Розель Факом. Он жадно слизывал стекающие капли крови королевы.

– Своя кровь всегда вкуснее. – Скалился убийца.

Видя, как кто-то из отступающих подхватил падающее бездыханное тело Велеи, Зайн неспешно наблюдал за тем, как тот удаляется в неизвестном направлении.

– Поймать? – Пробубнил синекурый воин, обращаясь в пустоту, смотря куда-то сквозь Мастера.

Все плавно опустились. Зайн ожидал своего главного соперника Иора, однако он уже вернулся в свою несокрушимую крепость, откуда и предпочитал вести войну с Мастером.

Вокруг Зайна столпились войны, что только что победили в очередной Нептуно-Земной войне, однако объектом их наблюдения были не разорённые земли их планеты, не уничтоженная природа или не бегущие прочь нептуны, а он, этот загадочный, полу-мифический маг Зайн. Наблюдательной Кирим показалась занятной изящная брошка на груди Мастера.

Великий волшебник, однако, не обращал внимания на восхищённые взгляды и шёпот. Он исчез тотчас, как осознал, что его надежды о встрече с Иором тщетны и лишь одна фигура наблюдала за тонкой дымкой, что устремилась вверх после мага. Женщина с истинно чёрными волосами ещё долгое время оставалась неподвижной, наблюдая за разбредающимся людом.

Сгорбленный волшебник Лезфор что-то нашептал ей на ухо и, недолго колеблясь, тёмная волшебница выпустила струйку тени за тем, кто уносил Велею с собой. Тотчас королева была захвачена. Война окончена.

Старик положил костлявую руку на плечо Розель.

– Есть ещё кое-кто, помимо Зайна и Велеи, кто нам пригодится. – Причудливым посохом Лезфор указал куда-то вдаль. – Я вижу его. Владыка Судьбы ждёт нашей помощи, нам нужно привести его в нашу команду. Я покажу путь.

Наевшись до отвала крупными, спелыми ягодами, братья завалились у стены, над которой еще сохранилась часть пола второго этажа. Таким образом, у мальчишек имелась небольшая защита от дождя и снега. Прижавшись друг к другу, Эвар и Дэстан старались спастись от колючего холода, что пробирал до основания с каждым потоком ветра. Спать мальчикам не хотелось, уж очень много эмоций было пережито за сегодня.

– Как думаешь, где сейчас Шору и Реми? – прижав губу, задумчиво проговорил Эвар. Его глаза выражали глубокую грусть, обнажали те самые печаль и скорбь, что появляются при потере близкого родственника. Неутолимая жажда увидеть того, кто всегда был рядом, был элементом привычной нам реальности, которую не принято ценить, но в одночасье, теряя которую, мы горько сожалеем, что не поступили тогда, в прошлом, иначе. Дэстан заметил нарастающее отчаяние брата и поспешил успокоить мальчика.

– Я верю, что они уже в безопасном месте, далеко от нас и этого леса. – Он улыбнулся. – Быть может, они уже вернулись домой, где им ничего не угрожает. А когда мы выберемся отсюда, то вернёмся к ним.

– Я очень этого жду.

Эвар поудобнее уселся, положив голову на колени брату. Лирия опоясала собой их обоих, а Массан, чуть ранее приземлившийся на крыше строения, тихонько прижался к сте-

не.

Устремив взор на небо, сквозь полуразрушенный потолок, Эвар задумчиво проговорил:

– Иногда мне кажется, что нельзя ни к кому привыкать...

– Эй, ты чего? – Дэстан был ошарашен услышанным. Наклонившись над лицом Эвара, пара голубых глаз решительно выражала недовольство. – Откуда у тебя такие мысли? А как же я и вся наша семья?

– Не знаю... – Насупился мальчик, отводя взгляд. Он явно стеснялся своих размышлений, но напор старшего брата заставил его сознаться. – Просто, когда привыкаешь к кому-то, потом становится сложно. Ты ведь и сам это знаешь... Потом очень больно вот здесь. – Он указал на сердце. – Терять.

– Не могу не согласиться. Но разве можно лишать себя удовольствия от тех эмоций, которые мы можете получить вместе? Никогда не знать тепла и заботы – это наивысшая попытка.

– Не знаю.

– Мне кажется, лучше хотя бы раз узнать, что такое любовь, даже если она будет короткой. Мне кажется, это что-то чудесное, как любовь к маме и папе, например.

– Может быть. Но ведь потом будет больно, как сейчас...

– Да, ты прав. – Заключил Дэстан задумчиво. – Потом будет больно. – Повторил он вновь, едва слышно. Молчание стало невыносимым. Не желая заканчивать разговор на печальной ноте, старший решил разбавить разговор и отвлечь-

ся от грустной темы: – А давай сыграем в игру?

Заинтересованный взгляд тут же пал на затейника.

– Мальшин называется, ты знаешь её!

– Нет... – Лениво улыбнулся Эвар.

– Это просто, мы часто играли на поле с Хешем, он много знал. – Мальчик задумался. – Мы выбираем какую-то одну стихию и пытаемся побороть друг друга на словах. Тут нужна недюжинная хитрость!

– Готовься проиграть, братишка! – Азартно прокричал Эвар, вскакивая на ноги. – Я выбираю молнию!

– Хорошо, моя сила – Время! – Дэстан хитро улыбнулся.

– Нет! Так не честно, ты сказал стихию, а не магию из Великих Сил! Я не буду играть.

– Хорошо, хорошо. Ты тоже можешь выбрать какую-то из этих сил.

Мальчик виновато улыбнулся. – А какие есть?

– Ну, Сила Времени, как у меня, Души, Энергии, Судьбы и есть ещё сила Мысли.

– Мне нравится энергия. Это же молния, наверное? – Эвар вальяжно откинулся на стену.

– Нет, что ты! – Засмеялся старший. – Это именно что сила Энергии и Пространства.

– Не понимаю. – Эвару было интересно сыграть в игру, но он был ещё слишком неопытен и молод для ведения боя в игре, по которой проводили турниры сильнейшие умы планеты.

Дэстан вновь снисходительно улыбнулся. Его умиляла наивность младшего брата, рядом с которым он чувствовал себя взрослым.

– Что ж, будем учить тебя прямо тут. Создадим академию на этих руинах. Слушай внимательно, это не выдумка. Энергия – это то, из чего состоит наш мир: ты, я, земля вокруг, воздух и вода, а также вся магия, ну, за небольшим исключением, вся состоит из маленьких-маленьких частичек энергии. Эти частички невидимы глазу, но они представляют собой все, что мы видим, когда объединяются в одно целое. Что уж говорить, и мы с тобой, и наши мысли, как и любой объект во вселенной – это тоже Энергия. Говорят, даже сами Боги были созданы из неё.

– А кто создал Богов?

– Не знаю, откуда я могу знать такое? – Усмехнулся старший, вновь взглянув на небо. Выждав паузу, Дэстан многозначно проговорил – Эта Луна такая яркая. Если бы не она, сколько людей не нашли бы дорогу домой? А мы? Что было бы с нами, если бы Луна не освещала нам путь?

– Мы бы не выжили. – Важно заключил младший.

– Да, мы бы не выжили.

Немного полежав, Эвар вновь вскочил на ноги: что-то блестящее бросилось мальчику на глаза. Из кустов неисследованной, после находки фруктов, части храма, торчал продолговатый предмет.

– Что это?

– Палка какая-то. – Зевнул старший.

– Нет, нет, я что-то вижу.

Подойдя ближе, Эвар провел по предмету пальцем. Тот был холодным. Большой кусок железа выглядывал из-за кустов. Надпись на нём привлекла внимание мальчика больше, нежели сам артефакт.

– Дэстан, смотри, что это?

Нехотя, старший встал с нагретого места в углу и настороженно приблизился к предмету. Сделав несколько усилий, не без помощи младшего брата, Дэстан всё же сумел вытащить массивную железную пластину. Ей оказался золотой расписной щит, инкрустированный множественными драгоценными камнями, разбросанными по радиусу блестящего артефакта. Надпись в центре щита была на непонятном мальчишам языке: “Alami vas palamsh fad valom”.

– Это Валинский? Или Арат? Хотя, чего это я... Ни того, ни того не знаю... – Гадал Дэстан.

Мальчик надел ремень внутренней стороны артефакта на руку. Приятная прохлада пробежала по телу, словно весь морозный воздух, которым дышал лес, ныне присягнул на верность старшему. Мальчик внезапно почувствовал невероятную легкость: ноги более не одолевала усталость, а руки без особых препятствий держали на вид десятикилограммовые меч и щит.

– Это чувство, будто я вот-вот воспарю... – С последними словами пальцы, что торчали из-под ободранных башмаков

оттолкнулись от земли. – О, нет! – Дэстан небезосновательно стал паниковать: с каждым мгновением, невиданная сила уносила его тело ввысь, отдаляя от поверхности стремительными темпами.

– Кажется я знаю, что это! – Напуганный и одновременно воодушевлённый Эвар изумлённо наблюдал за полётом старшего брата.

Дэстана словно поразило молнией. Гравитация! Вот что за сила уносила его от земли. Единственным вопросом оставалось теперь только то, как спуститься вниз.

– Вспоминай, Дэстан, что рассказывал Хеш! – Судорожно искал выход мальчик, пока магия щита уносила его тело все выше. – Гравитация, отдельная ветвь магии, давление, притяжение... Спокойствие, это главное... Вспомнил! – Удовлетворенно завершил старший. Громким голосом Дэстан известил младшего брата о своем открытии. – Как говорил Хеш, для применения магии, нужно полностью сконцентрироваться на силе, избавиться от волнения и паники. Хаос подчиняется тому, кто силён духом! – Задорный голос становился всё громче. Мальчик выдохнул. Заставив себя закрыть глаза, Дэстан рисовал картины дома, вспоминал родителей и прошлую жизнь. Мальчик всегда брал за пример мать и старался походить на неё во всём: невероятно сильная женщина мужественно проходила через все испытания, уготованные ей временем. Она никогда не жаловалась и старалась не показываться мальчикам на глаза, будучи в плохом расположе-

нии духа – казалось, у женщины всегда хорошее настроение, словно та никогда не знала горя.

Вдохновившись воспоминаниями о матушке, Дэстан с чувством проговорил: – Так ещё Хеш говорил: гравитация – это то, что заставляет объекты тянуться к центру более массивного объекта. Теперь в моих силах наделить землю под собой усиленной гравитацией!

Следующие несколько минут, после произнесённых мальчиком слов, древний храм и обширную территорию вокруг, сотрясало мощнейшее землетрясение. Ни Дэстан, ни Эвар не ожидали подобного исхода от столкновения щита с поверхностью. Величественные постройки прошлых столетий в мгновение рухнули как карточные домики, стремясь каждым обломком, каждым камушком куда-то под землю. Мощью кометы, развалины впивались в безжизненную почву, осыпаясь до основания. Юный Эвар поневоле стал жертвой действия разрушительной магии и всем своим телом вжался в землю, не имея возможности пошевелить даже пальцем руки. Лирия, что оставалась неподвижной у несущей стены храма, не была в состоянии сдвинуться, от тянущей к земле магии. Реализовав невидимость, питомец скрылся в пространстве. И пока с неба падали бесчисленные каменные глыбы, судьба мальчика зависела от воли случая. Обездвижено двигая ртом, словно рыба, выброшенная на берег, младший судорожно наблюдал, как всюду валяются исполинские валуны. Едва Эвара не настигла очередная реликто-

вая пластина, как старший стремглав бросился к телу брата. Неумело делая свои первые шаги в искусстве левитации, Дэстан старательно облетал падающие обломки, со свистом разрезая пыльные облака. Молниеносно старший достиг лежащего тела брата и успел накрыть обоих щитом, аккуратно до падения крупной стены храма. Последние обломки руин с грохотом повалились на поглащённую коричневатой мглой землю.

– Прости, прости меня! Я, я не специально! – Дэстан стряхнул с массивного щита остатки мусора и принялся расталкивать брата. Тот продолжал бездвигательно лежать, лишь изредка моргая от распространившейся вокруг пыли. Дэстан боялся, что брата могло ранить осколком здания, что тот мог пораниться обо что-то или ещё хуже. – Эвара могло парализовать от того потока энергии, что прошел сквозь неподготовленное тело, когда старший реализовал магию гравитации.

Спустя несколько секунд, голова мальчика повернулась на бок. Горящими глазами тот смотрел на старшего брата, едва дыша. Дыхание спирало, эмоции захлёстывали голову мальчишки, он не мог найти слова, чтобы выразить все свои мысли.

– Ты, ты волшебник! – Задыхаясь, пробормотал Эвар. – Ты бы видел, как это смотрелось отсюда, с земли! Ты был точь-в-точь как небесный рыцарь из моей книги “Битва за Галактику”! С этим золотым щитом и мечом, ты летал в воз-

духе как герой!

Дэстана обуял смех, но изнутри подступала снедающая тоска.

– Я боялся, что могу тебя потерять. – Лицо уже юноши исказила грустная улыбка, и только брови отчаянно не хотели выдавать печальных глаз. Дэстан приобнял младшего брата.

– Куда же я денусь! Я теперь хочу такую же силу, как у тебя! – Простодушно воскликнул младший.

Дэстан отвернулся для того, чтобы взглянуть на руины и подтянул рукав к лицу. – Получишь! – Он вновь перевел взгляд на младшего брата. Широкая улыбка озаряла белокурое лицо. – Твоя магия будет ещё сильнее!

– Ты что, плакал?

– Что за глупости? Тут столько пыли, бедные мои глаза!

Братья внезапно осознали, что остались без крова. Какое-никакое, а убежище было. Но сейчас в этой, казалось, бесконечной ночи, которая всё никак не сдавала позиции, потребность в уютном уголке становилась более явной. Нужно было где-то укрыться от монстров, что толпами сновали здесь и, учитывая, что Дэстан, обретя новую силу, с грохотом её и реализовал, рассчитывать на то, что случай не привлёк внимание чудовищ – было опрометчиво. Подоспевший Масан был вновь отправлен в небо на поиски нового временного пристанища. И пока птица тщательно искала путь, паря по туманным облакам, братья неспешно двинулись в противоположную сторону пути, откуда когда-то пришли.

– А ты знаешь... – Робкий голос сопровождал небрежные движения Эвара, что старался очиститься от пыли. Мальчик не решался заговорить на больную для него тему.

– Что случилось?

– Знаешь, что происходит после смерти?

– Ну... – Он задумался. – Не знаю, насколько это правдиво, но я однажды подслушал разговор мамы и папы. Они говорили о... Как же его имя? – Дэстан с минуту шёл молча, дав себе слово вспомнить имя героя рассказа. – Матрок! Отец рассказывал, будто этот волшебник когда-то создал два мира: мир снов и мир, куда отправляются все души, чьё время пришло.

– Что значит время пришло?

– Смерть. – Посмотрел наверх старший. – Когда мы засыпаем, наша душа отделяется от тела, и попадает в мир снов, где всё возможно, но а когда человек умирает, его тело больше не может держать душу, поэтому она отправляется в мир мёртвых.

– И всем этим правит один человек?

– Да, по-моему, папа так рассказывал.

– Вот это да! Ты можешь себе представить, насколько же он силён!

– Я думаю... – Дэстан запнулся. Нога юноши зацепилась за корень гнилого дерева, с хрустом оборвав корягу. Очередная волна хлёсткого шума нарушила гробовую тишину. – Будем осторожнее. – Он поправил щит, что крепился рем-

нём на груди и взял покрепче меч. – Это может быть всего-лишь... – Взглянул старший под ноги. – ... всего-лишь выдумкой.

– Почему же?

– Никто и никогда не видел мира снов и самого Матрока, что бы рассказать об этом.

Эвар потёр глаз и лениво зевнул.

– Но это не значит, что такого не может быть.

Дэстан внезапно остановился: приглушённый, беглый шум врезался мальчику в уши. Шелест сухой листвы отчаянно резал слух, то стихая, то нарастая вновь. Выставив щит вперёд, старший подготовил меч к бою. Рука юноши ощущала, как оружие вновь зашевелилось, издавая характерный звук хруста костей – клинок увеличивался.

– Каждый раз, когда он удлиняется... – Старший посильнее сжал меч, в его голосе слышалась уверенность. – Я чувствую, будто способен на всё.

Раздражающий шелест в одночасье прекратился и шум, что казался столь зловещим, вновь уступил место всепоглощающей тишине.

– На всякий случай... – Дэстан призвал брата остаться на месте. Необходимо было проверить, действительно ли опасность миновала. Осторожно подкравшись к пожелтевшему кустарнику, он ещё раз обратился к брату: – Держи Лирию наготове, если что-то произойдёт, быстро становись невидимым и беги прочь, я тебя догоню!

– Нет! – Последовало удивлённое восклицание. Старший улыбнулся, протянув лезвие вперёд, шерстя давно засохшими листьями. Пошерудив несколько раз, юноша заглянул внутрь – ничего. В крошечной тьме не было видно ни зги. Постояв бездвижно с минуту, Дэстан вернулся к брату.

– У меня ещё вопрос!

– Давай, – самодовольно важничал Дэстан, которому нравилось всё знать.

– А как узнать, волшебники мы или нет? Я очень хочу владеть какой-нибудь магией. – Младший выбежал вперёд, его глаза горели, он был готов прыгать на месте от фантазий. – Ты представь: если бы я был магом воды, то каждый день вызывал бы огромные волны и катался на них; если бы я управлял землёй, то исследовал бы самые дальние уголки планеты, забрался бы в самую глубь, ну а если бы я владел тьмой...

– То что?

– Ну как же! – Дивился младший. – Можно было бы быть во всех местах сразу.

– Ты слишком много ждёшь от магии. ты, скорее всего, не знаешь про апогей силы!

– Апогей? Апогей... – Задумался мальчик. – Что такое этот апогей?

– Это то... – Быстрый шаг стал постепенно переходить в прогулочный, а затем и вовсе прекратился. – ...чего большинству волшебников не достичь за всю свою жизнь.

Треск сухих веток усиливался, образуя бесконечную цепь устрашающих звуков. Густая, тягучая мгла свинцовым плащом закрыла собой небосвод; полусухие, бледные листья на давно высохших деревьях шаг за шагом стали покрываться белёсой насыпью, где ноющий, тягучий ветер напевал свою длительную, грустную песню. В этом месте никогда не наступал день, никогда лучик Солнца не касался сырой, мёртвой земли, орошаемой одной лишь кровью. Реликтовые растения, застывшие в своем расцвете, навсегда остались гнить в месте, откуда нет выхода. И только лишь Луна, верная слуга ночи, светила томным светом, проливая ясность на ужасы, творящиеся в Лесу Тишины.

– Берегись! – выкрикнул Дэстан, укрывая младшего брата массивным щитом.

Из пустоты векового мрака, освещаемые бледными лунными лучами, на головы братьев стали падать существа, что следили за мальчишками всё это время. Притаившись на вершинах гнилых стволов, походившие на древесных богомоллов размером с человека, лесные создания резво спрыгивали вниз, разрезая острыми клешнями сухие стволы вечных узников Леса Тишины и с грохотом падали, ломая громадные подобия паучьих ног о скалистую местность. Несчётное количество тварей всё прибывало с небес, наваливаясь сверху и давя друг друга, взбираясь всё выше и выше, пока окончательно не окружили братьев плотной стеной. Продолжая падать и вставать, словно не чувствуя боли, чудовища

тянули массивные клешни к мальчишкам, в попытках сцапать желанную добычу.

Свалившееся прямо на укрывавший Эвара щит, чудовище, водрузило одну из восьми ног прямо в центр артефакта, внутри которого, находилась рука старшего брата, пригвоздив того к земле. Юный Эвар едва успел рухнуть на спину, чтобы не быть придавленным братским щитом. Чудовища оголили оскал: стрекочущие морды, увешанные десятками зубов наружу со множеством маленьких, разного размера чёрных глаз, что были разбросаны по всей массивной круглой голове, изрыгали вонючую желтая слизь из изогнутого, поломанного рта.

Юный Дэстан, оставшейся свободной рукой, поспешил высвободить щит. Нанеся огненным клинком монстру фатальный удар, обрубив разом две ноги, Дэстан изумился новой силе своего меча: на местах отсечённых конечностей, в мгновение образовались множественные искры, вскоре переродившиеся в голубое пламя, покрывшее собой гигантское существо. За считанные секунды истлела массивная туша, что казалось, была деревянной. У Дэстана не было сожалений, не было жалости к издававшему душераздирающие крики созданию.

– Никто не посмеет угрожать моему брату, ублюдки! – Не обращая внимания на боль в прижатой некогда чудовищем руке, старший сжал гравитационный щит внешней стороной ладони, и едва коснулся им земли.

Задрожала почва, мёртвые валуны и столп пыли внезапно поднялись в воздух, забирая с собой орду чудовищ, что продолжали тянуть громадные клешни к братьям.

– Держи меня за руку и не отпускай! – Прокричал, срываясь, Дэстан.

Братья рванули в образовавшийся на месте груды демонов зазор, и с успехом скрылись за ближайшими деревьями, оставив древесных созданий висеть и крутиться в воздухе, невольно сталкиваясь друг с другом.

Вырвавшись из окружения, братья продолжили бег галопом, под натиском страха, заставлявшего ноги двигаться с невероятной быстротой. Хотя опасность уже миновала и стоило бы перейти на шаг, чтобы не быть замеченными другими тварями, братья были настолько напуганы, что продолжили бежать ещё долго.

Послышалось карканье Массана и братья перешли на шаг. Возникший среди ветвистых деревьев верный ворон заполнил широкими крыльями всю небольшую прослойку неба, проглядывавшую сквозь густые, безжизненные растения.

– Где же ты был, дружок? – Голос Дэстана был наполнен благоговением и благодарностью.

– Какая ты тяжелая! – Усмехнулся Эвар, оглядывая ползущую из-за деревьев упитанную змею. Его громкий бас разрезал остальные звуки пополам.

– Массан говорит, нам нужно идти дальше, они скоро нас

нагонят.

– Но куда? У нас даже нет точки, где мы могли бы передохнуть. Храм, на который мы тогда наткнулись, теперь в руинах и у нас даже нет еды, только этот странный ручей впереди.

Спустя какое-то время, братья выбрались к речке, что некогда спасла их от обезвоживания. Алло-красный стремительный поток убегал куда-то вниз, возвращаясь вновь и вновь, обдавая округу живительным звуком природы. Казалось, это единственное место, не лишённое жизни. Однако при приближении, становилось ясно, что это была совершенно другая река, не поменявшая всё же своего кровавого цвета.

Массан неожиданно каркнул.

Тут и там, по всей протяженности бурного потока, из гущи мёртвых стволов стали выглядывать чудовища самых разных форм и размеров. Не решаясь вступить на каменистую почву, монстры наблюдали за братьями из-за деревьев. Стуком, шелестом, стрекотанием и хлюпающими звуками, заполнилось пространство вокруг, сравнявшись по громкости со звуком бегущей воды.

– Ты тоже это видишь? – Ужаснулся Эвар. – Лирия встрепнулась и зашипела, вжав голову в туловище. Массан тут же взмыл ввысь, создавая могучими крыльями, переполох.

– Вижу. – Сквозь зубы произнёс Дэстан, озираясь по сторонам.

Сотни и тысячи изуродованных существ тянулись к мальчишкам, издавая жуткие звуки: истерические крики, плач, рычание и вой слились в единый гул, пугающий, отвратительный по своему существу гул, что, казалось, наполнил собой весь Лес Тишины.

– Если это не все твари, что есть в этом месте, то остальные теперь точно к нам подтянулся. И почему же они не выходят из-за деревьев? Они могли бы взять нас, когда мы так уязвлены.

– Не знаю, но то, что их сдерживает, играет нам на руку, нам срочно нужно идти.

– Вниз или вверх?

– Массан полетел в обратном направлении, вниз. Ты готов?

– Я...я. – Эвар почувствовал, как ноги не слушаются его. В груди словно что-то вспыхнуло, дыхание спёрло, младший будто остолбенел.

– Да что с тобой?

– Я не знаю, я...

Белый спутник Дэстана продолжал показывать путь. Старший сжал меч и взмыл ввысь. Кроны деревьев кишели малыми и крупными чудовищами так, словно казалось, будто и деревья в мгновение ожили. Не было конца армии нечисти, что по обеим сторонам всё прибывала и прибывала.

– У нас лишь один путь. – Проговорил старший, потерянно смотря вслед птице и тотчас скорёжился от внезапной бо-

ли в голове. И вновь преследовали юношу загубленные души: по обе стороны реки выстроились шеренги из пленных. Израненных, с поломанными частями тела людей держали в кандалах, а позади каждого из них стоял облачённый в стальные доспехи рыцарь. В едином порыве солдаты обнажили клинки и в мгновение ока тысячи бездушных тел рухнули в бегущий ручей, окрашивая блестящий поток бордовой кровью. Головы падали с плеч несчастных рабов, как и руки, пронзённые клинками тела. Лес Смерти заполнили вопли несчастных. Ряд за рядом появлялись бесчисленные вереницы несчастных, которых вели на убой, где палачи вершили свой страшный суд.

Очнулся старший, когда алло-красный поток стремительно захватывал его тело. Лёжа в кровавой реке, юноша едва успел увернуться от удара трёхпалой, костлявой лапы зверя, что яростно желал сцапать старшего. В глаза бросилась иссушённая волчья морда, принадлежавшая громадному скелету, обтянутому серой, рваной кожей, чьи когти едва не заграбастали упавшего от видений Дэстана.

Эвар что-то судорожно искал в воде, что хлестала его по щекам, едва позволяя оставаться на ногах. Юноша схватился за голову, – в руке не было меча. Судорожно рыща в нескончаемом потоке заветный предмет, рука вслепую продвигалась дальше и дальше. Гвалт от чудовищ стал невыносимым, однако существа все продолжали находиться на отдалении,

не решаясь напасть.

– Что же сдерживает вас!?! – В отчаянии прокричал Дэстан. – Что вам от нас надо!?! Валите прочь! Прочь! – Старшим братом овладело отчаяние. Слёзы вот-вот были готовы ринуться из глаз. Боль подступала всё сильнее, выдавая себя непроходимым комом в горле. Дэстан обратился лицом к кровавому потоку: тот без устали катился вниз, унося с собой едва уловимые бордовые капли, скатывающиеся с повреждённой шеи. Старший отстранился, почувствовав боль у виска – он был ранен. Вероятнее всего, ударившись головой о булыжник после падения, и кровь, хоть и небольшими каплями, но падала в бушующий поток.

Внезапно Дэстан почувствовал едва уловимое прикосновение на плече.

– Брат! – Дэстан более был не в состоянии сдерживать слёзы. Все эмоции, гонимые болью и страхом, выплеснулись наружу в едином порыве. Эвар мирно обнял старшего, грустно улыбнувшись на выдохе.

– Я не нашёл его... Прости.

– Что ты! Это я его потерял, когда... – Запнулся старший.

– Очередное видение?

– Да, это...

– Массан, наверное он позволяет тебе узнать, что происходит здесь. – Младший осмотрел брата, вытер кровь и осмотрелся. – Нам нужно идти и срочно.

Братья двинулись вниз по течению кровавой реки. Эвар

помогал брату ступать по камням, то и дело поправляя щит, что предательски бил по ногам, а Дэстан все высматривал своего питомца, пытаясь установить с ним ментальный контакт – безуспешно.

Проходя по узкой тропе, куда чудовища по неведомой причине не могли попасть, братья то и дело натыкались на редкие вытянутые до упора лапы, что пытались сцапать изнурённых Эвара и Дэстана. Вскоре послышался шум, который с каждым шагом всё больше прерывал ужасающих тварей.

– Ты слышишь? Это водопад! – Воскликнул младший.

Трёхрукое существо внезапно показалось из-за гряды деревьев и что-то швырнуло, попав аккуратно под ноги Эвара. Лирия зашипела на инородный, маленький комок, что начал лениво шевелиться, а затем и вовсе выпрямился. Гул в одночасье стих. Ряд за рядом этих изуродованных существ замолкал, ожидая, что будет, – все демоны с замиранием следили за тем крохотным существом, что было вероломно выброшено на устрашающий берег кровавой реки. Маленький монстр, украшенный шипами по всему телу, лишённый одного глаза от природы, отдалённо напоминал человеческого младенца. Выпрямившись, он тоже застыл, вжав голову в плечи. Крохотный уродец наблюдал за обстановкой, словно чего-то выжидая. Он вытащил сначала одну руку, затем другую, потом ступил ногой вперёд, осматривая братьев с затаённой злобой.

– Бежим! – Истерично вопил Эвар, поняв, что демоны более не боятся реки; твари в едином порыве сорвались со своих мест: переправляясь через реку, наступая на своих же, чудовища остервенело рвались вперед; они падали с неба, после громадных прыжков и склизкими лапами сенили по каменистому берегу, окружая братьев и борясь с сородичами, что столь же рьяно расчищали себе путь.

Эвар постукивал Лирию за хвост, торопя воспользоваться невидимостью. Змея выстрелила всем телом вперед и сделала крутой разворот, закончив тем самым опоясывать братьев, однако магия на этот раз не сработала и змею ранило тонкое нечто с зазубренными лапами, от чего дракон машинально смахнул с пути часть чудовищ, после чего скрылся в воде, призывая братьев сделать то же самое.

Дэстан стукнул щитом по воде: волны тотчас вытолкнули всех троих в воздух, подкинув братьев и змею, заставив совершить импровизированный прыжок. По приземлении на воду, несмотря на то, что чудовища были уже позади, Дэстан повторно стукнул щитом по воде, но не рассчитал силу: троица рухнула вниз с водопада на сотни метров. От смерти их спасла уже Лирия, сделав неосязаемыми к ударам, от чего приземление на камни было практически безболезненным.

Оклемавшись, Эвар и Дэстан спешно продолжили спуск вниз, по старинной, витиеватой каменной лестнице, что виднелась издали, охраняемая двумя массивными статуями женщин-воинов по обе стороны реки. Данная находка гово-

рила о том, что некогда это место было заселено людьми. Завидев вдалеке небольшое каменное строение, Эвар и Дэстан остановились. Маленький домишка одиноко простаивал посреди леса и зазывал гостей, едва протоптанной тропинкой с растениями, коим уже было не суждено восстановиться. Осмотревшись, братья убедились, что вокруг нет ни души и двинулись к покосившейся хибаре.

Дэстан проходил внутрь, выставляя гравитационный щит вперёд. Ветхая расписная дверь, ещё помнившая следы цивилизации облупленной краской, подалась, сопровождая каждый сантиметр открываемого пространства громким скрипом. Но едва до старшего донесся протяжный, приглушённый скулёж, как тот, оторопев, поспешил закрыть вход в опасное место. Единственное, что сумел разглядеть Дэстан за несколько секунд пребывания в доме, так это сидевшее в углу тощее существо. Под залитым лунным светом окном, оно держало чей-то портрет и шаталось взад-вперёд. Томное мычание, похожее на жалобный вой раненого животного вонзилось в уши братьев. Тишина прервалась в тот момент, когда в одночасье, диким шумом отдался скрип половиц старой хибары. Вскоре, грохот от того, что тварь что-то яростно раскидывала в доме, перерос в настоящий погром. Чудовище услышало братьев.

Вой, сродни тысячам волков пронёсся по лесу. То был оборотень. Голодный, злой оборотень. Братья попятились назад.

Злобное порождение тьмы и человеческой ненависти, разъярённое тем, что нарушили его покой, вдребезги разбило деревянную дверь строения и вырвалось наружу. Одним мощным рывком, чудовище преодолело с десятков метров и обрушилось грозными, массивными лапами за спинами братьев.

Чудовище вновь промычало. Протяжно, словно умирающий волк и замахнулось, громадной костлявой лапой. Шелест листвы, покой которой нарушил монстр, послышался так близко, словно вокруг есть ещё одна тварь. На самом деле, здоровая, когтистая рука тотчас разрубила толстую ветку, что остановила несколько лезвий до попадания в Дэстана, когда младший, гонимый братом, вбежал в дом.

Старший тотчас сделал шаг назад и, заняв удобную позу, собрал всю свою энергию в кулак с щитом, для мощного удара. Отступив менее, чем на метр, Дэстан схватил артефакт поудобнее и со всего размаха совершил удар в разверзнутую пасть твари. Было непонятно, сколько деревьев на пути сломала туша монстра, ведь юноша уже успел скрыться за младшим братом в дом твари, прежде чем всё снова затихло.

Внутри тут и там были обломки домашней утвари, какая-то одежда, сломанная кровать и портрет, на который пялился зверь. Эвар внимательно осмотрел портрет: одетая на старый манер, упитанная женщина с румяными щеками глядела на него с той стороны. Её пухлые губы и голубые глаза были особенно тщательно написаны, на этом был сделан

акцент.

– Она выглядит счастливой. – Проговорил, задумавшись, Эвар, не выпуская портрет незнакомки из рук. – Краски выцвели, многие детали не разглядеть, но эта женщина будто живая. Как думаешь, это была она? – Младший оглянулся на Дэстана, что уже улёгся на кровать. Пыльное одеяло отдавало запахом старухи и Дэстан поспешил стряхнуть грязь у дверного проёма, пока Эвар осматривал хибарку. Та казалась гораздо меньше снаружи: а внутри гостей ожидали две спальни, кухня и небольшой камин, заросший паутиной.

– Не успел насладиться видом этой красавицы, уж извини. – Проворчал Дэстан, укрываясь плотнее.

– Этими вещами давно, видать, не пользовались...

– Кто? Эти чудовища? Они потеряли всё человеческое, что когда-то в них было.

– Но, этот будто бы что-то помнил из своей прошлой жизни... Он или она держал в руках эту картину, как будто сожалея о чём-то.

– Не представляю, что случилось с этими людьми, и люди ли это вообще, но, кто знает, может быть, этот волк и есть женщина на картине?

– Не знаю, и знать не хочу. – Дэстан подал брату второе одеяло, удобно расположившись на боку. – Я просто с ног валюсь.

Эвар подпёр дверь массивным столом и на всякий случай глиняным горшком.

– Это для того, чтобы любопытным сюда было не попасть.

– А что если... – Подскочил Дэстан. – ...Оно вернётся?

– Тоже может быть. Давай спать с тобой по очереди? –

Эвар накрыл брата вторым одеялом и, сославшись на то, что не устал, принялся вновь осматривать хибару.

– Мы с тобой так повзрослели здесь... – Бормотал старший сквозь сон. – Всё это время думал, что мы скорее от старости тут погрём, чем от руки монстра.

Младший выглянул в окно.

Поляна, развернувшаяся у дома незнакомки с портрета, представляла собой обширную территорию, огороженную каменным забором высотой не более метра и местами обвалившегося; внутри по всему периметру были разбросаны тарелки, кувшины, небольшие круглые предметы, что блестели под луной. Разглядывая внутреннее убранство дома, юноша заметил в углу, где был оборотень что-то, напоминавшее бумагу, скомканную и брошенную, судя по всему, давным-давно. Эвар развернул записку и поднёс к окну. Корявым почерком, видимо, на скорую руку автор написал следующее:

“Это не остановить. Оно уже во мне. Я пыталась бороться, пыталась твердить себе, что больно не моё тело, а голова. На второй день после катастрофы пропали мои соседи. Третий день: пропали мои дорогие дети, все, кроме моего младенца. Мой муж исчез на четвёртый день. На пятый моё лицо стало выпирать. Я превращаюсь в собаку. О, боже мой!

Знал бы ты, кем бы ты ни был, что это такое, видеть, как из здорового, молодого тела взращивается уродливое нечто, когда твои кости ломаются от любого прикосновения и сращиваются тотчас, под воздействием неведомой силы, но уже в другом положении. Я не хочу быть собакой. Я не хочу умирать” – Часть текста оборвалась, после чего последовала последняя запись. – “День десятый: я съела своего новорожденного сына! Я не хотела, я просто не могла остановиться, и я...” – То были последние строки той, кого братья видели при входе в дом. Эвар отставил письмо и вновь посмотрел в окно. При повторном прочтении юноша заметил на оборотной стороне надпись: “Альмхандфт”

Впервые за долгое время, Дэстан уснул не на холодной земле, не на развалинах, укрывшись щитом, а в самой настоящей кровати. Эвар ещё раз осмотрел домик, чтобы найти ещё записок. Не найдя продолжения повествования жизни несчастной, младший решил прилечь. Послышался храп мирно спящего Дэстана, и тягостный, протяжный хруст ветхого дерева, из которого была сделана кровать, когда упитанный, белоснежный дракон лёг посреди уставших тел. Массан же, успешно проведя братьев до хибары, устроился на крыше, прислонившись к глиняному дымоходу.

Пробуждение было столь же стремительным, сколь отход ко сну. Братья не могли понять, сколько им удалось отдохнуть: глаза отчаянно не желали открываться, а дикая слабость, проникшая в тело, напирала всё сильнее с каждой по-

пыткой оторваться от кровати.

Всю небольшую хибару заполонил душераздирающий, громкий волчий вой. Этот вой искажённых живых существ казался настоящей пыткой, впадая в душу и раз за разом заставляя тело содрогаться. Казалось, будто дом окружила целая стая ненасытных тварей. Едва продрав глаза, Дэстан ринулся к окну – старая знакомая находилась поодаль, среди мертвых деревьев, сверкая желтыми глазами-угольками. Вразброс находились ещё несколько волкообразных тварей, с вытянутыми мордами, которые громко и протяжно звали сородичей.

– Они сюда сейчас сгонят всех чудовищ с округи! – Схватился старший.

Эвар, подскочил столь же резко и спросонья упал с кровати, ударившись о пол головой.

– Что, если не сработает сейчас? – Обеспокоенно оглядел Дэстан Лирию. Тем временем, чудовища продолжали наступать, окружая крохотную лачугу. Демонов становилось всё больше, казалось, словно тьма создаёт демонических клонов, одного за другим. Те подступали всё ближе, продвигая костлявые, сухие, когтистые лапы, пока вскоре, не осталось и метра, где не стояла бы волосатая, покрытая серой шерстью, продолговатая лапа чудовища.

Вой в одночасье умолк: вскоре, дверь в хижину отворилась и туда зашла пара оборотней. Не обнаружив цель, чудовища кинули клич сородичам. На смену протяжному вою

пришел злобный рык. Отдельные особи догадались, что цель всё ещё среди них, однако не могли понять, куда она подевалась. Лишь один Массан, что гордо парил над созданиями тьмы, своим карканьем иногда переводил внимание на себя.

Эвар и Дэстан, крепко схватившись за руки, с опаской шли напрямую сквозь покрытых шерстью, громадных скелетов, что сновали взад и вперёд, принюхиваясь друг к другу. В условиях идеальной тишины, когда было слышно каждый шорох, волнение выдавало страх каждого из братьев: каждый стук сердца, каждое сглатывание и пульсирующий шум в ушах отдавались в голове в тысячи раз сильнее. Путь до ближайших деревьев был близок, однако братья, покрытые магией Лирии, двигались неспешно, чтобы случайно не разорвать физический контакт – пока юноши касались змеи и друг друга, они были в безопасности.

Тревога с каждым шагом усиливалась, заставляя дрожать и без того напуганных братьев – приходилось проходить сквозь рыскающих всюду чудовищ. Эвар и Дэстан чувствовали на себе зловонное дыхание из пасти каждой твари, через которую, перебарывая дикий страх, продвигались. От напряжения заболел живот и прерывистые, резкие толчки воздуха врезались в лёгкие, заставляя испытывать спазмы. Озираясь по сторонам, дрожащей походкой братья продвигались ближе к лесу, чтобы оторваться от окруживших дом волков.

Внезапно, один из скелетообразных оборотней бросил свой леденящий душу взгляд, прямо в глаза младшему,

словно сумел разглядеть последнего. От пронзившего болью сердце ужаса, Эвар едва не вскрикнул. Жестом указательного пальца, старший заклинал брата не издавать ни звука.

Внезапно та тварь, что пристально смотрела на младшего, ринулась на братьев. Вздыхая отросшими донельзя когтями сырую землю, чудовище, с его мускулистыми ногами яростно бросилась вперёд. Его вздувшиеся вены на шее, покрытой истончившейся кожей и серая волчья пасть щелкали в метре шаге от братьев, а грозные когтистые лапы, раскрытые в орлином полёте. Братья смело смотрели в лицо опасности, зная, что защищены магией Лирии. Крепче сжав друг другу руки, они мужественно встретили демона, что тотчас пронёсся насквозь.

Словно вдохнув душу чудовища, младший раскрыл рот, не в состоянии дышать. Эвар сжал ткань на груди: он не мог дышать.

Перед глазами возник силуэт низенькой старушки. Она звонко смеялась, поднося малыша к лицу.

– Ты мой бриллиант, ты мой свет. – Отдалось в ушах братьев.

Вмиг исчезли оборотни, тёмный лес сменился красочной деревней: всюду бегали дети, были разбросаны маленькие домики, и пахло то ли розой, то ли лавандой и это яркое, слепящее Солнце благоговейно обдавало тёплыми лучами, принимая в свои объятия.

– Это наш мальчишка! – Вновь заговорила старушка и тут

же голос эхом отдался в голове Эвара, растворившись в пучине дальнейших видений.

Подбежала вторая женщина. Она взяла на руки малыша и понесла в хибарку, откуда несколько минут назад вышли братья и тотчас скрылась.

Внезапно послышался оглушительный крик: старушка держалась за голову и кричала во всё горло: “Это произошло! Спасайтесь!”.

С этими словами, небо наполнилось красными облаками. Багровая пелена закрыла собой взор на Солнце, в то же мгновение видение оборвалось.

Эвар пришёл в себя. Он выкрикнул что-то невнятное, когда ярко-голубой шар врезался в соломенную голову. Последнее видение оказалось ярче своего предшественника и приоткрыло завесу тайны над тем, что случилось с некогда цветущим местом.

Младший оцепенело таращился вперёд.

– Всё обошлось. И в момент, когда ты вскрикнул, они кинулись на дом. – Указывая на свору монстров, что раздирали помещение, выпалил Дэстан.

– Я, я...

– Я видел то же самое – Дэстан подтолкнул брата к границе. где начинаются деревья.

Юноши с облегчением перешагнули линию, где начинались первые мёртвые стволы деревьев. Сзади твари уже накидывались друг на друга, рвали сородичей в клочья и рья-

но целились на то, что было под обломками. Было решено двигаться вглубь леса. Младший отпустил питомца и Лирия, словно с облегчением, прекратила движение. Эвар наклонился к змее и слегка приподнял её голову, приложив тёплые губы к чешуйчатому питомцу.

– Ты нам очень помогла. Без тебя мы бы не сумели выбраться. – Заключил младший ласково. И змея ответила, потянувшись к шее хозяина, лизнув скользким языком белую щеку.

Старший похлопал брата по плечу.

– Пора. Массан показал мне руины храма, куда мы могли бы отправиться.

– Быть может, там мы найдём кров и сможем, наконец, поспать.

Прижав ближе щит, провизию и остатки воды, братья стали пробираться сквозь своих старых знакомых, – сухие ветки и погибшие давным давно растения. Те предательски хрустели под ногами, а вздёрнутые корни заставляли спотыкаться в залитой темнотой местности. И только одна лишь Лирия, изящно пробирающаяся сквозь препятствия, не издавала ни звука.

Спустя сотни одинаковых стволов, изнуряющих километров пути и стёртые в кровь ноги, братья всё же достигли невысокой, в три этажа, старинной каменной церквушки, одиноко простаивавшей свой век среди гробовой тишины. Массан сигнализировал об опасности, однако вокруг было

по-прежнему ни души. Братья же, движимые сутками недосыпа и сбивающей с ног усталостью, вперемешку с пережитыми ужасами, бросились в здание, позабыв о любых мерах предосторожности.

В храме было тихо. Запах холодного камня, и многолетней сырости мгновенно завладели пространством, и юноши, не увидев опасностей в одиноком здании, мгновенно рухнули на поросший мхом пол.

– Поспи, братишка. – Едва слышно прошептал старший. Он едва стоял на ногах, когда твёрдо вознамерился охранять покой младшего. Волоча ноги, Дэстан неспешно подошел к массивной деревянной двери, намертво закрытой изнутри им самим. Сквозь небольшое отверстие на стене, на влажном полу вырисовывался яркий квадрат, что вмещал в себя великое множество линий, – безжизненных веток деревьев, гнущихся под натиском разыгравшегося ветра.

Он опёрся о стену, плотно укутавшись в тряпки и угадывал силуэт брата на противоположной стороне. Множество мыслей витали в голове юноши: о матери и отце, павших жертвой небесного огня; о родном доме, что был потерян, казалось, навсегда; о братьях, половина из которых была убита, а половина пропала. Время было невозможно измерить – сколько прошло с того момента, как он уселся на мшистый пол храма? Сколько ещё терпеть бесконечный холод и ночь? Сколько ещё смогут они не видеть Солнца и не иметь возможности поесть и нормально поспать?

Дэстан и сам не заметил, как из медленно опустившейся наземь руки выскользнул щит. Прошло совсем немного времени, и невозможно было определить, как долго юноша пробыл во сне, ведь пятно лунного света с дыры в тени было на том же месте, а заунывный ветер насвистывал свою грустную мелодию.

Громкий вороний возглас заставил полусонного юношу подскочить. Пошатываясь то на одной, то на другой ноге, Дэстан едва не упал и, чтобы проснуться, похлопал себя по щекам несколько раз. Прозвучал второй вороний крик: пугающий и тревожный. Следом послышался звук железа, ударяющегося о камень.

Дэстан стал всматриваться помутневшим взглядом в темноту и, то ли он сходил с ума, то ли окружавшие храм дремучие обитатели Леса расширяли свою обитель: отовсюду стал слышаться шорох шевелящихся кустов, вездесущий шум от которых заполнил собой всю округу.

“Не может быть!” – отдалось в голове Дэстана.

Юноша пристально смотрел в небольшую дыру в стене, пока не увидел тянущуюся издалека процессию монструозных тварей, чьи руки свисали до пола и волочились по земле.

Массан взмыл ввысь, а Дэстан, напрягая всё своё существо, окликнул Эвара, который и не думал пробуждаться. Вороний грай послужил своего рода спусковым крючком для орды монстров, словно ждавших приказа для нападения – твари тотчас ринулись окружать храм.

– Поднимайся, поднимайся, быстро! – Здоровые руки трясли широкие плечи младшего брата, что едва мог открыть глаза. Он был болен и был не в состоянии стоять на ногах, словно невидимая стрела с отравленным наконечником пронзила его плоть.

Дэстан понял, что чудовища принимаются штурмовать крохотное строение: с крыши стала сыпаться отделка, и резкий запах пыли ударил в нос; протяжные крики, стрекотание и зловещий хрип доносились со всех сторон, а вновь возобновившийся волчий вой пробирал до костей. Дэстан окинул взглядом Лирию: та обездвижено окутывала хозяина и так же не реагировала ни на какие звуки. Ментальная связь хозяина и его питомца была очень сильна: когда один испытывал невзгоды, второй невольно разделял их.

Дэстан попытался связаться с Массаном – безуспешно. Чудовища гудели настолько громко, что не было возможности услышать даже собственные мысли.

Дэстан забаррикадировал дверь камнями и досками, едва услышал скрежет когтей по массивному старинному дереву. Одно было ясно: долго здание не выдержит, и как только монстры всем скопом накинута на храм – он падёт. Тогда Дэстан, гонимый неизбежностью и снедающим страхом вновь обратился к щиту. Резко выдохнув, он окинул взглядом брата – тот лежал достаточно низко. Взяв поудобнее артефакт, юноша наклонился к спящему Эвару и, став на одно колено, совершил резкое круговое движение массивным

предметом.

Чудовища уже прорывали оборону здания: опилки и мелкий сор посыпались на многовековой мох, а державшиеся на последнем издыхании стены строения уже трескались от мощных когтей, что проделывали дыры в ветхом сооружении. И потому, как только первые крупные куски здания обрушились на юношей, до того несметной силы ударная волна подкосила руины здания, и тот с треском стал обваливаться, после чего тотчас мельчайшие его части со свитом поднялись ввысь и словно выброшенные катапультной снаряды, разлетелись в разные стороны. Чудовища вылетели далеко за пределы поля боя от удара щита гравитации, будучи разброшенными по всему кругу.

Дрожащей рукой Дэстан схватил щит, который вылетел от удара и схватился покрепче. Диковинная стихия огня в момент опоясала собой территорию вокруг храма, отрезая двух братьев и Лирию от плотной, увесистой мясной туши, состоявшей, во-видимому, из десятков людей, а в её мускулистых руках, свисающих до земли, болтался тот самый меч.

Остатки античного храма представляли собой ныне лишь один кусочек деревянной стены, в высоту не более метра. Охваченная пламенем территория строения освещала округу, открывая Дэстану вид на всех монстров, окруживших братьев. Остатки первой волны, что покрывала собой уже сравнённый с землей храм, канула в лету, – остались лишь несколько особей, что своими иссущёнными лапами пыта-

лись преодолеть порог огненного кольца.

Получивший минутную передышку, Дэстан оттащил брата к крохотной стене и положил Лирию рядом – необходимо обеспечить им защиту во что бы то ни стало. Пока чудовища исследовали пламя, что кружило вокруг братьев, Дэстан упал на колени: нестерпимо клонило в сон – тело отказывалось биться, эмоции били через край, перебиваемые то голодом, то тошнотой, от множественных трупов и запаха запёкшейся крови чудовищ.

Поплывший взгляд размывал картинку перед глазами Дэстана: волнами пляшущий огонь обращался в кровавый поток, что некогда спас братьев от голодной смерти. Сквозь помутнённое сознание и томные взмахи ресниц, юноше в глаза бросилось чудовище, перее всех рискнувшее прорвать огненную оборону. Оно стремительно несло на братьев, замахиваясь длинной костлявой лапой. Сидевший на каменном полу бывшего храма, Дэстан опустил голову. Ведь один демон прорвал кольцо огня, недолго и остальные последуют его примеру.

“Стоит ли дальше бороться...?” – Дэстан задыхался от пыли и гари вокруг. Навязчивые мысли впивались в голову, словно кинжалы: “Я не смогу...” – Дрожащая рука коснулась испачканного в саже и крови лба.

– Я не могу... – Произнёс Дэстан: его голос дрожал. Прозрачная капля проредила пыльное, чёрное поле на правой щеке. – “Я не могу...” – Дэстан сжал кулак, в тщетной по-

пытке совладать с телом. Гул и мычание раненого быка, что своими копытами ломал каменные плиты бывшего строения усиливался. – “Не могу... Не могу...” – Закричал Дэстан во всё горло. Слезы потоком лились из покрытых сажей голубых глаз. Стараясь сдерживать эмоции, Дэстан служил оплотом мужества для младшего брата, но сейчас, пока Эвар спал, он высвободил всё, что было на душе. – “Я... не... могу...” – Отчетливо звучало каждое слово, по мере приближения чудовища, руки опускались, щит натёр здоровую мозоль, а ноги отчаянно отказывались поднимать тело. Дэстан опустил голову. – “Я... Не могу сдаться!”

Собрав волю в кулак, из последних сил Дэстан прижал к себе щит. Один взмах и громадная костлявая туша, что мгновение назад громила руины бывшего храма, ныне орощает собственной кровью вековой мох. Два зорких глаза сфокусировались на тварях, что лезли уже со всех сторон, перестав бояться пламени. Казалось, ничего не страшившись, эти чудовища бездумно бросались сквозь огонь и кидались прямо на могучий артефакт, словно сами жаждали смерти. Один за другим: демоны, оборотни, змееподобные твари и похожие на гигантских насекомоподобные существа возникали на поле боя, по мере стихания пламенеющего кольца. Лес снова выпускал из своего чрева многочисленные орды чудовищ, чтобы поглотить единственное светлое, что в нем осталось – незапятнанные души.

Дэстан покрепче взял схватил щит. Сквозь боль и недуги,

царившие в мышцах и голове, юноша отбивался от стаи кровожадных чудовищ всевозможных размеров и форм. Одним мощным ударом он разрубил чудовище пополам, другая атака пришлась на корпус безногому демону, что отпрыгнул от земли, разевая непомерно большой рот; удар в спину юноша предотвратил мощным толчком щита, что отбросил склизкое, ядовитое чудовище с раздвоенно пастью.

Эвар по прежнему был в бессознательном состоянии. Его не мог пробудить ни шум вокруг, ни призывы брата, ни кипящий котёл, в котором они находились находились.

Дикий рык пронзил собой беспорядочный шум вокруг: показался зверь, что был выше, крепче и, судя по всему, опаснее всех остальных, поскольку в уродливой, деформированной лапе он сжимал огненный клинок Дэстана. Чудовище ступило на залитый светом клочок земли, обнажив мускулистую, десятипалую лапу, на которой не было кожи. Казалось, огромная мясная куча была слеплена из множества человеческих тел. Но вскоре чудовище явило свой лик, что заставил Дэстана трепетать: две громадные коровьи челюсти, выдавая костлявую поверхность, перемешались одна с другой, торча в разные стороны; два заплывших желтым гноем глаза, находились на разном друг от друга расстоянии – на приплюснутой голове, один находился у лба, а второй в районе правого уха; жуткая тварь издавала протяжные жалобные звуки, которые, по мере его приближения, становились все громче и отчетливее. Среди моря неразборчивых звуков,

чётко было различимо лишь: “Вре-мя”.

Едва старший сумел перевести дух, как орды тварей всех мастей, один за другим, вновь потянули к нему свои лапы. Дэстан лишил чудовище, что потянулось к Эвару, конечно-сти, но тот успел оставить на теле рваную рану, потому пришлось прижаться к стене, где лежал младший брат, чтобы сузить радиус поражения. Демоны подлетали к старшему и раз за разом его выручал верный щит. Когда же приблизился архидемон, Дэстан едва сумел укрыться своим артефактом, – несколько полос навсегда останутся на зеркальной поверхности. Дэстан тотчас перекатился по каменному полу и, увернувшись от очередного удара, стукнул неповоротливое существо по ногам, повалив тушу на землю. Клинок оставался в лапе на другой стороне от старшего и пока чудовище пыталось встать, Дэстан решил воспользоваться случаем и добить зверя. Побежав, он споткнулся и это, наверное, спасло юноше жизнь, ведь за мгновение до соприкосновения щита с тушей демона, из тела последнего, проредив тонкую кожу, вырвалась кровавая кисть, разрывая мясную плоть и тотчас перехватила меч, занеся его над головой Дэстана. Тот отпрянул, выставил щит в оборонительной позиции и, дождавшись удара, с силой подался вперёд так, что бы оттолкнуть чудовище.

Демон был разорван пополам ударной волной и улетел по траектории, проследить за которой было невозможно; меч же существо выронило в момент, когда пролетало над зем-

лэй, – неподалёку от руин храма. При падении, меч разразился яростным пламенем и в радиусе нескольких сотен метров гремело искрящееся пожарище, отгоняя от себя чудовищ. Дэстан смог передохнуть, и тотчас двинулся с артефакту. Стукнув по земле магическим щитом неподалёку от брата, старший смог выпустить новую ударную волну в направление тварей, что мчались на Эвара и остановил их надолго. Сам же юноша ринулся за мечом и, вскоре настигнув артефакт, молниеносно вернулся обратно, задействовав силу меча: левитация и гиперскорость сработали как нельзя кстати.

Вскоре Дэстан, встав спиной к телу младшего и вооружившись щитом и мечом, что было мочи, отражал нападки диких созданий одну за другой. Время словно остановилось в пучине кошмара, казалось, не будет конца и края морю чудовищ, льющемуся из бескрайних просторов Леса Тишины. Невзирая на израненную ногу, изнурённый юноша храбро отражал атаки ужасных тварей, защищая собой младшего брата. И неизвестно сколько времени прошло с тех пор, как Дэстан принял вызов – день, два, а может и больше?

Напор чудовищ не стихал, тогда как тело постепенно сдавало позиции. Дэстан шаг за шагом отступал назад к телу брата.

Среди невыносимого хаоса звуков, слышался родной, такой близкий крик Массана. Возвышаясь над кипящим вулканом трупов, залитым свежей кровью, птица спикировала вниз и, облетя своего хозяина, когтистыми лапами впилась в

рванные тряпки младшего. Птица важно нагнула клюв к лицу Эвара и едва коснулась носа спящего. Третий глаз охотно заморгал. Подкравшийся сзади двухголовый демон попытался настигнуть Дэстана, что отбивал атаку пятерых тварей спереди, пал от горящего клинка. Струя огня вырвалась из стального лезвия, молниеносно разрубив коварное чудовище. От брызгов густой, фиолетового оттенка крови, попавшей на лицо, Эвар открыл глаза.

Несчётное количество часов, а может и дней провёл Дэстан в противостоянии всевозможным монстрам, что так и горели желанием пронзить тело юноши острыми когтями и клыками. По прошествии такого количества времени любое, даже самое крепкое тело сдастся.

Уже стоя на коленях, едва размахивая лезвием, с ног до головы покрытый кровью демонов, в перемешку с собственной, Дэстан преодолевал горы трупов ужасных чудовищ, мощными взмахами магических артефактов, разгоняя смрад зловонной топи одним ударом щита. На последнем издыхании, изнемождённый Дэстан отразил очередную волну, когда наступило минутное затишье.

Старший повернул дрожащий корпус к брату, рухнув на колени. Бездушными глазами, которые уже покидала жизнь, старший взглянул на Эвара. Последний немедля оттащил старшего к крохотной стене позади себя и схватился за артефакты, держа пробудившуюся Лирию при себе. Обернув-

шись, Эвар увидел перед собой не ту маленькую кобру, что когда-то помещалась у него на плече, а самого настоящего дракона, ширина туловища которого была сравнима со стволом многолетнего дуба, – настолько выросла Лирия за всё время нахождения в Лесу. Эвар нежно погладил шею и голову питомца и взял покрепче меч.

– Нам предстоит ещё выбраться отсюда, братишка, и доехать до дома... – Вновь послышался робкий склизкий звук: чудовище медленно поднимало голову, раздвигая горы трупов. Разинув непомерно большую, зубастую пасть, тварь стала пожирать зловонные кучи, опоясывая те руками. Эвар с ужасом наблюдал, как спустя мгновение, несколько подобных падальщиков поедали себе подобных. Уродливые создания не двигали ничем, кроме громадной пасти и рук, чтобы загрести побольше, словно шея была их опорным органом.

– ...Доехать до дома и вернуться в семью... – Скривился Эвар.

Не медля ни секунды, юноша скоординировал действия с Лирией. В одночасье громадная змея обвила собой неподвижное тело Дэстана и растворилась в ночной пустоте; младший до боли сжал меч в левой руке, вливая в предмет всю ярость, словно скармливая всю свою злобу артефакту, он выплеснул свой гнев в молниеносном рывке.

Поднявшись, к удивлению для себя над землёй, на секунду Эвар замешкался, и невольно задержал взгляд на Массана, что лавировал под бескрайней мглой, где не было видно

ни горизонта, ни лучика Солнца.

“Как же он здесь что-то различает...” – произнёс про себя юноша.

Кометой вонзился младший оземь, создав мощнейшее землетрясение. Множество деревьев было повалено; сочащиеся тела убитых монстров разлетелись на куски, будучи в самом эпицентре урагана. Одним ударом гравитационного щита были снесены любые преграды в округе. От грандиозного удара остался широкий кратер. Эвар вновь замер на мгновение, когда его взору бросились множественные скелеты, захороненные, что он раскопал, в куче, словно выброшенный мусор.

Лирия вновь возникла с лежачим Дэстаном, водрузив его на спину. Эвар дождался, пока Массан спикирует вниз и принял птицу на своей руке. Без возможности общаться с питомцем брата, Эвар говорил вслух:

– Друг, покажи нам путь к свободе. Веди нас туда, где Дэстан сможет восстановиться.

Птица резво положила голову на бок, выждала мгновение и вспорхнула, тотчас усевшись на грудь Дэстану, не издав более ни звука.

– Хорошо... – недоуменно произнёс младший. – Лирия, мы движемся вперёд, но будь осторожна, прошу. – Произнёс младший и осмотрелся по сторонам, где не было ни души, словно все монстры в одночасье исчезли.

Эвар и питомцы двинулись вглубь леса. Массан ни на се-

кунду не покидал тело хозяина, а Лирия с упорством продолжала нести того на себе.

Прошло немало времени, и немало было пройдено, прежде чем Эвар и Лирия, несшая на себе Дэстана и Массана, вышли к массивному деревянному зданию, вид которого не был похож ни на одно другое, что встречалось юноше: тонкая, закрученная в спираль тростинка удерживала массивное, ромбовидное строение наверху, стены которого то и дело отдалялись и вновь приближались к небольшому основанию, словно то было само сердце необычного дома. Из будки, отделанной древесиной, исходил яркий свет, ниспадающий на холодную, твёрдую землю.

Эвар обернулся, оглядывая бездыханное тело брата. На лице заблистала робкая уверенность, которую он старался поддерживать перед питомцами, словно те были многолюдной толпой. Он, кряхтя, наклонился и попытался взять Дэстана на руки, но первая попытка закончилась неудачей, – Эвар попросту упал на колени и выронил тело брата, которое тотчас подхватила Лирия.

– Сейчас, сейчас. – Проговорил в пространство Эвар. Взгляд помутнел и сквозь невидимую ширму в глазах он вновь взял Дэстана и, шатаясь, побрёл под луч света, что исходил из парящего ромба. Откуда-то юноша знал, что предстоит делать. Подойдя чуть ближе, встав аккурат под слепящую линию, юноша тотчас оторвался от земли, медленно левитируя вверх. Здание ждало его, здание звало его.

Медленно поднимаясь вверх, юноша видел, как раздвигались перед ним прямоугольные плиты из красного дерева, – верх геометрического идеала. Парадоксально, но снаружи, здание являло собой небольшим трёх метров в высоту, но как только Эвар увидел изнанку – здание оказалось сродни тысячам замков.

– Здравствуй, воин! – Возникло массивное эхо, окутавшее плавным, материнским голосом просторный зал с безграничными белоснежными колоннами, уходившими в бесконечность.

Эвар в недоумении восторженно и чуть было не выронил брата, однако держал он теперь тело без тяжести на руках, словно притяжение здесь было не таким, как на Земле.

– Вы храбро сражались. Один из вас отдал жизнь за другого, что является проявлением наивысшей добродетели.

– Что... Что значит...? – Эвар опустил тело брата и принялся хлопать его по щекам. – Неужели... Действительно... – На глазах его навернулись слёзы.

Несколько минут продолжалось гробовое молчание. Эвара бросало в дрожь от одного вида бездыханного тела брата. Он старался уйти от дурных мыслей и прижался лицом в грудь Дэстана.

– Встань, дитя моё.

Из белоснежной дымки пространства плавно возникал призрачный силуэт, что одним своим движением будоражил пространство, словно газ, выпущенный на воздух. Эвар на-

прягся. Высокая фигура вырисовывалась всё чётче на фоне яркого света, в которое была окутана зала, но глаза, столь долго пробывшие во тьме, отказывались что-либо видеть.

Эвар вскочил на ноги и заслонил телом бездыханное тело Дэстана.

– Не подходи! – Выставил юноша вперёд меч и щит. Его голос срывался, из глаз катились слёзы, он не мог выговорить и слова, не запинаясь. – Клянусь всем, что у меня есть! Я тебя убью! Не подходи! – По мере того, как силуэт становился всё отчётливее, Эвар опускался всё ниже, – его колени тянулись к земле, пока юноша совсем не упал на четвереньки.

Из яркой пелены света, неспешно выходила фигура, на которую Эвару не было никакого дела. А меж тем неспешно, словно делая свои первые шаги, к Эвару приближался его брат: осматривая свои руки, словно это были чужие конечности, не доверяя своим ногам, он двигался, как по болоту.

– Бр-брат, ты ведь... – Эвар обернулся и не обнаружил тела старшего брата. Он в ужасе отпрянул от того, что увидел спереди: Дэстан неспешно шагал к нему на встречу, с фигурой, вдвое больше его. Женщина, возникшая, как и его брат, из белоснежной пустоты, положила руку тому на плечо и благоговейно ступала рядом.

– Ты не обнимешь меня? – Усмехнулся старший, остановившись в шаге от Эвара.

Тот недоумённо всматривался в незнакомца, такого свежего и чистого, на вид сытого и здорового, что не сразу узнал

в нём Дэстана.

– Я думал, что потерял тебя... – Слезы градом покатались по щекам.

– Тише, тише, всё в порядке, я никуда не денусь, пока мы не вернёмся домой, помнишь? – Улыбнулся тот. Оба скрепили новую встречу объятиями. Закрыв глаза, братья открыли их, будучи в мраке леса, когда к величественному зданию не осталось и тропинки.

– Нам нужно уходить, я знаю путь.

– Да, ты прав... – Эвар поправил рваные одежды, отряхнулся, и воодушевлённый, зашагал за братом. Массан громко каркнул, подтверждая намеченную Дэстаном дорогу, а Лирия покорно следовала за хозяином.

– Ты... Ты знаешь, кто она? – Робко начал Эвар. – Та... Женщина.

Дэстан молчал, он не знал ответа.

– Она шла с тобой, когда вы вышли из света. Но она была настоящей великаншей! – Усмехнулся Эвар и замолчал.

С какое-то время братья шли молча, затем Эвар, догнав брата, продолжил:

– Я проверял, тогда, когда мы несли тебя. Ты... Не дышал. Значит эта женщина вернула тебя к жизни?

– Я не помню, что со мной происходило. После того, как я рухнул там, сражаясь с демонами, я увидел тебя и это было последнее воспоминание.

– То есть, после смерти ничего нет? Пустота?

– Я не знаю, – задумался Дэстан – наверное, я не совсем умер.

Ночь, извечная потворница колючей тьмы распластала свои крылья над всем проклятым лесом. Братья двигались сквозь кишасщие чудовищами трещины в земле, откуда те не могли выбраться; проходили разрушенные до основания дома; находили множественные предметы прежних обитателей и хватали по дороге небольшие ягодки, что были разбросаны, словно бусинки на бледных кустах. Дэстану то и дело лезли в голову видения, которых тот совершенно не желал, – об истории Леса Тишины, о судьбах несчастных, о том, что с ними стало, но то были единичные истории, словно каждая из запертых здесь душ стремилась сама рассказать свою версию случившегося.

Эвар внезапно остановился.

– А ты так и не рассказал.

Старший внимательно его осмотрел.

– Что такое апогей?

Желая хоть как-то отвлечься от подтачивавших голову мыслей и видений, Дэстан искренне заинтересовался темой.

– Апогей – это самая последняя ступень владения стихией.

– Ступень?

– Да, так было написано в книгах Хеша, что он мне давал, да и отец часто рассказывал нам. Ты был ещё мал. – Улыбнулся Дэстан, потрепав за волосы рослого юношу. – Каждая

магия делится на ступени владения силой. Огонь, например, бывает обычный, красный, а бывает зелёный и синий, и каждый имеет свои свойства.

– Какой же самый сильный?

– Чёрный.

– Что? – Засмеялся Эвар и недоверчиво оглядел брата. – Ты меня разыгрываешь! Не бывает чёрного огня!

– Его давно никто не видел, это очень редкая способность, достичь апогея силы, но чёрный огонь, по слухам, не стихает, пока не сожжёт свою цель. Его не потушить ни водой, ни землёй, он всё прожжёт.

– Допустим. – Сощурился младший, едва не споткнувшись о корягу. – Если у каждой силы есть апогей, то что до воды, земли, а может быть и у времени есть ступени?

– Вот этого я не знаю. Но, я читал, что время имеет целых десять...

– Десять! – Округлил глаза Эвар.

– Да, десять ступеней. Это, как-никак, мощнейшая сила во Вселенной.

– Но ей ведь нельзя владеть? – Вновь усмехнулся младший. – Ты опять меня дуришь!

– Да нет же! Так было написано в книгах. Я читал историю, что кое у кого получалось завладеть частицами Силы Времени.

Дэстан не раз уже выругался, наступив в одну из множества сокрытых листвою грязных луж чего-то липкого и чёр-

ного. Он глядел на небо, выискивая на нём своего верного спутника, а тот парил, безмолвный и гордый. И когда птица всё же попадалась юноше на глаза, тому сразу становилось спокойнее; Лирия ручьём текла позади, растянувшись не на один метр и надёжно прикрывала тыл.

– Папа знал, что мы все не были волшебниками, но он заставлял нас учить историю магии.

– Зачем?

– Не знаю, наверное, для такого случая, как сейчас. – Улыбнулся старший, но тотчас остановился, выставив руку с мечом в бок, преграждая путь остальным. Зловещие деревья, казалось, расставлены искусственно: перед опушкой, залитой лунным светом, от которой их ограждала пара стволов, руками распростёрлись сухие лапы-ветви, удивительным образом похожие на живых существ. Дэстан с минуту простоял, таращась в даль, не моргая и ожидал, когда очередная тварь выдаст себя.

Лёгкой хлопок по плечу, едва звучный, заставил юношу вернуться на землю.

– Видения?

– Вроде того. – Ответил тот безразлично. – Идём, это лишь деревья.

Прорезая огненным мечом путь к новой локации, Дэстан отбрасывал в стороны тлеющие под натиском могущественной магии, множественные сухие щупальца, и пробил могучим щитом последний оплот Леса, эту границу, разделяю-

щую братьев от стоявшего в самом его сердце девственного поселения.

Взору путников открылась совершенно немислимая картина: в Лесу, в котором гибло всё живое, где властвовала ночь и холод, нашлось место для клочка жизни. Словно по мановению волшебной палочки возникла вдруг территория с пышущими цветами, с аккуратными домиками-кубами, расположенными друг к другу так близко, будто являлись частью какого-то общего строения, принадлежавшего одному владельцу. На крышах квадратных, одноэтажных домов, виднелись зелёные насаждения, – небольшой прямоугольный ковёр из растений, куда можно было взобраться. Все строения были практически одинаковыми, за исключением крохотных земляных пристроек у некоторых из них: те, казалось, были возведены рукой неумелого мага, только начинающего свой путь. Дэстан аккуратно ступил вперёд, перешагивая порванным башмаком полосу между мертвыми деревьями, изнывающими в бесконечном аду мрака и живительным сном, вселявшим веру в будущее.

В крохотном поселении было пусто. Не было ни единого стражника, что охранял бы его, ни единого зрителя, что доживал бы свой век, как это обычно происходит в умирающих деревнях; не было даже домашних животных, которые бы остались верны прежним обитателям.

Эвар задумчиво оглядывал бесчисленные сооружения, идя сквозь само время, сквозь то, что не было по каким-то

неведомым причинам уничтожено беспощадной силой, стеревшей с лица Земли древнюю цивилизацию.

“Найти бы еды” – Звучало в голове младшего, но глаза наслаждались дышащей жизнью земле.

Братья заглядывали в окна и пытались открыть двери, однако те были заперты намертво. Еды сохраниться не могло и ради предметов братья не стали устраивать шум. Десятки домишек безмолвно простаивали вот уже не одно столетие. Эвар и Дэстан обошли каждый из них, изрезав шагами всю крохотную территорию. Сняв башмаки, они оба расположились на мягкой траве меж домами. Братья не сразу заметили высокую тень, что настойчиво выделялась среди квадратных домишек. Поначалу то была недвижимая субстанция от незримого, плотно древа, но потом тень стала удлиняться: вырисовывались искажённые, несоразмерно тонкие руки, обглоданная паразитами кожа и только потом из-за крыши показалась мутировавшая, приплюснутая человеческая голова. Эвар зажал рот руками и метнулся за один из домишек, пока незнакомец шерстил мёртвое царство, словно сторож кладбище. Существо мирно пересекало квартал, словно было его завсегдатаем и даже не озиралось по сторонам.

Грузный великан, отличавшийся от остальных тварей большим сходством с человеком, проходил меж рядов аккуратных домишек, где прятались братья. Те прижались плотнее к стене строения.

Дэстан разглядел великана: ободранная, уже выцветшая

ткань красноватого оттенка виднелась на груди, вместо брюк чудище носило что-то наподобие шаровар, которые уже въелись в кожу, напоминая одежду, лишь цветными пятнами, что давно стали частью тела.

Братья дождались, пока неизвестное существо пройдёт дальше и тотчас ринулись прочь. Укрывшись за деревьями, юноши наблюдали за монстром, что бросил рассеянный взгляд в их сторону и, с минуту подождав, словно борясь с собой, отчаянно развернулось, разочарованно двинувшись восвояси.

– Почему оно не погналось за нами? – Проговорил Эвар шёпотом, как только они отошли на безопасное расстояние.

– Я видел его глаза. – Дэстан замолчал. – Глаза, полные печали. Он видел, заметил сразу, что мы вошли в его владения. Но он не тронул нас.

Братья шли дальше, изнывая от холода, голода и жажды. Плотнo укутавшись в рваные тряпки, они коротали время, разговаривая о пустяках, пока внезапно не послышался такой приятный, желанный звук, звук журчания воды. Этот живительный, бегущий поток, что некогда спас братьев от верной смерти, этот тёплый, алый ручей, бывший неизвестно откуда и бегущий неизвестно куда, навевал картины чудесного спасения.

От радости, братья запрыгали на месте и тотчас ринулись за пределы той гряды деревьев, что отделяла их от заветной влаги и, проредив последнюю преграду, Эвар и Дэстан вы-

бежали из-за леса.

– Эвар... – Оторопевший Дэстан опустил руки.

Но младший молчал.

Посреди холма, на просторной опушке, что была хорошо освещена Луной, на пяти изуродованных, сломанных конечностях, на этих чёрных, словно сама ночь, ногах, дрожало нечто. Его отбитая нижняя челюсть, свисала на уровне груди; мрачное тело от кончиков когтей до шеи было покрыто густой шерстью, а голова представляла собой обглоданный череп и одним единственным покрасневшим от пыли и ветра глазом, на котором отсутствовало веко. Демоническое создание продолжало стоять на возвышенности и производить звуки падающего ручья.

– Но ведь... – Попятился назад Эвар. – Это одна из тварей, которая имитировала звуки...

– Тогда...

Братья дрогнули: позади, на шум уже прибежали сотни и тысячи таких же чудовищ, разбавляя искусственный водопад шипением, рыком и ржанием. Братья ринулись навстречу чудовищу, что заманило их на холм. Они взбирались всё выше и выше, спасаясь от преследовавших их чудовищ, взявших юношей в плотное кольцо. Они цеплялись руками и ногами, падали лицом в грязь, поднимали друг друга и в итоге им удалось достичь вершины. Как только братья оказались на самом верху, пятиное нечто накинuloсь на них, вздымая все свои конечности. Дэстан обрубил первую, затем вторую

лапы, пронзил тело насквозь, после чего вонзил огненный клинок в рухнувшую голову.

Эвар одёрнул брата, что увлёкся расправой над чудовищем.

– Дэстан... – Произнёс тот обречённо.

Когда Дэстан приподнялся на самую верхнюю точку этого уступа, то увидел, как монстры, окружившие холм, образовали собой разнородное море. Картина теперь больше походила на то, как крохотный островок, посреди мертвого океана, принял в свои объятия двух беглецов. Они были окружены. Взятые в плотное кольцо не парой-тройкой заблудших демонов, а самым настоящим роем чудовищ. Дэстан кинул брату щит.

– Держи, ты не хуже меня умеешь им пользоваться! Сегодня мы не умрём!

Лирия вздымалась: её чешуйки стали походить на шипы, хвост обернулся камнем и, как и Массан, спустившийся с неба, змея бросилась на чудовищ.

Они были пойманы в ловушку: толпы монстров образовали собой бушующий океан без начала и без конца; они возникали из пустоши тумана и взбирались друг на друга, движимые животным инстинктом.

Дэстан двинулся вперёд, вызвав ударную волну, что снесла несколько первых рядов чудовищ, Эвар взмыл ввысь и сокрушительно рухнул на первого возникшего демона, что сумел добраться до холма, – остальные тотчас разлетелись,

раскидывая части тела, а громадный белый дракон отгонял чудищ массивным хвостом, двигаясь настолько быстро, насколько вообще могло живое существо такого размера. В жерле битвы, поджигая своих врагов, Дэстан завидел, как у одного из них торчит изо рта, прилипшее к шакальей пасти величественное белоснежное крыло.

Глаза старшего застелила невидимая пелена: неужели, Массан был съеден?

Он больше ничего не замечал и не чувствовал, кроме непреодолимой ярости и жажды отомстить за верного питомца. Он бросился на чудовищ с новой силой, с полными глазами слёз.

Эвар настойчиво отбивал любые попытки тварей достичь верха, но вскоре, почувствовав слабость и боль в голове, осёкся и рухнул наземь, едва не сломав себе руку.

Тем временем монстры пробирались со всех сторон. Дэстан не мог отражать атаки по кругу: отбиваясь с одной стороны, юноша оставлял открытой другую; Эвар пытался защищаться массивным щитом, но измождённое тело давало лишь половину сил удара. Внезапно Лирия с силой вытолкнула Эвара к брату и молнией запрокинула обоих себе на спину, унося сквозь бесчисленные орды чудовищ. Змею били когтями, ранили железками и пытались сцапать корявыми лапами, но верный питомец продолжал движение в гущу демонов к единственной цели – выходу. Она вздымала свои острия, словно ёж и стрелой мчалась вдаль, не оставляя воз-

возможности кому бы то ни было её остановить.

На пути внезапно возник шестирукий великан и, вырвав с корнем многолетнее дерево, запустил в Лирию. То был удар, от которого змея не смогла увернуться: белый дракон, верно служивший хозяевам, покатился кубарем, раздавив с десятков чудовищ на пути; Эвар и Дэстан рухнули на землю вместе с верным другом. И пока те приходили в себя, Лирия мощным ударом хвоста выбросила хозяев в сторону, после чего бросила Эвару щит.

“Нацель щит на себя, схвати брата и ударь по земле!” – Услышал Эвар голос в голове и сразу понял, что это была его змея.

– Нет, нет! – Кричал младший, отказываясь уходить без Лирии.

Меч был потерян, они вновь были окружены.

“Ударь о землю! Немедленно!” – Кричал голос в голове Эвара.

С двух сторон стали подступать чудовища, – действовать необходимо сейчас. Младший в последний раз взглянул на Лирию: змею, к тому моменту уже лишили хвоста массивным когтем; храбрый дракон пытался отбиваться, заслоняя своим телом проход к хозяевам, но возникший из мясной кучи великан схватил змею за голову и сжал с такой силой, что та вмиг перестала сопротивляться. Едва соображая, что происходит, Эва машинально нацелил щит на себя: оба брата тотчас вылетели за пределы поля боя и, едва придя в себя,

спотыкаясь, падая на нескончаемые коряги и пни, вставали, убегая из пропасти что было мочи. Где-то меж мёртвой гряды забрезжил тусклый свет.

Это был выход. Они нашли его.

Сзади гудела клоака разнородных тварей, которым не суждено было покинуть убийственную западню, но которые гнались за юношами, пытаясь затащить несчастных обратно в бездну. Дэстан поддерживал брата, позволяя тому бежать впереди для того, чтобы в случае, если демоны настигнут их, быть готовым пожертвовать собой ради Эвара. Щит был утерян и всё, что оставалось – бежать.

За прогнившими толстыми стволами забрезжил яркий солнечный свет и свежий воздух, вперемешку с запахом моря окутал собой изнурённые тела. Привыкшие к постоянной тьме, братья не сразу распознали тонкий, чёрный силуэт, стоявший на берегу. Эвар выбрался первым, а за ним и Дэстан. Едва младший сделал шаг из злосчастного Леса, как тотчас его горло проткнуло длинное лезвие истинно чёрного цвета. Дэстан бросился к поражённому телу брата: тот задышался, не в силах произнести ни слова, тщетно пытаясь вытащить из шеи ледяное копьё. Спустя несколько мгновений, Эвар погиб, захлебнувшись собственной кровью.

Сознание Дэстана помутнело; голова закружилась, а горло заболело от собственного крика.

– Ну здравствуй, Дэстан. – На берегу стояла невысокая, черноволосая женщина, окружённая солдатами, державши-

ми Реми и Шору.

– Что... Что... Не может быть. – Задыхался Дэстан.

– Долго же вы там пробыли. Но я удивлена. – Усмехнулась Розель. – Вы выжили, чтобы умереть от моей руки! Кааре будет не одиноко. – Тёмная волшебница вожаденно приближалась к юноше, что был не в состоянии встать. Он держал на коленях окровавленное тело брата. Ему была безразлична его дальнейшая судьба, совсем как тогда, будучи лёжа под тушей исполинского чудовища, когда Дэстан впервые проснулся в лесу.

Растягивая момент своего торжества, Розель неспешно двигалась к убитому горем юноше. Из руки волшебницы возникло новое лезвие из стихии тьмы. Только Розель запустила в обездвиженную жертву истинно-чёрный клинок, как внезапно из вечного мрака гряды деревьев громогласно вырвалась белая птица. Ворон налетел на Розель, рьяно царапая лицо убийцы.

Стража тотчас бросилась помогать своей королеве, но не могла отогнать остервенелого защитника.

Массан ранил Розель щёку, разодрав кожу до мяса и бросился к Дэстану. Опустившись на плечо хозяина, Массан прислонился к его телу.

“Во владениях Саарса начнётся твой путь” – Прозвучало в голове Дэстана и юноше подумалось, будто этот голос он уже слышал в лесу, в храме павшей богини. В этот момент он понял, что с ним говорит не его верный спутник.

Птица едва успела телепортировать хозяина из поля боя в безопасное место, как тотчас была пронзена иглой тёмной волшебницы. Тело белоснежного ворона, израненное в бою с лесными тварями, пригвоздилось к ветхому стволу.

Розель не сумела сдержать гнев от того, что её главная цель сейчас вот так запросто испарилась. Несколькими точными ударами лезвий из стихии тьмы, волшебница изрезала свою свиту. Когда же ярость королевы утихла, Розель неспешно подошла к птице, ещё живой. Массан морган всеми тремя глазами, когда из его шеи, проткнутой иглой, сочилась кровь.

Розель презрительно оглядела животное; в томной тишине внезапно послышался хруст, а после, волшебница разглядела и тех, кто наблюдал за ней по ту сторону Леса Тишины: орда тварей, что гналась за братьями, тупо уставилась на хрупкую волшебницу.

– Куда он мог отправиться? – Проговорила Розель, не обращившись, двум оставшимся в живых братьям.

Реми и Шору, прижавшись друг к другу, отвернули головы, боясь пошевелиться.

– Куда он делся? – Продолжила Розель чеканным голосом. Младший, запинаясь и, постоянно сглатывая, пролепетал, дрожащим голосом:

– Мы не знаем, честно! – Успел проговорить мальчик, как почувствовал в животе острую боль, после чего рухнул на-мертво.

– Спрашиваю последний раз. – Безразлично бросила Розель, обернувшись на Реми, вжавшегося в песок.

– Я расскажу, я знаю! Знаю! Знаю, только не убивайте! – Рыдал юноша.

Глава 3. Такова твоя судьба

“Только что завершилась двенадцатая Нептуно-Земная война!” – трубили глашатаи со всех уголков Торины. – “Победа на нашей стороне! Ровно как и двадцать лет назад, Земля отстояла свою независимость, одолев вторую сошедшую с ума представительницу рода Мели!”

В роскошно убранном зале, с четырёхметровыми, расписанными фресками потолками, исполинскими колоннами, обвиваемыми мифическими существами и устланным драгоценными камнями голубом ковре, что вёл к величественному матрану, где восседал молодой правитель Нуар. Матран – парящая в центре королевского зала полусфера, обычно состоявшая из чистой, полу-прозрачной магии, где правитель парил в невесомости, вращаясь по кругу, однако видя, при этом, с помощью мистического трона каждого члена зала.

Прядь каштановых волос назойливо выпадала из-за уха, обнажая едва видимый, уже давно заживший, но всё ещё ясный порез на правом виске. Слегка приподнятые уголки ухоженных бровей украшали вытянутое, тонкое лицо, на котором намертво была прилеплена самодовольная ухмылка, неизменно сопровождавшая владыку на публике, а пара живых, ярко-жёлтых глаз цепкостью ястреба впивалась в со-

бравшуюся массу придворных. Нуар то и дело поглядывал на свою наставницу, черноволосую Розель.

Разнородная масса, состоящая по большей части, из подконтрольных правителю военных и чиновников, бурно аплодировала после каждой паузы. Среди государственных деятелей находились так же и главные приближённые лица, – круг из семи могущественных волшебников, выполнявших самые сложные дела и осведомлённые обо всём, что происходит в высших кругах власти.

Король неспешно приподнялся. Его глаза выражали недовольство. Всем своим тоном Нуар старался показать безразличие, но совладать с эмоциями у новоиспечённого правителя получалось с трудом. Воздушным жестом, подкрепляемым ястребиным взглядом, король Торина громогласно прокричал:

– Ввести сюда животное!

Массивные, золотые ворота в тронный зал со скрежетом распахнулись, подпираемые четырьмя мускулистыми стражами.

Повеяло холодом и тоской.

Собравшаяся толпа стала тесниться, освобождая проход для тащущегося из мрачных коридоров существа. Звон цепей, что били по мраморному полу, затмил собой разросшийся шёпот придворных, обсуждавших безрукое, с завязанными пожелтевшей тканью глазами, безволосое создание, что с трудом передвигалось на двух ногах. На его правой

щеке проглядывалась коричневая родинка, а у носа, что присутствовал лишь половиной, виднелся большой шрам, тянувшийся от уха до левой ноздри. В складках ткани, что покрывала глаза существа, отчётливо проглядывался протёртый рисунок терновника.

Существо с усилием открывало рот, в попытках заговорить, но получалось лишь глухое, жалобное мычание.

– Привязать животное к колонне. – Длинный, аккуратный палец, увешанный перстнями, указал на безрукое существо, что пыталось высвободиться. Как только слуги, удерживающие связанного мужчину со всех сторон, довели его до грузной подпорки, Нуар плюхнулся на драгоценное сидение, подперев точёную голову фарфоровой рукой. Существо брыкалось, мычало, пыталось высвободиться, однако лакеи прочно завязали цепи, оставляя несчастному лишь крохотное пространство для манёвра. Король плавно спустился с трона, левитируя над подданными и прильнул к испещрённой ранами плоти, где должно было быть ухо и преодолевая отвращение от смрада, что источало существо, презрительно прошептал:

– Никому не дозволено сбегать из королевской темницы. По нашим законам, это карается смертью, но мы будем милостивы и сохраним тебе жизнь.

Розель неспешно подошла к закованному в цепи пленнику. С каждым её шагом, на груди пленника мистическим образом возникало всё больше порезов, что приближением

тёмной волшебницы обращались в рваные раны. Под истошное мычание и резкие всплески звона цепей, Нуар спешно встал у парящего трона.

В зале шептались.

– Ты видел, что она сделала с Каарой?

– А кто нет? Пригвоздить тело своей сестры и её ребёнка к замку, как последних преступников...

– Это ужасно.

– Каара не заслуживала такого.

– Я слышал, что они устраивают длительные оргии прямо в усыпальнице Каары.

– Что за разврат? Отвратительно!

– В бывшей усыпальнице.

– А эта девчонка с марионеткой? Она охотнее всех предаётся сладострастию.

– Ага, кажись, у них с Розель в этом соревнование!

Когда Розель приблизилась к пленнику вплотную, на месте от шеи до низа живота несчастного уже разверзлось кровавое месиво, с выпавшими наружу внутренними органами. Мужчина уже практически не испытывал боли. Упав на колени, едва живое существо было готово покинуть этот свет, однако у Розель были другие планы. Волшебница протянула руку к королю: тотчас рядом с тронном возникла её точная копия, мрачная, состоявшая из чистой тьмы и мрака проекция. Нуар поспешил отдать одно из драгоценностей, которое явно выделялось среди прочих колец: то был, скорее, золотой,

с вкраплением драгоценных камней, коготь, надевавшийся на указательный палец.

Тьма покорно отдала своей хозяйке заветный артефакт, который та, не церемонясь, вонзила пленнику в живот. От прикосновения могущественного артефакта, силой которого являлось исцеление, клетки тканей израненного существа стали вновь восстанавливаться, воссоздавая выпавшие органы и преобразовывая кровь и артерии из ничего.

Розель слегка пнула ногами вывалившиеся кишки и печень пленника. – Сегодня у тебя будет очень сытный ужин. – Блестящий коготь создал вмятину на лице несчастного, из которого тотчас брызнула кровь.

Розель властно проходила мимо расступившейся толпы, встречая поклоны до пола: все знали, кто истинная владыка Торина. Незадолго до начала собрания, волшебница поменяла наряд: вместо простого, без изыществ, сарафана, который она носила повседневно, владыка тьмы воссоздала из собственной стихии тьмы прекрасное пышное платье, надев к нему множество украшений, доставшихся ей после смерти сестры. Розель, в целом, любила переодевания, однако доверяла она исключительно себе и создавала наряды, взывая к собственной магии, которую источало её тело, благодаря чему Розель в любой момент могла изменить или переделать любой элемент своего костюма.

Розель стояла посреди зала в роскошном платье до пола, глубокий вырез которого практически обличал упругую

грудь, на которую то и дело косились собравшиеся придворные.

– Недавно из личного хранилища нашего короля пропали важные артефакты, совсем как этот коготь. – Чеканный голос заполнил собой гробовую тишину в тронном зале. Говорить не решался никто: чиновники и военные склоняли головы, а члены из ближайшего круга властителя царства посматривали друг на друга с недоверием.

Неловко расталкивая стоящих вокруг, в центр зала просачивается худощавый полковник, ветеран нескольких торинских войн, увешанный множественными государственными наградами. Вздёрнув длинный нос, министр поправил увесистые очки:

– Ваше Величие, мне кажется, что кто-то, кто здесь находится... – Хитрыми маленькими глазками, старый полковник окинул круг шести и Матиса, заострив на последнем внимание. – ...не очень искренен с вами, Ваше Величие. – Продолжая впиваться глазами в оживленную скульптуру, военный сделал шаг вперёд.

Вытаскивая руки из карманов тёмно-фиолетового одеяния, что покрывало стройное, гибкое тело, Матис вышел генералу навстречу.

– Продолжай. – Сверкнул он белоснежной улыбкой.

– Ваше Величие, доступ к сокровищнице имеют только пять человек: Его Величие, первый советник Его Величия, – поклонился чиновник Розель – я, как главный казначей и

покорный слуга Его Величия, ещё первый военный министр и... Этот предатель. Не вижу повода для недоверия высшим чинам, а с перебежчиками у меня разговор простой.

– Так давай, поговорим. – Блестящая улыбка стала ещё шире. Круг шести загудел в предвкушении зрелища.

Нервная ухмылка пробежала по устам казначея, однако тот всё же не решился больше обращаться к Матису подобным образом.

Розель устремила взор на маленького человечка.

– Поведай же нам, каковы твои доказательства?

– Ваша Мудрость, артефакты могут быть там, где вы бы даже не подумали их искать...

– То есть знаешь, где они?

– Вы должны понимать...

– Я задала конкретный вопрос, – Розель ступила ближе к чиновнику.

– Ваша Мудрость, есть догадки...

– Ах, догадки... – Изящный стан выдвинулся вперёд. – Тогда закрой свой рот и вернись на место, ничтожество.

Насупившийся старик окинул рыжеволосого Матиса дерзким взглядом, после чего покорно исполнил приказ.

– Ещё фантазии на тему казнокрадства есть? – В ответ последовало молчание. – Пусть будет так. – Розель снисходительно улыбнулась. – Тогда я выверну каждого из вас наизнанку.

Круг шести и Матис обменялись взглядами.

Правитель откинулся на спинку возвышенного трона. Вальяжным жестом, Нуар приказал подать ему горячительный напиток. Слуга с позолоченным кубком тотчас вбегает в зал с подносом, устланным фруктами и полутора-литровым, усеянным драгоценными камнями, ромбовидным сосудом. Дрожащими руками молодой лакей, лет четырнадцати, торопился освободить руки, выставляя кушанья на небольшом столике у парящего трона. В спешке, юнец выронил красноватую жидкость из рук. Бутылка с грохотом разбилась о кристалльно-мраморный пол. Собравшиеся заворожённо наблюдали за тем, как по залу растекается драконий напиток, ценнейший из горячительных, приготовленных на Земле. Одна бутылочка такого эликсира могла сравниться со стоимостью небольшой деревеньки, вместе со всеми её жителями.

Мальчик обездвижено замер, в ожидании наказания. Не поднимая головы, тот обречённо тарашился на израненные множественными осколками ладони, по которым стремительно стекала драгоценная жидкость. Предприимчивая служанка Аррана, что заведовала слугами всей Античной Цитадели, немедленно приказала всё убрать: несколько невысоких мужчин в серых одеяниях скользили по кристалльно-голубому полу цитадели, мастерски исправляя ошибку неопытного мальчишки. Благосклонно закрыв глаза на произошедшее в тронном зале, Нуар понимающе оглядел юнца, ободрительно улыбнувшись, но, словив на себе взгляд властной Розель, тотчас соорудил надменную мину.

– Какие новости, Ямош? – Холодно бросила тёмная волшебница.

– Прежде всего, – начал крупный, тучный мужчина, обвешанный драгоценностями с ног до головы – эхеверии, которые вы приказали высадить всюду в Торине, уже выросли. Наши маги земли постарались на славу. И теперь периметр всего нашего государства, его центр и каждая улочка увенчаны прекрасными цветами.

Ямош вышел в центр с крохотным кристаллом в руке. Раскрыв ладонь, министр что-то прошептал на неизвестном языке и артефакт бесшумно воспарил. В громадной лапе политика, предмет казался едва ли не пылинкой.

В просторном зале, мраморный пол которого играл блеском драгоценных камней, стала неторопливо возникать массивная копия Земли, что за считанные секунды воспарила над поверхностью. Проекция планеты, названная министром Ямошем “сов`ин”, служила наглядной картой происходящих в мире событий. Громадный зелёно-голубой шар воспроизводил мысли чиновника, повествующего о событиях, происходящих в мире. Соединённый ментальной цепью с сотнями волшебников, разбросанных по всей Земле, Ямош оперативно докладывал двору обо всех происшествиях в реальном времени.

– Пред тем, как начать... – Заголосил чиновник – Я хотел бы указать на активное разоружение планеты Нептун. Эта планета, после поражения от рук землян, активно призыва-

ет к миру, но не берёт ответственность за развязывание конфликта только на себя. В совете министров газового гиганта царит полная неразбериха в связи с тем, что предыдущая королева Велея Мели не оставила наследников.

Зал, до того шептавшийся, образовывая десятками голосов своего рода шелест, утих и чиновник продолжил, прочистив горло:

– Что ж, начнём. Здесь! – Толстый палец вонзился в полупрозрачную проекцию западной части планеты. – Здесь, в Калинии, бушует эпидемия неизвестной болезни, погибло свыше одной седьмой взрослого населения, но заразу удаётся сдерживать силами соседних царств; В В`ирилизе, что на континенте рек и озёр, основали университет Времени, призванный изучить влияние явления на наш мир. Как заявляют местные власти, своей целью они ставят лишь просветительский вопрос. – Лукавая улыбка мелькнула на лощёном лице. – Перенесёмся на Юг: на земле трех царств, а именно в Черазии был обнаружен неизвестный материал, отдалённо напоминающий сатурнианский цезий. Очень лёгкий, однако прочный металл способен помочь во множестве экспериментов.

– И кому это вообще интересно? – Негодовал синекурый приспешник Розель. – Железки какие-то, ругань племён на отшибе цивилизации, у нас есть и более важные проблемы!

– Как это, кому интересно? – Недоумённый смех пробежал по отстранённому кругу шести. Потирая испачканный

рукав сероватого балахона, Кирым вдумчиво смотрела на Факома. – Ты знал, что именно из цезия сатурны выводили первую газовую магию? Именно ту, которой Велея и её мать пытались расщепить Землю?

– Так, а нам этот цезий чем поможет?

– Нахождение данного металла за пределами газового гиганта даст ключ к раскрытию тайны их уникальной силы нам, землянам.

Обескровленные губы изогнулись в удивлении. Ледяной маг скрестил руки, бросив отрешённый взгляд на повествователя, что во всю вещал обо всех мировых происшествиях.

– На границе Елимеи и Сатрантиса произошёл конфликт, грозящий вырваться за пределы двух государств, ибо в этой части света сходятся интересы многих царств. Елимея требует выдать беглого преступника, что создаёт чертежи строительства масштабного проекта людей. – Презрительная гримаса мелькнула на круглом, лоснящемся лице. – Поговаривают, эти... люди... – Чиновник вновь сделал акцент на расе и исподлобья окинул зал. – ...планировали захватить власть сначала в самой Елимее, а затем и в соседних государствах, посредством, как они это называют, если не ошибаюсь, пороха. Задержанный состоит в некой подпольной организации, что ставит во главу угла своей идеологии людское, кхм, верховенство, что они и собирались доказать с помощью силы. И так как Сатрантис скрыл у себя особо опасного преступника, отвергая все попытки Елимеи сесть за стол переговоров,

та посчитала плевком в лицо данный недружественный жест. Елимейцам нужен был лишь повод, и не то, что бы беглец был столь важен. Многие из моих информаторов докладывают о следе повстанцев Плутона, которым, как уже хорошо известно, удалось создать общество, в котором едва встретишь два-три волшебника. Планета с пятью Солнцами ныне представляет собой рай для... людей. – Изобразил смешок чиновник. – По красной зоне, это вся информация, что на данный момент есть. Так же стало известно о возникновении неких аномалий. – Толстый палец прокрутил голубоватый шар, расширяя зону, наполненную океаном, над которым виднелась крохотная чёрная точка. – Нечто, что приносит за собой разрушение, возникает с той или иной периодичностью, по всей Галактике. На местах, где были замечены подобные искажения, ясно прослеживаются следы нарушения целостности земного покрова и близлежащих объектов.

– Главное, чтобы это был не Иор. – Прошептал Нуар, обращаясь к Розель, и та обратила на него свой сдержанный взор. Он не понимал, о каких аномалиях идёт речь, и жаждал как можно быстрее узнать об этом явлении, но с другой стороны, на мировой арене было чересчур много опасных точек соприкосновения интересов, которые итак ожидали его решения как короля.

Зал наполнился негодованием от слов Ямоша. Испуганные вздохи перебивали одиночные восклицания, где каждый стремился высказаться.

– Молчать! – Сотни пар глаз молчаливым испугом впились в тёмную волшебницу.

Ямош продолжил.

– Ещё с сотню людей за эту ночь скончалось от, как мы установили, всё той же сонной болезни, что и месяцем ранее. – Он беспомощно помотал опущенной головой. – От неё до сих пор нет лекарства, как и нет возможности предсказать, когда она настигнет нас вновь и кто падёт следующим. Мои информаторы полагают, что это как-то связано с аномалиями, о которых я рассказал выше, так как сонная болезнь возникла примерно в то время, когда мы впервые услышали о чудовищных дырах, которые прорываются через наше пространство.

– Я слышала, – отозвался голос из толпы – что это некий человек делает, маг набирает так в свою армию бойцов, забирая их души.

По залу пробежала волна-другая шёпота.

Нуар тяжело вздохнул и казалось, словно каждый в зале это услышал, так как гул тотчас затих. Ямош вещал ещё более тихим, таинственным голосом:

– И это только цифры Торина, во всём мире погибло куда гораздо больше людей. Но, к сожалению, кроме сухих цифр, мне больше нечего рассказать на данный момент.

– Грейндфильд. – Лишь одно слово Розель заставило присутствующих поёжиться на месте. Зал в едином порыве задвигался на месте, превращаясь в хаотичный комок шума.

– По Грейндфилю по-прежнему нет известий, Ваша Мудрость. Должно быть сила, что позволяет им скрываться от наших глаз столь долго, очень велика. Его невозможно отследить. Никто и никогда, за двести лет правления короля Иора, так и не смог проникнуть внутрь вороного царства, словно его и вовсе не существует.

По залу поползли едва слышные разговоры.

– Не понимаю, куда смотрит Мировой Совет, почему они бездействуют?

– И в самом деле...

– Кто это сказал? Там сплошная коррупция!

– Созиум! Это их сфера слияния! – Отдалось шёпотом в зале.

– Какой Созиум? Ты их вообще видела когда-нибудь? – Вскоре, гул уже было не остановить.

– Мы и Кассловар братья!

– Мировой Совет – самый надежный орган правопорядка, он разберётся в этом хаосе!

– Я рассчитываю на Альянс с Грейндфилом! У нас есть шанс вернуть всё как было! – Голоса перебивали один другого, перекрикивая и становясь всё громче и громче, пока в одночасье не заглушили голос короля.

Не терпевшая свободоволия Розель, ни минуты не мешкавшись, неспешным жестом руки, направленным вверх, обрушила потолок громадной залы. Множественные обломки, смешавшись с пылью и грязью, повалились на ни на что не

подозревающую публику. Едва смерть настигла элиту королевского двора, как члены круга шести и Матис одновременно распределились в разные концы рушащейся комнаты и общими усилиями задержали падение обломков, переместив затем руины за пределы цитадели. Нуар бессознательно прикрылся руками.

Выждав, пока пыльное облако окончательно опустится, Розель с томным видом оглядела присутствующих. Высшие чины, собравшиеся в тронном зале, были готовы к любой выходке наставницы короля, однако никто не ожидал, что волшебница вот так запросто готова похоронить весь высший эшелон власти Торина. В кромешной тишине зазвучал звонкий голос правителя, что встал с трона и неспешно сходил со ступеней.

– Ответьте мне те, кто уповает на кого-то, вместо того, чтобы рассчитывать на свои собственные силы и на свою родину... Ответьте мне, где же был Мировой Совет, когда Торин раздирали со всех сторон, когда наше государство было на пороге катастрофы? А где были Старейшины Созиума, когда наше королевство бомбили из катапульт, а мирные земляне страдали от голода и падали замертво от рук нептунов?

– Когда это она успел стать патриотом? – Буркнул на ухо своему компаньону, один из волшебников круга шести.

– Думаешь, переигрывает? – Засмеялся тот в ответ.

– Пока ослеплённые собственным могуществом недовол-

шебники, призванные оберегать планету, пировали в своих хороммах, мир рушился на наших глазах. Десятки и сотни миллионов людей теряли близких, родину и собственные жизни. И, если добро смиренно стало на колени и подставило лицо под удар... – Розель выждала драматическую паузу, осматривая взволнованным взглядом каждого из присутствующих, созерцая, как толпа с благоговением и страхом внимает каждому слову владыки тьмы. – ...Я возьму на себя всю ответственность за судьбу этого мира. – Зал ожидаемо взорвался аплодисментами.

Волшебница подошла к трону, встав по правую руку Нуара, словно подталкивая того к действиям. И юный король робко начал:

– С новостями, пожалуй, достаточно. Вопрос к генералу Северо-Западного округа. Как обстоят дела на наших границах, и каков прогресс в переговорах с титанами?

Полный, невысокий мужчина, обвешанный золотом и серебром, поправил увесистый головной убор. Он вышел в центр, как некогда его предшественник и неуверенно прототорил:

– Ваше Величие, титаны остались у границ... Они по-прежнему заявляют, что не признают вашего владычества...

Старичок запнулся, когда Розель отошла от матрана. Два громадных, словно чёрные дыры глаза смотрели практически в упор.

– А... Эм, так как мы отвергли их нелепое, совершенно

нелепое предложение... Ваше Величие, мы сумели защитить границы от первой атаки, и даже пошли в контрнаступление, но попытки оказались тщетными, нам не удалось повредить костяк... Мы выяснили, откуда титаны черпают силу. Реликтовый кристалл... Именно он даёт им мощь, против которой наша армия бессильна... – Слова едва достигали слушателей: голос военного дрожал, искажая съедаемые звуки. – Армия Торина сейчас составляет одну десятую от былой мощи... Нас ведь разбили три державы, помните?

– И почему же, узнав об источнике силы, вы не доложили королю раньше? – Полная пренебрежения, Розель приближалась всё ближе к мужчине.

– Я... Я...

Змеиный шёпот вновь вьёлся в уши маленькому чиновнику: “Дальше”, произнесла волшебница в полтона, раскрывая глаза всё шире.

– Что касается восточной территории... – Мужчина сглотнул, бегая глазами, отчаянно стараясь найти поддержку среди сотен таких же напуганных лиц. – Яр-ярриды прорвали первый рубеж, и... – Генерал заикнулся. – Мы разбиты...

– Ууу, вулкан готов к извержению! – Факом жадно потёр руки. Рукава тёмно-синего одеяния звонко бились друг от друга, обнажая щедро усыпанные золотом вкрапления на платье.

– Да, ему конец, это было предсказуемо.

– А Розель так и растягивает момент. – Обескровленные губы вновь искривились, на этот раз в улыбке. – Вот это баба!

– Меня больше другое занимает. – Из-под кровавого капюшона выглядывал длинный, горбатый нос. – Глупцы думают, что если армия Торина разбита, то мы не дадим отпор.

Прильнувший к Лезфору чародей исподлобья выдавил: – Удивительно, как Кааре удалось добиться от них беспрекословной верности, что даже после смерти союзницы, они выступают в её поддержку! Удивительно, ишь как борются за возвращение мальчишек на трон, хотя им-то что?

– Ну как же. – Вмешалась Кирим. – Потому что она устраивала всех: ни с кем не вела войн, не мерилась яйцами и всем помогала – она была самым удобным вариантом. – Сощурилась девушка. – Но она была не глупа.

Лезфор выпрямился.

– Но что королева может дать им сейчас, раз уж Ярриды и титаны так рьяно борются с Торином?

– Если только она не планирует вернуться. – Плавный, успокаивающий голос Теспана прозвучал в рядах приближённых. Маг саркастично добавил: – Или кто-то, на кого она сделала ставку.

– Ты о чём? Ты и впрямь думаешь, что щенок жив? Да это смешно!

– Одного Розель убила на проклятом острове и, полагаю, нам не стоит забывать о том, что Дэстан всё ещё прячется. Плюс ко всему... Она была сенсором. Думаете, такая как она

не сумела бы выкрутиться? Очень сомневаюсь.

– Более чем уверен, мы настигнем его в скором времени. – Отозвался алый горб.

– А может... Так, совершенно, случайно... Предположим, он выживет, если Каара всё предсказала... И знала, что будет...

– Сомкните челюсти. – Буркнул Факом. – Я хочу посмотреть, как Розель справится с коротышкой.

– Даже жалко как-то, старик всё-таки... – Басистый голос Асиза превращал любое слово, даже произнесённое шёпотом, в достояние общественности.

– Я сделаю вид, будто кто-то высморкался, выказав тем самым мне пренебрежение, но я не хочу допускать и мысли, будто один из моих союзников сомневается в проводимой мною политике. – Блеск чёрных глаз пал на обескураженного Асиза, что невольно распахнул громадный рот. Великан молчаливо повиновался.

Волшебница тьмы вновь обратилась на старичка, что на секунду поверил в иной исход событий. Розель тяжело вздохнула и яркий сигнал не мог остаться незамеченным: окружавшие пожилого генерала соратники стали понемногу расступаться.

– Восточные дикари задействовали неизвестную, новую силу... Н-наши воины сражались храбро, но этого б-было недостаточно. Все наши войска... – Каждое слово давалось старику с большим трудом. – ...предназначенные для об-бо-

роны в-востока были... Были... Были уничтожены.

– Ах, уничтожены. – Розель состроила нарочито несчастное лицо, лицо понимающего союзника: – А что сделал ты для того, чтобы обеспечить нашему государству победу?

Лысенький военный замешкался. Пуще прежнего мужчина бегал глазами и заикаясь, проторотрил:

– Ваша Мудрость, Ваша Мудрость, я... Я находился... – Внезапно, командора будто осинило. В голове зашипело ужасающее:

– Не вздумай лгать мне.

Мужчина взглотнул. Он не знал, что ответить и, погодя несколько мгновений, дрожащим голосом пробормотал: – Я, я находился в столице, В... ваше Величие, я...

Розель чеканила каждый шаг и, достигнув, спустя несколько мучительных для пожилого чиновника мгновений, цели, окинула последнего презрительным взглядом с головы до ног. Сощуриив два чёрных, как ночь глаза, проговорила:

– Напомни мне... – Её губы сравнялись с покрасневшими круглыми ушами. – Зачем ты мне вообще нужен?

Мужчина забился в панике. Задрожало всё его существо. Медали и золотые значки, коими тот был увешан, отдавали едва уловимым звоном. Не меняя позы, волшебница перевела взгляд на остальных присутствующих, вонзив затем два сверкающих глаза в маленького мужчину. Не произнеся ни слова, Розель величественной походкой перешла к следую-

щему военному. Всё так же безмолвно, пожилой, маленького роста генерал, что ещё секунду назад трясся, словно котёнок на морозе, резко выпрямился. Владыка тьмы продолжала приближаться к новому командиру, не взирая на предыдущего, который решительно зашагал куда-то в сторону.

– Что же, наши добрые соседи захотели войны. Видимо, соскучились по трупному запаху и вони запёкшейся крови... Так и быть. – И вновь устрашающая ухмылка стала объектом всеобщего внимания. – Это последние наши враги, на пути к господству на всей планете. Когда мы одолеем титанов и Ярридов, весь мир будет у наших ног... – Произнесла Розель и рассеянно уставилась в пол. Казалось, словно в этот момент её что-то тревожило.

Нуар запнулся, ожидая реакции Розель.

Весь зал придворных, в абсолютной тишине ожидал, что скажет король.

Тёмная волшебница, словно пришла в себя и, слегка кивнула правителю, от чего тот мгновенно воодушевился.

– Мы немедленно выдвигаемся!

Пока присутствующие, затаив дыхание, ожидали своего часа, жестокий взор Розель обратился на непомерно высокого полковника, великана в военной форме, что стоял перед ней, восхитительный в своей непоколебимости. Тёмная волшебница, с её небольшим ростом, на фоне этого исполина казалась бледной девочкой, нацепившей мамино платье.

Пожилой же генерал, этот маленький старичок с брынча-

щими монетками на костюме, продолжал стремительно двигаться по направлению к расписному балкону, пока Розель задумчиво осматривала подданных. Старый генерал с шумом распахнул массивные дубовые двери, отворив следом широкие окна.

Повисла гробовая тишина. Лысенький, низкий мужчина неосторожно перелез через перила, оставив под ногами лишь едва покрывающий пятки клочок земли. Пошатываясь под натиском бушующего ветра, генерал развёл руки в стороны, находясь на краю пропасти.

Розель едва кивнула, посылая своим подданным сигнал.

Огромная толпа военных, министров и прочих разномастных чиновников, что была созвана на собрание, мгновенно разбежалась, как только дверь в тронный зал с грохотом отворилась. И лишь негромкий хлопок, донёсшийся из королевского сада, оповестил двор о том, что случилось с маленьким военным.

Выйдя в просторный коридор, Нуар, двигался по направлению к спиралевидной лестнице, ведущей к самой высокой башне замка. Правитель вновь надел томную мину. Уголки рта самопроизвольно опустились.

– Такова твоя судьба. – Прохрипел Нуар.

На улице стояла пасмурная погода. Неутомимый ветер гнал нагромождавшиеся друг на друга черные облака, предвосхищая предстоящий ливень. Нуар спешно поднялся наверх, созерцая, сквозь окна-фрески, зелёный горизонт, заты-

гиваемый туманом.

Добравшись до самого верха каменной башни, Владыка Судьбы вступил на плато, откуда открывался вид на весь Торин. Глубоко и звучно сделав вдох, юный король воззвал к мельчайшим частицам, из которых соткана вселенная. Беззвучным жестом владыка окутал микроскопические объекты собственной магией. Захватнической, паразитирующей на своем носителе магии, что заставляла предметы, явления и сущности выполнять волю своего повелителя. Сама жизнь присягнула на верность Владыке Судьбы: любая сила, выпущенная в направлении Нуара, сменяла траекторию; магия, направленная на короля, грозила обратиться против своего хозяина; а любые импульсы, что противодействовали воле амбициозного повелителя, расступались перед мощью магии Судьбы. Произнесённое единожды “Ранить меня не удастся больше никому”, на века отпечаталось в пространстве железным слоем. Объекты и явления вселенной, подчиняющиеся известным нам правилам, отныне действовали так, как того бы захотел повелитель Судьбы. Иными словами, всё, чего бы не захотел Нуар, путём переустройства течения событий, осуществится ровно так, как того и возжелала венценосная особа.

Послышался звук тлеющего костра.

– Ваше Величие, я вам нужен? – Статный Теспан по-солдатски выпрямился.

– Конечно, дождёмся остальных.

Треск догорающих веток сменился едва слышным свистом, плавно перешедшим в многотысячный рой жуков, кружащих в хаотичном торнадо. Когда же Нуар обернулся, гул закончился материализацией ещё четырех волшебников из круга шести. В этот момент Нуар ощутил рядом с собой присутствие тёмной волшебницы, которая диктовала ему, как поступать.

– Мы должны отстаивать честь Торина, ставшего нашим домом, перед глупцами, заигравшимися в правителей...

– Я в деле! – Каменная стена древней цитадели стала понемногу испускать из себя влагу, пока спустя пару мгновений, из множественных капель не воспроизвела синекурого наглеца. – Мне всё равно делать нечего. Глотка зудит. – Крохотные кристаллики сузились едва ли не до пылинок. Маг играл со своими пальцами, словно с реквизитом, что верно служит фокуснику: пальцы на ладони то сливались в единое целое, то вновь разделялись, вытягивая посиневшие конечности и создавая причудливые формы для каждой.

– Нет, ты идёшь со мной, как и Асиз. – В мгновение ока округа залилась тёплым светом, что угас в момент, когда круг шести, наконец, собрался вместе. Великан, с кружащими над его головой миниатюрными пташками, добродушно улыбнулся.

– И что же нам предстоит сделать? – Мягкий голос Теспана принял эстафету благоговейных лучей Асиза.

– Как вы, вероятно знаете, наши северные соседи, титаны,

немножко заигрались в захватчиков, и ваша задача состоит в том, чтобы немедленно исправить досадную ошибку: звери должны быть на поводке... У вас полный карт-бланш в этой битве. Делайте то, что потребуется.

– Это я понимаю! – Глаза Факома заблестели, на пару с заостёнными зубами.

– Гассель и Кирым, сравняйте, если потребуется, империю титанов с землёй, сожгите каждый их город и перебейте всех до единого. Сделайте всё, как умеете. Теспан, выясни всё, что только возможно про вероятные залежи цезия в Черазии, после – отправляйся на Сатурн, нам нельзя прерывать поставки драгоценного материала. Узнай всё, относительно логистики и новых залежей цезия.

Волшебники тотчас испарились.

– Лезфор, на тебе бунтарь из Сатрантиса. Вылови его, и узнай, о каком орудии людей идёт речь и подтолкни Елимею к более активным военным действиям, нам нужно отвлечь внимание мировой общественности.

– Сделаем. – Алый горб скрючился ещё больше, растворившись, затем, в пустоте.

Медленными темпами Нуар наращивал скорость левитации, двинувшись по направлению к главным вратам Торина на Западе. Народ вывалился из своих домов, чтобы поглазеть на пролетающего в небе короля. Однако то были не бурные овации, но молчаливое презрение к узурпаторам.

Современный Торин представлял собой полотно, сотканное из множества лоскутов, так как вобрал в себя лучшие произведения архитектурного искусства разных эпох, — предыдущие правители не жалели средств на возведение торжественных строений.

Всюду в пышущем цветами королевстве имелась своя точка притяжения, с присущей только ей историей и сюжетом, написанным тем или иным правителем: величественные, ромбовидные сооружения с несколько сот этажей, что тянулись к небесам, подобно секвойям, перегоняя друг друга в борьбе за лучик света; сферические, парящие над Торинном, постройки исполинских масштабов, то и дело разрывались мощными потоками голубой влаги, что нугой тянулись к земле, давая жизнь великолепным садам, раздавая воду колодцам, а своим остатком, разливались по государству, образуя сеть рек, коими была изрезана столица; грандиозные трапециевидные массивы, грядой от малого до большого, закруглённой змейкой мирно дремали на просторах королевства. То тут, то там, цилопические возведения редили вечнозелёные великаны, захватившие всё пространство в густо застроенном Торине. Громадные, походящие сочной шапкой на дубы деревья, толстыми, словно трубы, корнями вгрызались в податливую землю, а яркой и наполненной цветом верхушкой, тянулись ввысь, покрывая уже обвившие здания лозы новыми побегами, что изобиловали диковинными плодами. В широченных стволах таких деревьев могла прожи-

вать не одна семья, а в обволакивающей весь Торин сети мощных корней, часто создавали тоннели для передачи информации. Исполины служили напоминанием о самых ранних обитателях этой области, что возводили свои крохотные, деревянные домики, прямо на ветвях массивных великанов. Ныне, древние лачуги служат местом обители всевозможных животных и птиц, деливших между собой живописные потоки полупрозрачной жидкости, что тонкими нитями тянулись куда-то в космическое пространство.

Воздушные голубые, розоватые, салатовые и бледно-жёлтые воды идеально дополняли собой идеалистическую картину Торина. Издали могло показаться, что бурные потоки опали с напыщенных облаков, что барской рукой отсыпали часть небесного великолепия землянам.

Больше всего же Нуара восхищали одиннадцать громадных башен, расположенных по всему радиусу необъятных границ королевства. Никто доподлинно не знал, для какой цели и кем были выстроены величественные сооружения. Эти античные аванпосты были созданы из фиолетового омлида – реликтового материала, использованного лишь единожды в истории – как раз для построения торинских высот, далее же – омлид не был более замечен ни в одном мире; в самом верху грандиозных построек виднелись несколько кристальных колий, направленных в центр, где внутри левитировала, под воздействием неведомой магии, прозрачная чаша, источающая яркий свет. Приграничные земли Торина

опоясывали бескрайние каменные стены, к которым и при-
мыкали исполинские башни.

Завидев издалека массивные ворота в королевство, король, сжав восковую руку в кулак, мгновенно настиг цель, пре-
одолев, с помощью телепортации, впечатляющее расстояние
до входа в царство – циклопического, растянутого портала,
что крохотными сгустками бурлил внутри овального строе-
ния. Одни из четырех центральных врат, западные, стояли
на страже границ этой части света, ожидая наступления во-
инственной империи, не признававшей нового правителя го-
сударства, узурпировавшего власть. Верный союзу с истин-
ной королевой Торина, лидер Ярридов, объединив усилия с
титанами, объявил войну новому правительству Нуара, как
только стало известно о скоропостижной кончине Каары и
причастности юного деспота к этим страшным событиям.

Ярриды рассылали в разные концы земли предложения
о временном единении наций против общей угрозы. На-
правляя гонцов с предложениями о прекращении споров и
объединении против общего могущественного врага, ярри-
ды прекрасно осознавали масштаб последствий захватниче-
ской политики Розель. Государства, после падения Вирили-
за, Фагоса и Саарса, однако, не решались ввязываться в столь
масштабный конфликт, ибо не были заинтересованы в веде-
нии истощающей, длительной войны, обречённой на провал;
часть правителей попросту не верила в появление волшеб-
ника с Силой Судьбы, а кто-то и вовсе жаждал присягнуть на

верность стальному мечу Нуара, в сладких грёзах об овладении новыми землями.

Издали завидев вражеское войско, распределённое по бесчисленным сероватым шатрам, Нуар повис в небе над зелёными равнинами, на которых расположился противник. Бескрайние просторы нейтральных земель были густо засеяны миниатюрными тряпичными шалашами, до отвала набитыми солдатами. Около каждой палатки виднелся небольшой костёр, на котором ожидающие приказа яриды готовили пищу и грелись; склады оружия, провизии и загоны для животных располагались за каждым домиком, плотно закрываясь на стальной засов. Казавшиеся сверху суетливыми муравьями, гордые ордынцы, однако, усердно готовились к предстоящему нападению: пехотинцы точили лезвия, немногочисленные волшебники тренировали свои техники, а в генеральском штабе проходили жаркие дискуссии по стратегиям вторжения.

Мозолистый кулак ударил до необтёсанному деревянному столу, наспех сделанному неопытными мастерами.

– Может быть, кто не в курсе, но мы здесь воюем не с Торином, не с его народом, а с этой сволочью, чьей следующей целью будет наша империя!

– Ты, наверное, не до конца понимаешь принципы ведения войны, раз уж предлагаешь игнорировать такую возможность. – Однорукий генерал, некогда воевавший с Торином, в эпоху правления деда Каары Ялфея, пытался активно убе-

дить всё командование штаба продолжить задание даже после освобождения Торина от ига Нуара.

– Я на службе у Вена Панба выше тридцати лет, куда уж мне, а?

– Он имеет в виду расширение сферы влияния нашей империи в регионе, за счет ослабления торинской армии, покуда есть предлог. Когда ещё такая возможность представится?

– Именно.

– Панб чётко дал понять, какую политику проводит. И я его полностью поддерживаю. Полномасштабная война нам ни к чему! Мы разобьем регулярную армию Нуара и освободим Торин от его гнёта.

– В твоём мире всё так радужно и светло, однако ты совершенно не берёшь в расчёт, что за этими стенами... – Неужоженная, грубая рука указала куда-то вдаль. – ... находятся миллионы, десятки миллионов одурманенных людей, вынужденных подчиняться Великой Силе, в бездну её! У них нет выбора в этой темнице под открытым небом!

– Тем не менее, я беспокоюсь о собственном народе и его будущем! А какое будущее будет у того, кто пожалел льва, который пытался его сожрать?

– Сэр Тималин прав.

– И это значит, что мы должны вот так ворваться к нашим друзьям и перерезать там всех к чертям? Вы из ума выжили!?

– Вторжение – это лишь предлог, законный, справедливый предлог. Но на деле же, нам нужен самый сочный кусок этого

пирога, с минимальными потерями как для нас, так и для Торина. Думаешь, титаны не планируют того же? Уж очень сомневаюсь.

– Это не тебе решать. Вен Панб ясно дал понять, какой линии мы придерживаемся.

Подол шероховатого плаща смахнул со стола пожелтевшую карту и деревянные фигурки. Однорукий военный выскользнул из генеральского шатра. Выбежавший следом министр застал оппонента застывшим спиной к обтянутому шкурами сооружению. Тот стоял и обескураженно пялился вверх. Переведя взгляд с обездвиженного военного на затянутый густыми серыми тучами небосвод, чиновник вздрогнул.

Нуар обездвижено парил в воздухе, обвалакиваемый порывистым ветром. Гранатовый плащ хаотично развивался, бросаясь из стороны в сторону. Правитель Торина в одночасье заимел крепкий, басистый и громкий голос, что саранчой разнёсся над всей бесчисленной армией противника.

– Я прекрасно осознаю тот факт, что многие из вас здесь не по своей воле. – По полю прокатилась волна неодобрительных возгласов. Робкие выкрики одиночных ордынцев наполнили плотные ряды. – И поэтому, я призываю вас подумать прежде, чем вы соберётесь совершить непоправимую ошибку. – Неодобрительные вскрикивания мгновенно переросли в неконтролируемый гул, что коршуном разнёсся над всей громадной армией, – всё больше солдат выказывали

пренебрежение самонадеянному владыке.

– Я прошу каждого здравомыслящего яррида: вас, мужчин и женщин. Если вы готовы строить новый мир, мир, где есть место для каждого из вас; где вас ждёт нескончаемый поток золота; где признание вашими врагами, это только первая ступень в построенной вами реальности, а восхваление бардами и безкончинная жизнь лишь верхушка айсберга ваших возможностей! Присоединяйтесь к армии Торина и станьте теми, кто своими руками сможет создавать жизнь. – Поле окончательно захватил гнев. Шестисоттысячная армия взорвалась в одночасье от негодования и возмущения. В сторону правителя Торина со свистом полетели копья, камни и всё, что разъярённым солдатам попадалось под руку.

– Я даю слово: как только вы изъявите желание перейти на сторону Торина, вас никто и никогда не сумеет ранить или убить. Вас ждёт истинное бессмертие!

Среди животных, воинственных выкриков, среди сотен тысяч грозных воинов, что били себя в грудь и разрывали на теле шкуры убитых животных, завиделись робкие сподвижки: небольшие змейки замешкавшихся солдат, на которых речи Нуара произвели впечатление, небрежно скользили сквозь бушующую толпу.

Около сорока человек из более чем полумиллионного войска, не оборачиваясь, двинулись в сторону противника. Понуриив головы, под угасающие вскрикивания товарищей

и окружаемые недоумённым, постепенно нарастающим тягостным молчанием со всех сторон, спешно пробирались ордынцы, решившие поменять сторону.

Нуар всматривался в каждого, подметив, что каждый из этих сорока ярридов, однако, являлся магом. Все волшебники из несметной орды покинули товарищей. Теперь же в имперской армии не было чародеев – в ней остались лишь люди, не владевшие магией, кроме одного шамана, стоявшего поверх остальных.

– Только тот, кто владеет силой, – Нуар окинул вдумчивым взглядом последнего яррида, вставшего за его спину – знает, насколько разрушительной она бывает.

– Они сделали правильный выбор. Остальные же... – Внезапный шорох и последующая затем яркая вспышка стали предвестниками появления Асиза и Факома по обе руки правителя. – ...познают горечь ложного выбора. Такова ваша судьба.

– Лицо чиновника, что пару мгновений назад бездушно таранился в небо, залилось краской. От осознания предстоящей катастрофы сдавило дыхание. В беспомощности, охваченный неведомым бредом и, яростно расталкивая солдат, министр во все горло, срываясь орал:

– Быстро! Все! Немедленно! Убирайтесь отсюда! Покидайте свои позиции! Спасайте жизни!

Хаос окутал ничего понимающий отряд. Часть ярридов немедленно двинулась в отступление, едва услышав преду-

предительные слова. Передовые отряды, до которых приказ генерала не дошёл ввиду большой удалённости, расценили еле слышные звуки как призыв к атаке и без раздумий ринулись врассыпную. Правый и левый фланги шестисоттысячного войска совершенно не могли взять в толк, как следует действовать и обездвижено ожидали внятного приказа.

Нуар возвёл руки к небесам. Продолжая парить в воздухе, король откинул голову, цепко впившись золотыми кристалликами в почерневшее от надвигающегося шторма пространство. Потускневший взгляд опустился на орду:

– Такова ваша судьба.

С этими словами, миллионы тлеющих под начавшимся дождём угольков, что были кучками разложены у каждого шалаша, оглушительно взорвались огненными гейзерами по всей территории дислокации армии ярридов. Небо покрыло оранжевое пламя. Вырвавшийся из-за стремительного потока пожар затмил тучи, молнии и гром, вихрем кружась над погибающими в давке ордынцами. Истошные крики и мольбы о пощаде заглушались смертоносными торнадо, выстреливающими из земли, слово из глотки дракона.

– Факом, – левый флаг, Асиз – правый!

– Да, Ваше Величие.

– Да-а-а, мой король, повинуюсь! – Сомкнулась зубастая челюсть.

Молниеносно настигнув край вверенной ему армии, Факом, словно камнем в пруд, вонзился в ряды ярридов. Влетев

в один конец земли, и с грохотом разбив отряд из пятидесяти человек, злодей выбрался из-под каменной поверхности уже громадным обледелым чудовищем, с тянущимися из разверзнутой спины, множественными цепями, сотканными из кристаллов льда. Сравнимо небольшая человеческая оболочка, в которой обычно находился Факом, ныне с треском осыпалась, каждое мгновение высвобождая исполина в новой форме: более ужасающей и более могущественной. Перебравшись на четвереньки, злодей раздвинул лопатки и из покрытой трещинами застывшей спины тут же вылезли десятки подобных серпантину посиневших конечностей, что тотчас принялись расталкивать и безжалостно давить встречающихся на пути солдат противника. Каратель удлинил состоящие из льда жилистые руки, заставив монструозное тело отрываться от земли. Проткнув громадной лентой пробегающего снизу яррида, устрашающий демон притянулся к земле, вновь увеличив своё обледелое тело до ещё более гигантских размеров, образовав собой фатальный снаряд, метеор, уничтоживший в радиусе действия всё живое. Волком перемещаясь по холмам и оврагам, громадное чудовище, в которого переродился злодей, с нечеловеческой яростью расправлялось с несчастными. Размахивая растянутыми донельзя обледелыми руками, словно верёвками, душегуб выкашивал ярридов словно коса в руках умелого работника. Ледяной демон смерчем двинулся на врага, образовав собой циклопический морозный ураган. Факом лико-

вал от каждой лишённой им жизни, получал удовольствие от воплей и истошных криков измученных и раненных противников.

На мгновение чудовище, находившееся в окружении всё подступающих ярридов, не боящихся смерти и отчаянно пытавшихся совладать с демоном, внезапно застыло, образуя собой форму бездушной ледяной фигуры. Дождавшись, пока атакующие достаточно приблизятся, разрывным снарядом злодей разлетелся на миллионы свистящих осколков. Один за другим, ордынцы падали, поражённые крохотными лезвиями. За несколько мгновений убийственного ледяного смерча, на поле боя не осталось ни одного живого существа, за исключением пары отважных война, что по-прежнему старались отражать атаки небольшими щитами. Однако нескончаемый фонтан, нескончаемо бивший в разные стороны, распространял смертоносные ледяные иглы с такой яростью, что не оставлял ни единого шанса спастись.

Отряд из более чем в сто пятьдесят тысяч мечей был разбит.

Когда боевые крики храбрых солдат стихли, голова разброшенного Факома стала медленно собираться из разбросанных им льдинок. Из земли показалась зубастая физиономия.

– Ну нет, это же не всё. Вы не покинете меня. Эгоисты... – Разочарованно пробормотал злодей, плавно стекаясь в своё привычное тело. Оглядев округу вновь, тот обнаружил с де-

сяток ярридов, бросившихся врассыпную.

– Вот вы где! – Отдалось в пространстве.

На другом же конце армии затмения, не видевшие, что творится у товарищей ордынцы, закинув высоко головы наблюдали за парящим магом в белоснежном одеянии. Окружавшие Асиза яркие комочки света что-то затейливо чирикали. Тот сложил руки в трубочку, приложив её к массивной челюсти и уверительный бас пронёсся среди сотни тысяч недоумевавших солдат:

– Мне это не нравится, знайте это!

– Так зачем ты это делаешь? – Отдалось из толпы.

– Это приказ...

– Это отмазка! – Отозвался голос с противоположной стороны. Свистящее лезвие вырвалось откуда-то из разнородной массы ордынцев, остановленное карликовой птичкой из чистого света, выбившимся от стаи. Деревянная стрела, с каплюющей фиолетовой жидкостью обратилась в пепел аккурат у глаз мага.

Асиз усмехнулся.

– Вы начали первые.

Непринуждённым жестом, волшебник выдвинул могучие руки, по которым тотчас затанцевали, слепленные из чистого света, крохотные крылатые создания. Миниатюрные галочки затейливо напевали энергичную мелодию, разбредаясь по небу, словно играя в салочки.

– Очищающий свет! – Величественный голос внезапно

прервал идиллическую картину. Яркими, слепящими шарами на тусклом полотне распластались создания из чистого света. Замерев единожды где-то наверху, игривые пташки по велению волшебника округлили крохотные тельца, образовав собой слепящее созвездие. Подчиняясь воле могущественного колдуна, уже разросшиеся в мгновение ока небесные объекты испустили свои карающие лучи, пиявками въевшиеся в землю. Сдвигая со стальным скрежетом столбы чистого света, Асиз выжигал забившихся в панике противников, словно ребёнок, поджигающий букашек под лупой. образовав, своего рода, испепеляющую ловушку с четырёх сторон, чародей обращал в прах несчастных, сверкавшими в небе звёздами.

– Несчастные, несчастные души! – Созерцая плоды своей собственной магии, пробормотал волшебник стихии света, состроив на лице грусть. словно небесная кара, пространство редили слепящие адские линии, пожиравшие тех, кто попался в ловушку. – Я помолюсь за вас. – Под нескончаемые вопли своих жертв, Асиз перевел взгляд на повелителя, готового нанести финальный удар.

Нуар уже находился на земле, безмятежно выжидая, пока куда ярриды атакуют первые. Владыка Судьбы гордо шагнул вперёд, когда многотысячная армия уже вовсю мчалась ему на встречу. Тысячи ртов грозно давили на врага – мощным прессом давил по ушам воинствующий гул. Женщины и мужчины, облаченные в шкуры убитых ими зверей, с чере-

пами диковинных существ вместо шлемов и причудливыми ружьями на руках, одновременно двинулись на одинокого противника.

Юный король оторвался от земли. Он был уверен в своих силах. Окинув томным взглядом подступающую армаду, Нуар неспешно спикировал на критическое до столкновения расстояние. Шаг за шагом, голова за головой, многотысячная армия постепенно ускоряла шаг. Дрожала земля под ногами орды; несметный гам, что был слышен за сотни километров, заполнил собой округу. Словно неукротимые буйволы, ярриды неслись на противника с одной единственной целью отмщения. Перебежчики же успешно достигли безопасного расстояния и наблюдали бой со стороны.

Шум брынчащих лезвий, гогота лошадей и боевых криков стал невыносимым. Ярриды вплотную столкнулись с Нуаром, когда тот ворвался в гущу вражеских колонн и словно непрошенный гость из космического пространства, вонзился в промокшую землю, с грохотом отбросив выживших в эпицентре катастрофы солдат. Передовые отряды Ярридов миновали правителя Торина и тотчас застопорились, неуклюже разворачиваясь всем плотным рядом, образовав собой масштабную давку: войны сталкивались и падали, давя друг друга и забивая товарищей диковинными орудиями.

Ворвавшийся молнией в тыл врага, Нуар метался из стороны в сторону, преодолевая громадные расстояния от начала вражеской шеренги, до её конца, разнося в пух и прах мо-

гущественную империю ярридов. Ни один солдат противника не мог заметить короля или предугадать траекторию движения хаотичных атак. Откуда прилетит следующий удар – определить было невозможно. Однако среди дикарей, которыми прослыли воинственные ярриды, витала могущественная сила. Одной лишь численностью войск и стратегией нельзя было успешно вести кампании, – необходимым условием ведения любой войны была магия. Её наличие могло кардинально изменить баланс сил, а её отсутствие, – привести к поражению даже самой стойкой армии. Хотя и в небольших объёмах, жрецы ярридов могли реализовывать межгалактическую технику порталов. Никто не знает доподлинно, откуда у дикарей с земли, что были на периферии научных познаний, взялась, хоть и не в полном объеме, магия, принадлежавшая уранам, обитателям одноимённой планеты. Если волшебники могущественного небесного тела использовали доведённую до апогея силу, то дикари, что были облачены в шкуры убитых ими зверей, пользовались её благами с переменным успехом. И если сами ураны сумели с помощью грамотного применения магии стать всеобщим центром торговли в галактике, то жрецы ярридов могли лишь собирать крохи величественной магии, не гарантируя удачный исход.

Нуар расположился аккуратно в центре вражеского войска, демонстративно сжимая в руке горло одного из выживших генералов. Паника и страх овладели некогда непобедимой армией: с потерей предводителя, ордынцы утратили всякий

боевой ориентир. Отдельные представители гордого народа, под бравые выкрики продолжили нестись на врага. Искусно уворачиваясь от любых ударов лезвий, стрел и магических чар, летевших на самоуверенного одиночку со всех сторон, Нуар неосознанно распространял споры собственной магии, создавая плацдарм для будущей реализации могущественной магии. Повелителю Силы Судьбы достаточно было лишь узреть свою цель для того, чтобы всевластное волшебство сделало своё дело. Мощь, что была во владении юноши, оберегала хозяина столь рьяно, сколь не сумели бы ни одно существо и ни один артефакт на Земле. Сила Судьбы, являясь паразитической по своей природе магией, заставляла предметы и явления подчиняться воле одного господина путём завладения мельчайшими частицами энергии, что составляет костяк любого объекта или импульса. Таким образом Нуар, находясь в самом центре многотысячного войска, бессознательно уворачивался от любой опасности, ведь короля невозможно было убить или даже ранить. Отскользнув от удара в живот, не пошевелив и пальцем, юноша воспарил ввысь, тотчас увернувшись от подземного Яррида, что массивными когтями продрал путь наружу; угроза, летевшая на Нуара с нескольких сторон, в виде раздвоенных лезвий, была внезапно отражена рядовым воином ярридов, сделавшим аномально высокий прыжок. Тот принял весь удар на себя, рухнув в следующее же мгновение, пораженный несколькими стрелами своих товарищей. Копьеносцы, поджидавшие

Нуара на земле, принуждённые Великой Силой, направили копья друг на друга; ноги ордынцев сами понеслись вперёд. Нуар плавно приземлился на уже образовавшийся у ног правителя своеобразный мост из двух бойцов.

Едва заметив, как противник чуть коснулся поверхности, остатки храбрых воинов, для которых смерть была предпочтительней поражения, в едином порыве устремили свои орудия на самодовольного юношу, невозмутимо потиравшего пятнышко крови на груди. Проворный Нуар заметил, как издали готовится баллистический удар и увесистое копье вот-вот вонзится в королевскую особу.

Длинные ресницы мягко упали на нижнее веко.

Через секунду золотистые глаза юного короля проводили грузное, остроконечное бревно, насквозь проредившее отряд солдат, что волей судьбы оказались на месте Нуара. Массивный деревянный дрот разбил воинов, чьи тела враз заняли пространство спесивого правителя, в то время как сам владыка оказался поодаль и обратился в наблюдателя. Стрелок, убивший дюжину дружественных солдат был мгновенно зарублен ордынскими меченосцами и никто, кроме самого Нуара так и не понял, что на самом деле произошло. Повелитель Судьбы взмахнул правой кистью: ожившая пыль соединялась с набирающим силу смогом; левая кисть сделала элегантный жест.

Бликами чистейшего золота сверкнула пара широких глаз – ударная волна невероятной мощи, коей не видела эта мир-

ная земля, со свистом разрезала воздух. Вспыхнула некогда вечнозелёная земля, под воздействием яростной магии и невидимым клинком исполосовала атакующих.

Ближайшие противники были повержены.

Половинчатые куски плоти остывали на опалённой кровью земле. И лишь крохотные капли, по велению небес, безмолвно опускались в своей тихой, никому непонятой скорби по загубленным душам. Однако солдаты армии затмения прослыли бесстрашными воинами, готовыми биться на смерть при любых условиях. Ярриды и сейчас не прекращали попыток ранить столь могущественного противника: один за другим, перепрыгивая павших товарищей и минуя горящую землю, крохотный отряд, что остался от многотысячной армады, в рваных одеяниях, верхом на израненных лошадях, львах и грифонах, устремились в последний бой – подключилась тяжелая кавалерия. Нуар сосредоточенно смотрел на безуспешные попытки врага нанести ему хоть какой-то урон. Сверкнув золотыми миндалинами, владыка подчинил своей воле каждое животное, использованное ярридами. Крылатые, копытные и рогатые создания скидывали с себя ордынцев, бросались на пики последних и испепеляли бывших хозяев мистическими чарами, и покуда повелитель Торина оглядывал сотворённую им самим баталию, звуки бьющихся орудий стали повсеместно стихать – ордынцы перебили всех своих питомцев, а те – самих ярридов.

Нуар вновь возвёл руки к небу для решающего удара –

то был его любимый жест. Чтобы расправиться с парой тысяч хаотично разбросанных и измученных ярридов, Повелитель Судьбы возжелал заполучить в распоряжение разум каждого война, – так и произошло. Фарфоровая рука изобразила меч, едва коснувшись вытянутой шеи. Сотни заколдованных ордынцев в едином порыве скопировали движение нового повелителя. Обагрённые кровью, испачканные в промокшей земле лезвия соприкоснулись с застывшими телами. Юному владыке оставалось совершить одно лёгкое движение и остатки бравых солдат бы замертво рухнули на землю, сплошь усыпанную темами своих товарищей. Оставалось лишь одно мгновение до того, как кончики пальцев достигнут края восковой шеи, как внезапно, из-под горы трупов бесшумно выскользнул проворливый яррид, беспорядочно размахивая длинной палкой с причудливым наконечником. Не задетый вездесущей магией Судьбы, он даже и не подозревал, что остался единственным выжившим на поле боя. Прядь каштановых волос ударила в глаза. От неожиданности, Нуар не успел вовремя среагировать, от чего вражеский шаман сумел реализовать свою магию.

Разверзнувшаяся над головой короля чёрная дыра с астрономической скоростью стала заглатывать в себя всё, что находилось в округе. Невидимыми щупальцами всемогущий спрут втягивал в себя орудия, поверженных воинов, их спутников и отрывал громадные куски земли, со свистом летевшие в его жерло. Спустя мгновение, ненасытное чудовище

уже пожирало ландшафт: деревья вырывались с корнями; с гор, что находились на значительном расстоянии от поля боя плавно тянулась вереница пыли; облака, расплывающимися лентами стягивались к эпицентру катастрофы и немногочисленные воины, подконтрольные юному королю, в одночасье оказались затянуты в царство крошечной тьмы. Однако шаман, благодаря которому в наш мир проник грозный противник, удивительным образом не был задет. Задействовав всю свою силу, правитель вовремя отстранился от кошмарной аномалии, и эти несколько метров решили его судьбу. Огромных усилий стоило владыке Торина отвоевать своё пространство. Казалось бы, небольшая черная точка, размером не более дворового кота и воспротивилась самой Силе Судьбы, сводя на нет все попытки последней каким-либо образом изменить ситуацию.

Нуар старался дать отпор всепоглощающей магии, оттягивая, посредством невероятных усилий, своё тело дальше и дальше от эпицентра катастрофы, однако невероятные, по своей мощи, чары испепеляли любые попытки рока повлиять на них. Чёрная дыра заглатывала всё больше пространства, с каждым мгновением разрастаясь всё шире и шире. Казалось, хаос не найдёт упокоения, пока не затащит в своё жерло всю планету.

Предпринимая нечеловеческие усилия, чтобы противодействовать великому и беспощадному явлению, Нуар невольно всматривался в портал. Юному королю, казалось,

удалось разглядеть в бушевавшем хаосе несколько силуэтов, что пялились на него из полного мрака отверстия. По всему радиусу чёрной дыры, в которую с грохотом влетали оторванные куски земли и всё новые трупы, виднелись с десятков пятиконечных, подобных человеку силуэтов, не имевших, однако, лиц, пальцев или кожи. Они отличались друг от друга одними лишь оттенками чёрных цветов, что утопали в бескрайних мрачных просторах. Вытянув длинную, мрачную, наподобие щупальца, конечность, существо потянулось за пределы возникшего портала. Нуар ужаснулся, попятившись назад. Когда же “щупальце” стало виднеться всё отчётливее, прорезая всем своим существом пространство нашего мира, расширялась и сама чёрная дыра. Позади неизвестных существ, возглавляя захватническую миссию, грозно вглядывался в пространство, разительно отличавшийся от остальных своей синеватой кожей, высоким ростом и человеческой формой, их глава.

– Прекратите вторжение немедленно! – Юношеский голос срывался. Подоспевший Асиз несколько раз высвободил яркий сверкающий столб чистой энергии, сродни солнечной, но ничего не произошло, – весь свет, коим владел волшебник, попросту поглощался непроходимой тьмой, которая, казалось, не имеет изъянов. Среди свиста, звука трескающихся камней и тлеющей древесины, что возникал после каждого попадания предметов в дыру, невозможно было услышать голоса незваных гостей. По телу юного короля вол-

нами прокатилась серия леденящих позывов – гусиной кожей покрывались участки, на которые пытались воздействовать тёмные существа.

– Таким способом вы общаетесь... – Заворожённо тарачился в пустоту с самозванцами король, пытаясь совладать с рассудком и удержаться на месте, гонимый внутрь всё расширяющейся махины. – Вы хотите мне что-то сказать...

Щупальце чуть было не достигло протянутой в беспмятстве руки короля, как в одно мгновение, всепожирающая червоточина с грохотом схлопнулась, выпустив из своих лап громадные трофеи, что ещё не успела поглотить. Невидимым взрывом отбросило правителя на вставшую на дыбы землю. Одолеть непобедимый хаос удалось лишь с попаданием внутрь аномалии жреца Ярридов, что и высвободил неконтролируемую силу. С его исчезновением во тьме, остановилось и разрушение.

Место монструозной червоточки вновь заняло солнечное пространство, и громадные куски земли, вперемешку с деревьями, людьми и скотом, летевшим издалека и ещё не попавшими внутрь, с грохотом рухнули на испещрённую глубокими шрамами почву.

Нуар очнулся спустя несколько минут. Поддерживаемый верными спутниками, король неспешно поднялся на ноги.

– Ваше Величие, что это было?

Сквозь помутнённое сознание, что яркими вспышками выдавало нарастающую боль после битвы, Нуар судорожно

осмотрелся: вокруг – сплошная разруха. Луга, еще недавно пышущие зеленью, обернулись вспаханным исполинским плугом полем, с воткнутыми, словно сорняками, вездесущими брёвнами и булыжниками.

“Сколько же их?” – Думал про себя Нуар, вытирая пот со лба. Жуткое головокружение только нарастало – битва с чёрной дырой истощила практически все запасы сил, которых теперь, казалось, не хватит даже на полёт до королевства. “Кто они?” – Вновь отдалось в пространстве.

Из-под завалов стали доноситься едва слышные стоны, – это несчастные, которых стянуло со всей округи мощной аномалией. Люди пытались выбраться сами и помогали другим. Послышалось звучание бьющегося железа – где-то вдалеке растаскивали металл; слышались приглушённые крики – мародеры уже во всю рыскали в поисках наживы.

Нуар скривился от резкой боли в груди – использование Силы Судьбы наносило большой урон неокрепшему и неподготовленному к сверх нагрузкам телу. Ни Асиз, ни подоспевший Факом не могли заставить юношу подняться, – того словно тянуло к земле. Теряя сознание, владыка Торина рухнул наземь лицом в тело убитого им яррида, где, борясь с головокружением, пытался не потерять сознание навсегда. Нуар долго боролся с телом, что тянуло его во мрак небытия и прекрасно понимал: если он закроет глаза сейчас, то более их не откроет и старался во что бы то ни стало сдерживать свинцовые веки.

Факом бросился к перебежчикам, одним прыжком преодолев с несколько сот метров.

– Лекари есть?

Из толпы ярридов робко вышли два человека.

– У меня есть некоторые навыки. – Проговорил мужчина, вокруг которого кружили песчинки.

– Я был лекарем генерала Маарта. – Проговорил сухой волшебник с седыми волосами и непомерно широким для человека воротником, представившийся магом растений. – Я знаю всё о травах.

– Отлично. – Процедил Факом. Он обвил обоих своими руками, что вытянулись в спираль и вместе с ними вернулся к телу Нуара, что корчился на земле от боли в животе.

– Найду... Найду... – Шептал в беспмятстве король. – Найду тебя... Сес... Если я не выживу, обещайте сказать ей...

Ярриды тотчас подбежали к телу владыки. Первый достал из поясной сумочки неизвестные корешки, разрезал их, и выжал прозрачный сок в приоткрытый рот Нуара; второй разорвал на груди Нуара одежду и прислонился ухом к телу. После чего безмолвно кивнул первому и вместе они перевернули короля, сжав живот и, достав из сумочки пару сухих листьев, засунули тому два пальца в рот.

Нуара тотчас вырвало. Чёрная, как смола, жидкость растеклась по поверхности израненной земли и он вновь рухнул в пыль, видя из полуоткрытых век, как нечто, что вылезло из

него, постепенно твердеет и ползёт обратно, в тело, из которого было изгнано.

– У-убейте! – Кричал один из ярридов. – Убейте это!

Факом тотчас воссоздал ледяное копьё и запустил в движущуюся жижу, но та мгновенно увернулась от первого, второго и последующих орудий, рьяно идя напролом. Её остановила одна из пташек Асиза. Птичка из чистого света влетела в нечто и оглушительно взорвалась. Казалось, жижа была испепелена, однако один из ярридов, что был с Нуаром, видел, как остатки неведомого впитала в себя земля.

– Найду тебя... – Продолжал шептать Нуар.

Асиз и Факом неспешно двигались по направлению к Торину, в окружении ярридов, что перешли на другую сторону. Короля положили на носилки, что держали бывшие солдаты империи затмения. Долгое время шли в полной тишине, пока Нуар вновь не стал бредить. Доносились одиночные слова, которые тотчас растворялись в тишине.

– Найду... Скоро... Моя сестра...

Нуар неоднократно пытался, задействуя силу Судьбы, повлиять на течение событий так, чтобы наконец, если не встретить, то хотя бы узнать, кем является его единственный родственник. Всё, что он знал о девушке, это пара скудных, спутанных воспоминаний о прихожей в родительском доме, размытой временем и то, как старшая сестра выходила с ним на прогулку. Обрывистые воспоминания короткими вспышками вбивались в голову, растворяясь в тот же миг.

Преодолев путь, что некогда занимал несколько мгновений, а ныне – часы, процессия добралась до античной цитадели, где Нуара отвезли в госпиталь, яридов же оставили в палатках до дальнейших распоряжений.

В это же время, в пропахшем сыростью и гарью подземелье, служившем постоянным домом и рабочим местом для тех, кто обслуживал Античную Цитадель, в этих тесных каморках, набитых до отвала поварами, горничными, уборщиками и лакеями, ютился Реми, которого, после событий на острове, поместили под постоянный надзор, в ожидании приказа сверху.

Реми наблюдал, как слуги носятся туда-сюда: что-то выносят, швыряют, бранятся друг на друга. Торинские катакомбы представляли собой перманентный хаос, в котором каждый день что-то горело, кому-то ломали нос, и где от тяжёлых условий труда рабочих, падавших намертво, тотчас заменяли другими, взятыми с улиц опустевшей столицы, которые едва знали, с чем будут иметь дело.

Реми расположился в комнате с уборочным инвентарём, аккуратно между вёдер, швабр и множественных тряпок, от которых веяло гнилостным, сладковатым запахом. Здесь юноша проводил почти всё своё время, ожидая момента, когда гам в бесчисленных коридорах закончится, топот утихнет, и тогда можно будет вернуться в свою небольшую каморку, чтобы, наконец, уснуть на кровати.

В тесном подземелье, где всюду были натканы комнатки для одного-двух человек, где лишь изредка пробивался солнечный свет, и где сам воздух был пропитан жиром и копотью, юноша проводил всё своё время. Невольно в голову лезли размышления о погибших родных, которых уже не вернуть, – проклятые нептуны – о Хеше и Эваре, которых хладнокровно убила тёмная волшебница прямо на его глазах, и Дэстане, с которым трусливый юноша так подло он поступил. Ведь был готов, ради сохранения своей жизни, выдать всё, что знал о предстоящем маршруте своего брата.

“Я недостоин жизни” – Часто говорил он себе. – “Я должен был умереть там, не они”

Реми так же понимал, что после после того, как расскажет Розель всё, что знает о Дэстане, тотчас будет убит. Это создавало в голове юноши ужасающую неопределённость, которая изо дня в день терзала и без того израненную душу.

“Быть может, стоит принять свою смерть? Ведь так я искуплю свою вину перед своими братьями. К чему такое жалкое существование?”

Деревянные двери стали захлопываться одна за другой, – рабочие расходились по своим комнатам.

Реми ожидал, когда все окончательно заснут, чтобы тайком пробраться на свой закуток, не попавшись на глаза изувену-соседу, с которым юноша и делил небольшую камеру.

Когда шум окончательно стих, Реми робко отпёр дверь и осмотрелся: вокруг – тишь и мрак. Делая каждый шаг, слов-

но по полю, усеянному ловушками, Реми едва слышно крался в свою комнату, дабы не быть замеченным разъярёнными работниками. Те считали юнца шпионом, засланным Розель для того, чтобы выявить предателей и бунтовщиков, и потому, относились к Реми, как к бродячему псу: каждый считал своим долгом пнуть или бросить ему в лицо какую-нибудь язвительную шутку.

Проходя мимо комнаты пекаря, Реми уловил приглушённый шёпот: несколько рабочих о чём-то живо спорили. Припав к двери, юноша мог уловить лишь отрывки бурной дискуссии, из которой следовало, что те планируют побег.

Реми залился краской, в груди затрепетало сердце, а уши наполнились пульсирующим гулом. Юноше захотелось бежать, забыв о том, что он только что услышал, но любопытство взяло верх и пленник остался стоять, словно приколотый к двери.

– Она тоже тут! Видел! Ходит среди нас, что-то вынюхивает!

– Думаешь, Розель заслала её, как того сопляка? Её? Иди ты!

– Такая персона, как она не станет мелочиться! Думай, о чём говоришь! Сама королева Нептуна спускается сюда каждую ночь, чтобы посмотреть за тем, как ты гадишь! Конечно!

– Не знаю, она это была или не она, но я точно знаю, что её зовут Велея, и что её темница находится по соседству с тем чудачком.

– Каким чудачком?

– Да, тут нас много!

– Да, я не про нас! А про того бедолагу, которому отрезали руки и половину лица.

– Откуда ты знаешь? Нам туда доступ запрещён.

– Накорми до отвала стражника, и будет тебе информация!

– Не знаешь, кто он?

– Говорят, это сам отец Нуара!

С этими словами, комната, набитая рабочими, наполнилась гулом, где каждый пытался опровергнуть абсурдную теорию.

Краем уха Реми услышал, как из бездны мрака, с обеих сторон что-то приближается, и тотчас поспешил в свою камеру. Отворив скрипучую дверь, юноша вошёл в тесную каморку, в которой, помимо двух одноместных кроватей и небольшой полочки, не было ничего, Реми увидел своего соседа, вальяжно лежавшим на обеих кроватях: тот закинул ноги на подушку юноши, и даже не шевельнулся, когда дверь в комнату отворилась.

– Я бы хотел... Прилечь, ты... не мог бы...

– Не мог бы, – рявкнул уборщик – пойди, пожалуйста своей хозяйке!

Реми не мог взять в толк, о чём говорит его визави и, уж было собрался вернуться в коридор, как уборщик резко вскочил и могучей, грубой лапой вжал юношу в стену.

– Если кому-то расскажешь, я тебя закопаю. – Толкнув Реми так, что тот ударился головой о дверной проём, рабочий вновь вернулся на в то же положение. Так Реми пришлось вернуться в комнатку, в которой он проводил дни напролёт.

Кири́м и Гассель двигались по пути к царству титанов, что располагалось на севере Торина. Пройдя несколько безжизненных деревень, волшебницы вышли на песчаное, горное плато, тянувшееся до самой границы с империей врага.

Две тысячи наёмников, которые преградили девушкам путь, были облачены в стальные доспехи с камнем, давящим человека на нагрудном знаке. Их орудия представляли собой полупрозрачные лезвия и луки, питаемые магией, что служила солдатам вместо орудий: у стрелков магия превращалась в бесконечные стрелы, а у пехоты энергия превращалась в острые как бритва лезвия. Всё волшебство поддерживалось шаманом, что вёл войско за собой. Обладая реликтовым кристаллом, чародей-титан транслировал магию предков сквозь время, наделяя своих воинов силой предков, что накладывалась на их собственную, усиливая, таким образом, мощь храбрых солдат.

– Это что получается, торинский маменькин сынок прислал на битву двух баб? – Шквал брани обрушился на двух волшебниц, едва Гассель и Кири́м показались на горизон-

те. Шаман умело балансировал на тонких ветвях одинокого древа.

– Бравые воины! – Звонкий, девичий голосок Гассель разнёсся мимо рядов грозных титанов. – Мы не хотим вас калечить!

– Калечить? – Взорвался хохотом шаман, призывая остальных последовать его примеру. – Да я тебя на лоскуты порву!

– Мне даже не нужно платить, чтобы я на лоскуты пустила твой зад! – Гассель была в своей стихии, стихии перебранок, в предвкушении предстоящей бойни.

– А ну, принести мне её ножки! – Прошипел шаман, щурясь.

Сотня наёмников в раз сорвалась с передовой. Из пыльной линии нёсшихся на девушек быков, выбились с пятьдесят бравых воинов, что были быстрее и ловчее собратьев. Они сбились в кучу, соревнуясь друг с другом в том, чтобы первыми настигнуть Гассель.

Девушка плыла по воздуху вперёд, позволяя громадной кукле встать впереди неё. Дождавшись, когда солдаты подбегут достаточно близко, Гассель улыбнулась Кирим, проговорив игриво:

– Люблю инициативных: иногда в постели хочется отдохнуть! – Она звонко засмеялась, и кукла, по мановению тонкой кисти, внезапно выпрямилась; грудная клетка марионетки, со скрежетом, раскрылась, обнажая отсутствие внутрен-

них органов. Из тьмы, что таилась внутри, со свистом вылетел крохотный кубик, упавший под ноги первому подступившему титану. Все пятьдесят мужчин остановились, всматриваясь в диковинный предмет, испускающий слабый, голубоватый дымок. Не прошло и пяти секунд с момента вылета клуба из тела марионетки, как тот разразился грохотом, выпуская постепенно голубоватый туман, что вскоре закрыл двух девушек и пятьдесят титанов.

– Лучше отойди, – улыбнулась Гассель – иначе твоим маленьким друзьям не сдобровать.

Бойцы отряда внезапно почувствовали, как сон одолевает их, а мечи, созданные реликтовым кристаллом, стали тяжелее, нежели прежде. Воины побросали магические лезвия, которые тотчас потеряли свою магическую составляющую, – от орудий остались лишь рукоятки.

Шаман приказал бойцам остановить наступление.

– Волшебная дымка, не правда ли? – Хитрая Гассель плавно вошла в голубоватую мглу. За всё это время ни титаны, ни Кирим не решались узнать, что творится внутри тумана. Хотя им и не пришлось.

Волшебница, по своему обыкновению, воспарила над землёй так, что её ноги едва касались поверхности; едкая дымка стала растворяться и Гассель, торжествующе стоя впереди своей громадной марионетки, громогласно заявила своим девичьим, птичьим голосом, всегда игривым и затейливым:

– Я приготовила для вас подарочки! Полагаю, они вам

пригодятся! Теперь они будут с вами, а не на вас! – Когда Гассель завершила короткое обращение, туман окончательно рассеялся; от бравых воинов не осталось и следа. Тогда марионетка согнулась, словно пытаясь достать до своих ступ. Широкая спина великана была разорвана надвое, – лопатки марионетки разошлись в разные стороны. Из Было загадкой, откуда брались предметы внутри неживого существа, совершенно лишённого внутренностей.

Кирим заворожённо наблюдала за тем, как несколько металлических спиц возникли из могучей спины, поддерживая что-то наподобие широкого ковша лопаты, покрытого тканью. – Да будет праздник! – Воскликнула, сверкая глазами волшебница. Гассель махнула рукой, когда импровизированная катапульта из тела марионетки выпустила в противника снаряд, сокрытый в полотне.

– Приготовить луки! Огонь по моей команде! – Сотня-другая воинов натянули тетивы. В воздухе, покрывало слетело, словно осенний лист, раскрывая содержимое сюрприза.

– Отставить... Огонь...

Когда солдаты опустили луки, на них градом посыпался дождь из множественных частей тела; десятки отрезанных единиц били по шлемам, опали на плечи и насаждались на мечи солдат.

Войско разваливалось на глазах: часть воинов, что попала под “дождь”, стряхивала с себя уже опавшие органы, часть

– отстраняясь, давила их ногами, другая гоготала, а четвёртая и вовсе бросала орудия, понимая своё обречённое положение.

– Собратья! Я сказал всем вернуться на свои места! – Кричал, срываясь, шаман.

– Да мне столько не платят, – отвечал ему рядовой – мы уже проиграли! – Тот бросил оружие и пошёл прочь из отряда.

Шаману ничего не оставалось, как угрожать дезертиру и когда тот, вопреки бранным словам, продолжал свой путь, военачальник титанов задействовал кристалл и проткнул неудобного. Оставшаяся часть войска, с горем пополам, схватилась за оружие.

– Немедленно атакуем! Стрелы к бою! Пока эта тварь не распотрошила и вас!

Град стрел обрушился на волшебниц: сотни лиловых лезвий из чистой магии реликтового кристалла вылетели из луков титанов; Кирим коснулась земли, взывая к собственной магии. Откуда ни возьмись, отовсюду на поле боя стали слетаться гигантские жуки, образуя вокруг Кирим и Гасель прочный купол из хитиновых панцирей.

Тотчас мощное землетрясение, по обоим флангам от титанов, предзнаменовало появление четырёх любимых питомцев Кирим: исполинские, окутанные каменной бронёй коричневые черви с монструозными, усыпанными зубами в несколько рядов, круговыми рылами, обрушились на остат-

ки армии титанов. Извивающиеся твари земли не поддавались магии кристалла. Каменный серпантин выстреливал из-под земли, давя своим телом разбежавшихся титанов, после чего продирает себе путь под поверхность мускулистыми челюстями, чтобы вновь вырваться наружу, нанося, тем самым, фатальный урон армии противника. Сквозь поднимающуюся пыльную бурю, сверкнуло массивное лезвие – марионетка Гассель схватила громадной лапой горло шамана, – в суматохе, тот не сумел сориентироваться, кристалл выпал из его рук, а сам воин взмолил о пощаде, будучи вжатым в землю.

Пока Гассель плавно левитировала к поверженному врагу, Кириим поняла загадочное орудие, дававшее силу армии наёмников. Воспаривший над ладонью девушки реликтовый камень покрылся крохотными прислужниками волшебницы. Через несколько секунд, прожорливые жучки, не оставили от предмета ни следа.

– Подделка. – Бросила Кириим.

– Так вот оно что! – Усмехнулась Гассель, встав над шаманом. – Тогда понятно, почему вы такие беззубые.

– Прошу, пощади, я... Я... Отдам тебе всё золото, что мне заплатили за... – Наёмник схватился за горло, выдавливая каждое слово.

– “За” – меня не интересует. Кто тебя нанял? – Проговорила Гассель, всматриваясь вдаль; марионетка слегка ослабила хватку.

– Обещай оставить мне жизнь. – Закашлял тот, но в тот же момент рука здоровяка вновь сдавило горло противника.

– Но ведь мы разбили их армию, нам незачем идти дальше.

– Каков торгаш, даже на краю пропасти пытается выбить себе выгодные условия. – Девушка наклонилась к уху поверженного. – Если уж рубить сорняк, то под корень. Кто твой хозяин?

Шаман скорчился, тщетно пытаясь разжать стальную хватку своими руками.

– Меня... Нанял... Арк... Он севернее...

– Отлично, как туда добраться?

– Идите выше... Дальше за горами будет река, оттуда на восток и на... Плато будет виден их красно-желтый флаг.

– Замечательно. – Удовлетворённо бросила Гассель, однако марионетка всё так же сжимала горло шамана.

– Пощади!

– Конечно, конечно. – Заговорила та, обеспокоено. – Ты будешь жить.

– Спасибо! – Вскрикнул шаман, жадно глотая воздух. Гассель беззаботно двинулась в указанном направлении. Негромкий щелчок пальцами заставил спину великана, вновь разверзнуться, высвободив толстый, стальной прут, который за долю секунды вонзился в голову наёмника, пригвоздив последнего к земле уже навечно..

– Ты ведь обещала ему жизнь! – Ошарашенная Кирым

хлопала глазами.

– А он обещал своим воинам силу пустышки. – Бросила Гассель, продолжая ход, невзирая на Кирим. – Мир жесток.

Кирим нагнала кукловода, когда та уже достигла реки.

– Долго же ты думала. – Гассель засмеялась, но в её речи не было злобы.

– Я всё размышляла... – Начала Кирим задумчиво. – Зачем ты служишь Розель? Я имею в виду, какова твоя настоящая цель?

И Гассель ответила тотчас:

– Скука.

– Но ведь... У всех есть своя цель?

– Не у меня. Я живу ради удовольствия. Деньги – банально; убийств – целая поляна и без Розель; безопасность – я в ней не нуждаюсь, как ты могла заметить. – Гассель беззаботно парила над водой, а Кирим, собрав вокруг себя миллионы роящихся насекомых, тотчас сравнялась со спутницей. – А ты? Для чего ты здесь? Ты последняя присоединилась к нашей команде.

– Дело в моём клане. Ты сказала, что деньги – скучно, но не в моём случае. Жителей деревни, откуда я родом, осталось всего пять. Трое стариков и двое детей, которые не могут себя обеспечивать, они... Зависят от этого золота, что я получаю в Торине.

– Это из-за войны с Нептуном?

– К сожалению, с нашей территории началось вторжение

на Землю. Они выкосили всех поголовно.

– Но не последней, верно? Я имею в виду, не в эпоху Велеи?

– Нет, в эпоху её матери. Но это... Не имеет значения.

В тягостном молчании, в котором прошёл остаток пути, волшебницы добрались до зелёного плато, откуда виднелся тот самый красно-жёлтый флаг дома Арков. Солнце уже почти зашло за горизонт, опуская последние лучи на остроко-нечные башни грозной крепости.

Гассель небрежно постучала во врата, – несколько, одинакового роста стражей тотчас показались из-за стены. На удивление, ни у одного из них не было оружия.

– С кем имею честь? – Крикнул один со стены. Гассель невозмутимо воспарила на уровень глаз воинов.

– Две путницы устали с дороги. Впустите нас с долгого путешествия, за столом расскажем.

– И всё же, – проговорил второй плавным, мелодичным голосом – извольте сообщить ваши имена и откуда вы держите путь. – К стражникам подошли ещё пять человек, столпившись напротив парящей волшебницы.

– Я повторяю, что мы очень устали.

Повисла напряжённая пауза. Кирим знала, что Гассель не отступит и будет идти до конца, что могло привести к конфликту. Стражи замка нарочно держались в тени, что показалось Кирим подозрительным, как и ещё несколько деталей.

– Будьте так любезны... – Настаивал третий воин, не обра-

щая внимания на крохотного светлячка, пронёсшегося мимо ватаги мужчин. Кирым тотчас выступила вперёд.

– Просим прощения за вторжение! – Волшебница говорила спокойным, добродушным тоном. – Меня зовут Кирым, а мою спутницу Гассель, она кукловод, я же очень хорошо дружу с природой. Мы держим путь из Бравоса, государства, которого ныне нет. – Волшебница понизила тон. – Нептуны.

Несколько минут стражи замка едва слышно совещались, после чего было принято решение открыть ворота. Кирым сразу запросила аудиенции у главы дома Арков, что управлял крепостью и, к удивлению Гассель, им практически сразу было позволено пройти в покои владыки. Когда девушки ступили на круговую площадь пред величественной цитаделью, владыка Тассер уже ожидал их. Выйдя в сопровождении четырёх верноподданных, лица которых были скрыты золочёнными масками, владыка дома Арков плавно начал:

– Юные леди, в здешних краях полно опасностей. Что же привело вас в наши земли?

– Не валяй дурака! А то ты не знаешь! – Кинула Гассель и тотчас словила на себе испепеляющий взгляд Кирым.

– Прошу прощения за мою вспыльчивую подругу, – волшебница уж было продолжила изначально заготовленную речь, как в глаза бросился отблеск крохотной брошки, что носил глава. То была золотая змейка, с торчащей из пасти пикой, крепящейся к изумрудному одеянию. Тогда же Кирым вспомнила битву с нептунами и Мастера Анти-Мате-

рии, который носил подобную. – Владыка Тассер... – Начала вкрадчиво девушка, и тотчас поменяла тон: – ... Или лучше Манзет?

– Вы будете сообразительнее вашей подруги. – Улыбнулся тот. – Откуда вы меня знаете?

– Я много читаю и знаю, что вы воевали на стороне Зайна в Третью Войну Реальности. У вас та же брошь. Тогда Мастера звали...

– Зиммер. – Бросила Гассель задумчиво. – Как же я могла не заметить.

– Именно, – отозвалась Кири́м – и вы, наверное, знаете, что мы разбили армию, которую вы наслали на Торин.

– Конечно, это ведь это всё был я. – Растянулся в улыбке Манзет, приказав своим клонам, составляющим собой всё население замка, одновременно зажечь факелы. – Все две тысячи бойцов составляли мои клоны.

– Но для чего же вы вступили в войну против Торина?

– Я полагал, что на угрозу применения реликтового кристалла отправят более значительные войска: Розель или, быть может, сам Владыка Судьбы, но имеем, что имеем.

– Придержи язык! – Вступила вперёд Гассель. – А ни то...

– Что? Расчленишь меня, как тех болванчиков? – Засмеялся Манзет. – Я знаю твой маленький секрет.

Гассель осеклась, тогда как Кири́м, напротив, пыталась воздействовать на Мастера клонов дипломатией. Тот спустился с высоких ступеней, подойдя к кукле. Маг внимательно

но всматривался в лицо и тело истукана, вглядывался в контуры мускулов и, наконец, обратился к Гассель:

– Будь осторожна. Твоя кукла может гораздо больше, не стоит выходить наперёд и переживать за её сохранность. – Он пристально смотрел в глаза девушки, играя лукавой улыбкой. – Вы ведь пришли сюда, поскольку у вас ко мне есть предложение?

Кирим не стала отнекиваться и разложила всё так, как и планировала:

– Ваша сила может дать вам гораздо больше с нами, нежели, когда вы боретесь в одиночку.

– Выйти из тёплой постели и преклонить колено перед девчонкой-магом тьмы? – Усмехнулся тот. – К тому же, самонадеянная волшебница и не подозревает, что захваченные ей земли, совсем ей не принадлежат.

– Наш король – владыка Судьбы...

– Ваш король – марионетка, совсем как... – Манзет бросил насмешливый взгляд на Гассель. – ... этот здоровяк. И давайте всё же прекратим делать вид, что у юнца недостаточно силы воли, что бы противостоять такой натуре, как Розель.

– Тем более, вы осведомлены о внутреннем устройстве нашей команды, едва ли не лучше, чем мы. Розель, Матис, Нуар – это сила, с которой мы поставим планету на колени, а после – и весь мир.

Манзет, заложив руки за спину, неспешно подошёл к Ки-

рим.

– Ваша команда – лишь бледная копия Ледяного Антала⁶ и не сравнится с величайшими его волшебниками.

Кирим выждала паузу.

– Это правда. Я наслышана о магии зеркал непревзойдённой Сур; убийственном звуке Мастера Тавьера; об андромеде сил Брованера или космической энергии Дельвианны, но так же мне известно о магии металла юного ученика Мастера Зайна.

Манзет усмехнулся.

– Не такого уж и юного.

– Верно, король Иор уже давно не ученик Мастера.

Манзет понял, что Кирим превосходно знает историю и события, произошедшие между всеми активными действующими лицами той эпохи. Иор, Зайн, Манзет и многие другие некогда участвовали в большом сражении или, как его принято называть Войне Реальности. Все три войны некогда изменили привычный ход истории, поменяв само мироустройство Вселенной. Третья же Война Реальности завязала судьбы Иора и Зайна, скрепив их кровной ненавистью.

– Я знаю так же, что Иор предал Мастера Зайна, обру-

⁶ Ледяной Антал – один из немногих видов цветов, что растёт и развивается при минусовых температурах. Схож с розой, однако водянистая структура его лепестков гораздо длиннее и развивается сама по себе. Не леденеет. Чем меньше температура, тем больше вырастает Антал. Так же Ледяным Анталом называлась группа магов, под предводительством Мастера Зайна в эпоху Третьей Войны Реальности.

шив ваши планы. Ледяной Антал давно распался... – Кирим вновь сделала паузу. – Но какие-то его части могут вновь собраться вокруг своего основателя.

– Мне нужно время, чтобы обдумать всё. Я дам вам знать о принятом решении гонцом.

В Торин волшебницы возвращались тем же путём.

– Он считывал нас с тобой, словно это была не первая наша встреча. – Произнесла Гассель растерянно.

– Он один из тех, кто вершил судьбу Вселенной, он знает то, чего не ведают старейшины Созиума. Именно поэтому я захотела привести его в Торин. Представь, какая сила будет на нашей стороне. – Произнесла Кирим, изумлённо. – Но меня волнует другое. Почему же он сказал, что земли, захваченные Розель, ей не принадлежат?

Гассель пожала плечами, не отрывая глаз от земли:

– А те солдаты, титаны, с которыми мы расправились... Они ведь были не клонами, они все... Все были разные.

– Поверь мне, он способен и на большее.

Гассель внезапно остановилась.

– А ты? Может быть ты тоже Манзет?

– Может. – Прыснула Кирим, беззаботно продолжив путь.

На следующий день, Розель нарекла Нуара правителем Земли, распространив власть Торина на всю планету, так как в каждом крупном государстве сейчас находились наместники Его Величия. После убийства правителей Вирилиза, Са-

арса и Фагоса, которые некогда поделили мир, тёмная волшебница устроила грандиозное празднество. На весь Торин гремел пир, с его ломящимися от явств столами, со слепящими огнями, что освещали собой Античную Цитадель и территорию на множество километров от неё; пир так же прославился несметным количеством сокровищ, что везлись со всего мира в главный замок Торина.

Кири́м пыталась предупредить Розель о сказанном Манзетом, но от волшебницы лишь отмахнулись.

Розель вальяжно гуляла по спиралевидному столу, где некогда восседала её сестра и матушка Хельм. Волшебница держала хрустальный бокал, доверху наполненный синеватой жидкостью, вывезенной из королевских погребов Черазии.

– Земля! Эта планета, на которую я попала совсем уж недавно... – Кричала она, бесцеремонно давя под каблуками тарелки с едой. – Теперь принадлежит мне! – Розель чуть было не упала, в последний момент ухватившись за руку Теспана. Она продолжала, шатаясь, гордо шагать по спирали стола, едва держа равновесие. – Глупо было бы полагать, что кто-то сумеет противостоять Хозяину Судьбы! – Изящно обернувшись, волшебница указала двумя пальцами на Нуара. Зал взорвался аплодисментами; два длинных чёрных когтя направились на Матиса: – И Владыку Души! – Зал вновь оглушительно захлопал второму помощнику короля. – Единственные, кто до сих пор не понял, что власть сменилась, так

это жалкие людишки... Эти несносные, нетерпеливые дикари за стенами этого замка... – Розель осушила бокал и с силой бросила его о пол залы.

С тех пор, как королевство было захвачено тёмной волшебницей, молчаливое негодование постепенно переросло в открытое недовольство, что плавно перетекало в нападения на стражей Его Величия, в саботаж работ на предприятиях, и каждым днём всё усиливающиеся бунты против нового правительства.

Розель, вспоминая свою первую попытку захватить трон, решила припомнить вольному народу Торина своё поражение, что некогда спасли Каару и Ялфея. Тогда Розель поднялась по винтовой лестнице на самый верх главной башни, откуда открывался вид на весь Торин.

Пока в Античной Цитадели проходил грандиозный пир, крестьяне за стенами замка собрались в стихийную массу, во всю теснившую стражей.

Видя множество бесчисленных, хаотичнодвигающихся светлячков вдаль и за стенами Цитадели, тёмная волшебница вступила на самый край башни. Сотни придворных, покинув пиршество, ринулись в узкий проход, поглазеть на сумасбродную Розель.

Когда владыка тьмы возвела хрупкую руку над головой, робкие струйки теней поползли с пьедестала вниз. Властный, чеканный голос прозвучал над всем Торинном:

– Преклонитесь своей королеве! – Стремительный поток

тени водопадом бросился с пика башни. Стекая с Розель, мрак истинно-чёрного цвета настиг землю и тотчас распространился, подобно гигантским корням исполинского дерева. Чёрная масса пробиралась по улочкам и забиралась в дома крестьян, распахивала двери, впиваясь в своих жертв и выводила на улицы миллионы ничего не подозревающих торинцев, которые не участвовали в шествии; остальные же, кто вышел на бунт, были захвачены владыкой Торина первыми и покорно ожидали своей участи. Несчётное количество жителей королевства в едином порыве устремилось к Античной Цитадели, движимое мезтью владыки тьмы.

В руках Розель находился каждый житель столицы и близлежащих поселений; вся однородная масса обитателей Торина в едином порыве преклонила колена, стоило только волшебнице сжать кулак. Упиваясь властью над покорённым народом, тёмная сестра почившей королевы повелительно заявила так, чтобы это услышал каждый:

– Последний из рода вашей драгоценной Каары, мальчишка, трус, предатель, бежавший из Торина, будет повешен рядом с моей дорогой сестрицей. – Розель заставила всех в едином порыве поднять головы, где безжизненно болталось посиневшее, вздувшееся тело Каары. – Я здесь власть! И вы подчиняетесь мне! Как и весь мир!

Волшебница отпустила вожжи тьмы и тотчас целое королевство рухнуло наземь, задыхаясь и давя друг друга, в суматошных попытках выбраться из эпицентра катастрофы.

Последующую неделю государство никем, фактически, не управлялось. Отряд шести не был заинтересован во власти, Нуар же её боялся, а Розель, после победы над ярридами и титанами, ушла в себя, закрывшись ото всей команды. Волшебница употребляла алкоголь, да так, что слуги едва успевали менять сосуды с вином. Лакеи выгадывали момент, когда владыка тьмы будет спать, чтобы забрать пустые бутылки, и в то же время приносили новые.

Розель пила и засыпала, вновь пила и спала в осколках сосудов, которые оставались после очередных её срывов. Все сцены происходили в закрытых ото всех покоях. Задёрнув шторы, велел никому её не беспокоить, владыка тьмы строго-настрого запретила к ней приближаться.

Иной раз, просыпаясь посреди ночи, Розель тянулась ко всегда полной бутылке и подолгу сидела на краю своего ложе, таращась в одну точку. Апатия сковала душу владыки тьмы, украв у некогда энергичной, властной природы её сущность, оставив зияющую рану в груди. Одиночество стало постоянным спутником Розель, её другом, а боль, от терзавших душу образов из прошлого, заставляла вновь припадать к сосуду с обжигающей горло жидкостью.

Где же эта мечтательная девочка в ситцевом платье, до того, как ей сообщили о том, какое она чудовище?

К чему её израненная душа так стремилась? Увидит ли она когда-нибудь свою мать и Большого?

Достигла ли она того, к чему стремилась?

Зачем?

Из всей ватаги придворных, единственным, кто старался заботиться о тёмной волшебнице, был Асиз. Он взял на себя руководство слугами, организовав работу тех, кто наотрез отказывался заходить к Розель и лакеи, под чутким руководством волшебника, следили за состоянием госпожи настолько тщательно, насколько это было возможно. Сам же Асиз долго и мучительно думал над тем, как вывести тьму из головы той, кто сам был её хозяином, и такой случай волшебнику вскоре и подвернулся.

В одно, ничем не примечательное утро, прозвучал звонкий стук в дверь. Неспеша поднимаясь с подушки, Розель поднесла к губам очередную бутылку, как тотчас прозвучали следующие три удара, уже более решительные. Голова жутко болела и закружилась тотчас, как волшебница встала с кровати, накинув на себя одеяло; шерстяной предмет спал с тела тёмной королевы, едва та отворила дверь. Розель предстала перед гонцом, и стоящим за ним Асизом, совершенно нагой.

Оба с изумлением рассматривали молодое, стройное тело властительницы тьмы, забыв, от изумления, тщательно отрепетированную речь. Кирим, пришедшая следом, закатила глаза. С ними так же был молодой лакей, приведённый магом света. Тот робко начал:

– В...Ваша М...мудрость... – Заикался юноша. – Вам бы-

ло велено доставить короб...

– Какой... – Хватаясь за голову, раздражённо промычала волшебница.

Постоянно роняя железный инструмент, гонец пытался вскрыть массивный деревянный объект.

– От кого он?

– К сожалению, не знаю, Ваша Мудрость, но могу узнать, если только вы пожелаете! – Взволнованно протороторил Асиз, продолжая держать восхищённый взгляд, до которого, впрочем, Розель не было никакого дела.

Когда же короб вскрылся, к ногам нагой Розель выпала обезображенная голова ставленника волшебницы в Саарсе. Во рту была обнаружена записка: “Забирай своих обезьян и не смей больше посягать на нашу землю”.

Кирим так же держала в руках стальную табличку, тревожно осматривая расчленённое тело. Она протянула Розель предмет, на котором был выгравирован девиз: “Нет смерти – нет страха” и ниже подпись: “Фагос”.

– Это было доставлено на лошади сегодня утром. Гонца не было, Ваша Мудрость, животное было в крови, а эта вещица была надёжно пристёгнута к седлу.

Розель получила известия о том, что две империи, некогда объединившиеся против Торина, ещё в эпоху Каары, и чьих королей Гассель уничтожила на саммите по делёжке проигравшего государства, фактически объявили ей войну: убили наместников, освободили свои территории и швырнули ей,

и всем подданным Торина, в лицо дерзкое оскорбление.

То, что произошло следом, было неожиданностью даже для умудрённого жизнью Лезфора. Старик возник из-за угла, едва получил пугающие известия.

Услышав, казалось бы, дурные вести, Розель засияла, мгновенно поменявшись в лице. Владычица тьмы тотчас метнулась в свою усыпальницу, схватила полупустую бутылку и, выскочив столь же стремительно, бросила, сверкая чёрными очами:

– Мой ответ будет не менее эффектным. – Заключила волшебница, косясь на отрубленную голову своего наместника.

Когда Розель скрылась в бесконечных коридорах, раздосадованная Кири́м, уж было крикнула что-то вслед владыке, как замерла.

– Хочешь проведать клан? – Поинтересовался Лезфор. Кири́м рассеянно кивнула. – Помни, Велея не целилась в остатки твоей деревни. Не натвори глупостей, моя дорогая.

Спустившись в зал переговоров, Розель созвала всю команду для обсуждения дальнейших действий. Последовательно появились Асиз, не сводивший взгляда с Розель, Лезфор и Факом, спорившие о чём-то, и Гассель, с неизменным спутником-марионеткой.

Вскоре, когда все волшебники заняли свои места, в зал вошли безмятежный Зайн, окидывая властным взглядом каждого и Нуар, плавно паривший над мраморным полом замка.

Плотнее завязав чёрный атласный халат в пол, Розель приветствовала нового члена команды. Волшебница приобняла мастера клонов, едва тот достиг круглого стола и, когда её руки спустились с плеч, владычица тьмы случайно коснулась ножи, в которых покоился изящный кинжал. Розель и не собиралась брать лезвие, однако мастер клонов резко закрыл рукой оружие, словно пряча от вора.

– У меня есть кое-что ещё. Как и обещал вашей подданной. – Слегка поклонился мастер, указав раскрытой ладонью на дверь, из проёма которой вырисовывался изящный силуэт мужчины в строгом, элегантном наряде. Тот тоже немного склонил голову и проследовал к столу. Розель заметила одинаковые броши у Зайна, Манзета и новоприбывшего Миньянта.

Аррана, главная служанка цитадели, распорядилась подать закуски. Лакеи бегали вокруг высших лиц, виртуозно меняя тарелки и бокалы. Увидев новых членов команды, женщина стала кружить едва ли не всё время напротив магов, стараясь разглядеть их лица, пока возмущённый Лезфор, вокруг которого она вилась, не прогнал служанку посохом.

– Ваша Мудрость, – старик задумчиво стучал пальцами по столу, пока другие неспешно трапезничали – предательство Каары Распером было тщательно спланировано Саарсом, Вирилизом и Фагосом. По моим данным, лидеры этих держав долго спонсировали мятеж, чтобы ослабить Торин, а

позднее и захватить его.

– Никто и не собирался отдавать ему власть. – Добавила Розель в полтона.

– Их операция была настолько действенной, что и по сей день государства, окружающие Торин, помимо титанов и яридов, само собой, полностью под контролем Фагоса и Саарса.

– Известно ли, каким образом вышло так, что эти два дома выстояли? – Розель была полностью поглощена собранием. – Мы уничтожили высшие круги правления, породив тем самым хаос внутри этих царств.

– Если от Вирилиза, на саммит по разделу Торина, прибыла вся царская свита, во главе с наследным принцем, то со стороны Фагоса и Саарса, на переговоры были посланы подставные лица. – Испытующе произнёс старик Лезфор.

– Они сохранили своё влияние, оба царства. – Подытожил Нуар.

– Даже если мы пойдём на них войной в открытую, пусть и задействуя Силу Судьбы и Души, в тени по-прежнему остаётся Иор, до которого не добраться. – Бросила Розель взгляд на Зайна.

– Исход битвы будет трудно предсказать. – Старик схватился за посох обеими руками. Дом Вестард, который правит Фагосом, обладает бессмертием, а клан Торнвальд уже не одно столетие практикует технику, при которой в каждом из членов их общины, от рождения по две души.

– Не вижу проблемы! – Схватился за топор Факом. – Раз бессмертные, то отрублю башку, и пусть висит на копье вечно! А тем, с двумя душами, проломлю хребет дважды!

– Бессмертие дома Вестард подразумевает не только физическое, но и бессмертие их душ. Их невозможно убить. – Продолжил Миньянт, обращаясь к синекурому громиле. – А Торнвальд, с их двумя-тремя душами в одном теле, считаются едва ли не сверхлюдьми. И не в моих силах лишить их способностей.

– Их нельзя убить, – окинул Лезфор задумчивым взглядом Миньянта – разве что... Стихией огня в апогее. Здесь, редкая способность Теспана будет как нельзя кстати.

– Я слышала, – проронила Гассель – что клан Вестард истребил всех магов огня у себя на родине, а так же активно борется с ними вне Фагоса. Всё для того, чтобы уничтожить тех, кто мог бы им навредить.

– Это так, – подхватил Манзет – чёрный огонь сжигает души, как и тьму. Это уникальная сила.

Далее Розель не слушала. Волшебница ушла в думы, навеваемые прошлым: тотчас вспомнились абсолютные победы над Ялфеем и Катрой, и позднее – над всей армией Торина, которую возглавляла Каара. Эти грандиозные битвы, в которых она одержала победу над могущественным противником, являлись следствием её смекалки, мощи и духа.

– У меня есть одна идея. – Розель неспешно приподнялась, оперевшись обеими руками в круглый стол; остальные

тотчас затихли. – Её воплощение мы начнём претворять в жизнь сейчас же. – Волшебница осмотрела беглым взглядом каждого из присутствующих. – Где Матис? Он необходим для реализации моего плана.

– Его не было со вчерашнего дня, – проговорил Нуар – я искал его, но он не появлялся в Торине.

– Он ничего не говорил?

– Иногда он, бывает, покидает Цитадель, но зачем, неизвестно. – Добавил Лефор.

Кирим только что завершила подготовку к отправке провизии в родную деревню. На плато, предназначавшемся для сбора повозок к транспортировке, приземлились десятки исполинских крылатых тварей. Жужжащий рой плавно спустился с небес и боязливые слуги, встав в длинную змейку, сносили в прикреплённые к брюшкам насекомых сети еду, книги, игрушки, разнообразные одежды, предметы быта и строительные материалы. Отряд из рабочих, которые должны были отремонтировать руины деревеньки Кирим, усадили на спину гигантской сколопендре, которая отправилась тотчас, не дожидаясь собратьев.

Громогласным жужжанием наполнились небеса, когда взмыли ввысь нагруженные до отвала создания. Сама же Кирим, призвав ураган куда более маленьких жучков, тотчас в

них и растворилась.

Волшебница возникла на высоком горном массиве, увенчанном короной из немногих сохранившихся деревьев. На некогда цветущей возвышенности проживал древнейший из известных людям клан повелителей насекомых.

Кири́м опустилась на выжженную землю, машинально осмотрев уничтоженное селение. Всюду были разбросаны сожжённые одежды, надломанные деревяшки, остатки битой посуды и вездесущий пепел, не поддающийся суровому горному ветру. Здесь, на древнейшей земле, из сотен домишек, осталась лишь одна, чудом выжившая постройка, служившая пристанищем для пятерых последних представителей клана Кири́м.

Послышался отдалённый гул, переросший, вскоре, в хорошо знакомое здесь жужжание: на горизонте возник караван из Торина, возвестивший местных жителей о приходе своей спасительницы.

Кири́м вышли встречать три старца, одетых в национальные наряды: разноцветные, пёстрые, увесистые сутаны; выбежали так же мальчишка, лет шести и озорная девчушка-ровесница, – то были выжившие в первой нептуно-земной войне новой эры. Мать Велеи, последовательно продолжая традиции войн с голубой планетой, уничтожила большую часть местности, на которой обитал клан, а последующая война, возглавляемая Велеей, похоронила последних магов, способных размножаться, за исключением Кири́м.

Дети бросились к волшебнице на руки и долго не отлипали, но когда увидели жуков-транспортировщиков, тотчас ринулись весело и шумно разбирать подарки. Маленькие, юркие насекомые, окружающие детей, помогали подтачивать сети, из которых водопадами лились различные полезные предметы; работники уже приступили к разбору завалов и прикидывали, что понадобится для реставрации деревни, а Кирим, вместе со старцами, проследовала в их единственное сохранившееся жилище.

Войдя в хорошо знакомый, уютный и пропитанный запахом выпечки, хорошо натопленный дом, Кирим тотчас обуяли образы из прошлого, в которых ещё юная повелительница жуков училась контролировать силы под надзором своих старших соклановцев. Здесь прошла добрая половина её жизни и здесь осталась её душа, несмотря на то, что тело вынужденно принадлежало Торину.

Здесь Кирим чувствовала себя по-настоящему живой.

В каждой вещице, на которую падал взор, Кирим видела целые вереницы историй: вот деревянная птица, расправляющая разноцветные крылья, напоминающая о дне, когда отец Кирим, вечно весёлый здоровяк, подарил девочке заветный подарок; пёстрый, плотный ковёр, с чудными узорами, навевал воспоминания о первых годах жизни Кирим, когда та только познавала окружающий мир; расписные вазочки разного размера, всегда неизменно стоявшие в ряд, от малого к большому, служили местом притяжения для всех ма-

лышей в округе, – так как легенды гласили, якобы внутри загадочных артефактов содержатся некие сущности, которые, если их призвать, могут как следует напугать, – в это Кирим, и её ныне почившие друзья, верили всё своё детство, постоянно ошиваясь рядом.

Волшебница осторожно присела за шероховатый стул, словно боясь сломать его. Полными слёз глазами, Кирим смотрела на трёх седовласых старцев, что приготавливали для своей гостьи её любимые олады и заваривали чай из остатков трав, что некогда росли на этой горе.

– Ну же, дорогуша, чего ты плачешь? – Произнёс мужчина. – Ты с нами, всё хорошо.

– Ты стала очень взрослая! -Заявил второй.

Старушка поставила на облупленный стол несколько тарелок с национальными кушаньями и уселась рядом, приобняв Кирим, что утирала нескончаемый поток слёз.

– Ты столько сделала для всех нас, для этих маленьких сорванцов, но ты совершенно не заботишься о себе. – Морщинистыми пальцами, женщина пощупала сероватый балахон, на котором проглядывалось несколько дыр. – Ты хорошо питаешься? Как к тебе относятся твои друзья? Как, в целом, обстановка в спасательном центре?

– Очень... Продуктивно... – Растянула Кирим. – Мы... Мы помогли восстановить пару деревень... Обеспечили провизией небольшую страну... – Неуверенно тянула волшебница, краснея. Ей претило лгать людям, которым она обяза-

на жизнь и которые служили ей безусловными авторитетами, однако девушка не могла признаться им в том, чем занимается. – У них – бросила восхищённый взгляд на двух сорванцов Кирим – всё хорошо?

– Они – последняя надежда нашего клана. Единственные, кто может восстановить наш род. Сложно даже представить, какая ответственность будет лежать на плечах этих маленьких созданий.

Кирим провела этот вечер в кампании, которой посвятила свою жизнь, и была вынуждена уйти, получив весть от Лезфора, которая зазвучала в голове волшебницы столь же ясно, сколь и голоса старцев перед ней.

Вскоре, после долгих прощаний, Кирим, скрепя сердцем, вернулась в Торин, где предстала перед Розель и Нуаром. Тёмная волшебница приготовила для верной союзницы важное задание по поиску наследного принца Торина. Сама же Розель, вновь обретя смысл жизни с появлением новых врагов, вновь всерьёз задумалась над поимкой юноши. Но все попытки обнаружить Дэстана проваливались одна за другой, – что-то скрывало принца, словно тот был покрыт невидимой пеленой, аналогичной силе амулета миров.

Юноша, которого остервенелая владыка тьмы жаждала заполучить, был обнаружен на берегу деревни Хелон, что принадлежала северному континенту, подконтрольному государству Саарс.

Старик и его жена, заприметив выброшенное на песок те-

ло, окликнули девчущку, которой на вид было лет девять и попросили принести рыболовные приспособления. Та бросилась в лачугу неподалёку и вскоре уже несла плотную сеть, привязанную к бамбуковым палкам. Тело отнесли в хибарку и положили на соломенный матрас; девочка носила пресную воду, пожилая женщина готовила какие-то снадобья, а опытный рыбак вернулся к работе, разделявал рыбу, которую удалось поймать накануне.

– Ему плохо, он не просыпается... – Бегала взад-вперёд девчущка. – ... А если он не выживет?

– Прекрати, внученька, не такое бывало, – улыбнулась старушка – мы на войне видали и не такое.

– Да уж, – усмехнулся старик – мы отращивали солдатам новые ноги.

Женщина поднесла к носу Дэстана тряпку, смоченную в отваре из цветов, от чего тот закашлял. Юношу тотчас перевернули на живот, чтобы он не захлебнулся от собственной рвоты, которая появилась вскоре, после того, как неподвижное тело вдохнуло зловонный аромат отвара.

Дэстан по-прежнему не приходил в себя. Несколько раз ему сбивали температуру, вливали в горло особый раствор целебных трав, кормили, толча варёные овощи и фрукты и заставляли недвижимое тело пить. Юношу, выброшенного волей судьбы на периферию Западного континента, лечили, не щадя себя, подчас проводя над незнакомцем дни и ночи

без сна.

Дэстан, вскоре, стал приходить в себя, освобождаясь от оков лихорадки. Молодой мужчина, едва открыв глаза, тотчас разразился горьким потоком слёз, что лились из широко открытых, полных ужаса и страха глаз.

– Что же с тобой? – Понимающе положила руку на грудь юноше старушка. – Расскажи, что случилось?

Но юноша не мог вымолвить ни слова – горькие слёзы текли рекой и что-то нещадно давило на горло. Дэстан, преодолевая невероятную боль во всем теле, слегка привстал, в попытках сбежать, но рухнул на живот, издавая нечеловеческие крики.

Словно яростные жеребцы, к которым было привязано тело принца, словно невидимые лезвия, пронзающие саму его душу, будто неистовое давление, что сжимало всё существо беглеца, чувствовалась боль внутри. Дэстан кричал, бешено колотя постель, на которой лежал; юноша яростно бился в агонии, не в силах сдержать крик, дикий, животный крик, что граничил с воем.

Старики, крепко сжав внучку, припали к стене.

– Ну, дружок! Чего ты! – Испуганно завопил мужчина. – Расскажи нам, расскажи, что приключилось с тобой?!

Дэстан бился на полу, словно побиваемый плетьюми.

– Мы поможем тебе! – Старуха первая сорвалась с места, вручив внучку в руки своего мужа. Она сжала юношу в своих старческих, дряхлых руках и тот стал понемногу успока-

иваться. Старик, опасаясь за жену, тоже бросился к юноше, сжав уже ослабленного Дэстана в своих руках.

– Расскажи, расскажи нам, – поцеловала старушка принца в лоб, прижимая к груди – мы поможем, расскажи.

Сквозь слёзы, преодолевая удушье и ломоту в теле, Дэстан слабо прохрипел:

– Я не знаю... Я ничего не помню...

Глава 4. Бросивший вызов

В самом сердце центрального континента располагалось могущественное государство, стальная империя или вороное царство – Грейндфиль. Страна, чей флаг был чернее ночи, чей гимн звучал боевым маршем, и в государстве, где официально был запрещён театр, уже несколько веков правил бессменный правитель Иор.

Вороное царство опоясывал нескончаемый, тянущийся на многие метры ввысь забор из несокрушимого материала; естественный небосвод Грейндфиля могучей рукой самодержца был заменён искусственным, где сменялись день и ночь по собственной, установленной монархом системе. Стальная империя существовала в изоляции от остального мира, что не мешало, однако, самодержавному владыке регулярно прибавлять к и без того обширным владениям Грейндфиля, всё новые территории из разных концов не только нашей Вселенной, но и из миров, доступ к которым имел только Иор. Завоёвывая новые земли, и подчиняя себе тамошнее население, монарх транспортировал циклопические куски земли сквозь порталы, напрямую на Землю, соединяя громадные территории с Грейндфилем.

Население стальной империи состояло целиком из людей. Если же существо отличалось в своих формах, размерах, цветом кожи, отличным от привычных землянам, оно оста-

валось жить в своём мире, но уже под флагом вороного царства.

Будучи очень осторожным, король Иор выстроил по периметру всего королевства четырехуровневые стены, выполненные из Лиарка или материи пятого измерения, что являлся самым прочным элементом во вселенной, не беря в расчёт торинские высотки. Один грамм этого редкого материала оценивался в пять миллионов квадратных километров земли, – настолько ценным был данный металл. Однако ни один, даже самый могущественный и влиятельный правитель какого-либо из известных миров не мог бы заполучить такое количество руды, сколько было у Иора. Тот не являлся рядовым представителем землян, так как владел одним неоспоримым преимуществом перед сильными мира сего: неутомимому владыке во всем помогал верный слуга – Амулет Миров. Могущественнейший из семи великих артефактов, амулет наделял хозяина способностью скрываться за коркой пространства, замечая свои следы, позволял завладеть телом практически любого живого существа и пользоваться его жизненной силой; с помощью одного из несокрушимых артефактов, Иор мог беспрепятственно перемещаться из одного измерения, в другое и бороздить реальности, недоступные магам с рядовыми способностями, одной из которых является телепортация.

К слову, телепортация, которой владеют рядовые волшебники, далеко не всегда позволяет странствовать между мира-

ми, кои отличаются по строению от нашего. К тому же, многие неизведанные цивилизации сокрылись ото всех, владея собственной, незнакомой доселе магией, предусмотрительно закрывая врата в свою реальность, доступ в которую имеет лишь владыка сверкающего ромба, а так же пара порталов Урана, в виду того, что все эти предметы имеют своего рода ключ к каждой материи и эссенции Вселенной. Амулет Миров, один из семи артефактов мироздания, также позволяет Иору заслонить Грейндфиль слоём энергии, сделав недосягаемым для глаз и воздействия чар целое государство, а также даёт возможность контролировать огромные территории за пределами Земли, одной лишь силой мысли.

Иора не интересовали земные заботы, монарх не вмешивался в политические игры родной планеты, поставив во главу угла заботу о собственном народе. По крайней мере, так было до встречи с Каарой и её предсказаний.

Сам монарх являлся человеком очень вспыльчивым. Вынужденная мера всегда держать руку на пульсе, постоянный страх за свою жизнь и жизнь государства, а так же ответственность за напряжённое противостояние могущественным противникам и породила многолетнюю изоляцию Грейндфиля. Воспитание своего сына, венценосец доверил своему духовнику – могущественному и влиятельному священнику Хету. Иору так же не было никакого дела до религии, которая окутывала царство и всех, без исключения, его обитателей. Служитель алтаря основал верование, покрыв-

шее всё много сот миллионное население государства, назвав его “Пирастризм Влиятеля”, где Влиятелем и был сам Хет.

Сам священник, хоть и вызывал нелюбовь юного сына Иора Саефа, всё же мягко вливался в настроения последнего, вызывая противоречивые чувства. И за неимением других собеседников, принц вынужден был довольствоваться священником, что был с тем практически всё время, за исключением учебных часов, проводимых Саефом на других планетах.

Принц обучался магии семи элементов, истории вселенной, различным техникам и прочим наукам, но учёбу не любил и часто сбегал с уроков, чтобы побродить по просторам космоса. К слову, космос, каким мы привыкли его видеть, в изначальном виде представлял собой нечто вроде свободного, невесомого пространства, в котором воздух заменялся на особый элемент, дышать которым могло любое существо; его нынешняя, враждебная по отношению к любой форме жизни система, в своём начале являлась дружелюбным местом как для обитателей Млечного пути, так и для его гостей со всех уголков нашей безграничной вселенной; в космосе, каким его создали Темпериды, всегда было тепло и любой мог беспрепятственно перемещаться в любую точку мира, не боясь столкновения с кометами или астероидами, – тех, как хаотичных объектов, попросту не существовало.

Дурные мысли о прошлом и одиночество снедали принца

день за днём, – Саеф проводил достаточно много времени наедине, постепенно отдаляясь от отчего дома. Мать юного князя погибла при обстоятельствах, которые тщательно скрывались и поэтому с детства мальчик воспитывался бесконечными придворными и лакеями, что исполняли любую прихоть избалованного королевича. Юноша рос закрытым, – нельзя было понять, что у мальчишки на уме. Однако всю палитру испытываемых Саефом эмоций можно было проследить за активной мимикой. Тот не умел скрывать чувств, выдавая лицом то, что держал в голове.

У Иора так же на воспитании имелось множество детей и подростков, спасённых из жерла войны или найденных уже впоследствии. Эти всеми забытые и потерянные души жили в академиях, в обширных пространствах, предназначенных привить новоиспечённым гражданам стальной империи чувство патриотизма, знания о мире и помогали развить собственные способности.

В Академии номер тридцать шесть, в этом древнем исполнском замке с пятнадцатью квадратными башнями, каждому было выделено по небольшой комнате. Группа из шестидесяти трёх учеников Иора сейчас отрабатывала рядовой приём: кольцо огня. Необходимо было окружить цель пламенем, без возможности прорвать оборону и наложить чары так, чтобы из кольца огня было выбраться практически невозможно, ведь искусный маг мог создать непробиваемую изнутри ловушку.

Наставники грамотно распределяли роли и делили волшебников на пары.

– Галлея и Лорт, Делли и Парсел, Дем и Маджи – выходят первые, остальные смотрят внимательно. – Величавым голосом диктовал имена наставник.

Первые три пары вышли в центр просторного поля, огороженного невысоким каменным заборчиком и встали друг против друга.

Делли, высокий, худощавый маг, встал против старшего сына Иора, Парсела. Едва соперники услышали “Начать!”, как Парсел выдвинул ногу вперёд, тем самым создав небольшой штить, что тотчас возник из-под земли и, преодолев, за несколько мгновений, расстояние до оппонента, стукнул Делли в колено. А когда тот схватился за повеждённую ногу, принц создал пламенный круг, что возник из двух искор по обеим сторонам от Делли и сомкнулся мёртвой хваткой под целью. Парсел самодовольно взглянул на Галлею, свою негласную соперницу, и та выдержала его взгляд, хоть и залилась краской, понимая, что сделать удар эффектнее, у неё вряд ли получится. Юноша разомкнул клещи пламени только после требования учителя, показывая тем самым Галлее и Ниаде, её подруге, что ему нет указа. Парсел был не просто сыном Иора и наследным принцем, а по праву считался гордостью заведения. Юноша по доброй воле отказался от жизни в кристальном дворце, выбрав обучение в Академии, наряду с остальными юношами и девушками. Сам же монарх

был совершенно спокоен за своего сына, беспрепятственно отпустив последнего в народ.

Хромого Делли унесли в госпиталь, и на арену встали двое следующих оппонентов. Дем и Маджи – близнецы, оба владельцы стихии света первой ступени. Битва не затянулась надолго: Маджи была первой, кто выпустил поток света и на мгновение ослепила всех присутствующих, после чего картина прояснилась: Дем упустил момент, забыв о защите, а оклемавшись, уже находился в окружении пламени.

– Проклятье! – Разразился тот. – Ты всегда выигрываешь!

– Знаешь ли, первенец всегда будет первым! – Смеялась Маджи в ответ.

– Ты первая всего на минуту!

Две подруги, Галлея и Ниада, сосредоточено смотрели за боями товарищей, подмечая неточности и ошибки магов, придумывая, как использовать их слабости в угоду себе.

Среднего роста стройная Галлея от природы владела силой земли, но выше первого уровня ей всё никак не удавалось пройти. Ниада же, едва могла воссоздать и огненный шар, как тот тотчас пропадал, не успевая даже вылететь из рук волшебницы. Ни одна стихия не повиновалась белокурой руке и, сколько бы подруги не изучали теорию, на практике было сложно реализовать свои знания.

На поле боя вышли Галлея и Лорт. Юноша, не дожидаясь, когда преподаватель скажет слово до конца, тотчас выпустил струю ветра, которая сдувала мелкий сор и камни в

сторону Галлеи, не давая той сконцентрироваться. Небольшие корешки, которые волей волшебницы стали прорезаться из земли, сдувались усиливающимся напором воздушной стихии. Лорт издевательски, неспешным движением вырисовывал круг пальцем пять раз, когда Галлею, преодолающую ветер и свои возможности, уже окружало пламя.

– Закончили! – Выкрикнул наставник.

– Нет, – процедила Галлея – я должна одолеть его!

На глазах у всей академии девушка отчаянно пыталась бороться с разбушевавшимся огнём. Уворачиваясь от хаотичных языков пламени, так и норовивших зацепить её тело, Галлея пыталась сконцентрировать энергию в руках, чтобы подчинить пламя, заставить его сдаться и отступить, но у неё по-прежнему не выходило. Когда кислород вокруг угасал, и девушке нечем стало дышать, она упорно вставала и вновь падала на колени, пытаясь совладать с телом, и если бы не наставник, Галлея, вероятно, задохнулась бы в плотной ловушке умелого мага, так и отказавшись сдаться. Когда битва была завершена, Ниада помогла Галлее подняться и поддерживала её до прихода в академию.

В небольшой комнатке, в которой находились две узенькие кровати и несколько ящиков с вещами учеников, обитали воспитанники Академии. Галлея и Ниада жили в одной камерке, отделённой от остальных таких же каменных кубиков тонкими стенами из древесины и камня.

Белокурая Ниада смачивала в сиреневом растворе лоскут,

прикладывая к ранам подруги.

– Быть может, Иор ошибся? – Галлея смотрела в потолок, стараясь изо всех сил не расплакаться. – Я просто ничтожество... У меня не получается даже элементарных приёмов... Я...

– Такие люди не ошибаются. – Улыбнулась в ответ Ниада и, отставив тряпку, придвинулась поближе к подруге. – Это человек захватил почти полмира, и я думаю, он что-то, да смыслит в магии! Нужно лишь больше тренировок, и только. Не забывай про нашу с тобой цель. – Завершила Ниада заговорчески.

– Помню. – Покосилась Галлея на один из ящичков с одеждой. – Давай продолжим, пока у нас перерыв?

Ниада энергично закивала. Она достала из коробки несколько книг и осмотрелась, словно их вот-вот заберут; девушка проверила, закрыта ли дверь – замков и защёлок в Академии не было – и уселась обратно, повернувшись спиной ко входу. Галлея последовала её примеру.

Первая книга, которую изучали юные волшебницы, называлась “Мировые религии” и содержала в себе полную информацию об учениях всего света, что известны на данный момент. Вкратце пробегаясь по каждому, автор делал своей целью раскрыть как можно больше причудливых верований различных народностей, однако у волшебниц были на неё свои планы.

Вторая рукопись повествовала о магических свойствах

некоторых драгоценных камней, третья – об успешных революциях в мировой истории, и наконец, четвёртая, о манипуляциях и влиянии на других людей.

– Как думаешь, – начала Ниада вкрадчиво – вдруг он действительно хочет это сделать? – По королевству ходили слухи о том, будто бы Хет желает прибрать к рукам Грейндфиль, когда ему представится такая возможность.

– Охотно в это верю. Одна стихия тьмы чего стоит. Он же её адепт. А диски... – Волшебница вытащила из кармана серебряный, размером с ладонь круг, в центре которого красовался блестящий фиолетовый камень. – Я слышала, будто бы он тайком высасывает силы из каждого, кто их носит.

От изумления, Ниада прикрыла рот рукой.

– Ты ведь представляешь, что весь миллиард жителей Грейндфиля, включая нас с тобой, носят при себе эти штуковины.

– Да у Хета влияния, кажется, даже больше Иора! Я иногда общаюсь с людьми, там, в городе, и ты представляешь, многие даже не верят, что Иор реален, считая его проектом Хета.

– Уверяю тебя, наступит день, когда этот священник сметит Иора с поста!

Заговорщическая улыбка скользнула по пухлым губам Ниады.

– Это же переворот!

Разговор прервал приглушённый шум позади. У двери яв-

но кто-то подслушивал. Одним махом Ниада накрыла простыню запрещённые в Академии книги, а Галлея рывком распахнула дверь, но увидеть удалось лишь часть спины, но кого, девушка распознать не смогла.

– Занятие по географии начинается через пять минут! – Вещал хиленький мальчишка, единственной целью которого было следить за расписанием и оповещать о начале занятий всю Академию.

На занятия по предмету, темы которого не заканчивались никогда, ушло два с половиной часа. На географии Грейндфиля не рассказывали о Земле и прочих планетах, об устройстве рек и гор на небесных объектах. Главной темой были все миры, присоединённые к вороному царству: их устройство, обитатели и особенности.

После длительного занятия, которое для Галлеи тянулось бесконечно долго, а для Ниады – наоборот, пролетело как миг, подруги отправились в парк при академии. У них было около получаса для подготовки к следующему занятию. В просторном лабиринте аллей и пышных деревьев, две подруги расположились у изгороди из ягодного тиса.

– Давай! – Начала энергично Галлея. – Все семь артефактов! Как в книге!

– Первый – меч огня. Он позволяет мгновенно освоить навык левитации и даст любому человеку контроль над огнём и...

– ...воздухом!

– Не подсказывай!

– Теперь монетка.

– Монета Темперидов даст ответ на тревожащий вас вопрос, подскажет, как следует поступить и будет служить вам карманной удачей.

– Щит.

– Щит гравитации позволяет управлять этим природным явлением, а так же поглотит практически любой удар, отразив его на противника.

– Маска.

– Маска всевидения или неведомого, способна показать прошлое, будущее и любой момент из настоящего, где бы ни находился её владелец.

– Коготь!

– Коготь даёт фактическое бессмертие, так как лечит любую болезнь и рану. Если кого-то заколоть этим оружием, то оно не даст вашему противнику погибнуть, даже при нанесении критических ударов.

– А теперь... – Галлея едва не запрыгала на месте. – Амулет!

– Ну, это легко. Амулет Миров даёт множество способностей, среди которых выделяется возможность вселяться в тело оппонента и брать над ним контроль, разделять свою душу на несколько частей и находить дорогу в закрытые от посторонних глаз миры и реальности.

– Как бы я хотела себе амулет. Но да ладно. Здесь есть ещё

два артефакта.

– Я знаю ещё только бусы, но... Их сила не описана в книге. – Заключила Галлея, задумчиво.

– Да, никто толком не знает, что они в себе таят, да и видел ли кто-то их, тоже вопрос. Но последний артефакт это книга Темперидов.

– Я знаю лишь слухи, которые говорят, будто бы в этой книге содержится Темперид. Но, как мне кажется, это невозможно.

– Опоздаете! – Крикнул мальчишка, оповещающий о начале занятий. – Всех созывают в церковь!

Галлея и Ниада точно знали: что ни в коем случае нельзя было пропустить, так это служение в церкви Влиятеля.

Волшебницы держались за руки, сливаясь в унисон в неистовом беге. Огибая небольшие препятствия в виде тренировочного оборудования и, перепрыгивая мелкие ограждения, подруги задействовали магию воздуха для того, чтоб взмыть ввысь в стремительном прыжке. Один за другим, воздушный трамплин, поднимал их выше и выше, позволяя на мгновение воспарить над остальной Академией и выбраться за её пределы. Спустя несколько минут мощных рывков, волшебницы достигли, наконец, остроконечного каменного строения с величавой скульптурой Хета из кристаллического гранита на самом верху. Хет возвышался над паствой в миллионах величественных церквей по всему Грейндфилю, служа ориентиром в моральном плане, напоминая гражда-

нам царства о соблюдении пяти столпов Пирастризма Влиятеля, нарушение которых каралось смертью. В народе знали все: на публике соблюдение правил было обязанностью каждого и не должно было быть и мысли о том, что бы отступить от важного списка запретов, тогда как в отсутствии смотрителей – священников Пирастризма – допускалось всё.

Галлея и Ниада были далеки от звания религиозных граждан, но были обязаны, как и все остальные жители вороного царства, посещать церковные службы.

На каменных ступенях, заботливо отшлифованных на медни, в глаза Галлее бросились две таблички по обе стороны от узорчатой двери из эбенового дерева. Выгравированный текст на симметричных каменных плитах гласил главный постулат церкви Хета:

“Каждый из нас является тем божеством, который воздвиг всё сущее. Каждый из нас принимал участие в создании этой Вселенной. Все мы являемся Божествами, пришедшими в этот мир для того, что бы создавать, приумножать и вершить судьбы друг друга”.

Хет проповедовал мысль о том, что каждый человек от рождения являлся богом. В прямом смысле тем, кто создавал нашу с вами реальность. Человек, по мнению Хета, создаёт великолепные строения, преодолевает значительные расстояния за небольшое время, умеет управлять погодой и изменяет реальность вокруг себя по своему усмотрению. Но самое главное, что делает человека богом, это его спо-

способность воспроизводить себе подобных, совсем как те божества из мифов и легенд. Парадокс всевластия, при котором каждый являлся верховным, решался просто – есть тот, кто немного выше остальных, тот, кому доступны неявные знания, и кто охотно готов ими делиться. Таким человеком был Хет, именно ему принадлежала религия Пирастризм, и именно он являлся Влиятелем. А все тайные знания, которые полагалось получать в церквях, все позабыли, приходя в священные здания лишь вследствие еженедельной рутины.

Девушки слились с толпой, входившей в узкие двери. Каждый из посетителей предъявлял встречающему адепту на входе небольшой диск, служивший пропуском в церковь. Серебряный кружок, как его называли сами верующие, содержал в себе лабиринт, выгравированный индивидуально, вручную, для каждого нового служителя. Десять витиеватых тропинок, идущих от краёв круга, вели к его центру, который составлял увесистый аметист, чей тёмно-сиреневый отблеск завораживал, заставляя владельца из раза в раз пытаться пройти мистический лабиринт, линии которого меняли направление каждый раз, когда палец попадал в тупик.

Ниада и Галлея достали свои священные диски из карманов и предъявили на входе. Ответная улыбка встречающего священника возвестила приходящих о позволении пройти.

На входе их встретил просторный тамбур, обитый чёрным материалом, пройдя который, перед посетителями представляли небольшие напольные плиты, устермляющиеся вперёд

плотными рядами, предназначенные для каждого из адептов церкви. По обеим от плит сторонам, находились две дорожки, отделявшие другие такие же плиты, а за ними вновь дорожки, и вновь плиты, и так ещё несколько раз; дороги, устланные плотными белыми коврами из цветка лотоса, вели к возвышенной трибуне, за которой посетителей ожидал бессменный оратор и главный настоятель церкви. В каждом из священных строений был свой настоятель, который отдавал службе добрые пятьдесят лет.

Разувшись, все пришедшие встали на напольные плиты, ожидая начала речи пастора.

Галлея и Ниада вытянули свои диски в едином порыве, вместе со всей толпой, как делали это десятки раз до этого.

Вскоре показался пастор. Безмолвный и величественный, и в то же время устрашающий он, не моргая, возвысился на своей трибуне и, подняв руку в белой одежде, заставил несколько теней, что вышли из его тела, скользить по полу, останавливаясь у каждого ряда с адептами и постепенно распространяться, проникая в тела адептов. Так началась рядовая проверка всех служителей Пирастризма на верность.

Галлея и Ниада стояли рядом и потому тени, скользившие по полу, впились в них одновременно.

Напоминавшие змей, мрачные полосы забирались со стоп, к животу, оттуда на спину и наконец, пробирались к голове, через шею, раскрываясь, точно крылья, двумя большими линиями, проходящими сквозь лопатки к рукам.

Проверка закончилась скоро и тёмные змейки вскоре вернулись к пастору, и после небольшой паузы, всё пространство церкви наполнилось гулким, звонким голосом, что вещал пастве о величии каждого из пришедших, о том, что только здесь каждый из них может получить тайное знание о своём предназначении, напоминая о важности всё время держать диск при себе.

Спустя сорок пять минут, служба закончилась и волшебницы, не спеша двинулись в сторону Академии. Держа в руках священный диск, Галлея всматривалась в причудливые линии и блестящий аметист.

– Ненавижу, когда эта тень пробирается в меня.

– Я тоже. Чувствую холод и тоску.

Волшебницы добрались до академии, с ужасом для себя обнаружив, что опоздали на занятия. Они уверенно подступили к дверям заведения, отворив которые, сквозь бесконечно длинный коридор, виднелся зал главы учебного заведения. Для того, чтобы пробраться к тренировочным полям, или попасть в свои комнаты, необходимо было обогнуть кабинет директора Академии.

Стремительно проходя по узкому каменному полу, волшебницы услышали пугающий скрип двери пред ними. Из-за неё тотчас шмыгнул Парсел, опустив глаза, после чего, возникла величественная фигура главы Академии, который жестом подозвал двух девушек пройти в кабинет.

Садясь, за неотёсанный, грубый деревянный стол, на ко-

тором лежала лишь пара листов, гусиное перо и склянка с чернилами, мужчина достал из тумбы рядом, несколько уже знакомых девушкам книг.

– Будьте так любезны, объясните их наличие у себя в комнате.

Тем временем Саеф, младший сын Иора, повздорив с очередным профессором, выскользнул из-за забора, убегая от преподавателя магических искусств. Потерев сверкающее отцовское кольцо, он тотчас испарился. Выбежавшему следом учителю оставалось лишь разводить руками. Далее, по плотному графику принца следовала история Млечного Пути и грамматика второго официального языка гряды газовых гигантов, наравне с мифийским, на котором говорит Млечный Путь.

Саеф приземлился на Юпитере. Прежде чем войти в атмосферу газового гиганта, юноша должен был предоставить своеобразное разрешение, коим служило кольцо, подаренное его отцом. Саеф плавно спускался, миновав плотные кольца, на поверхность планеты. Здесь было царство бежевого, разбавленное коричневыми и красноватыми оттенками. Флора, ландшафты, облака, реки и океаны были выполнено в единой стилистике самой матушкой-природой.

Едва Саеф ступил на порог заведения, разительно отличавшегося своим броским, лиловым цветом, то тотчас словил на себе взгляд недоумевающего наставника, – принц

опоздал на занятие на более чем сорок минут. Не произнеся ни слова, преподаватель сдержанным жестом пригласил королевича внутрь. Саеф дождался, когда отцовское кольцо блеснуло синевой, что означало своеобразное подтверждение того, что Саеф явился на занятие и громогласно заявил.

– В бездну ваши уроки! – И поспешил удалиться, потеряв блестящую окружность на пальце для того, что бы телепортироваться. – Хоть слово отцу скажешь, я превращу всех здесь в землю, ясно? – И вновь потёр кольцо. – А эта штукавина умеет и не такое, ясно?

Юноша переместился в город, где схватил охапку местных сладостей, спрятавшись от негодующего торговца в невидимой пелене, что создал отцовский артефакт. Подразнив тучного мужчину, то появляясь перед ним, то скрываясь, тряся своими трофеями, Саеф вскоре переместился к своеобразной речушке, походившей больше на стремительный поток тумана, в котором, однако, можно было разглядеть её обитателей – таких же воздушных, парящих в дымке потока продолговатых существ.

Закончив с сладостями, юноша, в мгновение ока, переместился на один из слоёв бежевого небосвода. Так как юпитеры были очень скрытными, то создали целых пять прослоек, опоясывавших планету, наподобие знаменитых колец, и представлявших собой отдельный вид материи, что-то между землёй и газом. То был очень пластичный, податливый материал, который, в то же время, был прочным для строи-

тельства масштабных зданий и проживания большого количества людей. Саеф поднялся на самый первый слой, с которого был виден космос и всё обилие спутников Юпитера. Принц беззаботно бродил по неизведанным им ранее территориям, восхищаясь причудливыми строениями, которые населяли облачённые в не менее затейливые наряды.

За прогулками, Саеф совершенно не заметил, как пролетело время. Внезапно для себя, Саеф осознал, что опаздывает на урок, инициированный Хетом. Саеф промчался сквозь полосу газов, что окутывали планету, и стремительно вылетел в космическое пространство. Юноша неспешно двинулся ввысь, постепенно отдаляясь от воздушных владений Юпитера.

Принц коснулся кольца и, в мгновение ока, уже находился на территории пяти бойцов, в Грейндфиле.

Учитель Ярхем, крепкий молодой мужчина в кожаных доспехах, едва уловив в воздухе появление подопечного, вышел на встречу, держа охапку стальных магических орудий.

– Мой принц, вы опоздали, но это не страшно.

Водрузив на четырнадцатилетнего господина серебряные доспехи и, вручив полупризрачный, тёмный меч, который больше напоминал Саефу пыльную черную струйку тумана, нежели лезвие прочного меча, его наставник, добродушный, светловолосый великан, легким жестом призвал того нападать, не затягивая с формальностями. Сделав пару взмахов призрачным артефактом, юноша с разочарованием отбросил

магический предмет.

– Я не понимаю, зачем мне какие-то тренировки на мечах, с тобой, на земле, если я будущий король!? Мне нужна магия, ясно? – Саеф пнул ногой ненавистное лезвие. – В бездну эту плебейскую суету!

– Но, мой принц, эти навыки пригодятся вам в жизни, поэтому мы с вами и тренируемся столько времени. В наш век, когда всё стремительно меняется, преступно лишь готовиться к чему-то одному, нужно уметь всё...

– Вот именно, я потратил достаточно времени на эту ерунду, ясно? – Треугольное лицо с двумя впалыми, походящими на миниатюрные кратеры щеками, исказилось в пренебрежительной гримасе. – Это ты и тебе подобные вынуждены этим заниматься, вы вынуждены работать до самой старости, получая мизерные подачки, что бы иметь возможность купить кусок чёрствого хлеба и дотянуть до следующего дня. – Юноша вновь пнул брошенный меч, но на этот раз, к ногам учителя. – Я будущий король Грейндфиля, ясно? Именно я возглавлю эту страну, после смерти моего отца. И ты думаешь, что править всем этим мне поможет махание железкой? – Смуглый короткий палец ткнул в призрачный меч. Русая голова нагнулась всем корпусом в исполнении приказа.

– Мой принц, я понимаю ваше рвение. Вы молоды, амбициозны, у вас есть всё, о чём только может пожелать смертный...

– Вот именно. – Прервал учителя нетерпеливый юнец. –

Я не собираюсь умирать, ясно? Вообще не хочу, я буду жить вечно, как мой отец!

– Ваше величество, но ведь никто не хочет...

– Мне плевать, кто и что хочет, ясно? – Маленькие карие глазки сощурились, усиливая возникшее на лице пренебрежение. – Меня волную только я. На желания и стремления остальных мне абсолютно наплевать. Поэтому вам, лакеям и не дано высшими силами жить столько, сколько таким как я.

– Плюйте же в меня. – Глаза встретились в битве прерзительных взглядов. Рукоятка меча наставника, что ещё несколько минут назад игриво подбадривал молодого господина, задрожала. – Это будет логичным завершением всей вашей речи.

Словно не обращая внимания на проявленную дерзость, Саеф продолжил, как ни в чём не бывало:

– Мой отец бессмертен и живёт уже давно, он делает всё, что захочет, с кем захочет. Но когда ты начинаешь философствовать, это звучит странно, не думаешь? – Вызывающе выступив вперёд, Саеф вплотную приблизился к дрожащему великану. Тот тяжело вздохнул, подняв густые, золотистые брови вверх. Опёршись на собственный меч, он тоскливо увел взгляд в сторону.

– Вы правы, вы совершенно правы.

– Вот и я о том, же, дурачок. – Услышав прямое подтверждение собственных слов, юный принц заблестал самодоволием. Приняв благородную мину, он демонстративно заша-

гал в обратном направлении.

– А ещё... – Саеф замер, не поворачивая головы. – Я не понимаю, почему ты так убиваешься из-за смерти сестры? – Великан остолбенел, невольно выронив клинок из рук. – Люди умирают каждый день. Одним больше, одним меньше, какая разница, а? – И вновь дразнящие крысиные глазки въелись в залитого пунцой учителя. Небрежно подстриженные ногти впились в огрубевшие крестьянские ладони. – Ну, пусть твои мама и папа заведут ещё одну... В вашем мире, откуда ты пришёл сюда, так принято, заводить кучу детей... Дикари... – Усмехнулся Саеф, надевая сверкающее кольцо на смуглый палец. Его огненные, карие глаза практически сливались с остальным телом. Невысокого роста, худощавый юнец потёр отцовское кольцо. Он расправил руки и магический артефакт унёс юношу ввысь, по направлению к замку, что парил высоко над землёй, оставив ошарашенного учителя обездвижено таращиться в пространство.

Шестигранная, нефритового цвета, кристаллическая крепость короля Иора, гордо возвышалась над Грейндфилем, поддерживаемая белоснежной дымкой облаков. Издали цитадель напоминала пышущий цветом драгоценный камень, словно изюминка, плывущая в молочной пенке. Исполинский кристалл, хотя и был прозрачен изнутри, был непрозрачен для взгляда снаружи; все отверстия, включая окна и двери, были запечатаны, а вход и выход из здания имело лишь четыре человека, в короткий список которых входил

Иор, Саеф, Хет и Вази, главная горничная кристалльной цитадели.

То была толковая служанка, служившая двору вот уже около тридцати лет. Начав свой путь с горничной, убирающей столы в трактирах на окраине царства, женщина, вскоре, пробралась на самый верх, организовав питание для самой верхушки вороной империи Иора.

Вази проходила по оживлённой улице, в окружении десяти вооружённых стражей, раздав каждому из охранников по массивной корзине и велела класть все продукты, которые она скажет. Торговцы выходили засветло и уходили глубокой ночью, ожидая, когда пройдёт главная горничная вороного владыки. Намётанным глазом Вази вычисляла качественные, сочные фрукты и овощи, а её стражи активно скупали их, порой, даже переплачивая продавцу. Блестящее кольцо, одно из четырёх, созданных для самых приближённых Иора, играло бликами на выстроенных в ряд бутылочках, вёдрах с водой и лицах крестьян, желавших хотя бы раз прикоснуться с уникальному артефакту.

Вази любезно здоровалась едва ли не с каждым торговцем бесконечного ряда повозок и небольших лавочек с различной провизией, на её лице была широкая, естественная улыбка, которая стала шире, когда на глаза Вази попался рослый юноша – преподаватель Саефа по ближнему бою. Учитель Ярхем, этот русский великан, понуро бродил от продавца к продавцу, рассеянно сталкиваясь с прохожими.

– Дорогуша, не бери эти, – подбежала Вази со всей ватагой стражей – бери вот эти! – Полная женщина указала на несколько пучков зелени.

Увидев добрую знакомую, уголки рта Ярхема немного приподнялись, тогда как глаза остались тусклыми.

– Обнаружил какие-то новые виды оружия? – Улыбнулась та, понимающе. – Знаю, что ты большой знаток в этом деле!

Тот неосознанно почесал голову

– Работа стоит на месте, всё уже открыто, что только можно было.

– Такой пессимизм в тебе я встречаю впервые, честно сказать! А как же галактики, которые мы ещё не открыли? Вдруг там найдётся что-то, чего ты ещё не видел?

– Может быть. – Машинально схватил Ярхем пучок укропа и уж было собрался поблагодарить Вази, покинув рынок, как та слегка коснулась его плеча.

– Снова мальчишка?

Ярхем не ответил.

– Ты же знаешь, что он просто избалованный подросток, он – сын величайшего царя и, ему кажется, будто...

– Он сын того, кто лишил меня дома.

Вази отстранилась.

– Мир, в котором я родился, который существовал задолго до появления Грейндфиля, разрушен им. Тем, чей сын сейчас смеётся над смертями, пришедшими с его отцом, и тем, что я вынужден быть здесь. – Охрана Вази покосилась

на Ярхема, и тот, опустив голову, поспешно откланялся.

Влетев, словно нож в буханку хлеба, капризный Саеф снял драгоценное кольцо. Перекидывая артефакт с руки на руку, он весело подпрыгивал по пути к отцовскому трону. Не видя родителя поблизости, юноша окликнул прислугу. Пышногрудая дама, лет сорока, поправила белоснежный костюм и накрахмаленный чепчик, покосившийся от резкого подъёма.

– Вы сегодня раньше положенного! – Отозвалась теплым, нежным голосом полная женщина.

– Вази! – расплылся в улыбке Саеф. – Что сегодня мы едим?

Благородным жестом, фаворитка капризного юноши пригласила последнего в обеденный зал.

– Все как вы любите!

– А отец где?

– Насколько мне известно, пребывает в одном из миров нелюдей и сейчас ведёт военную кампанию с зириффами.

– Ох уж эти зириффы... – Жест руками, который понимала только Вази, рассёк воздух и две улыбки встретились – Мне кажется... – Виноградина с небольшого столика у трона упала в широкий рот. – ... Он всё списывает на этих зириффов, что бы он ни делал. Если ему будет надо, и мы с тобой зириффами станем, кем бы они ни были...

– Вы знаете, ваш отец очень мудрый человек.

Вази словила на себе недоуменный, тупой взгляд, после чего, встрепенулась и вновь расплылась в улыбке.

– Прощу, отведайте же! Мы так старались!

Мгновенно переменившись в настрое, Саеф вскочил с трона и парой широких шагов достиг кристальной стены, за которой его уже поджидал накрытый стол. Завидев издалека плотного мужчину, облачённого во всё белое и с причудливым колпаком на голове, Саеф отстранённо присел на противоположную сторону. Его взгляд вновь потускнел.

– Саеф, дитя, где же ты пропадал? Я тебя заждался! – Улыбнулся Хет, прищулив и без того маленькие глаза-бусины. Придерживая мясистой, волосатой рукой золотой посох, священник шерудил в поясной сумке. – Подойди-ка ко мне, скорее.

Нехотя приподнявшись, Саеф всем своим видом показывал пренебрежение к собеседнику. Томным взглядом юноша окинул бархатистую шкатулку, с размером в полметра. Священнослужитель протянул принцу деревянную коробку, с предвкушением ожидая реакции последнего. Однако холодная мина на лице и беспристрастный взгляд выдали в юноше скорее разочарование, нежели благодарность. Саеф вновь присел за обеденный стол, демонстративно отложив предмет поодаль.

– Открой же мой подарок, это очень занятная вещица!

Нехотя принц открыл деревянный сосуд и в глаза ему врезался золотой, испещрённый тропами лабиринта, увесистый

диск, с массивным красным алмазом в центре. Саеф скрипел.

– Тебе не нравится?

– Нравится. – Безразлично ответил юноша, томно принявшись за еду.

– Ну что же, поделись, как проходит твой день? – Гудящий голос Хета раздражал юношу. Тот нервно схватил вилку и с силой вонзил в аккуратно нарезанную котлету, всем своим видом стремясь показать, что ему неприятен этот разговор.

Священник отставил посох, передав его лакею и снял колпак, обнажив возрастную лысину. Увидав нежелание подопечного разговаривать, тот, недолго думая, схватил натёртую до блеска вилку и запустил в поникшего принца.

За мгновение до того, как прибор вонзился в узкий лоб, что-то словно увело вилку куда-то в сторону, – предмет отскочил, звонко отбивая ритм по кристальному полу замка. В недоумении, страхе и гневе, принц обеими руками стукнул по столу и, срываясь, прокричал:

– Да как ты посмел!?

– Владыка... – Изумлённым взглядом Хет сбил с толку яростного юношу. – ... Ваша сила... Она, она выросла!

– Да о чём ты говоришь!?

Галопом священник преодолел расстояние до юноши, ни на мгновение не отрывая замороженных глаз. Хет задыхался:

– Вы только что отразили мою атаку!

– Я ничего не делал, идиот! – Юношеский голос сломал-

ся. – Я даже не успел среагировать, как эта вилка отлетела! – Юноша тяжело дышал, не моргая.

– Вот именно, мальчик мой! – Глаза расширились донельзя. – Ты сумел отразить мою атаку силой мысли! Тебе не нужно о чём-либо думать, твой мозг справится со всем самостоятельно! Вот что творят усердные занятия!

Юноша оторопел. Священник ранее рассказывал ему подобные истории о великой Силе Мысли и о предрасположенности последнего к этой магии, однако Саеф не брал в расчёт рассказы, тому хотелось видеть реальный результат, но и доселе подобного не случалось.

– Тренировки, которые я тебе назначаю, не проходят зря, ты действительно вырос в волшебстве! А если брать во внимание, что ты часто прогуливаешь, – подмигнул заговорчески Хет – твой результат просто поражает!

Саеф плюхнулся на стул, обескураженный.

– Я ведал тебе о великих деяниях, что вершили владельцы особенных сил. Пришло и твоё время! – Священник аккуратно погладил принца по голове. Саеф сощурился и осмотрел обеденный зал. Не обращая внимания на слова Хета, он сконцентрировался на лиловой громоздкой посудине, что украшала центр стола.

– Ты пытаешься её загипнотизировать? – Засмеялся Хет.

– Я не могу её контролировать.

– Само собой, пока ты на ранней стадии, это не так легко, однако немного погодя, если ты хоть чуть-чуть усилишь кон-

троль, всё получится! – Хет удовлетворённо уселся на место. – Каждый твой шаг в обучении приближает тебя к совершенству магической формы. А теперь расскажи мне, как проходят занятия? Всё ли ты успеваешь? Быть может, что-то требуется разъяснить?

Саеф потеряно взглянул на священника, затем на тарелку. – Ну, мы занимались боем на мечях с учителем Ярхемом... И... На Марсе прошли историю от создания мира до двухсотого года.

Священник схватился за приборы.

– И что же ты знаешь о событиях той эпохи?

Саеф нехотя отозвался:

– Говорят, всё это фикция, мы точно не знаем и не узнаем, что было на самом деле.

Хет сделал паузу. Густые, седые брови приподнялись. – Но у нас и выбора нет, что изучать, и покуда есть хоть одна версия, нужно придерживаться её.

– Если это враньё, то я не хочу это учить.

– А как ты узнаешь, враньё это или нет?

Саеф вновь уткнулся в тарелку, и священник затараторил пуще прежнего.

– На самом деле факты искажаются для получения выгоды. Прибыв в одно государство, ты услышишь то, что выгодно им, прибыв в другое – для вторых, однако нужно делать выводы из каждой версии и следовать целому, сотканному воедино из этих лоскутов. Нужно всегда быть где-то посере-

дине для остальных, и третьим в противоборстве двух сторон, понимаешь? – Усмехнулся пухлыми губами священник.

Саеф отмахнулся от Хета и перевёл взгляд на коробочку, подаренную его визави.

– Зачем мне это?

– Каждый гражданин Грейндфиля, достигший определённого возраста, получает такой диск. Это ритуальный символ, который носит каждый адепт Пирастризма. Ты ведь знаешь, что это?

– Да-а... – Неуверенно протянул принц, покосившись на предмет.

Предвосхищая дальнейший вопрос капризного принца, что тот не всё не решался задать, Хет спокойно, но не без удовлетворения произнёс:

– В трудную минуту он тебе пригодится. Но у тебя ещё будет время подумать. Как только ты того пожелаешь, он вновь возникнет рядом. Лишь дай ему кусочек себя. – Саеф бросил взгляд на шкатулку, что находилась по правую руку и священник поспешил перевести тему. – Давай о другом. Знаешь что-нибудь о военной компании твоего отца? Быть может, он тебе рассказывал о местонахождении лиарка или его состав?

– Нет. Его здесь не бывает, ты же знаешь, он не доверяет мне свои дела. – Саеф отвёл взгляд. – Я знаю столько же, сколько и ты.

Священник дожевал огромный кусок, который с удовольствием и проглотил.

– Понимаешь, мой мальчик, есть такие люди... – Уловив на себе заинтересованный взгляд принца, Хет остановился, заставив того судорожно ожидать продолжения речи. – Есть такие люди, что живут только для себя, понимаешь?

– Как никто другой.

– Я люблю одиночество, к примеру, и не переношу, когда кто-то находится со мной в одном пространстве дольше получаса, – у меня глаза вылазят от желания поскорее выгнать всех и каждого из комнаты. – Хет изобразил жест сумасшествия, покрутив пальцами у головы. – Но есть одно обстоятельство, – у меня нет детей. – Засмеялся священник. – И слава Темперадам.

Принц не поддержал радостную ноту. Будучи еще совсем маленьким, каждый раз Саеф ожидал прихода отца с особым трепетом, с особой жадой мальчик всматривался в каждый из десятков и сотен порталов замка в надежде, что король Йор, наконец, скоро прибудет и хоть немного проведёт с ним времени. Однако день за днём, помимо того, как самодержец неделями не возвращался из походов, мальчик становился всё холоднее и остранинее. Обида и тоска по родителю сменялись каменным безразличием, покрывавшим разрастающееся семя жестокости. Тоска по матушке, которую тот никогда не знал, снедала юношу день за днём, добавляя всё новые и новые дурные мысли. Выросши в интригах и скандалах, видя всю подноготную дворцовой жизни, мальчик впитывал в себя то, чем его усердно кормили окружающие.

– С этим диском ты никогда не будешь одинок. С тобой всегда будет он. – С этими словами Хет неспешно подошёл к принцу и резко, словно ударив кнутом по лошади, провёл мясистой рукой над головой юноши.

– Это зачем?

– Да так... Назойливая муха! – Усмехнулся старый священник, напустив туман притворства. – Ты, главное, всегда держи при себе священный диск! – Завершил Хет, и тотчас несколько лакеев, во главе с главной горничной Вази, вприпрыжку в зал, забирая грязные тарелки и заменяя приборы на новые.

– Его Величество сейчас прибудет!

Правитель Грейндфиля сидел на краю своего массивного царского ложе, подперев руками голову. Он облокотился на свои колени, откинув мысль далеко в раздумья. Вот уже которую ночь во сне его подстерегала одна и та же картина: вот он, подгоняемый нестерпимым желанием, жгучей прихотью заполучить какой-то неизвестный артефакт, стремглав мчится за ним через леса, через горы и сквозь бесконечные миры, встающие у него на пути. Он пользуется амулетом, чтобы перескочить из одной реальности в другую, бежит за бесчисленными фигурами и ускользающими силуэтами, которые вновь и вновь отталкивают заветный артефакт, а Иор, охваченный вожделением предмета, всё стремится его заполучить. В конце-концов, под завершение сновидения, каж-

дое утро самодержцу это удаётся, он овладевает заветным предметом, холит, лелеет его гладкие изгибы и искусно вырезанные выемки, – это именно то, что Иору и было нужно. Монарх не расстаётся с предметом ни на секунду, уходит в мир бесконечного удовольствия, знания и в беспмятстве откидывается на подушку. Однако последние мгновения этого видения каждое утро оканчиваются тем, что Иора со всех сторон окружают враги: его давние злопыхатели, ещё неизведанные противники из множественных миров, что он захватывает, убийцы, воры и Он, его вечный противник, соперничество с которым вот уже третью сотню лет разгорается с новой силой – коварный Зайн, не допускавший просчётов, уже готов нанести роковой удар. Иор просыпается в поту, задыхаясь, каждый раз ощущая, что смерть совсем близко, что его вот-вот сцапают эти вездесущие руки и пустые, наполненные изумрудным пламенем глаза, что смотрят прямо в душу, заглядывают в самые потаённые её уголки и выуживают, словно рыбу из крохотной речушки, всё самое болезненное и ранящее сердце и сознание.

Вот уже почти с час самодержец сидит на краешке своего ложе и таращится в точку на нефритовом полу. В голове мелькают образы его сына, силуэты Зайна, толп незнакомых людей, что так же являются во снах и эта иллюзорная сила, о которой он грезит во сне, будто всё ещё у него в руках, и он видит всё, знает всё, что было доступно ему мгновения назад.

В комнате стояла непроходимая тишина. Нефритовый цвет, который он так любил, сейчас из ночного, затухающего, засиял ярким и тёплым светом, знаменуя приход дня. Окон и дверей в здании не было, впрочем, как и во всём парящем замке, выстроенном из загадочного кристалла. Однако эта усыпальница, в которую удалялся монарх почти каждую ночь, являлась ничем иным, как обособленной хижинкой, вне самой воздушной цитадели, хоть и являлась маленькой его неприступной крепостью, куда не добрался бы ни единый живой организм и его дурные намерения. Комнатка одновременно и была и не была частью небесной нефритовой цитадели.

Самодержец неспешно приподнялся, почесал голову и подтянулся. Йор любил томно просыпаться посреди дня и приступать к делам, ведущимся до следующего утра, со свойственной аристократам ленностью. Медальон, который он никогда не снимал, болтался на смуглой шее монарха при каждом движении упитанного мужчины.

Монарх завершил утренние процедуры, оделся без помощи слуг и вновь присел на кровать. Едва он стал вновь впадать в былые думы, как тотчас уже пробудившееся сознание обрывало все связи с постелью, напоминая о том, что ему совершенно не нужна томная нега сладостного сна. Он резко встал, так как голод уже давал о себе знать, – аппетит у самодержца всегда был зверский – и поправил своё одеяние небесно-голубого цвета с иссиня-чёрными полосами,

начинающимися от его широких плеч и заканчивающимися на поясе, поддерживающем плотный живот. Через ромбическое отверстие в нефритовой стене Иор бодрым шагом последовал в образовавшуюся тотчас из стены дверь с пятью углами, что вела напрямую к обеденной комнате.

Сидящие за столом священник и Саеф услышали протяжный треск стекла – так раскрывались пятиугольные порталы в стенах парящей цитадели. Священник заметил, как Саеф невольно вздрогнул, карие глаза расширились и сам юноша застыл в трепетном ожидании. Но спустя всего миг, он вновь принял высокомерный вид и, как ни в чём не бывало, продолжил трапезничать. Непомерно большие порции, которые всегда раскладывала служанка, сейчас казались более чем уместными. Блистательный в своей улыбке статный монарх выскочил из нефритовой стены. Светящийся от счастья крепкий, среднего роста Иор вбежал в обеденный зал, бегло омыв руки из чаши, что держал слуга. С грохотом усевшись за длинный, богато убранный стол, монарх тотчас пододвинул к себе несколько нагруженных яствами подносов: то был крупный мужчина, с изящным станом, густыми бровями и пышными черными усами. Его смуглая кожа изящно контрастировала с этими сине-голубыми доспехами, что тот надевал по любому случаю, а искрящиеся чёрные глаза поражали своей живостью. Взгляд самодержца тотчас пал со всевозможных кушаний на коробочку, сделанную на старин-

ный лад.

Все поздоровались друг с другом.

– Сынок, не виделись ещё. – Он улыбнулся добродушной тёплой улыбкой – Что там, в этой шкатулке?

Юноша пододвинул мгновение назад некогда нежеланный для него подарок и исподлобья бросил кроткий взгляд. Иор поддержал ноту молчания, не желая беспокоить и без того расшатанные нервы его болезненного сына. Лишь изредка поглядывая на неизвестный ему предмет, но почувствовал зарождающееся любопытство.

– Могу я взглянуть?

– Нет. Я его оставлю, это дорогой моему сердцу предмет.

Иор вновь промолчал, и пауза возобновилась. Монарх, вяло принявшись за трапезу, всё поглядывал на вещицу.

– Сынок, – тот заговорил медленным, усталым тоном – ты ведь знаешь, что в нашем королевстве запрещены любые артефакты, не одобренные советом? Все предметы, не прошедшие проверку на безопасность – всё это подлежит тщательному изучению.

Внезапно для всех присутствующих и для самого Саефа, тот немного расхрабрился и выпалил на одном дыхании:

– Ты даже не удосужился назвать причину, по которой нам всем запрещено развлекаться. – И тотчас съёжился.

Исподлобья Саеф смотрел, как отец пододвигает к себе очередную тарелку с едой. Иор пробормотал что-то невнятное, затем добавил пару фраз на неизвестном языке и обра-

тился к Хету, вонзив в сочный окорок заточенную вилку.

– Ну что же, где наши генералы? Время традиционного совещания. – Заявил правитель громогласно, да так, что кристальные стены парящего замка, казалось, затряслись.

– Иор, вас не было так долго, ведь последний поход занял много времени... – Напускной жалостью наполнились слова священника той снисходительностью, с которой обычно просят в долг.

– Так уж и последний! – Засмеялся монарх.

Послышался гулкий стеклянный звук и Парсел, здоровый, сияющий, вбежал в зал, едва смочив руки. Схватив пару горячих булочек и уронив одну по пути, юноша взял в зубы кусок индейки, скрывшись тотчас в пятиугольной двери.

– Вот это мой мальчик! – Задорно проговорил Иор, провозжая старшего взглядом. – Боевой юнец!

Хет неловко усмехнулся:

– Уделите эти пару минут младшему сыну, пока зал не наполнился нескончаемым гулом министров-бездельников.

Иор перевёл взгляд на бесцельно тычащего вилкой по убегающему горошку Саефа и тотчас на шкатулку, но той на месте уже не было.

– А куда она... Ну, подевалась? – Буркнул монарх, как бы обращаясь к Хету. Саеф мгновенно воспрял, вздёрнув нос.

– Сынок, как, кстати, твоя учёба? И почему же ты не на занятиях в это время? – Иор оторвался от куска мяса и всем своим станом обратился к свету. Солнечный луч, что прохо-

дил сквозь стену, отражался от отцовских доспехов и бил в глаза.

– Я закончил пораньше.

– От чего это? – Широкие глаза распахнулись, обнажая простодушного мужа. – По расписанию, насколько я помню, занятия со зрителем Пеизы. Или разбор Галактических игр? Забыл.

– Я полечу на Меркурий после обеда.

Иор искоса бросил взгляд на руки сына и не обнаружил кольца, который велел тому надевать по случаю и без.

– Сынок.

Тот смекнул, о чём отец хочет заговорить и с безразличным видом произнёс, что артефакт находится в кармане и будет надет, как на то будет необходимость. На что Иор разразился целой тирадой о том, что предмет надлежит носить всегда, все зависимости, где бы королевич не находился.

– Ты меня понял, сынок? – Самодержец отрезал непомерно большой кусок индейки, но безразличный ко всему принц продолжил ковырять блюдо столь же безмолвно, как и ранее.

– А ты знаешь, – повернулся Иор к Хету – что триста двадцать пятый за нами!

– Да ну?

– Верно! Вчера ночью выдался самый сложный поход из всех, но это стоило бы любых затрат, и какую ни предложи цену, я бы заплатил, поскольку мир Смешанной Реальности, этот мир Лиарков, наконец, наш!

– Насколько я знаю, – начал Хет, испив из драгоценного кубка. – Лиарк больше нигде и не встретить, это очень большая редкость! Ода вороному владыке!

– Да, да, этот удивительный мир теперь наш! Главное, чтобы свою магию они никуда не умудрились спрятать. – Куриная ножка со свистом скрылась в бездонном рте. – А их, эта магия... – Самодержец стремился рассказать как можно больше о своей миссии по захвату других миров, что не особо беспокоился о правилах приличия: кости и капли жира летели во все стороны от бурной жестикуляции. – Они не называют её магией как таковой, но это то, чем они дышат, чем живут... Знаю, я повидал уже столько всего и не мне удивляться очередным творениям Темперидов, но эти создания могут нагнать жути. – Громогласный смех распространился по нефритовому залу.

– Бунты с двести десятого по двести тринадцатый усмирены? – Вставил с интересом Хет, отставив тарелку.

– Больше никаких бунтов! Заговорщиков мы нашли, обезглавили оппозицию, – теперь ничто не мешает нам владеть этими созданиями!

– Моё почтение. – Слегка поклонился священник. Его белоснежная сутана слегка засалилась у рукавов и покрылась желтоватыми пятнами. – Так, а что с теми гребцами, летающими крысами? Как их? – Священник забегал глазами, стараясь вспомнить название существ, с которыми Йор воевал около пяти лет. – Кронки!

– Верно! Упорные, что я не знаю. – Иор скрестил руки и положил на них голову. Задумчиво смотрел он на стоящего слугу, которому не повезло оказаться напротив монаха, так, что тому стало не по себе. Иор же, вновь только что пробудился, всё это время ковырял языком в зубах, и непозволительно громко для этого крохотного места, заголосил: – Пять лет я их починить пытался! Всё равно находили способ увильнуть! Даже самый мелкий из них хитёр как наш первый мудрец. Твари крылатые... – Усмехнулся Иор, закусив зубочистку. – Но теперь они у меня на службе.

– А эти взенты? – Хет всем станом обратился к монарху и теперь их разговор походил на болтовню двух старых друзей, что встретились за двумя стаканчиками пива. Разговор затянулся, болтали они долго и давно уже не обращали внимания на обстановку вокруг, на слуг и на Саефа, что уткнулся в тарелку, пространно слушая их диалог. Амулет завибрировал, отвлекая монарха от рассказа об очередном захваченном им мире. – На самом интересном месте! – Заявил Иор, и тотчас подскочил, заявляя, что засиделся и вскоре растворился за кристальной ширмой.

Несмотря на тонкость и кажущуюся хрупкость нефритовых перегородок, сломать их было практически невозможно. Юноша с силой схватил полную еды тарелку и что было мочи запустил в место, где находился Иор. Слезы навернулись на глазах мальчика. Стараясь скрыть от придворных накатывающие эмоции, Саеф нацепил лазуритовое кольцо,

некогда подаренное родителем и под звук бьющегося стекла испарился в пространстве.

Появление Иора было ожидаемым в смешанном измерении или по другому, в мире лиарков. Тамошние создания, именуемые землянами как зериффы, подобно каплям дождя, распластанным по каменистой поверхности, собирались в единый организм. В это время года стояла засушливая погода. Для человеческого организма температуры, сродни оним в жерле вулкана, были смертельны, потому монарх облачился с помощью амулета в одного из подобным аборигенам тел и воспарил над материей, противопоставляя себя целой расе.

Давлением отдавался местный аналог земного воздуха, что разливался равномерно по всему телу шарообразного создания. Оно двигалось куда-то в сторону, гонимое блёклым, желтоватым дымом, хорошо видневшимся на небе, окрашенном во все оттенки фиолетового. Существо, в которое обратился Иор, не дышало. Оно подрагивалось, проходя сквозь гущу желтоватой мглы, заставляя каждого одиночного аборигена менять форму в знак враждебности. Живя словно единый организм, зириффы беспрепятственно могли определить чужака, коснись он только пальцем тонкой ткани их мира. Каждый обитатель измерения смешанной реальности, являл собой одновременно и живое существо и кирпичик, из которого состоит этот самый мир. Тамошние элементы

ландшафта, подобие небосвода и специфическое окружение – всё это составляют собой живые организмы, сменяющие друг друга в зависимости от цикла крохотного десятиугольника, проходящего сквозь плоскую поверхность причудливой планеты-эллипсоида. Казалось, всего за несколько часов можно было преодолеть расстояние от одного края дискообразной земли, до другого, что был виден ещё издали, однако с каждым шагом Йор подмечал, как сероватая, мягкая гладь, что состояла из обитателей этого мира, устремлялась всё дальше и дальше, казалось, убегая от взора чужеземца. И даже время текло здесь несколько иначе, чем во Млечном Пути: казалось, здесь не было такого понятия, как минута, час или век, эти создания, что населяли мир смешанной реальности, жили без осознания скоротечности бытия, плывя по течению жизни, образуя свою собственную вселенную, со своими правилами и законами.

“Время” – Задумался монарх. – “Что же такое это время? Если же эти существа живут вне его власти, то может быть, есть способ наложить его парадигму и на нашу реальность” – Йор вновь осмотрел, казалось, пустующие окрестности.

Зирифф-иноземец вытянул возникшие из-ниоткуда конечности. По миру пробежал звук, издали напоминавший шипение. Одиночные жители сторонились чужеродного объекта и сливались с остальными, – подобный жест, выказанный Йором, не был известен зириффам и те восприняли его враждебно. Йор к тому моменту уже покорил мир сме-

шанной реальности, подчинив себе всех его обитателей и амулет не позволял этим созданиям нанести противнику какой-либо урон, поэтому самодержец, не колеблясь несколькими усилиями извивающегося туловища, разрубил громадную площадь смешанной земли, поднимая силой мысли её исполинские куски. Массивные части живого мира, состоящие целиком и полностью из его обитателей, отправлялись в разверзнувшийся, блестящий радужными переливами портал, ведущий напрямик на периферию Грейндфиля, куда властолюбивый самодержец перенаправлял беззащитных перед мощью могущественного артефакта созданий.

Возникнув в одной из отдалённых провинций царства, Иор потянул за собой сотни акров инородной материи, что испускала, напоминавший выдох звук, едва пересекала границу миров, – существа, представлявшие собой уже безжизненный материал, оказавшись во Млечном Пути, погибли, обратившись в металл. Сбросив груды лиарка, самодержец обернулся в своё прежнее обличие. Окинув задумчивым взглядом нефритовую цитадель, вороной владыка резким движением закрыл за собой портал и, прислонив к лицу цепкую, огрубелую ладонь, тотчас обратился в создание, мир которого однажды поработил: парящую эссенцию, чьи вытянутые отростки, служившие руками, лились из призрачного туловища, сродни остальным его конечностям – тонким и витиеватым. Не имевшее глаз или головы создание растворилось в воздухе.

Призрачная сущность перемещалась в молниеносно сменяющихся друг друга локациях океанов, королевств, горных массивов и облачных зон, что парами опадали на лицо мчащегося в пространстве духа. Достигнув в своих перемещениях сверхзвуковой скорости, все пейзажи слились для Иора воедино. Летя, словно стрела к цели, монарх, обернувшийся фантомом, боковым зрением заметил, как едва уловимый силуэт человеческого лица промелькнул в бурной веренице картинок и вскоре растворился. Всмотревшись в пространство, целиком состоявшее из мерцающих огней и расплывчатых картинок, самодержец скопировал сущность, в теле которой находился, на четыре части. Небольшие кусочки полупрозрачного создания, что парило в воздухе, стали обособляться от тела, образуясь в самостоятельные фигуры. Спустя несколько мгновений, бесформенные фигуры образовались в четыре призрачных силуэта, ничем не отличавшиеся от своего создателя. Самодержец направил фантомы в разные стороны.

Первый фантом преодолел обширное расстояние, пролетая, словно метеор, в пелене собственной магии. Существо появилось над Империей касслов, затем показалось в небе над горящей столицей орды ярридов и, молниеносно достигнув границ западного царства, оказалось в древнем государстве Торин. Едва Иор, в облики инородного существа, достиг фиолетовых торинских высоток, что были выполнены из фиолетового омлида, как на крохотном балкончике пока-

зался силуэт юного правителя, издали учуявшего приближение незнакомой магии. Сарп – аналог короны для великих волшебников – Нуара принял сейчас принял форму множества раздробленных пылинок, выдавая смятение венценосной особы.

Иор плавно лавировал мимо высотных сооружений, опускаясь ниже и вновь взмывая ввысь, разведывая обстановку. Он плыл по воздуху в облики существа, неведомого доселе ни одному землянину и привлек внимание множества торинцев, что вышли поглазеть на иноземца. Фантом пролетал вглубь царства, двигаясь к конечному пункту – Античной Цитадели, где некогда правила его союзница Каара. Он стремительно направлялся к массивному, величественному сооружению, и уж было достиг главной крепости – сердца Торина, как вдруг услышал оглушительный взрыв: огненный кинжал воспарил откуда-то с крыш домов, растворяясь на голубом небосводе, после чего, громяхая, разразился несколькими волнами пламени, под конец, образуя мифийскую букву С, или как её ещё называли – змеиную С, что призывало незнакомца немедленно остановиться. Воздушная охрана, состоявшая из небольшого отряда королевских магов патрулировала пространство над Торином, и сейчас, взяв неведомое существо в плотное кольцо, выставила стальные подобия посохов вперёд.

– У нас с вами общий противник. – Решительным голосом заявил фантом монарха. Его конечности всё так же развива-

лись и, то возникали из водянистого на вид тела, то вновь прятались в общую массу.

– Что-то сомневаюсь. – Из плотного круга воздушных волшебников, плавно возник глава отряда. Окружавшие Иора железные орудия тут же засветились ярким светом. – Говори, кто ты, иначе мало тебе не покажется.

Повисла тягучая пауза. Грузная тишина опустилась на юных гвардейцев, что невольно переглядывались друг с другом. Иор медленно поднял руки инопланетного существа и круг солдат резко расширился.

– Никаких фокусов! – Прокричал глава отряда. – Плавно спускайся! Я сказал спускайся! – Проговорил тот едва ли не по буквам.

Монарх сжал руку в подобие кулака и яркая вспышка, в сопровождении ультразвука, озарила собой округу. Оклимавшиеся от всплеска света солдаты убирали ладони от лица, стараясь сквозь яркие, слепящие лучи разглядеть противника. Однако один из воинов Торина, окруживших инородную сущность, не стал уворачиваться от слепящего удара. То был сам Иор, в нужный момент поменявшийся телами с одним из гвардейцев. Толпа военных молниеносно двинулась за улетающим существом, в теле которого был их товарищ, чья душа была перемещена в чужеземного фантома. Тот со скоростью света устремился за пределы планеты, гонимый бывшими сослуживцами по оружию, которые не могли углядеть перемены.

Розель, всё это время наблюдавшая за действием в небесах, вышла из-за спины юного короля, нарочито звонко хлопывая длиннопалыми ладонями.

– Так-так, не ожидали таких гостей. Признаться, я удивлена. – Казалось, бездонные чёрные глаза искрились от лицемерия своего главного врага, которого в другой день днём с огнём не сыщешь.

– О чём ты? – Возмутился король. Он оглядел своего верноподданного, что безмолвно повис в воздухе, пока все остальные гвардейцы умчались вдаль, в погоне за неизвестным существом.

– Знаменитая на весь мир Розель. – Ответная улыбка безбородого, молодого гвардейца заставила Нуара встрепенуться.

– Иор. – Поспешила ответить тёмная волшебница. – Не откажи же нам в столь простой просьбе отобедать с нами? Наши повара готовят просто отменное мифийское мясо.

Парящая в небе худощавая фигура плавно опустилась на балкон, на котором находились высокие лица Торина. Глаза Нуара округлились. Он медленно повернулся к Розель и едва открыл рот, как длинный палец разрезал воздух.

– Это фантом всемогущего царя... – Поспешила успокоить короля владыка тьмы.

– ... Фантом фантома. – Добавил солдат, проходя вглубь высокой башни. Звонкий железный нагрудник, с увесистым амулетом у сердца, напевал песню, в такт ходьбе своего хо-

зьяина. Нуар ошарашенно наблюдал, как Розель и Иор, в обличье стражника, мирно проходят внутрь цитадели.

Путь до обеденного зала, казалось, занял целую вечность: Нуар обескураженно шёл позади двух сравнившихся противников. Высшие чины Земли безмолвно пересекли тронный зал, алмазный коридор и королевское хранилище. Они завернули за хрустальный, овальный зал, с парящими по периметру кристаллами и неспешно вошли в просторную залу, с выстроенными в ряд слугами. Завидев издалека лакированный, массивный стол из светлого дуба, на мраморном, чёрно-белом полу, Иор, всё так же шедший со своим противником рука об руку, занял самое дальнее место. Севшая на противоположную сторону Розель сложила ладони и нагнулась всем станом вперёд, а подоспевший Нуар кротко занял место у входа.

Слуги шныряли взад и вперёд, пронося увесистые подносы с разнообразными явществами.

– Для кого же эти двадцать мест? – Поднёс Иор к глазу кристальную, гладко отшлифованную вилку с пятью зубцами. Он окинул томным взглядом обширную комнату, с рядами выстроенных колонн.

– Сегодня всё только для нас. – Розель жадно осмотрела юного владыку, что обескураженно застыл в дверях. Затем она взглянула тому за спину. – Встреча отменяется, передай остальным, что до завтра переговоров не будет. – Крикнула волшебница кому-то из слуг металлическим голосом, пере-

вода бездонные глаза на своего визави. Нуар же робко двинулся к столу.

– Фантом... фантома? – Начал робко король.

– Верно. – До боли знакомый голос вьелся в уши гвардейца, чьё тело было захвачено монархом. – Беспokoится о собственной безопасности. – Зайн чеканной походкой последовал к столу.

– И не безосновательно, я полагаю.

Несколько мгновений битва голубых и изумрудных глаз продолжалась в своем неистовом напряжении, пока нетерпеливый Владыка Судьбы не стукнул фарфоровой рукой по столу, от чего послышались едва уловимые звуки дрожащей посуды.

– Покажи свой истинный облик и мы решим всё в бою! – Слова, произнесённые с упором на одобрение его наставницы, врезались в уши молодого гвардейца, что без толики волнения, вальяжно закинул ногу за ногу.

– Сила амулета велика, это правда. Однако даже ему не под силу справиться с тремя Великими Силами, что находятся сейчас в этом замке. – Губы Иора изогнулись в кривой улыбке.

– Тремя? – Юношеское лицо исказилось донельзя.

“Сила Судьбы... Сила Души Матиса...” – Подумал про себя Нуар и невольно загнул два пальца, после чего перевёл обескураженный взгляд на наставницу. Розель так же не могла понять, о какой третьей силе была речь.

– Я, польщён. – Вновь начал Зайн. Казалось, ему был не так интересен Иор, как его амулет. – По какому же поводу столь редкий гость земного пространства, и столь желанный, прошу заметить, почтил нас своим присутствием?

– Признаться, несмотря на все наши разногласия... – Иор наколот тонкой вилкой аккуратно нарезанную клубничную дольку. – ... у нас с тобой есть общая проблема.

– Ты уже говорил с Хайлин? – Начал тот невозмутимо, присев за стол переговоров.

– Может, да, а может – нет. – Крохотный кусочек ягоды скрылся за розовыми щеками. – Созиум по-прежнему нейтрален в своей позиции? – Вызывающе произнёс Иор.

– Впрочем, как и всегда.

– Сонная болезнь всё ещё терзает Торин? – Испытующе бросил монарх, прекрасно понимая, что смысл этой реплики будет понятен только Зайну.

– Ты блефуешь. Ты не настолько глуп, чтобы рисковать своей безопасностью и безопасностью Грейндфиля, чтобы вступить с ним в союз.

Иор же расслабленно откинулся на спинку витиеватого кресла, откинув руку на высокое окаймление мебели.

– Так, я зачем пришёл... – Облизнул он губы в предвкушении. – Меркурий в это время особенно хорош, не правда ли? – Произнёс нарочито громко монарх, после чего наблюдал за тем, как Зайн на мгновение потерял контроль над своей мимикой, выдав бурное смятение.

– Будь осторожен в принятии решений.

– Было приятно повидаться. – Играючи бросил Иор, постепенно покидая тело молодого гвардейца, растворяясь в белёсой дымке.

– Что это значит? – Проговорил в полтона Нуар, однако его вопрос остался без ответа.

Оклемавшийся солдат обнаружил себя вальяжно раскинувшимся на королевском стуле, под пристальным взором трёх самых влиятельных людей Торина. Опешив от неожиданного пробуждения, военный медленно опустил руку на колено. Он нервно сглотнул, трясаясь от ужаса, словив на себе испепеляющий взгляд наставницы короля.

– Прочь! – Вскрикнула волшебница. Непонимающий военный несколько раз подскользнулся, прежде чем скрыться за массивными дверями комнаты.

– А что... – Начал тот робко. – Что там такого на Меркурии?

Зайн вновь проигнорировал вопрос и, вставая, лишь едва преклонил голову.

Параллельно с событиями в замке Торина, очередной фантом Иора материализовался около извилистой, тянущейся сероватой ленточкой горной породы, что глазурью распласталась до неба. Наслаждаясь красотами десятков удивительных каменных троп, ведущих свои истоки из облаков, монарх приземлился на одном из парящих островов Восточ-

ного королевства. Фагос иногда называли царством парящих лесов и спиралевидных горных массивов.

Самодержец оказался в четырехуровневом помещении, стены и башни которого были выполнены из сверкающего, отполированного белоснежного камня. Массивные колонны и стены, всё это в едином порыве парило над сотнями других таких же левитирующих клочков земли – то были княжеские ореолы, земли столицы, созданные некогда первым Воланом планеты Земля. Границ между ними не было, как и не было заборов: на то была воля царствующего рода Вестард. Главой рода являлась властная королева Фентелла, с которой фантом Иора и встретился в этот день. Вестарды правили Фагосом вот уже пятьсот лет, ведя противостояние клану Торнвальд в Саарсе и дому Шенсет, что правил Вирилизом. Пять государств: Фагос, Саарс, Вирилиз, Торин и Грейндфиль делили планету на зоны влияния не один век, составляя правящий круг планеты, представлявший Землю за её пределами.

Редко, когда одной семье удаётся удержать власть в своих руках столь долго, не будучи свергнутым или обращённым в подданство. Однако, как и у семьи Торнвальд в Саарсе, так и у клана Вестард в Фагосе был свой козырь в рукаве.

Именно таким козырем для Саарса стала аномалия, дававшая каждому, рождённому в семье Торнвальд две души; у правящей династии Фагоса Вестард, была своя уникальная способность – бессмертие. Ни один из членов семьи не мог погибнуть от руки врага или от болезни. Истории были из-

вестны случаи, когда отдельных представителей Вестардов казнили, тела резали на мелкие куски и сжигали, но и тогда скелеты древнего рода могли продолжать своё существование и, как это не парадоксально, видеть и говорить. Вирилизом правил дом Шенсет, передававший из поколения в поколение уникальные знания о лекарском деле. К несчастью, последний представитель дома по мужской линии пал при нападении команды Розель на переговорный саммит, где Гасель расправилась с видными деятелями первых государств мира. Шенсет, в отличие от семьи Вестард и Торнвальд, отправили на переговоры не подставных лиц, но подлинных членов своей династии, в виду чего, древний род прекратил своё существование в жестокой бойне.

Королева Фентелла встретила фантома Иора, который принял форму одного из солдат. Зал заседания представлял собой просторную залу, состоявшую из десятка колонн, расставленных кругом, которые поддерживали сферическую, прозрачную крышу. Всюду вокруг сооружения распростёрся пышный сад с огненными розами; пол же был отделан лакированной дальбергии, а само здание находилось на крохотном, парящем в облаках острове, близ главного замка семьи Вестард. Фентелла пригласила гостя присесть за один из двух высоких стульев; тотчас принесли воду в изящных бокалах, ножки которых обвивались вокруг рук обоих властелинов; принесли на пробу закуски. После одобрителного кивка Фентеллы, вынесли весь запас фруктов в центр вели-

чественной комнаты. Свежий воздух продувал помещение с разных сторон, разнося притягательный аромат цветущего сада.

– Здесь, признаться, потрясающе. – Проговорил замороженный Иор, сев против королевы.

– Не могу не согласиться, – улыбнулась Фентелла – вам подходит вода? Быть может желаете сок? Вино?

– Благодарю за тёплый приём.

– Опустим же формальности, мой друг. Полагаю, о новом владыке Торина пойдёт наш разговор?

– О владычице. Когда Фагос, Вирилиз и Саарс объединялись против Торина, ты ведь не ожидала такого исхода?

– Безусловно. Планировав сжечь своего врага до тла, я не предполагала, что тем самым, на пепелище от моего пламени родится новый, более могущественный противник.

– Розель встаёт на ноги. Насколько я знаю, эта волшебница ещё не достигла своего апогея.

– С твоей союзницей она расправилась. – Королева выдержала паузу. – Каара была хитра и продумывала каждый свой шаг, но тем не менее, оступилась.

Иор глубоко вздохнул.

– Все мы порой оступаемся и знать бы наперёд, где мы сделаем неверное движение. Но Каара знала всё. – Иор надкусил сочное яблоко и опёрся локтем о колено.

– Прошлой ночью от сонной болезни погибло более шестисот граждан Фагоса. По другим регионам статистика бо-

лее плачевная. Тебе что-то известно об этом?

– Увы, никакой информации. В Грейндфильд болезнь попасть не может. Я лишь знаю, что тот, от кого эта болезнь исходит, доставляет много хлопот Зайну.

– Опасный союз, в купе с Владыкой Души и Судьбы. – Фентелла так же была прекрасно осведомлена о давней вражде Мастера Зайна и Иора. – Однако, что может скреплять простую волшебницу тьмы и Мастера?

– Мстить мне. Каара просила меня о единственной услуге в этой войне, зная, что я редко вмешиваюсь в дела Землян: она лишь просила меня поставить сенситивный щит на Торин, когда Розель с новой командой была на подходе. Она это помнит.

– Довольно неплохой, если так подумать, союз. Опасный для тебя, для меня, но так же и для самого себя. – Проговорила Фентелла задумчиво, после чего неспешно проследовала к любимым цветам.

– Сейчас я отправляюсь в Созиум, договориться о хотя бы минимальном контроле этих бездельников над Землёй, затем в Саарс, просить их поддержки в случае агрессии Торина.

– Что же касается дома Вестард, – предвосхитила слова Иора Фентелла. – Мы ведём переговоры с Саарсом о военном и дипломатическом альянсе. – Королева провела пальцами по шипам. – После того, как Торин показал, на что способен, у нас нет иного выхода, кроме как объединиться. И я

очень рада, что в нашем союзе нашлось место для третьего участника.

В момент переговоров Иора и Фентеллы, третья сущность, в которую облачился правитель Грейндфиля, уже вела переговоры с волшебниками из загадочного круга, именуемого Созиумом. Союз двенадцати величайших магов со всей Галактики был образован после Третьей Войны Реальности, с целью охраны порядка во Млечном Пути.

В обличье призрачной эссенции Иор возник неподалёку от сияющего камня в центре сиреневатого помещения, выполненного в стиле пещеры из кристалловидной породы. Высокие потолки этого причудливого строения уходили ввысь, скрываясь в тени, сквозь которую не было видно ни зги.

Прикоснувшись к увесистому, светлому булыжнику, что леветировал посреди зала, Иор неосознанно выгнулся всем своим широким станом назад. Его глаза залились лиловой краской, кожа в мгновение затвердела, не давая шевелить телом, – сама оболочка инопланетного существа застыла во времени.

– Проявляй уважение всякий, кто вступает на территорию Созиума. – Громогласный голос заставил само пространство дрожать. Сколько бы ни сопротивлялся грозный монарх, не получилось у него сохранить тело фантома, – Иору пришлось вернуться в своё обличие.

– Вы осведомлены, по какой причине властитель Грейнд-филя скрывает своё местоположение.

– На территории Созиума нет отслеживающей магии. Здесь вас никто не тронет, владыка мифического царства.

– На войне, порой, действуют не по правилам. Добивают пленных, сжигают святыни и подкупают союзников... – Выдержал паузу Иор. – ... Причём последнее встречается чаще.

– Какая дерзость!

Из фиолетового пола тотчас возникла костлявая, трёхпалая рука, аккурат на месте, где находился самодержец. Впрочем, Иору это не доставило никаких хлопот, – монарх сумел легко увернуться от удара.

– Я здесь не для того, чтобы мериться силами. Происходящее сейчас на планете Земля грозит перерасти в конфликт галактического масштаба. Маг тьмы, что захватила Торин, укрывает у себя опасного преступника. И ваше бездействие грозит повторить всем нам известные события, именуемые Войнами Реальности. Скажите же мне, сумеете ли вы так же праздно распивать вино и нежиться в золоте, когда мир будет лежать в руинах?

– Громкое слово, да маленький рот. – Вещал громогласно всё тот же голос. – Быть может, нам всем стоит лишь плыть по течению? – Последнее, сказанное одним из великих магов Созиума смутило Иора, однако тот и не рассчитывал на помощь могущественного органа, который ни разу не проявил себя, начиная с момента создания.

Не проронив более ни слова, самодержец неспешно растворился в пространстве.

Очередной фантом Иора прибыл в Саарс, в крохотное царство, окружённое десятками княжеств, что составляли собой два западных континента. Саарс, хоть и уступал, по размерам, едва ли не каждому государству Земли, на практике являлся одним из самых влиятельных образований. Клан Торнвальд, царствовавший в Саарсе, держал в руках два, соединённых небольшой каменной тропинкой, континента, вот уже тысячу лет.

Просторное, круглое плато из огненно-красного пейнита, у основания которого восседал глава семьи Торнвальд, располагалось под открытым небом. За тронем отца клана располагалась стена, полукруглое основание которой увеличивалось, достигая пика над головой властелина континентов и, уменьшаясь, сходя по камушку вниз, по правую и левую сторону. Несколько пышных деревьев обвивали полусферу с разных сторон, создавая тень в солнечный день, и вырисовывая собой своеобразный купол, в который вела многоступенчатая лестница, уходившая далеко вниз.

Малая часть представителей семьи Торнвальд, коих было около тридцати, собрались вокруг мудрого старца, имя которому было Первый. Старейшина был одним из немногих, кто прожил свыше тысячи лет.

Иор приземлился у входа в причудливый замок.

– Приветствую тебя, Первый из рода Торнвальд! – Громогласно проговорил Иор, едва ступив ногами на каменистую дорожку, ведущую к цитадели.

– И я тебя, владыка Вороного Царства! – Высокий, худощавый мужчина, чьё тело всё ещё было крепко и помнило о подвигах молодости, почтительно поклонился и, получив ответный поклон, пригласил гостя присесть рядом с собой, за почётное место. За традиционным для Саарса напитком из настойки имбиря, важные гости сели друг против друга. Обсудив семейные дела, бытовые мелочи и раздав должную порцию комплиментов друг другу, обе стороны перешли к делу, из-за которого и была назначена встреча.

– Как же случилось так, что дом Шенсет, это древнейший земной род, что правил Вирилизом полторы тысячи лет, закончился так бесславно?

– Я всё гадал над тем, как же эти Шенсеты могли так сглотить? Отправили своего последнего представителя на этот саммит! – Негодовал Первый. – Принц был последним из их рода. Знал я его: энергичный был малый, авторитарен, не по годам, всё хотел контролировать. Вот и получилось, как получилось. – Первый обратился к небу. – Нынче Вирилиз лишь марионетка Торина. Более не будет наших славных игрищ.

– У нас ещё будут игры, основное отличие которых – повышенные ставки, ценой в наши жизни.

Первый повернулся к Иору всем станом, по-простому по-

ложив локти на колени.

– Кто эта выскочка? Чёрненькая, маленькая такая... А сколько делов натворила.

– Я выясню, кто она. Для меня по-прежнему является загадкой, как она достигла таких высот, не будучи волшебницей с именем. – Задумался монарх, но затем встрепенулся, словно ужаленный. – В любом случае, Зайн, на какое-то время выйдет из игры.

– Как тебе удалось? – Не скрывая удивления, выпалил Первый.

– Амулет – мой щит, а информация – меч.

– Но что же ты мог такого сказать такому волшебнику, как он?

– Что-то, что знаем только мы вдвоём из ныне живущих.

Первый, говоря с Иором, часто смотрел куда-то в пространство. Иор же, сведущий в феномене двоедушия, прекрасно понимал, что пока один Первый здесь, вторая его сущность сейчас так же была где-то за пределами замка. По слухам, Первый обладал даже не двумя, а тремя душами, что для некоторых казалось маловероятным и даже невозможным.

– Вы можете рассчитывать на нашу поддержку. – Кивнул Первый.

Оба короля скрепили союз, выпив по несколько порций имбирной настойки.

В единое целое сливались образы и силуэты людей, животных; картины природы и городских территорий; мистические реки и эссенции магии плыли со скоростью света перед глазами самодержца, что в инопланетном обличии направлялся в Грейндфиль. Внезапно сердце словно пронзило иглой. Монарха сковала ужасная тревога: связь с сыном, эта тонкая нить, ведшая к отроку от медальона к кольцу на пальце Саефа, в одночасье оборвалась.

Иор замешкался. Он подался вперёд, но тотчас застыл месте; двинулся назад и вновь застыл в страшных муках воображения.

“Сломалось кольцо? Его ограбили?” – Подумал тот про себя. – “Розель? Вряд ли. Судьба? Не так скоро.” – Он перебирал в голове сотни вариантов развития событий и пересчитывал миры, в которых можно отыскать сына, – безуспешно: монарх потерял связь с Саефом. – “Око за око, Зайн? Быть может, не стоило говорить про Меркурий? Глупо”

Тогда Иор сорвал с шеи блестящий артефакт и что было мочи сжал его в руке, концентрируя всю свою волю.

– Я найду тебя, чего бы мне это не стоило. – Перед глазами возникла физиономия давнего противника – Зайна. – И если это ты, Темпериды свидетели...

Саеф пришёл в себя, очутившись на людной площади. В глаза бросился гигантский слепящий, огненный шар, сжигавший кожу. Всюду суетились люди, где-то кричала женщи-

на. Каждый гул отдавался толчком в висках, орошённых сажей от земли, на которой оказался принц. Расставив перед собой руки, Саеф аккуратно приподнялся, поддерживаемый неравнодушными прохожими.

– С вами всё в порядке? – Отозвался голос у уха.

– Может воды?

– Нет, он похож на марсианина, ему нужна стезия⁷!

Когда юному королевичу прислонили влажные пальцы к щеке, тот с криком отстранился, высвобождаясь от помощников, пытавшихся сопроводить юношу на скамейку.

– Руки прочь! Животные! Да как вы смеете трогать наследного принца Грейндфиля, величайшего царства Земли!

Окружающие стали понемногу расступаться. По толпе прошёл гул негодования вперемешку с недоумевающими возгласами.

– Прочь, плебеи! – Принц отряхнул королевский плащ. – Это одеяние выполнено из викунии, которая не водится в вашем свинарнике! Я, наследный принц Грейндфиля, приказываю вам уйти! Прочь! – Визжал Саеф.

– Вытрите сначала дерьмо со штанины... – Саеф обернулся на мужчину, что тотчас издевательски поклонился. – ...ваше величество! – По толпе пробежал смешок, переросший в повсеместное ржание.

⁷ Стезия – порошок, по консистенции похожий на тальк. Маленьким марсианам втирают вещество в темечко, до достижения половой зрелости, для укрепления здоровья и придания сверх силы. Стезия оказывает омолаживающий эффект, регенерируя повреждённые клетки и успокаивая нервную систему.

Юноша ахнул. Не ожидая такой дерзости, он, не мешкаясь выставил смуглую руку на наглеца.

– Я тебе покажу, деревенщина! – Напрягая всё своё существо, принц ожидал выпустить в недоброжелателя магию, которая таилась в отцовском кольце. Однако, встряхнув ладонью несколько раз, Саеф ужаснулся.

Кто-то из присутствующих поднёс нетерпеливому юноше сверкающий предмет. Маленький мальчик, на вид лет пяти, под наставления стоящей позади него матушки, прибежал со сложенными ладошками. Смуглый малыш протянул худощавому Саефу разбитый на множество осколков драгоценный артефакт. Крохотные ручки неумело выбросили в расставленную руку недоумевающего принца осколки нефритового кольца. Мальчишка улыбнулся, ожидая похвалы. Саеф оторопел. Провожая обеспокоенную мать с ребёнком широко-ми глазами, королевич обездвижено что-то бубнил себе под нос.

Стояла невыносимая жара и люди стали понемногу расходиться, ворча и тихо посмеиваясь над чужеземцем, когда тот, совершенно внезапно во весь голос завопил.

– Как же. Как же это так! – Саеф тщетно пытался соединить расколотый собственноручно предмет. – Как я теперь вернусь домой? Нет! Стойте, стойте! – Прокричал юноша в толпу.

Кто-то из прохожих поправлял повозку, запряжённую диковинным существом.

– Что вы, ваше величество, ваш дом – везде, вы ж правитель!

– Это не смешно! Где я? Что это за мир? Это, это дарвик⁸? Толпа вновь взорвалась в диком хохоте.

– Вы куда направлялись, ваше величество? – Передразнивал женский голос?

– На Пеизу, у меня занятия по истории... Меркурия... – Шёпотом завершил Саеф.

Женщина помотала головой.

– Вы на Меркурии, посмотрите, как печёт Солнце. – Указала та простым жестом на огромный, раскалённый шар, что, казалось, вот-вот упадёт. – Никогда Солнца не видели?

– Но как же... Я же... Земля и...

– Земля, земля... – Бросил кто-то, махнув рукой. – Какие вы там все мягкие! Для вас, слышал, 30 градусов – уже смерти подобно. Готовьте филе, ваше величество, днем здесь до плюс 350. – Засмеялся мужчина, и его хохот подхватили остальные.

Саеф обездвижено тарачился в расходившихся меркурианцев. Пот уже струился по телу и попадал в глаза, а плотное королевское одеяние, в которое тот был облачён, предательски липло к телу. Этот парадный костюм, который королевич предпочитал носить за пределами Грейндфиля, сейчас его ужасно раздражал.

Среди сотен пар глаз, что уставились на чужеземца, среди

⁸ Дарвик – мир снов, куда перемещаются души, когда человек засыпает.

полчища безликих фигур, сновавших взад-вперёд по оживлённой площади, юноша обратил внимание на худенькую девочку, чьи широкие фиолетовые глаза без стеснения следили за каждым движением капризного незнакомца. Немного помедлив, она вспорхнула с места и парой лёгких движений настигла старавшегося отчаянно совладать со своим одеянием юношу.

– Возьми, это тебе нужнее. – Добродушно протянула она причудливую бутылочку с голубоватой жидкостью.

Нерешительным жестом Саеф потянулся к склянке, но что-то словно заставило его убрать руку. Состроив высокомерную мину, тот отодвинулся, однако вопреки его ожиданиям, девочка внезапно залилась звонким хохотом.

– Как тебя зовут?

– Тебя? – Возмутился Саеф. – Я наследный принц Г...

– ... Грейндфиля, величайшего царства земли. – Засмеялась она. – Я помню, а зовут-то тебя как?

– С-саеф. – нерешительно пролепетал принц. Покосившись на бутылочку, что держала его визави, он обеими руками схватил драгоценный предмет.

– Саеф? Необычное имя.

– А т-тебя?

– Меня зовут Силь. Я живу здесь, неподалёку. – Увидев, как Саеф жадно глотает влагу, девочка решила не смущать последнего. Она обернулась на вплотную приближенное к планете Солнце и указала на парящих в небе созданий, что

небольшой группой передвигались по небу. – Видишь? Их называют меркурианскими облаками. Если бы не эти создания, то никакой жизни на Меркурии, может, и не было вообще.

Саеф поперхнулся. Немного жидкости пролилось на роскошную, хоть и пыльную одежду и окропило оранжеватую поверхность планеты.

– Я могу помочь тебе с возвращением домой, если хочешь. – Проговорила Силь со всей серьёзностью. Её ярко-фиолетовые глаза украшали круглое, смуглое личико, а слегка прикрывавшие уши каштановые волосы сейчас были небрежно и в спешке уложены.

– Да, после того, как отцовское кольцо сломалось, мне лучше не рисковать, и как можно быстрее верну... – Замер принц. – ...ться. – Рот самопроизвольно открылся, а коричневое лицо исказила гримаса ужаса. – А ведь Грейндфиль скрыт под отцовским амулетом... Даже если я прилечу на Землю... Я...

– Оно не сломалось. – Укусила Силь взятое где-то яблоко.

– Что ты имеешь в виду?

– Я говорю, оно не сломалось, это ты его разбил.

Саеф оторопел. Он повернул голову на бок, выгнув густые брови наверх. Ему показалось, будто бы в уголке глаза маячит что-то чёрное.

– Когда ты только возник в воздушном пространстве Меркурия, мы с бабулей увидели яркую вспышку. Ты, был очень

зол тогда. И потом резко влетел в землю, как раз на то место, где стоишь. – Указала на небольшие трещинки в земле Силь. – Ты ещё что-то кричал, про отца, а потом схватил кинжал. – Указала Силь на разбредшуюся толпу. – И разрубил кольцо. Ох и собрал ты народу, гляди! – Девочка раскинула широко руки, указав на толпы меркурианцев, которые обычно не гуляют в это время на поверхности планеты

– Я не должен был этого делать. Я не помню, как это вышло... И теперь, если верить моему отцу, всему Грейндфилю грозит серьезная опасность.

– Ого. И против кого вы воюете?

Этот вопрос ввёл Саефа в ступор. Он озадаченно смотрел на новую знакомую.

– Это опасный вопрос? – Улыбнулась Силь. – Если не хочешь, можешь не отвечать!

– Я не знаю. – Простодушно ответил принц. И вновь задумался.

– Ты не знаешь, кто твой противник?

– Вот именно. Мой отец всю жизнь пугал меня тем, что если я сниму это кольцо, то случится непоправимое.

– Как видишь, у тебя по-прежнему две руки, два глаза и ты не лишился языка! Так что ничего не произошло!

– И то правда.

– Идём, я покажу тебе место, где ты можешь привести себя в порядок, пока отец не заберёт тебя обратно.

Девочка схватила принца за руку.

– Куда мы идём?

– Это называется Явхозет. – Хитро улыбнулась Силь.

Саеф тщетно пытался повторить неизвестное слово и стал вспоминать всё, что выучил в академии о Меркурии, – но ничего на ум не приходило, уж слишком много занятий юноша прогулял.

Сквозь множественные повороты, огибая рябые, тянущиеся из оранжеватой земли прямоугольные здания, ребята спешно двигались по опустевшим улочкам.

Тут и там небольшие сооружение окутывали загадочные голубоватые лианы. Перемещаясь от одного здания к другому, растения сплетались, взгромождались на собратьев и стремились дальше и дальше, к новым территориям, уходя мощными корнями вглубь планеты. Как и под землёй, как и на поверхности Меркурия лианы, опоясывающие собой всё пространство, давали яркий, приятный свет и одновременно с этим, освежающую прохладу. Саеф не мог оторвать глаз от кажущихся живыми растений.

Силь несла нового знакомого дальше. За плотно застроенным кварталом из глиняных сооружений, виднелась пышная поляна, откуда веяло сладковатым запахом. Диковинные землянину растения тут и там вили свои общины, где бесчисленное количество цветов и оттенков составляло пёстрое полотно.

Силь бегло рассказала о цветах и некоторых животных, продолжая движение к выделявшемуся издали треугольному

строению с серовой лестницей сбоку. Внутри их ожидал плотный мужчина в бордовом кожаном фартуке. Громадными, мохнатыми руками тот точил походящую на сиденье, деревянную утварь, занявшую весь периметр комнаты.

Силь пригласила запыхавшегося Саефа внутрь.

– Дядя Лесс!

– Силь, дорогуша! Давненько тебя не видел здесь, совсем не заходишь в гости!

– Прости, дядя, много учёбы! А ещё у меня есть гости!

Дядя Лесс искренне удивился юноше, облаченному в земное парадное одеяние, в такое чуждое для меркурианцев.

– Дядя, это Саеф, он...

– Меня зовут Иллион Саеф Первый, я... – Перебил девушку принц, но не сумел договорить: дядя Лесс опередил юношу, вскинув мощные руки за голову.

– Наследный принц чего-то там.... Я вспомнил, мне уже рассказали. – Отмахнулся мужчина, поспешив вернуться к работе. – Чудак.

– Дядюшка, ему нужна наша помощь!

– Нужна? – Лесс оглядел высокомерного юнца принца. –

Что-то не вижу.

– Как это? Смотри, в чем его одежда и как ему тяжело сейчас. Ведь для землян наши условия неприемлемы!

– Не вижу. – Мужчина демонстративно продолжил точить дерево.

Силь глубоко вздохнула и закатила глаза. Её тонкого го-

лоса совсем не было слышно за звуками, что издавал дядя Лесс. Она повернулась к принцу с напускной серостью и выдавила:

– Он хочет, чтобы ты попросил.

– Попросил? Я? Принц Грейндфиля?

– Да, ты принц Грейндфиля.

– Да кто он такой, чтобы я у него ещё что-то просил? Высохнет он быстрее со своим весом на Солнце, чем я что-то попрошу!

– Смотри, маникюр не замарай, неженка! – Крикнул тот.

– Да как ты смеешь!

Силь, с плохо скрываемой улыбкой повела Саефа за дверь, играючи пожутив Лесса указательным пальцем.

– Он очень вредный. – Заключила Силь взволнованно. Её глаза блестели и казалось, она получает удовольствие от подобных перепалок. – Ты лучше соглашайся со всем, что он говорит, он через пять минут всё забудет, а ты получишь, что тебе надо!

Взгляд Саефа потупился.

– У меня есть кое-что, что поможет!

Силь вновь потащила Саефа за собой.

– Идём, я покажу тебе одно место!

Саеф нерешительно протянул новой знакомой руку, – любопытство всё же взяло вверх. Будучи на Меркурии множество раз, принц, однако, никогда не выходил дальше обучающего центра – меркурианской Пеизы, куда Хет заставлял

его ходить каждый день. От того капризный юноша и не любил маленькую планету, что думал о ней как о тюрьме.

Силь круто обогнула дядину лачугу. На повороте, Саеф подскользнулся на полупрозрачной, вязкой субстанции, которую видела одна лишь Силь.

– Смотри. Это меркурианский лебедь. – Девочка села на корточки и закинула руку под едва видимое существо, – её ладонь, на месте, где лежало невидимое существо, приобрела голубоватый оттенок. – Видишь? Они почти невидимые, эти лебеди. Они массово умирают, когда приближаются монстры из Солнца.

– Что? Какие монстры?

– Когда они приближаются, наши лебеди падают с небес и умирают, разбиваясь насмерть. Папа говорит, это происходит из-за мощного давления, к которому меркурианские лебеди очень чувствительны. – Лицо девочки порозовело. Она понурила голову, продолжая держать мёртвое существо.

Саеф был в растерянности, так как не знал, как вести себя в подобной ситуации. Он впервые увидел плачущего человека и это совершенно сбilo его с толку. Силь ещё с несколько мгновений бездвижно держала погибшее создание, после чего привстала, вытирая щёки.

– Понимаешь... – Усмехнулась девочка сквозь застилавшую глаза влагу. – Не заслужили они такого.

– А что это за монстры с Солнца?

– Папа говорит, на Солнце спрятана аномалия. – Шмыг-

нула носом Силь и повернулась, вновь распахнув свои ярко-фиолетовые глаза. – Но я слышала, что само Солнце называют какой-то чрево... Черно...

– Червоточиной?

– Да! И что чудищ не остановить, они были и будут всегда. А места, где есть аномалии времени, порождают страшных чудищ, как наши. – Силь отнесла лебедей поближе к дому, чтобы на их тела никто не наступил, после чего, жестом повела Саефа за собой.

Небольшой подвал под домом дяди Лесса освещали голубые лианы.

– Вот, вот тут дядя прячет свои штучки.

– Какие ещё штучки?

– Не бойся, тебе станет легче. Хотя эта вещь всего-лишь эксперимент, но всё же.

Силь приложила безымянный палец к круглому отверстию в стене, – треугольная дверь, под стать зданию, раскрылась в разные стороны.

– Только меркурианцы так могут! – Не без гордости произнесла она. Глазам Саефа предстало продолговатое, слабо освещённое помещение, уходящее куда-то под землю.

Казалось, принц позабыл про жар и прочие неудобства. С беззаботностью ребёнка Саеф зашагал вглубь синеватой бездны, что разверзлась перед ним во всём своём обаянии. Юноша уверенно продвинулся вперёд и голубые лианы отозвались приятным, мерцающим светом, мигая то тут, то там

и оповещая сородичей о том, что пришли гости. Путь в мгновение озарило яркой, холодной вспышкой, что заморгала в приветственном жесте. Послышался всё нарастающий гул, затем двойной звон колокольчика, – где-то неподалёку находился шумный рынок.

Саеф бросил взгляд на светящуюся от счастья Силь. Волшебница прислонила ладонь к обвиваемой лианами стене, рядом с ладонью Саефа.

– Они говорят тебе “привет, незнакомец!”.

– Кто? Лианы?

– Да нет, какие лианы! – Захохотала звонко Силь и растения, опоясавшие комнату, засияли пуще прежнего. – Это стражники подземного пространства, они тут всё охраняют, и ты им нравишься.

Саеф искренне удивился. Одолеваемый собственной ненавистью к окружающим, ранимый холодностью, с которой к нему относится отец и, переносящий длань одиночества из детства, юноша шёл по жизни, томясь в собственных тёмных, снедающих мыслях, что подобно лавине, опадающей вниз, тянет за собой ещё более разрушительные силы. И сейчас, услышав слова Силь, он вздрогнул.

– Пойдём, я обещала показать тебе кое-что. – Силь обогнала нового друга, помахивая тонкой рукой из тьмы, освещаемой голубоватым светом, что становился всё ярче и ярче, точь-в-точь на поверхности.

Обогнув лишь один поворот, ребята застопорились у сте-

ны, сплошь покрытой лианами, что пульсировали, извивались и закрывали собой вход в нечто, что Силь очень хотела показать новому знакомому.

– Что это? – Горящие глаза принца задрожали.

– Увидишь! – Силь вновь коснулась живых растений, и те стали понемногу расступаться. Когда же маленький мизинец пал на голубые пути, то и вовсе, лианы ушли под землю, словно их никогда и не было.

– Это как личный сейф. – У каждого меркурианца есть свой уникальный след, который оставляет его душа, он передаётся на кончиках пальцев. Вот мы и защищаем наши вещи таким образом.

– Так это же лианы... Полоснуть разок ножом и от них ничего не останется.

– Не говори так. – Возмутилась Силь. – Это очень грубо. Не было бы их, не было бы и нас.

– Существует столько магии, которая... – Уж было начал спор Саеф, как прочёл на лице Силь лёгкое пренебрежение, она тяжело задышала и сощурилась в ответной тираде. Саеф замолчал.

Силь погладила лежащие на полу лианы, словно отпуская дурные мысли и неспешно приподнялась.

– Я ценю твои усилия и не злюсь. Для меня – Меркурий, это больше чем планета и больше чем дом. Не знаю, почему, но кажется, что я бы жизнь за него отдала, если бы моему дому что-то угрожало. – Закончила Силь вдумчиво и тотчас

словила на себе недоумённый взгляд.

– Каждая маленькая улочка, эта оранжевая земля, эти весёлые, добрые люди... – Силь помедлила, отклонив голову в сторону. – ... эти лианы. Я чувствую себя частью всего этого.

– Я понимаю. – Кротко произнёс Саеф, отчётливо осознавая, что лжёт, от чего уши его сильно покраснели.

Силь улыбнулась в своей прежней, широкой улыбке.

– Идём.

За последней преградой, что отделяла ребят от того заветного, что хотела показать Силь, скрывалась небольшая комната со множеством деревянных полочек, на которых виднелись бесчисленные склянки и ряды бытового инвентаря, а в самом центре, посреди шеренг вещей, росло крупное дерево. Растение больше напоминало раскрывшуюся ракушку, со всюду торчащими ветками; Силь предложила юноше пройти внутрь и Саеф недоверчиво согласился.

– А теперь садись и просто расслабься. – Силь указала принцу, как правильно ставить руки и ноги, куда откинуть голову, и о чём думать в момент процедуры, – всё это было очень важно. Саеф покорно выполнял всё, о чём говорила Силь.

И вот, спустя несколько мгновений, юношу полностью покрыло сиреневатыми ветвями. Изнутри, Саеф слышал, как возится Силь и что-то бубнит себе под нос.

– Ты точно уверена, что со мной будет всё хорошо?

– Трусишка! Сейчас я всё настрою и ты просто не захо-

чешь вылазить!

Саеф зажмурил глаза. Сердце бешено билось от страха перед чем-то новым, на что юноша никогда бы не решился в своей привычной жизни.

Послышался хлопок; кора дерева окончательно залилась тьмой и Саеф перестал видеть сквозь небольшую щёлку даже мелькающую тень Силь, что носилась туда-сюда, в попытках вспомнить ход процедуры.

Вскоре умолк и последний шум.

Саеф закрыл глаза и очутился в абсолютно чёрном пространстве. Глядев, как ему казалось, на руки, юноша видел одну лишь тьму. Мрак сам нёс принца в пространстве, достаточно было сделать небольшое усилие и податься вперёд. Спустя несколько мгновений безмолвного дрейфования в пустоте, Саеф бросил взгляд справа от себя, увидев движущиеся белые линии, что сложились в прямоугольник со всё тем же непроглядным мраком внутри.

Саеф приблизился к движущимся объектам, что не могли устоять на одном месте и постоянно ускользали от него. Настигнув, наконец, эти непостоянные линии, Саеф был ослеплён средоточием белого и синего света, который лишь спустя время сменился привычным глазу. И точно рой разъярённых шершней, юноша подвергся атаке льющегося потока жужжащих невидимых тварей. Гул умолк тотчас, как вдали показался исполинский силуэт, плывущий по воздуху: то была тварь, с которыми меркурианцы издревле боролись, то бы-

ло жуткое чудовище с Солнца. Оно плавно двигалось мимо принца, не обращая на юношу внимания. Саеф отвлёкся на голос, что звал его позади. Когда же он с трепетом обернулся, то тотчас был поглощён тварью с Солнца, оказавшись в иссиня-чёрной воде, где совершенно бессознательно двигал руками и ногами, пытаясь не утонуть. Саеф инстинктивно задержал дыхание, но как только понял, где находится, моментально устремился вверх, видя слабо прорезавшийся свет где-то наверху.

Юноша двигался к поверхности бездонного океана, в котором очутился минуту назад, как почувствовал, как жидкость, окутывающая его, стала нагреваться. Саеф тщетно пытался выплыть из водяной ловушки; его тело постепенно стало уставать от интенсивных взмахов руками и ногами, в то время как океан уже обернулся циклопическим кипящим котлом, в котором принц варился заживо.

Заветный солнечный свет на поверхности воды удалялся столь же стремительно, как возникали вокруг тёмные силуэты могучих тварей с Солнца. Саеф не успел опомниться, как в одно мгновение уже оказался на холодной каменистой земле, где жадно глотал воздух.

Отдышавшись, принц огляделся: вокруг было тихо, как в могиле и лишь скрипучие ветки деревьев, в непроглядной тьме подсказывали, где находился Саеф. Юноша вскочил на ноги, отскочив от притаившегося в кустах существа, что пялилось на него своими жёлтыми, сочащимися кровью глазами.

ми. В упор безликая тварь тарасилась на застывшего в ужасе Саефа. Едва ящерообразный монстр показался под лунным светом, как вновь могучая тьма накрыла собой всё пространство.

– Я вырежу тебе печень! – Отозвался откуда-то писклявый женский голос. Саеф оказался в абсолютно белом пространстве, в котором его тело парило, словно под воздействием магии. – Твоя сила станет нашей! – Заявила она с каким-то странным акцентом. – Женщина возникла перед глазами юноши; звонкая пощёчина отразилась на лице горящим следом. Саеф вновь испарился, зажав голову обеими руками.

Это было самое чистое и светлое место за всё небольшое путешествие. Он огляделся по сторонам и ожидал подвоха, – сейчас должно вылезти чудовище и всё вновь закончится, однако прошло уже несколько минут и Саеф, сидевший на зелёной траве, робко привстал, озираясь.

Воздух, вокруг пышущего яркостью и сочностью луга, обдавал сладостной прохладой, что игриво развивал волосы принца. С каждым мимолётным дуновением, дышать становилось всё легче и легче. Всё яснее становился день, залитый приятной теплотой и множество маленьких зверьков сейчас окружали вставшего во весь рост Саефа.

Принц вздохнул полной грудью, наконец, успокоившись. В этом месте было так хорошо, так спокойно и так умиротворённо, – от красочного мира веяло светом и приятным ощущением безопасности. На секунду, Саефу даже захоте-

лось скинуть с себя всю одежду, словно тянущую его вниз, к земле и окунуться в близлежащее коралловое море, что раз за разом накатывало волнами на манящий песчаный берег.

– Это будущее. – Внезапный тихий, мужской голос заставил принца подпрыгнуть месте. От испуга, у юноши заколол бок и глаза на мгновение глаза застилала чёрная пелена, что тотчас спала, когда тот обернулся.

– Кто ты? – Говорил Саеф дереву, возникшему пред ним; песчаный берег обратился бесконечной поляной из всевозможных ярких цветов.

– Ты врядли знаешь меня, хотя это и не важно.

– Ты от моего отца? Если да, то я не хотел... Так получилось!

– Не волнуйся, дитя, я не связан с правителем Грейндфилля, но знаю его.

– Кто же ты?

– Ты когда-нибудь откидывался на зелёную траву, поглощённый мечтами о великих свершениях? Смотрел ли ты когда-нибудь на проплывавшие по голубому небу облака и угадывал ли в них неясные силуэты? Гулял ли ты босиком по мягкой земле, овеваемый тёплым летним ветром? Или, отдавая всё своё существо водной стихии, плыл ли ты, окутываемый мягкой, сладостной жидкостью... – Голос из древа затих.

– Я всё ещё не понимаю...

– Всё это я. Я твой воздух, твоя вода, твоя земля и каждый

её обитатель. Я являюсь каждой твоей потаённой мыслью и каждым проступком, я твой ночной кошмар и первый луч Солнца, что от него избавляет. Я – это энергия, составляющая основу мира и частичка каждого, с кем ты когда-либо взаимодействовал.

Саеф оторопел, обездвижено таращась на древо. Быть может, всё это лишь сон? Скорее всего.

После непродолжительной паузы, голос произнёс:

– Я был одним из тех, кто создал всё, что ты когда-либо знал и видел.

– Ты Темперид? – Изумился юноша, впиваясь глазами в безмолвное древо. – А какой из них? Как твоё имя? – Живо интересовался Саеф.

– Моё имя Грасс.

Принц пробубнил что-то невнятное, явно разочарованный, так как не был сведущ в истории. Древо продолжило:

– Я могу рассказать тебе о вещах, которые столь близки к твоему сердцу, что доверять их кому-либо ты до сих пор не решался.

Саеф задрожал, отчаянно пытаясь обуздать тревогу.

– Здесь нас никто не услышит и никто не ранит тебя, дитя. Я знаю всё. Я могу рассказать тебе, кем была твоя мать. Но обещай мне, что никто не узнает о нашей встрече.

А по ту сторону чудесного прибора дяди Лесса, в руках у Силь горел синий огонь. Он искрился, бросался из стороны в сторону от одного пальца, к другому и чуть было не вышел

из-под контроля, захватив весь погреб. Совладав с волшебным пламенем, меркурианка поднесла к глазам юноши мерцающую стихию, что разогнала окутавшие юношу лианы, заставив принца пробудиться.

Глубокий, протяжный вдох оповестил Силь о том, что всё обошлось. Девочка бросилась на шею к вырванному из снов Саефу. Заливаясь слезами, она умоляла принца простить её. Пока юноша, едва осознавая, что произошло, приходил в себя и неспешно приподнимался, Силь бегала вокруг и помогала тому встать на ноги.

– Прости, прости меня! Я не знаю, что могло пойти не так!

– Н-ничего. – Глаза бегали по комнатке, а голова кружилась, подгоняемая бесчисленными мыслями.

– Правда, это не то, что я хотела тебе показать! Боже, что же это. Правда, дядя говорил, время не подчиняется никому. И поэтому он закрыл эту комнату. – Тараторила Силь и каждое слово эхом отдавало в голове Саефа. Он опёрся о стену и зажмурил глаза, пытаясь совладать с нарастающей тошнотой. – Моя семья купила этот дом очень давно, но только недавно мы нашли здесь подвал, а эта штука, – указала Силь на оставшееся позади сидение – она редко работала, но когда удавалось её включить, она показывала прошлое, в которое можно было путешествовать и делать там всё, что тебе захочется, пока твоё тело обновляется.

– Х-хорошо, хорошо. – Отмахнулся Саеф. Последние слова Темпериды не выходили у него из головы; юношу обуяла

злость на Силь за то, что та разбудила его и не дала древу раскрыть пред юношей тайну, волнующую его больше всего на свете. Однако, поразмыслив, Саеф вспомнил так же и о просьбе Темпериды никому не говорить об их встрече.

– Тебя могло ещё перенаправить на меркурианские небеса, чтобы ты адаптировался к нашей среде, а так же увидел то, что даётся не каждому, кто побывал на Меркурии. Что произошло, я понять не могу. – Вытерла текущий нос Силь. – Что ты видел там?

– Да ничего! Ты можешь замолчать хоть на минуту?! – Внезапный огрубелый голос заполнил собой крохотное помещение. Силь замерла, отпустив хромящего Саефа.

– Прости. – Опомнился принц. – Я не имел права кричать. – Схватился тот за рот, из которого тотчас потоком полилась густая, чёрная масса.

– Боже мой! – Завопила Силь, метаясь из стороны в сторону. – Что... что делать?!

Саеф боролся с бурным потоком, что извергался из него. Жидкость стекала по шее и подбородку, опадала на одержу и впивалась в землю, жадно всасываясь в неё, уходя куда-то вглубь; лианы тревожно замигали.

Саеф закрыл глаза от нестерпимой боли в желудке.

Остатки массы, что тот изрыгал ещё минуту спустя, исчезли так же быстро, сколь возник приступ и не осталось и следа от той черноты, что водопадом струилась изо рта юноши.

– Что... Что это было? – Силь продолжала вжиматься в

стену, тщательно избегая места, где была мерзкая жижа.

– Я... не... зна... – Саеф неожиданно рухнул на спину. Его длинная мантия, опадая, покрыла голову, словно копна листьев.

Силь в панике бросилась к бездыханному телу. Она срывала горло, зовя помощь, но за голыми, голубоватыми стенами, покрытыми живыми растениями, не было никого.

Спустя несколько минут, на зов откликнулись стражи, что возникли неподалёку. Их привлекла инородная масса, въевшаяся в планетарный грунт. Заприметив две залитые голубым светом фигуры, они бросились на помощь. Силь с благоговением приняла помощь от военных, что появились буквально из ниоткуда и помогли перенести юношу в валзар – меркурианскую больницу.

Треугольное строение, с парящими рядом миниатюрными его копиями, представляло собой вселенский центр по реабилитации, куда со всей Галактики стекались те, кому нужна помощь. Валзар был забит иноземными существами всех форм и расцветок, которые только можно придумать: от подходящих на тонкие струйки дыма, до приплюснутых, кривых, похожих на земные деньги созданий; от сверкающих парящих силуэтов, до сероватых карликов без глаз и рук, – все хотели получить порцию загадочного меркурианского Взора, цветка-панацеи, некогда созданного предком великого волшебника Дардара.

Силь, со своим небольшим ростом, сейчас едва пробира- лась сквозь толпы туристов и зевак, что возникали из от- крывающихся телепортов и вылазили из-под земли. Сколь- зя между ногами, перепрыгивая более меньших существ, де- вочка всё же настигла угловатый задний вход. Волшебница что-то шепнула стражнику и тот, улыбнувшись, отодвинул- ся.

Безсловная масса звуков, этот вездесущий гул, что запол- нял собой всё пространство вокруг, в одночасье утих, когда Силь оказалась внутри Валзара.

Из узеньких коридоров, разбитых на секторы, повеяло хо- лодом и запахом трав; бесчисленное количество комнат, в которых находились больные и раненые, содержали в себе по сияющему телепорту, через который персонал мог мгновен- но навещать пациентов; столики с фруктами и водой здесь были всюду, а вездесущий запах лаванды, казалось, пропит- ал стены и самих работников Валзара.

“Отлично... И где же его искать?”

– Ах вы ничтожества! – Знакомый срывающийся голос до- носился откуда-то из бесчисленного множества проходов.

Силь овладела улыбкой.

Девочка почему-то сразу поняла, куда нужно идти. Она двинулась прямо по серым коридорам, затем свернула к ин- вентарной и уже оттуда вновь прямо, к самой крупной ком- нате.

Саефа Силь застала сражающимся с двумя сотруднича-

ми в розоватых робах, что отчётливо пытались совладать с непокорным пациентом и, вопреки всему, что тот им кричал, пытались усадить его на стул, где планировалось произвести осмотр. Волшебница подкралась сзади и прислонила два пальца к затылкам работников, от чего тела рослых мужчины и женщины обмякли, те кое-как дошли до кровати и тотчас рухнули.

– Ты, ты их убила?

– Нет, глупый! – Вновь звонкий смех, который уже успел полюбить Саеф, заполонил собой всё вокруг. И даже быть замеченными им сейчас казалось мелочью. – всего-лишь усыпила!

– Меня хотели заключить здесь на год!

– Теперь с тобой всё будет хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Будто ничего и не было. – Задумался Саеф. – А ведь столько всего произошло.

– Что ты имеешь в виду? Ты отключился, сразу упав на стул. Я испугалась. Твоё тело растягивалось в разные стороны и исчезало каждые секунд пять, у тебя кожа меняла цвет!

Саеф молчал.

– В один момент у тебя пошла вода изо рта, а затем ты побледнел и я просто не знала, что делать!

– Не это был сюрприз? – Усмехнулся юноша.

– Дурак! Я испугалась! – Улыбнулась вновь Силь и её фиолетовые глаза вновь загорелись. – Пошли. У нас мало вре-

мени. И ты не поверишь... – Она прикусила губу.

– Дай угадаю! Ты хочешь мне что-то показать?

– В меркурианском диалекте Мифийского языка есть глагол, обозначающий слово, которого у вас нет. Это слово Raltomsh.

– Ральтомхь?

– Ну-у, почти. Я расскажу тебе по дороге, а то сейчас тут такую тревогу поднимут!

Силь вновь схватила Саефа за руку, как тогда, в первый раз, – оба метнулись по знакомому маршруту.

На выходе их ожидал всё тот же добродушный охранник. Мужчина беспрепятственно дал ребятам пройти, заверив, что ничего не видел, а если бы и видел, то ни за что не выдал бы их.

Дело близилось к ночи.

Меркурианский день, что длился немного дольше земного, подходил к концу. Ребята спустились с крутого склона и миновали глубокое ущелье, смотря на бурлящую жизнь внизу. Силь стремительно вела уже не нового, знакомого вдаль, прямо на гигантский раскалённый шар, что закатывался за горизонт. Меркурианка аккуратно расположилась на близлежащем камушке и похлопала по второму, что был рядом.

– Садись!

– Ральтомхь?

– Raltomsh! – Звонкий смех скрасил и без того чудную картину меркурианского заката.

Исполинский раскалённый круг, казалось, должен был выжечь всё, захватив крошечную планету в своё жерло, но вместо этого, заходя за горизонт, он дарил невероятные картины, которые могли конкурировать лишь с меркурианскими восходами, когда жара ещё не вступила в свои законные владения.

Высоко в небе, где-то на середине Солнца, плыли небольшим косяком округлые создания, выпуская что-то наподобие пара, который ровным слоем оседал на поверхности; яркие поля, усеянные множественными растениями, источали мягкий цветочный аромат, впитывая в себя живительный пар, а диковинные землянину зверушки, сновавшие тут и там, уже во всю вылазили из-под тени величественных, вековых деревьев, давая старт ночной жизни этой удивительной планеты.

Подул первый, за всё время пребывания Саефа на Меркурии, холодный ветерок. Он создавался другими летающими созданиями, что вот-вот выбрались из земли и уже замаячили массивными подобиями крыльев, возвышая многочисленные стаи куда-то в небеса.

– У тебя есть мечта? – Проговорила беззаботно Силь.

Саеф задумался. Ему совершенно не хотелось думать и говорить.

– Может быть.

– Может быть?

– Я не знаю, чего я хочу, я даже никогда не задумывался об

этом. – Он сидел, выставив руки назад. Переодетый работниками Валзара в мятно-бирюзовое одеяние с длинными рукавами юноша наслаждался возникшим из ниоткуда порывом холодного ветра, вперемешку с приятным теплом уходящего Солнца. – Я принц, у меня есть всё: деньги, власть, будущее. – Усмехнулся он. Но в его улыбке Силь уловила что-то, чего до этого не замечала. Она стала какой-то другой.

– А мне кажется, стать правителем – не предел.

Саеф искренне удивился и под смуглым подбородком показался второй.

– Родители говорят, что я забиваю голову всякой ерундой, но мне так не кажется. Вот ты. – Фиолетовые зрачки стукнулись о верхушку век. Силь взглянула на Саефа исподлобья. – Ты можешь просто прожить жизнь, управляя другими и думая о себе всякое, что не совсем правда. А можешь помогать людям, путешествовать, открыть секрет бессмертия, а ещё вернуться в прошлое, увидеть, как создавался мир и быть может... – Сжалась Силь в предвкушении. – ...как возникли Темпериды!

Саеф безмолвно наблюдал за медленно утопающим в земле Солнцем.

– Для всех, кого я знаю, даже моих родных, для них нет ничего, за пределами этого города. Но это предел. Они даже не стремятся попасть в другой город и увидеть, как живут их соседи!

– Хорошо, а какая мечта у тебя?

– Я хочу попасть на Солнце, выяснить, кто те чудовища, что на нас нападают и узнать, есть ли там жизнь в этом огненном шаре.

– Тебя же сожжёт, как только ты покинешь атмосферу Меркурия!

– Я хочу найти место, откуда вылазят чудовища.

– Чудовища с Солнца... – Прошептал Саеф.

– Ты о них тоже знаешь?

– Нам рассказывали на Пеизе, давно ещё. Но зачем тебе это?

– Спасти мою планету от уничтожения. Эти существа мучают меркурианцев уже сотни лет. Они угрожают жизни каждого жителя Меркурия, каждому животному и растению. Представь, что всё, что ты сейчас видишь, просто исчезнет... Я не могу этого даже вообразить!

Саеф задумался. Ему нечего было сказать. Мысли скакали в голове с одной на другую, но ничего путного он не мог сообразить.

– Мама говорит, даже великий Дардар не сумел с ними совладать, а я со своей силой и подавно. Но я верю, что можно найти какой-то способ! Не сидеть, сложа руки и ждать очередного нападения, а бить первым!

– А кто такой Дардар?

– Это Хозяин Души, ну, тот, кто владеет Силой Души. Он жил несколько веков назад. Погиб после Третьей Войны Реальности. – Силь оторвалась от Солнца. – Он создал здесь

всё, что ты видишь. Оберегал Меркурий, помогал людям и вообще придумал столько животных и растений, что... Здесь он считается героем.

Саеф задумчиво оглядел парящую крохотную, белёсую сферу где-то в небе.

– А как же ты собираешься победить тех существ?

– Я не знаю. Но мне кажется, всегда есть что-то, что может помочь. Вот всегда!

– Может быть.

– Ну, а если серьёзно, бабушка Эхманта рассказывала мне про книгу Темперидов. Будто один из них, Эзирис, заключил себя внутрь.

– Книга с Темперидом внутри?

– Да! Никто не знает, где она, но бабушка уверяет, что она есть, хотя её давно никто не видел. Бабуля говорит, что Эзирис, сейчас вспомню... Как же она сказала... – Силь задумалась, потёрла подбородок и выпалила: – Эзирис дарует Силу Пространства и Энергии тому, кто будет достоин материнской магии и окажется достаточно силён, что бы совладать с ней.

– Одна из Пяти Великих Сил. – Прошептал Саеф.

– Ага.

Ещё с минуту они молчали, глядя на уходящее Солнце.

– А почему, кстати, мы можем на него смотреть? Даже с Земли это опасно.

– Это целая история! За что я люблю свою планету, так

это за то, что здесь каждый человек, каждое животное и растение связаны и каждый приносит друг другу пользу и помогает. – Силь развернулась к осунувшемуся Саефу. – Вот мы, люди, распространяем саженцы гарвантуза, а они, вырастая, кормят маленьких тинтонов, которые дают жизнь тем, кого ты видишь на небе. А вот уже они распространяют газ, который охлаждает планету и, попадая на наши глаза, даёт им защиту от Солнца!

– Ты так много знаешь.

– Этому учат в школе. – Отмахнулась та и перевела взгляд на ухоженную ладонь Саефа с четырьмя кольцами. – А для чего так много?

– Я не знаю. – Отозвался юноша. – Три из них я нашёл в сокровищнице, а вот это – указал Саеф на изящный золотой предмет, с замысловатой резьбой – дал отец, как и то, что я разбил. Но я не знаю, для чего они.

– Тебе идёт. – Силь смутилась и отвернулась к Солнцу. Юноша заприметил, как неспешно поползла по камню тонкая рука. Её рука. Но Саефа будто бы что-то останавливало. Его охватила лёгкая тревога. Оба посмотрели друг на друга со страхом и надеждой. И если бы не мимолётный треск, они так бы и тарасились друг на друга в недоумении.

– Ты это слышала?

– Да. – Насупилась Силь.

Точно сверкающая молния – предвестник грома, противный треск стал всё нарастать. На половинчатой огненной ду-

ге показался чёрный силуэт.

Саеф вскочил на ноги и заслонил собой Силь, когда фигура, обросшая более чёткими деталями, в которых проглядывалась мужская фигура, устремилась на двух друзей. Голубые доспехи сверкали в своём грозном великолепии, а звон увесистой цепи на шее мужчины был слышен с земли. За мгновение то того, как Саеф перевёл глаза на недоумевающую Силь, самодержец уже настиг непокорного сына.

Яркая вспышка внезапно озарила округу; Силь судорожно огляделась: продолжая впиваться руками в камень, она металась глазами из стороны в сторону, пытаясь найти исчезнувшего друга, обнаружить какой-то след, зацепку, куда мог подеваться Саеф, – безуспешно. В небе всё так же плыли меркурианские облака, цветы безмятежно колыхались от вечернего ветра и лишь одна Силь, дрожа и спотыкаясь, побрела домой.

На другой день, после побуждения Дэстан уже знал, что будет делать дальше. Ранним утром, когда старики, что его приютили, отправились на рыбалку, он миновал спящую девочку, что уютно расположилась на небольшой кушетке, завернувшись в три одеяла. Бегло осмотрев хибару, в которой его приняли эти крестьяне, Дэстан, с минуту помедлив, схватил с подоконника пару сушёных рыбёшек, покрывало, ста-

рые башмаки рыбака, соломенную шляпу и стрелой выско-чил из домишки.

Беглец скрылся за рядами покосившихся домов, видя, как старики уже сворачивают снасти. Дэстан не испытывал угрызений совести от того, что обворовал этих доверчивых стариков или что ушёл, не поблагодарив, тех, кому обязан жизнью. Он испытывал лишь злость. От былых воспоминаний не осталось ничего, как не осталось в голове образов его семьи и того, что они пережили с Эваром в злосчастном лесу; в этом могучем теле уже взрослого мужчины, на вид лет двадцати пяти, не осталось ничего от того жизнерадостного, доброго и любопытного мальчишки. Всё, что двигало сейчас этим потерянным человеком, это гнев и неутолимая жажда мести. В голове отчётливо виднелся образ хрупкой, черно-волосой девушки, к которой беглец испытывал неопишемую ненависть.

Но для чего? Зачем ему мстить этой черноволосой волшебнице? И откуда он её знает? Этими вопросами Дэстан не задавался, продолжая идти дальше, вглубь городка, к которому его прибило волной. Откуда и куда тянулся его путь – он не знал, ноги двигали его крепкое тело, хотя и изрядно потрёпанное недоеданием и сильными переживаниями.

Приглушённый шум за углом одного из каменных домов, и последовавший затем протяжный женский крик, обратили на себя внимание апатичного Дэстана. Любопытство взяло верх и, жуя рыбу, вкуснее которой были разве что сочные

плоды из Леса Тишины, беглец заглянул в зловонный переулок. Женские стоны, вырывающиеся из полужакрытого грубой, рабочей рукой рта, разрастались пропорционально тому, как два рослых мужчины раздевали юную крестьянку. Та тщетно пыталась отбиваться тонкими ладонями, когда-либо держащими лишь спицы, да шерсть, тогда как могучие, крепкие, мускулистые лапы рабочих, с двух сторон скручивали тело той, кем хотели поживиться.

Дэстан наблюдал за чумазыми громилами, которых не отпугивал ни крик девушки, ни редкие удары по лицу, которые успевала наносить несчастная, ни даже сам беглец, который, продолжая жевать кусок рыбёшки, стоял всего в паре метров от чудовищного действия расправы над беззащитной крестьянкой.

– Что пялишься? – Бросил один из них.

Но Дэстан не ответил, он продолжал поедать сворованную провизию, безучастно наблюдая за тем, что будет дальше. Не стали настаивать и два преступника, творившие расправу. Бросив глухой вопрос и, убедившись, что незнакомец не представляет опасности, оба продолжили насилие над несчастной. Вскоре Дэстан, закончив с рыбой, резко развернулся и пошёл дальше с тем же безразличным ко всему видом. Пройдя ещё несколько домов, беглец услышал последний выкрик жертвы: протяжный, жалобный и, который, к слову, не пробудил в нём никаких чувств. Разве что желание отдать на растерзание тем негодьям женщину с чёрными во-

лосами, образ которой не вылезал из его головы.

Северный континент славился своими холодными зимами. И сейчас, когда ледяной, воющий ветер стал забираться под тонкую одежду беглеца, нужно было что-то срочно придумать, чтобы не замёрзнуть на улице.

Рваные башмаки окончательно стёрлись, пропуская колючую стихию. Дэстан укутался в подобие куртки, найденной на свалке, там же ему на глаза попались шерстяные штаны, которые он выкрал у жившего в небольшом шалаше бездомного, пока того не было на месте. Там же, беглец прихватил варежки, колотый нож и корку чёрствого хлеба, после чего, спешно ретировался вглубь города, чтобы найти себе место для ночлега среди узких улочек, состоявших из плотно стоящих друг к другу домов, которые на зиму хорошо топились.

Проходя по безлюдным улицам, Дэстан не думал ни о завтрашнем дне, ни о том, что будет есть сегодня, его так же не волновало, что о нём подумают те немногие крестьяне, которые встречались беглецу на пути. Они казались ему, бездомному, измученному улицей, настоящими королями этого мира, ведь у них было всё: семьи, дома, еда. Дэстан не гадал, что будет делать, когда ему представится возможность что-то заполучить, молодой мужчина полагался на свои инстинкты и на случай. Голова беглеца всецело была поглощена черноволосой женщиной, ради мести которой, он двигался дальше. Однажды, Дэстан словил себя на мысли, что, если бы не она, эта ненавистная ему незнакомка, то ему

не зачем было бы бороться.

Плотно замотанный в рваные тряпки, отвратный запах которых уже стал для него привычным, юноша расположился меж двумя стенами первых попавшихся домиков. Под окном одного из таких жилищ, Дэстан соорудил несколько стен, из найденных тут же деревяшек и поперх натянул рваную простыню.

“Что, если выйдет кто-то из хозяев домов? Вряд ли им понравится, что около них расположился бездомный”. Тогда Дэстан решил аккуратно заглянуть в одно из окошек. К удивлению для себя, беглец обнаружил пустующую комнату. Не медля ни минуты, он перелез через забор заднего двора бегло осмотрелся и, убедившись, что вокруг никого нет, выбил дверь несколькими ударами ногой.

В пустующем здании его ожидал целый пир: множество овощей, заботливо разложенных по мешкам; отваренная курица на тарелке, хлеб, целая бочка напитка и ещё много чего съестного. Юноша наскоро полакомился оставленной провизией, часть закинул в найденную сумку и занялся осмотром дома, на наличие ценных предметов, которые можно было бы обменять. Не обнаружив, однако, ничего ценного, Дэстан задержался, переодеваясь в новую одежду.

Обнеся крохотную лачугу, юноша вылез из окна.

На заборе, озираясь по сторонам, вжав голову в пернатое тело, сидела ворона. Сам не понимая, почему, беглец задержал взгляд на чудаковатом животном свой взор, упустив из

виду приближение бдительного соседа с оружием в руках.

От неожиданности, Дэстан побросал награбленное и стремглав помчался прочь. Мужчина с дубинкой позвал на помощь и вот уже спустя какое-то время, за беглецом гнались уже четверо вооружённых крестьян. Худощавые рабочие не могли сравниться в скорости с рослым молодым мужчиной, крепким, несмотря на уличную жизнь и выносливым, невзирая на своё положение.

Петляя дворами, кое-как вору удалось скрыться. Дэстан забежал за полуразрушенное строение, где планировал провести ночь. Убедившись, что за ним больше не гонятся, беглец прислонился к стене, пытаясь отдышаться. Неподальёку прогуливались парочки, проехал фиакр. Проводя бричку глазами, Дэстан заметил на противоположной стене такого же строения, которое шло под снос, небольшой клочок бумаги.

Подойдя ближе, юноша был ошарашен: на выцветшем флаере, под надписью: “Объединяйтесь против общего врага!”, было изображено лицо черноволосой волшебницы, а ещё ниже: “Вставай, Саарс! Записывайся добровольцем!” и адрес ближайшего пункта сборов для новобранцев.

Дэстан схватил листовку и, спустя почти час, добрался до указанного места. Массивное строение из голубого камня, призванное ослабить магию, служило военным штабом округа и вербовало агентов для предстоящей войны. Первый распорядился открыть подобные пункты всюду на двух кон-

тинентах.

Сжимая уже и без того помятую листовку в кулаке, беглец постучал в массивные ворота несколько раз, однако ответа не последовало. Морозный ветер предательски лез под кожу, ноги оковенели, и каждое прикосновение замёрзших рук к холодной древесине отдавало болью. Юноша постучал вновь, закричав, что было сил, однако и сейчас ему никто не ответил. Дэстан продолжал настойчиво проситься внутрь и стучал до тех пор, пока небольшое окошко над воротами не распахнулось: оттуда показалось суровое, морщинистое лицо военачальника штаба. Генерал вытащил руку с факелом наружу, вглядываясь в истощённое, чумазое, бородатое лицо бездомного. Военный долго всматривался в небесно-голубые глаза молодого мужчины, после чего, ко всеобщему удивлению, велел открыть врата.

– Впереди нас ждёт большая война. И сейчас нам нельзя разбрасываться людьми.

Главный враг Саарса, Грейндфиля и Фагоса и фактическая владыка Торина, сейчас обходила свои владения. Прошло несколько часов с тех пор, как волшебница покинула Античную Цитадель. Всё это время владыка тьмы продолжала безостановочно двигаться по улочкам Торина, встречая до боли знакомые картины из жизни в злосчастной деревеньке на Венере.

Розель преобразала свой внешний вид едва ли не каждые

пол часа, создавая из собственной магии тьмы роскошные, замысловатые наряды и множественные элементы украшений, эскизы которых видела в своей голове владела. В скромном, изношенном сарафане, который так же был воссоздан из стихии тьмы, Розель проходила мимо доживающих свой век, некогда процветающих кварталов. Ныне же – вокруг цитадели обитали лишь те, кому некуда идти: основная часть жителей бежала из столицы, ещё при разделе Торина тремя державами.

Привычные картины беспорядка и нищеты были для Розель обыденностью. Владыка тьмы не была истинной королевой и её не заботил собственный народ; волшебница не задумывалась о судьбе тех, кого поработила, бессознательно веря в нормальность окружавших её бедности, разрухи и необратимого разложения как самого общества, так и его морального облика.

Краем глаза Розель углядела, как серое пятно быстро семенил в её сторону. Резко выставив руку на незнакомца, волшебница выпустила струйку тени, захватив контроль над нарушителем спокойствия. Когда Розель, наконец, то увидела худенькую девчущку, на вид лет шести, держащей в руке раскрывшийся бутон эхеверии. Та бежала к владыке со всех ног, чтобы вручить только что сорванный цветок. Волшебница опешила, тотчас ослабив вожжи тьмы и бездвигательно смотрела на бесстрашную маленькую торинку, не побоявшуюся приблизиться к грозному правителю.

Её лицо было острым, без намёка на детские пухлые щёки; отчётливо выделялись ключицы, а ноги и руки представляли собой тонкие палочки, крепившиеся к обессиленному телу. В этой девочке Розель узнала себя.

Волшебница потянулась за прекрасной эхеверией, раскрывая, попутно, незамысловатый план родителей торинки. Дедушка девочки выдал себя, мелькнув из-за дверного проёма. Хитрый торинец послал свою внучку с расчётом, что владыка тьмы обратит на неё внимание и, быть может, их семье что-то да перепадёт.

Розель взяла цветок, так как тот был практически у неё в руках и, бегло поблагодарив девочку, молча отправилась дальше.

Долго Розель бродила по улицам Торина, размышляя о дальнейшем будущем:

Она убьёт Иора. Без сомнений расправится с ним и сравнит с землёй Грейндфиль. Убьёт монарха и Первого, королеву Фентеллу и всех, кто встанет у неё на пути. А что дальше?

Сбежать от назойливой дилеммы помогло появление в небе тусклого свечения. Античная цитадель была далеко, вокруг не было ни души, а напоминавший светлячка огонёк всё горел в воздухе, словно звезда.

Когда же владыка тьмы подошла ближе, пламенеющая сфера начала планомерно спускаться на землю, постепенно приобретая человеческую форму. После исчезновения загадочного предмета, инкогнито оказался покрыт тьмой.

– Владыка Торина, приветствую тебя.

– И я тебя, незнакомец. – Не без опасения процедила волшебница.

– Я хочу быть уверен, что наша встреча останется анонимной и ни одна живая душа не узнает о моём приходе.

– Будет зависеть от того, что я услышу.

Незнакомец приблизился на несколько шагов так, чтобы Розель смогла различить белую сутану и щедро усыпанный драгоценными камнями посох в пухлой руке.

Когда неизвестный подошёл ещё ближе, в глаза бросились лисьи глазки священника.

– Я бы хотел поговорить о совместном будущем Торина и Грейндфиля.